

В ОГНЕ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
БОЕВ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЕВ

Редакционная коллегия: *Ф. Н. Петров* (главн. ред.), *Н. В. Рубан* (зам. главн. ред.), *М. А. Бобков*, *В. П. Виноградов*,
А. С. Гундоров, *И. Я. Златкин*, *Е. Р. Левитас*, *М. В. Росляков*,
О. А. Стецкая, *М. Ф. Фофанова*

Отв. составители *Е. Р. Левитас* и *О. А. Стецкая*

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЕВ

(Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.)

**Сборник воспоминаний старых большевиков-
питерцев**

Издательство «Мысль» Москва • 1971

ЗКП1-6
В 11

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

~~1-6-4~~
134-71

Штаб Октября.

С картины художника С. П. Ласточкина

Предисловие

Воспитание нашего народа, в особенности молодежи, на героических, революционных и трудовых подвигах рабочего класса и его передового отряда — Коммунистической партии Советского Союза, несомненно, должно сыграть большую роль в формировании человека будущего коммунистического общества, в борьбе за победу коммунизма.

Одним из важных источников, помогающих воспитательной работе, являются воспоминания активных участников борьбы за победу Великого Октября. Как известно, В. И. Ленин придавал большое значение воспоминаниям участников революционной борьбы. Он говорил о том, что брошюра воспоминаний о революционном прошлом «будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему»¹.

Издательство «Мысль» в 1967 г. выпустило сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев под названием «В огне революционных боев». В 1971 г. это же издательство выпускает второй сборник под тем же названием, который фактически является продолжением сборника, выпущенного в 1967 г., или второй его частью².

Приступая к сбору и публикации воспоминаний в данных сборниках, редколлегия, составительский и авторский коллективы поставили перед собой задачу представить читателю правдивый и систематизированный материал о событиях, фактах и людях, непосредственно участвовавших

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 83.

² Для краткости в дальнейшем сборник, выпущенный в 1967 г., будет именоваться первой частью, сборник, выпускаемый в 1971 г., — второй частью.

в большевистском подполье (в основном с 1914 г.), двух революциях 1917 г., первом периоде становления Советской власти.

Сборник (первая часть) открывается воспоминанием члена Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б), А. А. Андреева, которое широко освещает разностороннюю деятельность Петербургского комитета и всей Петроградской партийной организации как в подполье, так и в 1917 г.¹

Воспоминания остальных участников охватывают 11 территориальных районов Петрограда².

В каждом районе первым идет воспоминание секретаря или члена райкома о жизни и деятельности партийных, советских, военных и других организаций на протяжении двух революций 1917 г. К обобщающим районным материалам относятся воспоминания В. П. Виноградова, А. С. Гундорова, А. Н. Жельвис, А. М. Иткиной, Е. К. Кокшаровой, Д. Н. Кондакова, Е. Р. Левитас, Б. Н. Нимвицкого, Б. А. Ратнер, Н. Ф. Свешникова, М. И. Тылочкина в первой части и В. Т. Крупского, Д. М. Овчарова во второй части. Кроме указанных воспоминаний в каждом из районов публикуются воспоминания по отдельным вопросам, интересным и важным в особенности для данного района. Например, о профессиональном движении и деятельности фабрично-заводских комитетов: С. С. Гончарская — в первой части, А. А. Бабицын, А. И. Балагуров, П. И. Зубков — во второй части. О культурно-массовой работе: О. А. Стецкая — в первой части, Б. И. Иванов — во второй части. Особое место в сборнике занимают воспоминания о руководящей, направляющей работе В. И. Ленина, ярко отраженной в воспоминаниях М. В. Фофановой и В. Ф. Алексеевой во второй части сборника. Об организации и деятельности Союза молодежи подробно рассказывают в первой части А. И. Афанасьев, П. А. Лурье и Г. Ф. Петров, во второй части — М. П. Александров, А. Л. Александрова и др. Представляют большой интерес воспоминания П. Ф. Зинченко-Островской и Н. П. Богданова о новой форме работы нашей партии в деревне через так называемые землячества, публикуемые во второй части сборника.

Очень живо и просто доносят до нас в своих воспоминаниях А. С. Гундоров, В. Т. Крупский и Д. М. Овчаров незабываемую агитационную работу нашей партии в так называемых кучках, когда аудиториями служили улицы и площади Петрограда, на которых день и ночь рабоче-

¹ Находясь на нелегальном положении и подвергаясь постоянным преследованиям царских властей, Петербургский комитет не избирался, а составлялся из представителей районов, поэтому состав его не был постоянным.

² В сборнике за основу были приняты те районы, которые числились в списке Петербургского комитета РСДРП(б) в 1917 г. Таких районов числилось 20: 14 территориальных (Василеостровский, Выборгский, 1-й Городской, 2-й Городской, Колпинский, Московско-Заставский, Нарвско-Петергофский, Невский (Обуховский), Охтинский, Петроградский, Пороховской, Рождественский, Сестрорецкий, Шлиссельбургский), 5 национальных (Латышский, Литовский, Польский, Финский, Эстонский) и военная организация.

большевики разъясняли народу политику и лозунги нашей партии по всем наболевшим вопросам. Они также, как правило, вскрывали обман оппортунистических партий меньшевиков и эсеров. Эти маленькие «кучки» превращались в огромные массы народа, жадно приобщавшегося к политической жизни страны.

Как в первой, так и во второй части сборника рассказывается о многочисленной армии рядовых деятелей партии, о которых очень мало написано, но которые шли в первых шеренгах борцов за победу Октября.

Следует отметить, что к обеим частям сборника даются приложения. Сюда входят: краткие биографические сведения об авторах (составлены Левитас Е. Р.) — помещены в первой и второй частях; именной указатель (составлен Галадж Н. С.); указатель предприятий, учреждений и организаций и указатель важнейших объектов, связанных с революционным движением в Петрограде (составлены Веселой Г. А.); карта-схема «План административного деления Петрограда в 1917 г.» (составлен Галадж С. К. и Левитас Е. Р.) — помещены во второй части сборника.

При оформлении карты-схемы были использованы материалы, подготовленные О. А. Стецкой (Выборгский район), В. М. Гилисом (Нарвско-Петергофский), Б. В. Земским (Василеостровский), А. С. Гундоровым (Невский (Обуховский)), Н. С. Галадж (Петроградский), Д. М. Овчаровым (Московско-Заставский), Е. Р. Левитас (Первый Городской), Л. Р. Штраух-Шаблиевский (Второй Городской), Е. К. Кокшаровой (Рождественский район). На карту-схему нанесены только те районы, которые географически находились на территории самого Петрограда, поэтому сюда не вошли Кронштадт, Колпино и Сестрорецк.

Почти все воспоминания, за очень небольшим исключением, публикуются впервые.

В нашем сборнике сделаны два отступления от установленных нами принципов издания: воспоминания Н. И. ИONOва «Рабочая газета «Правда»» вместо установленного хронологического рубежа 1914 г. начинаются с 1912 г.; воспоминания А. А. Андреева и А. А. Палкина «Память сердца» посвящены Н. А. Кубяку, их соратнику по работе в Сестрорецкой партийной организации.

Вынося на суд читателей сборник «В огне революционных боев», являющийся результатом многолетнего труда большого коллектива старых большевиков-питерцев, редколлегия, авторский и составительский коллективы приложили много усилий для того, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу: внести посильный вклад в нашу историческую литературу, рассказать о незабываемом октябре 1917 года, который дал возможность построить сегодня уже могущественнейшее государство — СССР.

Первыми «каменщиками» его были рабочие, солдаты, матросы и трудящиеся города Ленина, бывшего Петрограда.

Читатель скажет, удалось ли нам выполнить эту задачу.

При работе над этим сборником нам помогали многие партийные, историко-партийные учреждения и отдельные товарищи из Москвы и Ленинграда.

С большой благодарностью редколлегия отмечает помощь коллектива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и лично академиков П. Н. Поспелова, П. Н. Федосеева, заместителей директора института Д. М. Кукина и Г. Д. Обичкина, старшего научного сотрудника А. М. Савокина; Ленинградского филиала ИМЛ — Института истории партии Ленинградского обкома КПСС и лично заместителя директора института по научной части В. Е. Муштукова, старшего научного сотрудника института Е. А. Султанову; коллектив Государственного исторического музея, покойного директора музея А. С. Карпову и научного сотрудника музея А. М. Шор; коллектив Ленинградского музея Великой Октябрьской социалистической революции, его директора Л. А. Дубинина и заведующую отделом фондов А. А. Богданову; Музей Революции СССР и его директора А. И. Толстихину.

Редколлегия благодарит литературных редакторов ряда воспоминаний Н. С. Галадж и Г. И. Гребенникова, а также М. М. Кацапову, В. Н. Лебедеву за повседневную техническую работу над сборником. Особую признательность редколлегия выражает С. К. Галаджу за большую помощь в процессе работы над сборником по подбору и оформлению иллюстраций для обеих частей сборника.

Редколлегия считает своим первоочередным долгом отметить большую роль при создании данного сборника, которую сыграл Б. И. Иванов, член КПСС с 1906 г., Герой Социалистического Труда, бывший председатель Ленинградской секции старых большевиков, возглавлявший ее много лет вплоть до своей кончины. Если сборник «В огне революционных боев» полезный и интересный исторический труд, то этим авторы, составители и редколлегия в немалой степени обязаны Борису Ивановичу Иванову.

В Ы Б О Р Г С К И Й Р А Й О Н

М. В. Фофанова. В. И. Ленин на Выборгской стороне в 1917 г. (памятные места)¹

Нет в Ленинграде района, в котором не было бы памятных мест, связанных с именем В. И. Ленина. Прежде всего это рабочие районы, и в их числе — Выборгская сторона. Здесь располагалось огромное количество предприятий города, главным образом металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. В районе выявлено 26 ленинских мест, из них 9 относятся к дореволюционному периоду жизни В. И. Ленина. С начала 90-х годов прошлого века здесь В. И. Ленин руководил марксистскими рабочими кружками, проводил совещания с товарищами по работе, здесь в квартире С. И. Радченко (Симбирская ул., д. 12/4) в 1895 г. произошло важное историческое событие: на совещании, руководимом В. И. Лениным, была окончательно оформлена социал-демократическая организация — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

На публикуемых нами снимках воспроизведены те места на Выборгской стороне — их всего 17, которые связаны с двумя периодами жизни и деятельности В. И. Ленина в Петрограде в 1917 г.: до июльских событий, когда Владимир Ильич жил и работал в легальных условиях, когда он после многих лет борьбы с самодержавием и эмиграции получил возможность выступать открыто в рабочих районах, в том числе и на Выборгской стороне, и от июльских дней до Октября, когда он был вынужден вести свою огромную деятельность по подготовке вооруженного восстания в нелегальных условиях.

¹ Сведения о ряде памятных мест на Выборгской стороне имеются в книге В. Муштукова и П. Никитина «Здесь жил и работал Ленин». Л., 1965, стр. 464; Л., 1967, стр. 371.

* *
*

3 апреля 1917 г. в революционный Петроград возвращалась из Швейцарии первая группа политических эмигрантов, среди которых была группа большевиков во главе с В. И. Лениным.

Только утром 3 апреля узнали руководители Петербургской организации большевиков о дне и времени прибытия поезда, в котором возвращался В. И. Ленин. Очень быстро, несмотря на праздничный день, когда предприятия не работали, районные партийные комитеты сумели информировать рабочие массы о приезде Владимира Ильича.

В этот день Выборгским районным комитетом¹ было назначено районное собрание большевиков. При открытии собрания, часов в двенадцать дня, партийный организатор района М. И. Лацис (Дядя) зачитал посланную в адрес М. И. Ульяновой и А. И. Елизаровой телеграмму от Ленина, из которой участники собрания узнали о приезде Ленина, и тут же обсудили, как лучше встретить его. Были мобилизованы все силы для того, чтобы оповестить рабочих района о предстоящем событии. Со знаменами и плакатами рабочие Выборгской стороны, как и рабочие других районов города, направились к площади Финляндского вокзала.

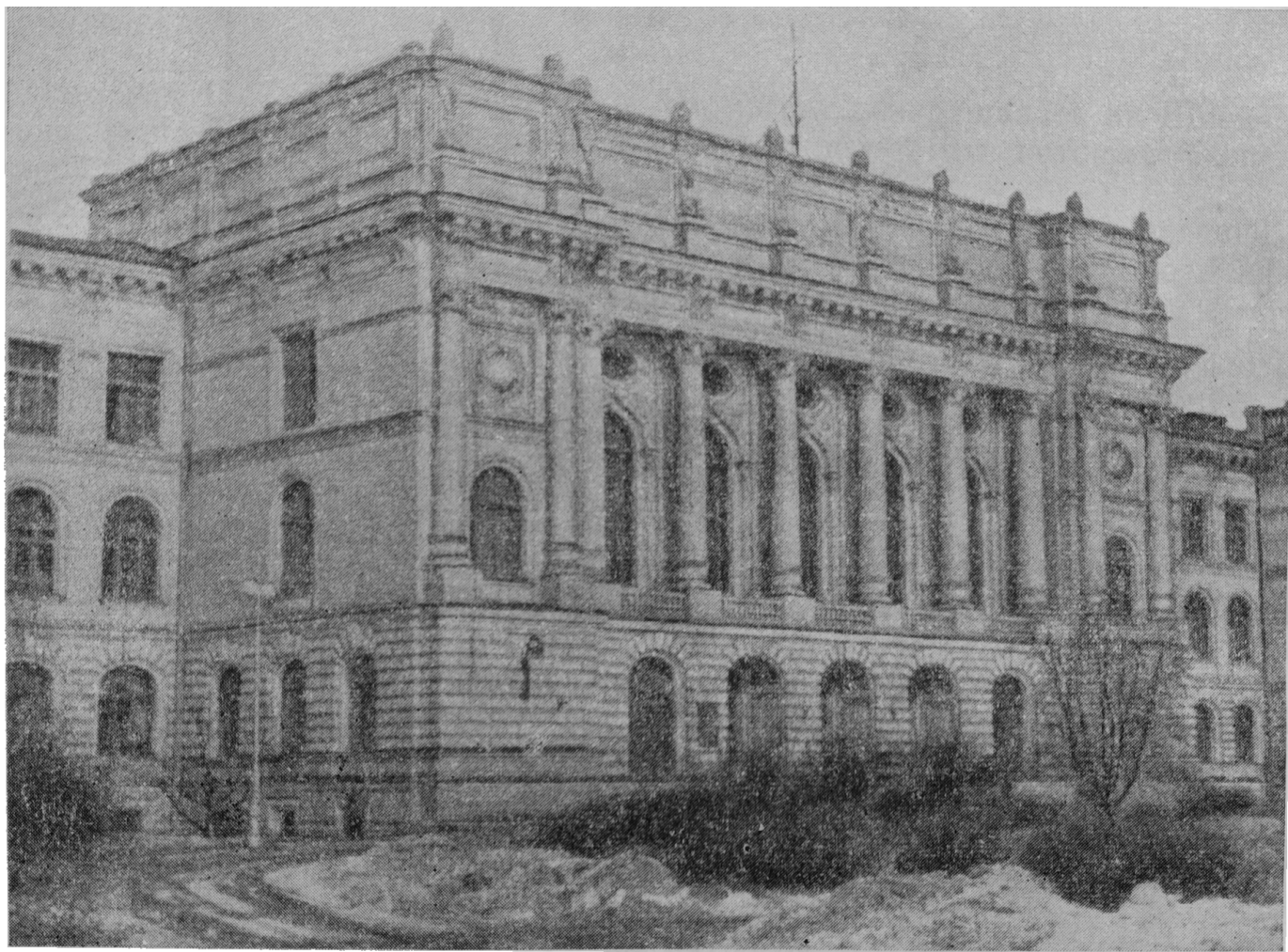
Вечером, задолго до прибытия поезда, на площади и в прилегающих улицах собралось много народу: сюда пришли не только рабочие, но и войсковые части — огромное количество солдат и матросов.

Поезд прибыл с опозданием и в 23 час. 10 мин. подошел к перрону. Здесь Владимира Ильича встретили родные, друзья, товарищи. На перроне был выстроен почетный караул из матросов, член Выборгского районного комитета большевиков И. Д. Чугурин вручил Ленину партийный билет. Затем товарищи повели Владимира Ильича в помещение вокзала, где находились официальные представители Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председатель Совета Чхеидзе обратился к Ленину с напыщенной речью. Владимир Ильич в ответ произнес несколько слов, повернулся к находившимся здесь же рабочим и после короткой речи подхваченный ими на руки был вынесен на площадь, заполненную приветствовавшим Ленина народом. Владимир Ильич увидел радостные лица, море красных знамен, лозунгов и плакатов. Поднявшись на броневик, он произнес краткую речь, закончив ее ставшим все-

¹ Районные комитеты РСДРП(б) в то время избирались каждые три месяца. Структура в райкомах была неодинаковой: в одних районах во главе были председатель и секретарь райкома, в других — ответственные организаторы райкома, в третьих — ответственный секретарь — организатор райкома. В отдельных случаях были товарищи, исполняющие обязанности секретаря райкома, причем иногда они даже не были членами райкома; не было тогда единого партийного билета; члены партии становились на учет иногда по месту жительства, а иногда по месту работы. В то время партийные организации на местах (на предприятиях, в воинских частях, в студенческих организациях и учреждениях) пазывались партийными коллективами (Прим. ред.).

Финляндский вокзал. Сюда В. И. Ленин прибыл из эмиграции 3 апреля 1917 г.
 Подъезд Финляндского вокзала, из которого 3 апреля 1917 г.
 вышел В. И. Ленин
 Памятник В. И. Ленину на площади у Финляндского вокзала

Политехнический институт. 17 мая 1917 г.
здесь выступал В. И. Ленин

мирно известным пламенным призывом: «Да здравствует социалистическая революция!»

Встреча Ленина на Финляндском вокзале была важнейшим политическим событием, она продемонстрировала отношение питерского пролетариата, солдат и матросов к Владимиру Ильичу — вождю большевистской партии. Она оставила неизгладимое впечатление у всех, кому выпало счастье встречать Ленина. На другой день и позже весь район переживал это событие. На заводах и фабриках рабочие рассказывали один другому о Ленине, радостно восклицая: «Ленин с нами!»

В память этого события трудящиеся Ленинграда называли площадь у Финляндского вокзала именем Ленина и воздвигли на ней памятник. Вождь революции изображен в момент его выступления с броневика.

С первых же дней пребывания в Петрограде и до июльских дней Ленин много раз выступал на митингах и собраниях в различных райо-

нах. За это время трижды слушали Ленина у себя в Выборгском районе рабочие и солдаты. Первый раз Ленин выступил 18 апреля на первомайском митинге рабочих Охтенских пороховых заводов, солдат местной команды и матросов морского полигона. Выступал Ленин на Лагерной полянке.

Второе выступление Владимира Ильича было 25 апреля на открытии рабочего клуба, названного «Искрой» (Новодеревенская набережная, д. 1/2, угол Строгановской улицы). Рабочие заводов Слюсаренко, Щетинина и других заняли ресторан «Вилла Родэ» и организовали в этом помещении клуб для ведения культурно-просветительной работы. Несмотря на занятость во время Апрельской конференции, Ленин сумел найти время в перерыве между утренним и вечерним заседаниями конференции и выступил в клубе с краткой речью. Владимир Ильич осветил задачи текущего момента. Свою речь, обращаясь к рабочим, он закончил словами: «Разрешите пожелать вам успеха в работе клуба, чтобы из «Искры» разгорелось пламя».

Третье выступление Ленина на Выборгской стороне было 17 мая в Политехническом институте (Дорога в Сосновку, Политехническая ул., д. 1—3). Владимир Ильич выступил здесь в актовом зале института на митинге рабочих завода «Айваз» и других предприятий района. Он говорил о войне и об ее причинах, об империализме и ответил на вопросы.

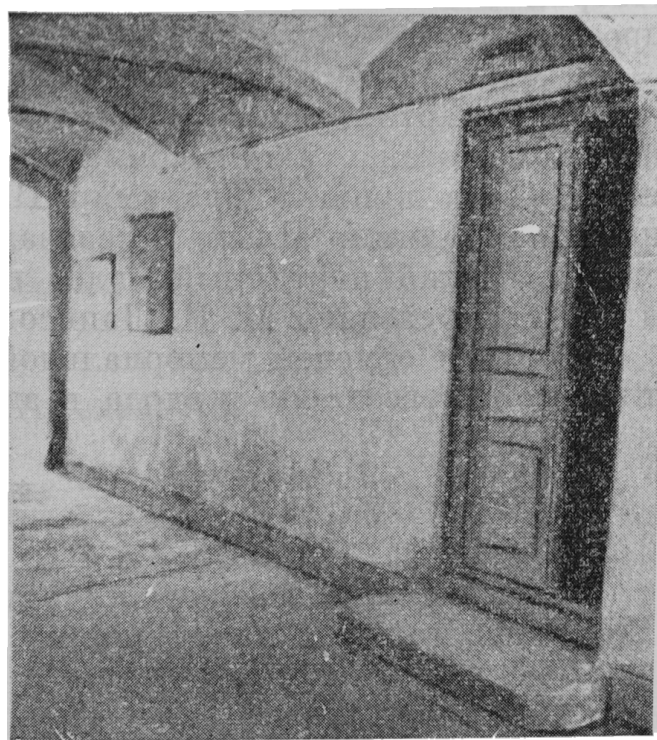
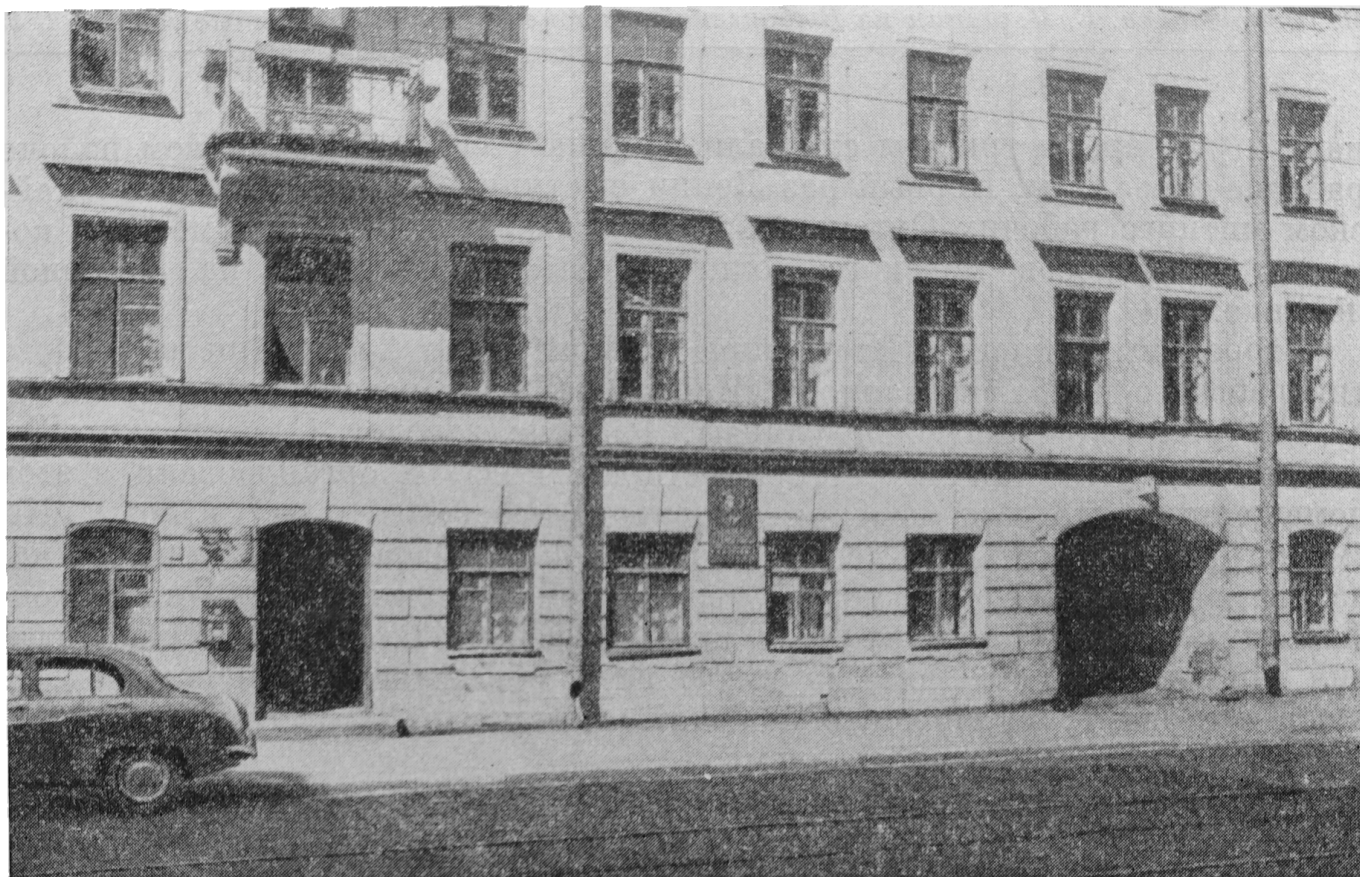
В одно из воскресений мая 1917 г. Ленин побывал в Выборгском комитете партии. По Большому Сампсониевскому проспекту в доме 62, на втором этаже, в пятикомнатной квартире комитет занимал две комнаты. Сюда пришел Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной. Владимир Ильич беседовал с членами комитета, а затем вынул свой членский партийный билет и попросил принять членские взносы, что и было сделано М. И. Ладисом.

Этот дом отмечен мемориальной доской, помещенной к 50-летию Октябрьской революции у входа в здание на его фасаде.

Июльские дни взволновали петроградских рабочих, весь Петроград. Наступило тяжелое, тревожное время. Мы на Выборгской стороне знали от Надежды Константиновны, что 5 июля вечером юнкера произвели обыск на Широкой улице в квартире, где жил Ленин, что он благополучно с раннего утра оставил эту квартиру еще до обыска.

6 июля Временное правительство издало приказ об аресте Ленина. Мы узнали об этом в день опубликования приказа. Это сообщение потрясло не только руководящих работников Выборгской партийной организации, но и большевистски настроенных рабочих района. Тревога за жизнь и судьбу Ленина охватила всех.

Фасад здания, где находился Выборгский районный
комитет РСДРП(б)
Мемориальная доска на фасаде здания. Запасный выход

Секретарь районного комитета Женя Егорова вместе с Надеждой Константиновной наметили ближайшие и срочные меры для того, чтобы укрыть Владимира Ильича в своем районе, чтобы спасти его жизнь. Нельзя было терять ни минуты. С утра 5 июля Владимир Ильич уже скрывался на Петроградской стороне в квартире Сулимовых (Набережная реки Карповки, д. 25, кв. 18). Но оставаться ему там было опасно — вокруг шныряли ищейки Керенского.

НСА25

6 июля днем Надежда Константиновна пришла на квартиру Сулимовых. После беседы с ней Владимир Ильич решил покинуть эту квартиру и вместе с Надеждой Константиновной отправился пешком на Выборгскую сторону через Большой Сампсониевский мост по Большому Сампсониевскому проспекту. Они дошли до зданий казарм Московского полка, выходящих на проспект. В садике у казарм их ожидал В. Н. Каюров, предупрежденный Женей Егоровой об этой встрече. Он увел Владимира Ильича к себе домой, а Надежда Константиновна отправилась в Выборгский районный комитет партии.

Квартира В. Н. Каюрова помещалась в деревянном доме, расположенном по Языкову переулку, в доме 2. Владимир Ильич провел в ней несколько часов. Здесь он немного отдохнул, пообедал; отсюда и ушел на заседание в сторожку при заводе «Русский Рено».

6 июля в помещении Выборгского районного комитета партии происходило заседание Исполнительной комиссии Петербургского комитета¹ совместно с представителями от заводов Выборгской стороны, где обсуждался поставленный рабочими вопрос об объявлении всеобщей забастовки в связи с июльскими событиями. В это время в комитет пришла Надежда Константиновна. Она информировала М. И. Лациса о местонахождении Владимира Ильича и рекомендовала посоветоваться с ним по обсуждаемому вопросу.

Организацией встречи членов совещания с Лениным занялась Женя Егорова. Для встречи была использована сторожка при заводе «Русский Рено», в которой помещался завком.

Совещание, начатое в Выборгском комитете, было продолжено в сторожке. Ленин доказал членам совещания, что поднимать сейчас вопрос о всеобщей забастовке нецелесообразно. Было принято решение прекратить забастовку и возобновить работу с утра 7 июля, для того чтобы сохранить силы рабочего класса.

Совещание закончилось вечером. Отсюда на автомашине завода

¹ Некоторые авторы называют Петербургский комитет нашей партии Петроградским комитетом — это ошибочно. В протоколах легального ПК по этому вопросу сделано следующее примечание: «Петербургский комитет не менял ни в 1914—1916 гг., ни в 1917 г. свое наименование. Комитет считал недопустимым переименовываться, как это было сделано царским правительством с Петербургом в целях шовинистических в начале империалистической войны» (Протоколы Петербургского комитета большевиков за 1917 г. — «Первый легальный Петербургский комитет в 1917 г.». М.—Л., 1927, стр. 5).

Днем 6 июля 1917 г. В. И. Ленин скрывался в доме, расположенном по Языкову переулку, в квартире В. Н. Каюрова

«Русский Рено» с тремя товарищами, в сопровождении служащего завода Ашкенази Ленин направился на конспиративную квартиру.

6 июля я была в Выборгском комитете дважды. Утром Женья сказала мне, чтобы я обязательно зашла вечером, так как могу понадобиться. После семи часов вечера я снова была у Жени. Она сказала мне, что на мою квартиру уже пошла Надежда Константиновна и что у меня должно состояться совещание нескольких членов ЦК партии. На это я ответила, что в квартире никого нет и Надежде Константиновне никто не откроет дверь. Тут Женья познакомила меня с Ашкенази, который, как сказала Женья, будет сопровождать машину с четырьмя товарищами. «Учти, что среди них будет Ильич», — предупредила меня Женья.

Договорились с Ашкенази, что я сейчас же пойду на квартиру и буду идти по Большому Сампсониевскому проспекту по направлению к Лесному по правой стороне. Под железнодорожным мостом Финляндской ж. д., который пересекает Большой Сампсониевский проспект, я буду ждать машину, сопровождаемую Ашкенази, он будет сидеть рядом с

Сторожка завода «Русский Рено». Здесь 6 июля 1917 г.
под руководством В. И. Ленина проходило совещание
Исполнительной комиссии ЦК РСДРП(б)

шофером. Под мостом машина остановится, из нее выйдут товарищи, и я должна буду проводить их на конспиративную квартиру. Я тотчас же отправилась по назначенному маршруту и, немного не доходя до моста, увидела Надежду Константиновну, шедшую по противоположной стороне навстречу мне. Но по условиям конспирации я не могла подойти к ней.

Мне недолго пришлось ждать автомашину. Из нее вышел Ашкенази и за ним четыре товарища. Я пошла по направлению к квартире, которая находилась неподалеку от моста. Вслед за мной на некотором расстоянии шел Ашкенази, а затем группа приехавших. Я поднялась на четвертый, последний этаж, где помещалась моя квартира (Сердобольская улица, угол Большого Сампсониевского проспекта, д. 1/92, кв. 41). За мной пришли Ленин, Сталин, Каменев и Лилина. Минут через 20—30 приехал Подвойский с Зиновьевым. Вскоре Подвойский ушел. В столовой состоялось совещание. Оно закончилось поздно вече-

ром. Сначала стоял вопрос о том, что Ленин останется ночевать на конспиративной квартире, но затем этот вопрос отпал и Владимир Ильич покинул квартиру.

До последнего подполья, то есть до возвращения из Финляндии в Петроград, Ленин побывал на Выборгской стороне еще два раза. Первый раз на Приморском вокзале (Новодеревенская набережная, д. 17), с которого Ленин в сопровождении Н. А. Емельянова в ночь с 9 на 10 июля уехал на станцию Разлив и поселился там на чердаке сарая, принадлежавшего Н. А. Емельянову.

Второй раз — при переезде в Финляндию, когда Владимир Ильич оставил Разлив. В ночь с 8 на 9 августа Ленин сошел с дачного поезда на станции Удельная и по Ярославскому проспекту вместе с Э. Рахья направился на квартиру рабочего завода «Айваз» Кальске Э. Г. (Ярославский проспект, д. 11, кв. 7). Здесь дежурила жена Э. Рахья Л. П. Парвиайнен. По условленному знаку она впустила пришедших. В этой квартире Владимир Ильич пробыл остаток ночи и следующий день. С наступлением темноты 9 августа Ленин пришел на станцию Удельная и отсюда на паровозе под видом кочегара уехал в Финляндию.

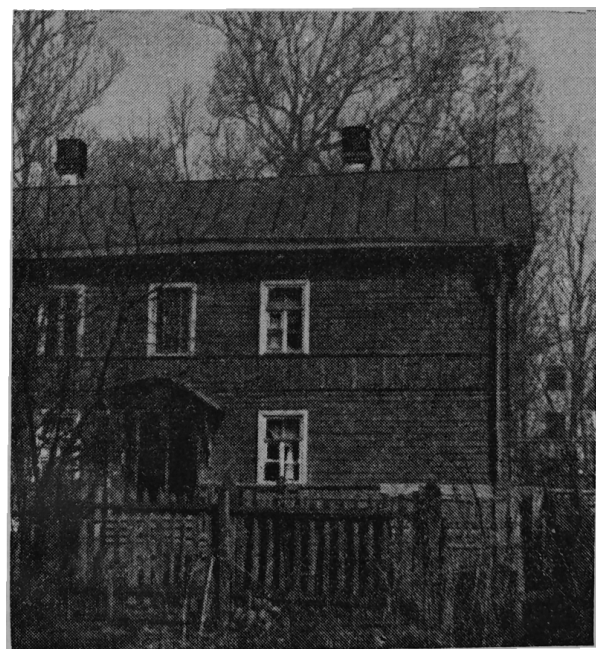
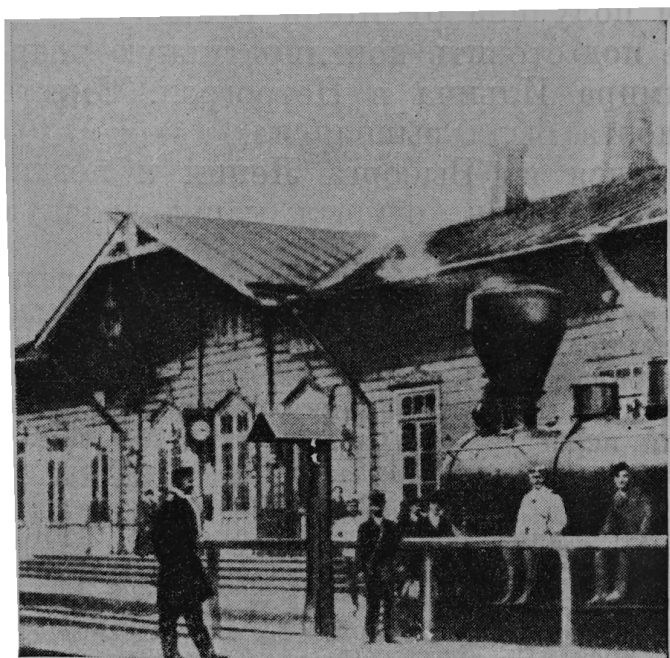
В день пятидесятилетия Ленина я пришла в кремлевский кабинет, чтобы поздравить Владимира Ильича, и застала там Л. Б. Каменева. Отвечая на мое поздравление, Владимир Ильич указал на стопу брошюр (в виде больших тетрадей) в мягкой темно-зеленой обложке, лежавшей на столе перед письменным прибором, и сказал: «Посмотрите, что сделал Московский Совет», затем передал мне одну из этих брошюр.

При беглом знакомстве с брошюрой я увидела, что по существу это краткая биография Ленина, составленная по определенной схеме и втиснутая в три графы: 1) хроника жизни Ленина, 2) краткое описание его деятельности и 3) написанные им за этот период работы.

Я быстро нашла 1917 год и на 37-й странице¹ против периода конец августа — начало сентября прочитала, что Владимир Ильич послал в ЦК партии письма, в которых говорит о необходимости взятия власти Советами, что ЦК не согласился с предложениями Ленина и что тогда Ленин самовольно вернулся из Финляндии в Петроград, несмотря на огромную опасность, которая грозила ему со стороны ищеек Керенского. Прочитав это место, я засмеялась.

Владимир Ильич быстро спросил: «Что Вы там нашли?» Я ответила: «А разве Вы не читали?» — «Нет», — ответил Владимир Ильич и, указывая на Каменева, продолжал: «Ведь он только что принес все это». Владимир Ильич взял у меня брошюру, прочел указанное мной место, подчеркнул слово «самовольно» и снова вернул ее мне. Тогда я сказала: «А где же второй случай, когда Владимир Ильич «самовольно» ушел в

¹ Фотокопия страницы 37 брошюры «Ко дню пятидесятилетия со дня рождения Владимира Ильича Ульянова (Ленина). 23 апреля 1870 — 1920 гг.» передана М. В. Фофановой в ЦПА ИМЛ (Прим. автора).

Приморский вокзал на Новодеревенской набережной в Петрограде,
с которого В. И. Ленин уехал на станцию Разлив

В ночь с 8 на 9 августа 1917 г. В. И. Ленин, возвращаясь
из Разлива, сошел с дачного поезда на станции Удельная
Финляндской железной дороги

В. И. Ленин перед отъездом в Финляндию скрывался в этом доме по Ярославскому
проспекту, в квартире, принадлежащей Э. Г. Кальске

Смольный?» Но тут Владимир Ильич сказал: «Ладно, что об этом говорить...»

Мне вспоминается этот разговор, когда я думаю о возвращении Владимира Ильича осенью 1917 года из Финляндии в Петроград.

Условия подпольной жизни Ленина не отрезали его от политических событий. Он тщательно следил за печатью, пользовался, хотя и весьма ограниченной, живой связью. На основе анализа отдельных фактов и событий Ленин делал обобщения и выводы. Не имея возможности непосредственного общения с руководящими партийными организациями, Владимир Ильич направляет им письма.

После того как в Петрограде и Москве большевики получили в Советах большинство, Ленин пишет 12—14 сентября ЦК, ПК и МК РСДРП(б) письмо «Большевики должны взять власть», а 13—14 сентября письмо в ЦК «Марксизм и восстание».

Эти письма мобилизовывали партию, направляли ее на решение главной задачи того времени — на подготовку вооруженного восстания.

Разумеется, тогда эти письма были доступны ограниченному руководящему кругу партийных товарищей, но идеи, заложенные в этих письмах, проникали и в районные организации. Я помню, как эти письма с большим интересом читались и некоторыми членами Выборгской организации большевиков.

Понятно стремление Владимира Ильича быть в центре предстоящих политических событий.

После VI съезда нашей партии я получила от Жени Егоровой и от Надежды Константиновны поручение подготовить конспиративную квартиру на случай возвращения Владимира Ильича в Петроград. Вместе с Надеждой Константиновной эта работа была выполнена.

В пятницу, 22 сентября¹ возвратился из Выборга Ленин и поздно вечером, имея посланные ему заранее ключи, открыл нашу входную

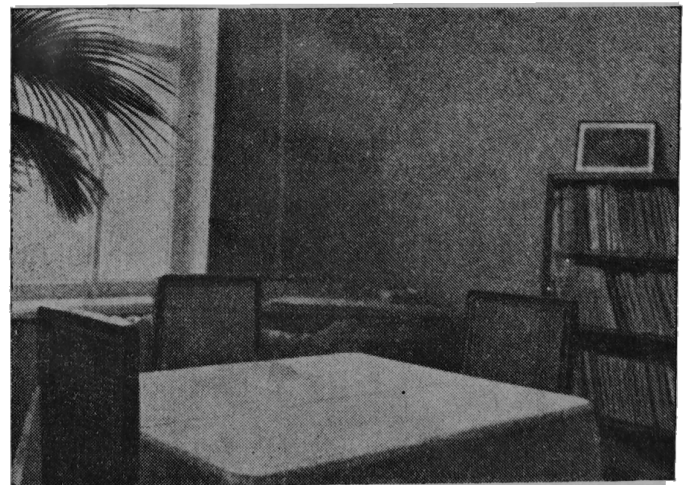
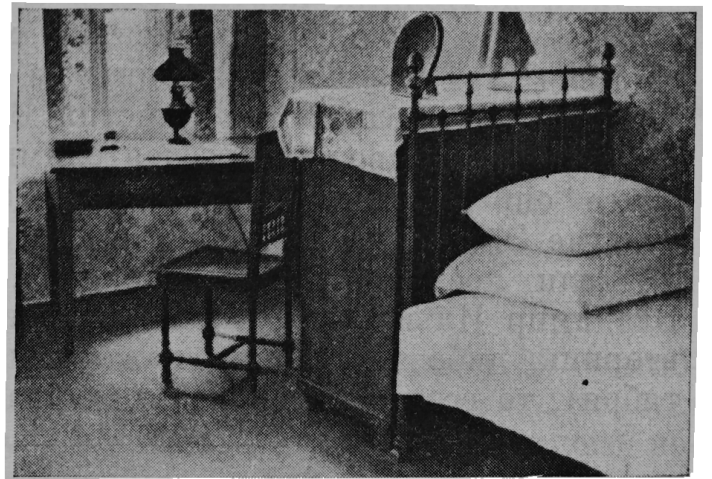
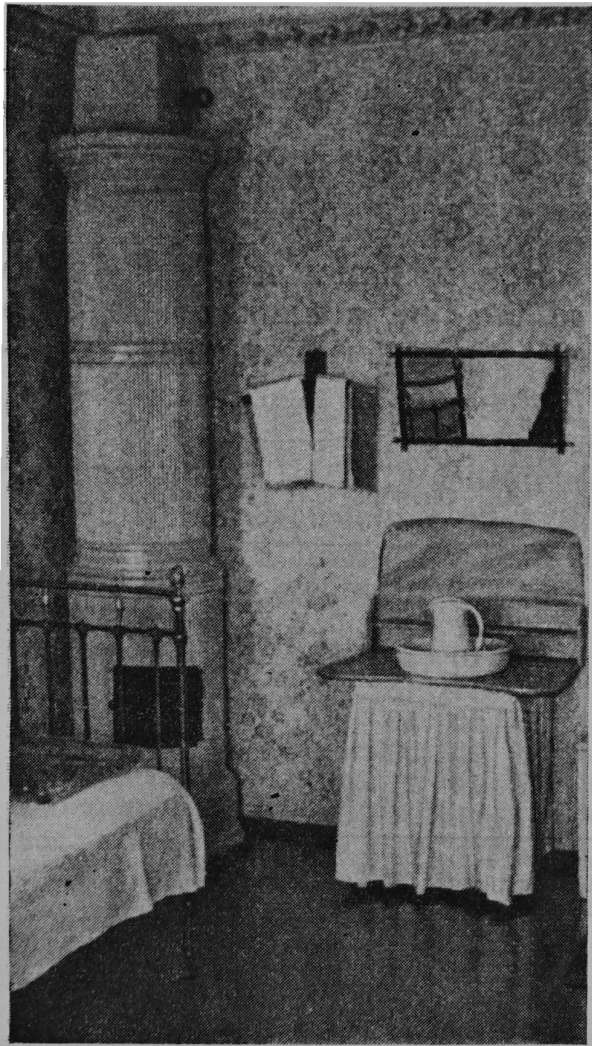
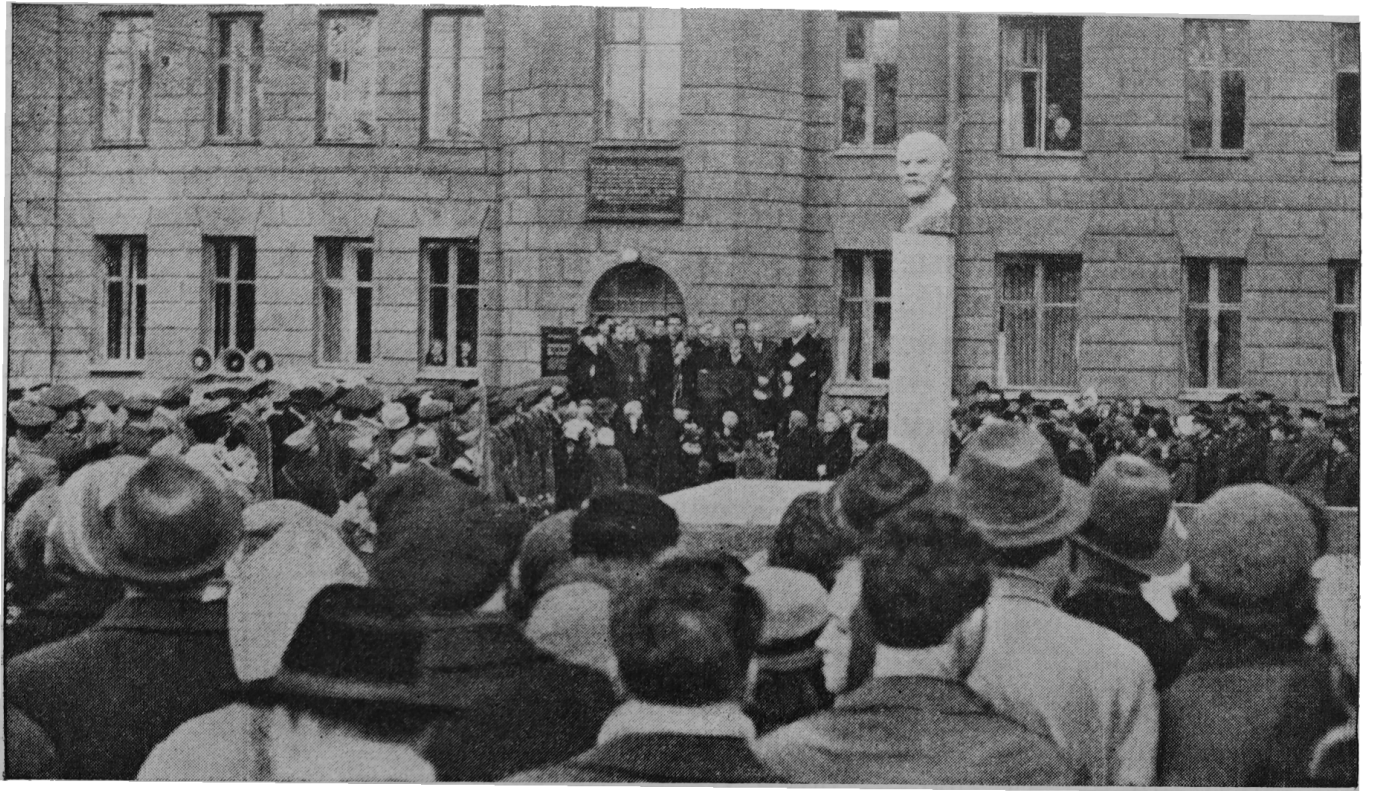
¹ «О дате приезда Ленина в источниках и литературе имеются противоречивые сведения. Они пока не позволяют с уверенностью назвать точное число. В протоколе заседания ЦК за 3 октября записано решение: «...предложить Ильичу перебраться в Питер...» (Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, стр. 74.) В воспоминаниях современников, причем лиц, имевших прямое отношение к организации переезда (Рахья, Шотман, Фофанова), указывается, что Ленин переехал из Выборга в Петроград в конце сентября, но в целях конспирации направлял свои письма в ЦК якобы из Финляндии.

В XIV томе первого издания сочинений Ленина, вышедшем при его жизни, в 1921 г., был указан этот же срок. В некоторых источниках, в том числе и в воспоминаниях Н. К. Крупской, называется другая дата приезда — 7 октября. Эта дата и вошла в литературу начиная с 30-х годов» («История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1. М., 1967, стр. 301) (Прим. ред.).

Митинг в связи с открытием памятника В. И. Ленину у дома, в котором В. И. Ленин поселился на конспиративной квартире у М. В. Фофановой

Комната В. И. Ленина в конспиративной квартире М. В. Фофановой

Столовая (в квартире М. В. Фофановой)

дверь, вместе с Надеждой Константиновной вошел в квартиру. Они прошли в подготовленную для Владимира Ильича комнату — последнюю от входа в квартиру.

На другой же день, 23 сентября утром Владимир Ильич установил твердый режим. Он сказал мне, чтобы я ему ежедневно утром, не позднее половины девятого доставляла все выходящие в Петрограде газеты, включая и буржуазные. Были установлены часы завтрака и обеда. Тогда же Владимир Ильич добавил: «Первую неделю, Маргарита Васильевна, Вам будет очень трудно. Все сейчас падает на Вас одну. Вам придется и утром, и вечером выходить по поручениям. А вот через неделю в помощь к Вам будет приходить вечерами товарищ, он освободит Вас от вечерних поручений». И действительно, через неделю — это было 29 сентября — за обедом Владимир Ильич предупредил меня о том, что вечером придет товарищ от Надежды Константиновны и спросит Константина Петровича. «Вы проводите его ко мне», — сказал Владимир Ильич. Около семи часов пришел товарищ. Это был Эйно Рахья, который и стал вечерним связным и провожатым Владимира Ильича во всех его выходах из конспиративной квартиры.

В течение пребывания Владимира Ильича в конспиративной квартире никто не бывал здесь, кроме Надежды Константиновны, Марии Ильиничны и Э. Рахья. Никаких совещаний или встреч Ленина с руководящими деятелями партии здесь не происходило. Для этого он уходил в другие, заранее подготовленные места.

Девять раз Ленин выходил из конспиративной квартиры. Это вызывалось необходимостью участия Владимира Ильича в совещаниях или встречах с руководящими деятелями нашей партии. Время и место заранее определялось и подготавливалось, в чем принимал деятельное участие Э. Рахья.

Если посмотреть на календарь, на котором помечены дни, когда Владимир Ильич выходил из квартиры, то все они приходятся либо на вторник, либо на субботу каждой недели (за исключением 16 и 19 октября), то есть с интервалами в два-три дня.

	Сентябрь	Октябрь
Воскресенье	24	1 8 15** 22
Понедельник	25	2 9 16 23
Вторник	26	3 10 17 24
Среда	27	4 11 18
Четверг	28	5 12 19
Пятница	22 29	6 13 20
Суббота	23 30*	7 14 21

* Числа, выделенные жирным шрифтом, — дни, когда Ленин выходил из конспиративной квартиры М. Фофановой (Прим. ред.).

** Дата расширенного заседания Петербургского комитета.

Дом по Выборгскому шоссе, где находилась квартира
Н. И. Кокко, использовавшаяся В. И. Лениным осенью 1917 г.
в качестве конспиративной явки

Первый выход Владимира Ильича был в субботу вечером 30 сентября. В этот день около семи часов вечера пришел Э. Рахья. Это был первый выход Ленина на квартиру тов. Кокко, члена Выборгского комитета РСДРП(б). Расстояние от конспиративной квартиры до квартиры Кокко примерно 15—20 минут ходьбы (Выборгское шоссе, д. 14, кв. 23). Здесь Ленин встретился со Сталиным¹.

Рахья вспоминает², что во второй раз, когда Владимир Ильич выходил из конспиративной квартиры, он опять посетил квартиру Кокко. Там он встретился с Троцким. По моим предположениям, это было 3 ок-

¹ В своих воспоминаниях Э. Рахья подтверждает дату первого выхода из конспиративной квартиры В. И. Ленина и факт его встречи со Сталиным (см. воспоминания Э. А. Рахья о Владимире Ильиче в последние дни перед Октябрьским восстанием 1917 г. Стенограмма № 1 от 7 февраля 1935 г. находится в Ленинградском музее В. И. Ленина).

² См. там же.

Дом по Ломанскому переулку
Здесь, в квартире Г. Э. Ялава
проходило частное заседание
Вход в квартиру Г. Э. Ялава
был со двора

тября, во вторник. С этого свидания Владимир Ильич, как и с предыдущего, пришел домой около десяти часов вечера.

Уход Ленина в третий раз из квартиры очень памятен мне по следующим обстоятельствам. Владимир Ильич вернулся поздней ночью, обувь и одежда его были в грязи. Он рассказал, что, расставшись с Рахья у самого дома, столкнулся с патрулем, который проверил у него документы. Владимир Ильич как хороший конспиратор прошел мимо дома и долго плутал, хотя представление о нашем районе имел.

Вскоре по приезде Владимир Ильич попросил у меня план Петрограда, очень внимательно его изучал. Я ему рассказывала, показывая из окна квартиры на полотно Финляндской ж. д., и объяснила, что в нашем районе очень много низких болотистых мест, что ни в коем случае нельзя переходить полотно, потому что с той и другой стороны дороги прорыты глубокие канавы и просто можно попасть в болото. Вот, очевидно, в тот вечер Владимир Ильич и попал туда. Наутро, когда он рассказывал о происшедшем, он возмущался и говорил: «Петроград — столица такого огромного российского государства и не имеет даже приличных тротуаров!»

Время, когда Ленин в третий раз ушел из конспиративной квартиры, устанавливается по стенограмме вечера воспоминаний участников Октября в Петрограде, на который собрались товарищи в 1920 г.¹ На этом собрании товарищи не имели еще никаких опубликованных документов и по памяти восстанавливали, где же было первое заседание Центрального Комитета партии, вынесшее резолюцию о вооруженном восстании. Присутствовавшие на вечере указывали, что до этого официального заседания Центрального Комитета 10 октября было еще частное совещание членов ЦК с руководящими работниками партии. Установили, что если 10—12 октября было заседание ЦК, то, очевидно, это частное совещание было 7 октября. Здесь же выяснились такие подробности — где было это заседание, кем оно было организовано.

Эйно Рахья в своей стенограмме сообщает, что это заседание он организовал у машиниста Ялавы (Ломанский переулок, д. 4-б, кв. 29). На этом заседании были М. И. Калинин, Зиновьев, Троцкий, Каменев. По словам Л. П. Парвиайнен, имевшей прямое отношение к организации совещания, на этом заседании был и Сталин, и Иван Рахья, и машинист Ялава. Жены Ялавы не было дома, и организация чая с бутербродами была поручена жене Эйно Рахья Лидии Петровне Парвиайнен. Она же привезла Зиновьева, который был у нее на квартире, и она же выходила на улицу для наблюдения, не появятся ли подозрительные лица.

Четвертый раз ушел Владимир Ильич 10 октября на квартиру Г. К. Флаксерман-Сухановой (Карповка, д. 32, кв. 31), где состоялось заседание Центрального Комитета партии. Там по докладу Владимира

¹ «Воспоминания об Октябрьском перевороте». — «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 43—93.

Дом по Выборгскому шоссе, где в квартире М. И. Калинина в октябре 1917 г. В. И. Ленин проводил партийные совещания о подготовке вооруженного восстания

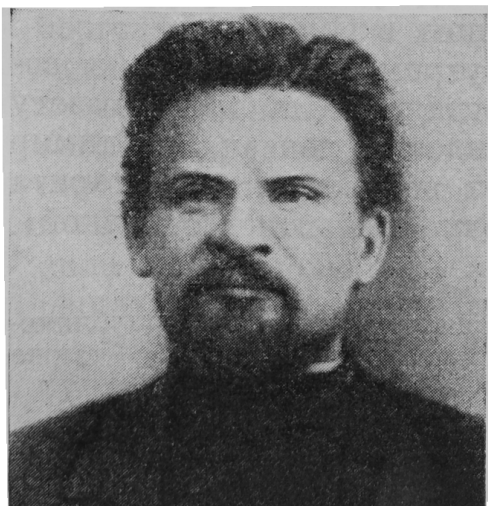
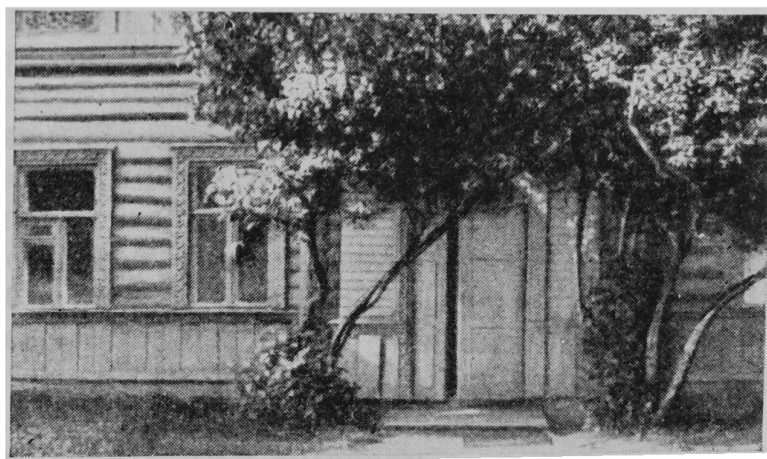
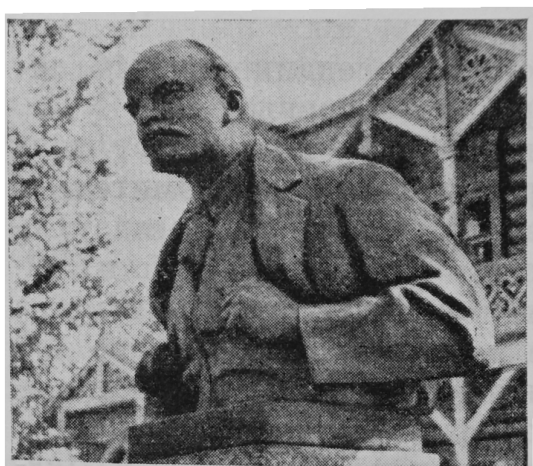
Ильича была принята предложенная им резолюция о вооруженном восстании. Она была принята десятью голосами против двух (Каменев и Зиновьев).

С этого заседания Владимир Ильич пришел еще позднее, чем раньше. За все время пребывания Владимира Ильича на конспиративной квартире не было ни одной ночи, когда бы он отсутствовал.

Ленин ушел с конспиративной квартиры в пятый раз в субботу 14 октября на квартиру М. И. Калинина (Выборгское шоссе, д. 106, кв. 1).

О том, что в этот день здесь было совещание, которым руководил Ленин, мне рассказал М. И. Калинин; кроме того, об этом пишет М. И. Ладис, присутствовавший на этом совещании. Ленин провел совещание с узким составом членов ЦК партии и руководящими работниками Выборгской стороны по вопросам вооруженного восстания. Это было подготовительное совещание к пленуму Петербургского комитета партии, который состоялся 15 октября в Смольном, и к расширенному заседанию ЦК партии, проводившемуся 16 октября.

На пленуме ПК кроме членов ПК от Выборгской стороны присутст-

Лесновско-Удельнинская районная управа
Здесь 16 октября 1917 г.
под руководством В. И. Ленина проходило
расширенное заседание ЦК партии
по вопросу о вооруженном восстании

Скульптура В. И. Ленина у входа
в дом бывшей Лесновско-Удельнинской
районной управы. Черный вход в здание
Лесновско-Удельнинской районной управы,
которым пользовался В. И. Ленин, посещая
заседание ЦК партии

Председатель
Лесновско-Удельнинской
районной управы М. И. Калинин

вовала и Надежда Константиновна. Она и была тем товарищем, о котором в «Письме к товарищам» 16—17 октября Ленин пишет: «Мне удалось только в понедельник, 16-го октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере и подробно осведомил меня о прениях»¹.

Шестой раз Ленин вышел из конспиративной квартиры 16 октября в здание Лесновско-Удельнинской районной думы, председателем управы которой был М. И. Калинин (Болотная ул., д. 13/17, угол Лесной улицы). Это здание находится на расстоянии 20—25 минут ходьбы от конспиративной квартиры. Здесь под руководством Ленина 16 октября состоялось расширенное заседание ЦК партии, была принята ленинская резолюция о восстании и был избран Военно-революционный центр по практическому руководству восстанием в составе Свердлова, Сталина, Дзержинского, Бубнова и Урицкого.

С этого заседания² Владимир Ильич пришел лишь часа в четыре-пять утра. Я ждала его сидя в столовой. Проходя мимо меня, Владимир Ильич спрашивает: «А Вы дежурите? А вот что сделали со мной дорогие товарищи—заставили меня ходить по улице два часа и ждать их, когда они соберутся». Когда же утром Ленин пришел завтракать, то попросил помыть парик горячей водой с мылом, так как ночью, сказал он, парик вместе со шляпой (был сильный ветер с дождем) сдуло прямо в лужу.

В настоящее время в здании, где происходило заседание ЦК 16 октября, находится мемориальный музей Выборгской стороны.

Седьмой раз Ленин выходил из квартиры 19 октября. В этот день он был на расширенном собрании Военно-революционного комитета с руководящими работниками и съехавшимися депутатами II съезда Советов. Собрание происходило в немецкой церкви (угол Кирочной и Литейного проспекта), о чем сообщает Э. Рахья в своей стенограмме, а также и другие товарищи, присутствовавшие на этом собрании.

Восьмой раз Владимир Ильич ушел из квартиры 21 октября. Он посетил квартиру рабочего Д. А. Павлова (Сердобольская ул., д. 35, кв. 4), где встретился с членами ВРК Подвойским, Антоновым-Овсеенко и Невским.

И наконец, последний, девятый раз Ленин вышел из квартиры около одиннадцати часов вечера 24 октября. Он ушел в Смольный.

Очень памятен весь день 24 октября. Еще утром за завтраком я сообщила Владимиру Ильичу, что нигде не могла достать нашу газету «Рабочий путь», хотя ездила даже на Финляндский вокзал. Владимир Ильич озабоченно принял мое сообщение и тут же сказал: «Маргарита Васильевна, не убирайте стола. Сейчас же срочно пойдите с запиской».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 398.

² Материал об этом заседании — протокол и резолюция — впервые опубликован в октябре 1927 г. в журнале «Пролетарская революция» № 10; см. также В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 394—397.

В Выборгском комитете, куда я пошла, Жёня Егорова сообщила, что на типографию газеты налетели юнкера, часть тиража разгромили, но вторую часть красногвардейцы спасли, и она вручила мне газету за 24 октября, где была помещена статья Владимира Ильича «Новый обман крестьян партией эсеров».

К Владимиру Ильичу я вернулась уже в двенадцатом часу дня с газетой и с ответом. Он снова тут же направил меня с новым поручением — передать записку и обязательно принести ответ. Это поручение было выполнено.

24 октября был вторник, и в этот день я обязательно должна была к двум часам попасть на работу — на Васильевский остров в издательство Девриена, я же пришла туда только к трем часам и только успела сесть за свой письменный стол, как раздался крик: «Разведен Николаевский мост!» Я немедленно оставила работу и выбежала, помня, что без моста на квартиру не попаду. Трамваи все стояли, и народу на улице было много. На трамваях — революционные лозунги. Пришлось домой добираться пешком. Подходя к Большому Сампсониевскому мосту, я увидела, что вся набережная занята войсками — и конными, и пешими; на конях гарцевал женский «батальон смерти». Но на мосту с Петроградской стороны стояли красногвардейцы Выборгской стороны в красных повязках с винтовками, в несколько рядов по всей ширине моста. Никого — ни конного, ни пешего через мост не пропускали. Пришлось проходить на Выборгскую сторону через Гренадерский мост.

Я прибежала домой около шести часов вечера. Только вошла в квартиру, Владимир Ильич встретил меня около двери в прихожей, и первый вопрос его был: «Что делается на улице?» Я должна была ему тут же рассказывать. Выслушав меня, он сказал: «Не раздевайтесь, Вы сейчас же пойдете с письмом» и ушел к себе в комнату писать письмо. Вручая его мне, Владимир Ильич сказал: «Передайте это письмо обязательно только через Надежду Константиновну (обычно я имела право передавать всю почту Владимира Ильича или Жёне Егоровой, или Надежде Константиновне), без ответа домой не являйтесь».

От меня до Выборгского комитета почти полтора километра. Нужно было от квартиры с Большого Сампсониевского ехать на трамвае по Лесному проспекту до остановки Ломанский переулок. Оттуда до Выборгского комитета ходу примерно 15—20 минут. Поэтому я предпочла идти пешком напрямик по Большому Сампсониевскому проспекту.

Принесенный мной ответ Владимира Ильича не удовлетворил. Он снова направил меня с запиской и, вручая ее, продолжал возмущаться ответом.

Когда я получила второй ответ от Надежды Константиновны, я спросила ее: «Какой ответ я несу?», она на ухо мне шепнула: «Ему не разрешают идти в Смольный».

Второй ответ вызвал бурное возмущение Владимира Ильича. Он уже буквально гневно кричал: «Я их не понимаю, чего они боятся? Ведь

Мемориальная доска на здании Артиллерийского училища,
где В. И. Ленин и Н. К. Крупская встречали
новый 1918 год

только позавчера Подвойский докладывал: такая-то воинская часть вся большевистская, такая-то тоже, а сегодня вдруг ничего не стало. Спросите, есть ли у них 100 верных солдат или 100 красногвардейцев с винтовками».

И он снова послал меня на Выборгскую. Я предложила обедать, поскольку было уже десять часов вечера. Он отказался и сказал: «Даю Вам слово — не уйду не поевши». Весь обед был принесен в столовую вместе с керосинкой, чтобы не остывал, и я рассказала, что и где взять. Условились с Владимиром Ильичем, что он ждет меня только до одиннадцати часов, а там он волен будет поступать так, как ему будет нужно.

Придя в третий раз к Надежде Константиновне, я рассказала о всей обстановке этого вечера. А когда она передавала мне третью записку, спросила: «Как ты думаешь, его можно удержать?», на что я ответила: «Напрасно товарищи его задерживают. По-моему, он уйдет».

Опасаясь, что к одиннадцати часам¹ не сумею попасть домой пешком, взяла извозчика. На обеденном столе в глубокой моей тарелке лежала

¹ См. «Ученые записки» (Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС). Л., 1970, т. I, стр. 187—200.

его записка: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания, Ильич».

...Владимир Ильич был у меня еще раз вместе с Надеждой Константиновной числа 3—4 ноября. Они приехали поздно вечером, оба усталые, чтобы немного отдохнуть. Я тогда же спросила: «Когда мы будем на следующий день завтракать, как обычно — в половине девятого?» На это Владимир Ильич ответил: «Ведь мы приехали отдыхать, раньше одиннадцати завтрака не нужно». Ровно в двенадцать часов дня на следующий день приехал Гиль, и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной уехали.

* *

*

В здании по Симбирской улице, в доме 22 в ночь с 31 декабря на 1 января Владимир Ильич и Надежда Константиновна встречали вместе с рабочими Выборгской стороны новый 1918 год.

Ленин произнес краткую речь. Он выразил непоколебимую уверенность в победе рабочего класса и торжестве социализма. Словами здравницы в честь рабочих Выборгской стороны и всего питерского пролетариата закончил свою новогоднюю речь Владимир Ильич.

Это было последнее посещение Владимиром Ильичем любимой им Выборгской стороны.

А. Ф. Смородкина. Рабочие-подростки с Оптического завода

Оптический завод на Чугунной улице, где я работала с осени 1916 г. до Октябрьской революции, был построен во время первой мировой войны французским акционерным обществом и производил в основном ручные гранаты для военного ведомства. Это было полукустарное предприятие, широко применявшее труд малолетних рабочих. В его сборочном цехе работали исключительно девушки-подростки, не менее 100 человек.

Недавно я побывала на Чугунной улице и с трудом могла рассмотреть под настроенными этажами контуры Оптического завода тех давних лет. Только чугунные ворота да проходные будки напомнили мне время, когда Оптический завод являлся первой школой жизни и борьбы как для меня, так и для моих товарищей, работавших на нем.

Я прочитала объявление, что заводу требуются рабочие разных специальностей и заводоуправление приглашает юношей и девушек на обучение специальностям, причем им выплачиваются стипендии и предоставляются благоустроенные общежития. Мне невольно припомнилось, как я поступила на Оптический завод.

В то время фабричное производство, державшееся на женском и детском труде, сокращалось. Тщетно девушки-подростки и молоденькие солдатки искали работы на набережной Невки — у ворот фабрик Чешера, Гергарди, Тарпилова, Воронина и других русских и иностранных капиталистов. Когда разнесся слух, что новый военный завод на Чутунной улице производит набор работниц, безработные ринулись туда. Становились в шеренгу на мостовой вдоль тротуарчика против заводской парадной и ждали выхода французского инженера Лабурэ, ведавшего наймом и увольнением рабочих.

— Работниц старше двадцати лет он не берет, — доносился шепот по цепочке безработных.

Девушка, стоявшая рядом со мной, первичала: «Мне по паспорту двадцать первый, а по правде — семнадцатый. Я уже три года на фабрике работала». Я тоже тревожилась за подчистку года рождения в моем паспорте, хоть отец и уверял, что «комар носу не подточит», как он мне возраст «под закон подогнал». Тогда существовал «закон, запрещающий нанимать и наниматься на работу лицам моложе пятнадцати». Но девушки, искавшие работы вместе со мной, говорили: «Главное, чтобы работнице не было больше двадцати, а меньше можно, сколько хочешь».

Лабурэ вышел в сопровождении табельщицы. Я опасалась, что он не дойдет до конца шеренги, куда меня оттеснили, а когда дошел, оробела. Но Лабурэ даже не взглянул на мой паспорт, а, взяв его от меня, передал табельщице. Она, тоже не смотря, присовокупила его к пачке других паспортов, что держала в руках.

С первых дней работы в сборочном цехе я, как и все работницы, оказалась под страхом быть уволенной за нарушение инструкции по сборке ручных гранат. Инструкция, если точно ее выполнять, замедляла работу и снижала выработку, а платили сдельно: копейки за сотни обработанных мелких деталей. Все работницы были убеждены, и я тоже, что инструкция существует для того, чтобы не давать нам зарабатывать больше, чем только «на прожив» от получки до получки.

Мы с Машей, моей подружкой, работали за одним столом. Сидели друг против друга. Помню, сижу я на табуретке, склонив голову над защитным стеклом. За ним на столе картонный лист с мелкими отверстиями. Из жестяной коробки, обложенной внутри солдатским сукном, я извлекаю 40 штук капсюлей вместо 20 по инструкции и вставляю их в отверстия на листе. Обмакнув кисточку в банку с клеем один раз, смазываю взрывчатку всех 40. При помощи острого деревянной палочки накладываю на нее невесомые фольговые кружочки, прижимаю их прессиюком-молоточком. Кисти моих рук все быстрее и быстрее повторяют заученные движения, а тело замерло в неподвижности. В этот момент за моей спиной оказался мастер Яниксеев. «Инструкцию нарушаешь, красотка! Разве я не объяснял! Штрафов тебе не записывал! Или ты нерусская?!» Маша было улыбнулась ему: «Она нерусская, она тверская!», но мастер переметнулся к ней, увидел у нее тоже наруше-

ние инструкции и закричал: «Хватит мне с вами, штрафниками, играть! Расчет через две недели получите!»

Напрасно мы доказывали ему, что брака у нас в работе нет и не было. Факт нарушения инструкции мы опровергнуть не могли.

Светлело за окнами. Близилась к концу ночная смена. Работниц клонило в сон. Но вот распахнулась дверь с парадной лестницы, и в цех вошла табельщица. Она принесла из конторы лакированный ящик с расчетными книжками. Каждой работнице хотелось скорее узнать, сколько она получит за две недели работы в ночные и дневные смены по десять часов. Когда табельщица раздавала книжки и зачитывала записи в них неграмотным работницам, которых было большинство, за ее спиной слышались возгласы возмущения: «Кабы не было штрафов, обуться, одеться можно было бы!»

За вычетом штрафных сумм мне причиталось получить 15 рублей. С такой получки нечего было и думать об обновлениях, стыдно гривенник на кинематограф у родителей спросить. У них кроме меня трое малолетних детей. В нашей семье ко дню получки не оставалось ни куска хлеба, ни копейки денег.

Маша толкнула меня ногой под столом: «Сходи к Лабурэ, пусть отменит нам расчет!» Мастер в это время разговаривал с табельщицей и не смотрел в цех из своей конторки, отгороженной от цеха стеклянной стеной. Я встала из-за стола и незаметно для мастера прошла к парадной двери. Поднялась по лестнице на третий этаж, открыла массивную дверь в контору и тут же столкнулась с Лабурэ. Он строго смерил меня глазами: «Кто разрешил тебе ходить по парадной лестнице?» «Я хотела Вас просить...» — начала я, но он резко оборвал меня: «Скажи мастеру господину Яникееву, чтобы записал тебе штраф за нарушение правил внутреннего распорядка!»

Отпечатанные «Правила внутреннего распорядка» висели под стеклом на стене в сборочном цехе. Я могла их прочесть — к тому времени у меня была окончена начальная воскресная школа. В них ничего не говорилось о запрещении работницам ходить по парадной лестнице, но для работниц имелась другая лестница и особая проходная. Работницы сборочного цеха были изолированы от рабочих других цехов завода. Даже рабочие смены в сборочном цехе начинались и кончались в другое время, нежели смены других цехов.

От увольнения с завода меня и Машу избавили революционные события, начавшиеся в конце февраля 1917 года. Помню, наша смена началась задолго до того, как стало светлеть небо над зимним Петроградом. Мастер Яникеев настороженно метался от одного конца цехового помещения до другого. Только на рассвете ушел в свою конторку. Работницы начали перешептываться — передавали слухи о забастовке в городе. Вдруг раздался звонкий треск разбитого оконного стекла и в цех влетел камень. Работницы повскакали с рабочих мест и подбежали к окнам.

Во дворе стояли забастовавшие рабочие других цехов завода. Они смотрели в наши окна и выкрикивали: «Сборщицы! Выходи на забастовку!» Работницы быстро оделись и столпились у выходной двери. Она оказалась запертой на ключ. Из конторки вышел мастер Яникеев: «По местам, за работу! Всем расчет за участие в забастовке!» Некоторые из работниц попятись, но Маша вырвалась вперед: «Девчонки! Валите мастера, отнимайте ключ! Хватит ему нас расчетами путать!»

Забастовщики со двора устремились к нам на помощь. Некоторые из них лезли в сборочный цех по водосточной трубе на второй этаж. Первым в нашем цехе оказался оптик Стразден — высокий парень с веселыми серыми глазами. Маша продолжала командовать: «Кляп в рот Яникееву, чтобы не матерился! Рвите бумаги в конторке! Он только и знал, что штрафы да расчеты записывал!» Работницы взвалили Яникеева на тачку, спустили по лестнице и опрокинули в сугроб у забора в заводском дворе.

В этот день сборщицы первый раз выходили на забастовку. Они еще не умели ходить в рядах, не знали слов революционных песен, но не отставали от других рабочих и вторили запевалам, шагавшим впереди под красным стягом, поднятым Стразденом.

Во время всеобщей забастовки рабочие не забывали своего завода, они приходили на завод почти ежедневно.

В те дни впервые на Оптическом заводе был создан заводской комитет рабочих (завком). Его председателем избрали Страздена. В состав завкома выбрали представителей от цехов. От сборочного цеха избрали меня. Завком выработал требования: 8-часовой рабочий день (он был введен на заводе явочным порядком), отмена штрафов, повышение заработной платы, оплата забастовочных дней, предоставление помещения для завкома и др.

Переговоры с рабочими от администрации вел Лабурэ. Он носил тогда на груди красный бант и говорил, что является сторонником нашей революции. Однако оговаривался: «Если бы это было во Франции, я стоял бы за расстрел тех, кто забастовками срывает выполнение военных заказов и кричит: «Долой войну!»» Стразден тогда заметил ему: «Это Вам не Франция, мусью Лабурэ!» На Оптическом заводе было несколько меньшевиков и эсеров, по существу они поддерживали точку зрения Лабурэ. Например, механик Жилинский выступал с подобной точкой зрения на рабочих собраниях.

После Февральской революции на Оптическом заводе организовался партийный коллектив из нескольких членов. В моей памяти не сохранились фамилии всех членов ячейки, но я всегда помню товарищей Страздена и Фомичеву, женщину средних лет, которые помогали мне и другим на первых шагах партийной работы.

Стразден, латыш по национальности, был секретарем большевистской ячейки и, несмотря на свою молодость, пользовался уважением и авторитетом в рабочем коллективе завода. В апреле 1917 г. он вел работу по

вовлечению рабочих в ряды партии большевиков. Тогда и я вступила в партию. Мне не хватало нескольких месяцев до 16 лет, тем не менее я была членом завкома и активисткой. Записывая меня в партию большевиков, Стразден говорил мне: «Я округлю тебе шестнадцать лет, это не беда». Моим первым партийным поручением было распространение журнала «Работница», который я получала в Выборгском райкоме РСДРП(б) у Жени Егоровой и перед ней отчитывалась.

Стразден поручил мне представлять нашу партиячку в Сампсониевском подрайкоме большевиков. Мне довелось присутствовать только на одном заседании этого подрайкома, которым руководил молодой рабочий завода «Новый Парвийнен», член Выборгского райкома партии Василий Горячев. На этом заседании присутствовало семь-восемь рабочих пареньков. Девушек, кроме меня, не было. Здесь говорилось о налаживании связи с рабочей молодежью фабрик и заводов, расположенных в округе Большого Сампсониевского проспекта, о вовлечении их в молодежные школы грамоты, привлечении на лекции, конференции, митинги, устраиваемые большевиками.

Помню одно собрание, созванное подрайкомом. На нем было человек 40 рабочих-подростков и три-четыре девушки. Происходило оно в полуподвальном помещении, кажется какой-то школы, близ завода «Новый Лесснер» на Большом Сампсониевском проспекте.

В то время комсомола еще не было и не слышно было о молодежных организациях, которые появились позднее, как, например, «Труд и свет». Рабочих-подростков на текстильных фабриках и в заводских цехах с применением ручного труда было немало. Юноши и девушки, которым чуть перевалило за 20, порой являлись уже закаленными борцами революции. Они вступали в партию в 17—18, а то и в 16 лет, вели подпольную нелегальную работу, нередко сидели в тюрьмах, бывали в ссылках. Имели опыт политической работы в массах.

Вспоминая теперь работу партийной ячейки большевиков на Оптическом заводе того времени, я представляю ее как совместную деятельность с заводским комитетом рабочих.

Секретарь ячейки Стразден, будучи председателем завкома, руководил его деятельностью и всеми общественно-политическими мероприятиями в рабочем коллективе. Подавляющее большинство рабочих и работниц завода шло за большевиками. А те, кто придерживался линии меньшевиков и эсеров, составляли единицы. Кое-кто из рабочих и работниц на первых порах революции посещали собрания анархистов на даче Дурново, но впоследствии и они примкнули к тем, кто шел за большевиками.

С первых дней Февральской революции проводилось круглосуточное дежурство членов завкома. Рабочие несли охрану завода и его складов. Организовали отряд Красной гвардии, учились стрелять из винтовок, ходить строем и т. д. Некоторые девушки-работницы учились на курсах медсестер, были на фронте, боролись против Корнилова. Вели свою ра-

боту секции завкома. Был организован кооператив и открыт в Бабурином переулке продовольственный магазин для рабочих Оптического завода. Существовали кружки хорового пения, декламации, участники которых выступали после рабочих собраний на заводе. В завкоме работницы и рабочие готовили плакаты, лозунги на транспарантах, вышивали заводское знамя, с которым мы ходили на демонстрации.

Не было такой демонстрации против политики Временного правительства, в которой бы ни участвовали рабочие и работницы Оптического завода.

4 июля 1917 г. нам довелось вплотную столкнуться с приспешниками Временного правительства. Мы пришли в Таврический сад и стояли там вокруг трибуны, как и другие демонстранты — рабочие, солдаты, матросы. На трибуне был какой-то полнеющий мужчина лет пятидесяти и ругал Ленина и большевиков. Свою речь он закончил выкриком: «Сверните ваши провокационные знамена!» В демонстрацию врезались юнкера с обнаженными саблями. Они перерубили наш лозунг «Долой министров-капиталистов!»

Возвращаясь с демонстрации домой, я встретила с Иваном Куприяновичем Наумовым, Наумчиком, как его тогда называли. Рабочая молодежь Выборгского района его знала хорошо. Он был членом Выборгского райкома и ПК. «Потерпели поражение сегодня, одержим победу завтра!» — сказал он.

На другой день, когда я шла с работы, у Оптического завода меня встретил старый питерский рабочий, член Выборгского райкома большевиков тов. Селицкий. Он принес под полой небольшой сверток и сказал: «Спрячь пока у себя. Это карточки партийцев». Через неделю Селицкий взял у меня этот сверток.

Как и мои сверстники, вступившие в партию после Февральской революции, я была наслышана о революционных событиях 1905 г. и борцах пролетарской революции. Для каждого из нас подпольщик-большевик был самым дорогим и уважаемым товарищем. Первыми из них, кого мы близко узнали, были Женя Егорова и М. И. Лацис, имевший партийную кличку Дядя. Понятия о партийных кличках мы тогда не имели и называли Лациса Дядей, как называют старших, тем более что в свои 29 лет Лацис носил солидную бороду, был высок ростом, широкоплеч. Он являлся для нас воплощением партийной активности и политической смелости, а Женя Егорова была олицетворением партийной честности и дисциплины. Мы любили их, им доверяли, у них учились.

«Неужели могут арестовать Женю Егорову, Дядю, членов Выборгского райкома большевиков? Как же мы будем без них?» — тревожилась я. Селицкий говорил: «Опасность такая есть, но духом падать нельзя!»

С лета 1917 г. рабочая молодежь Выборгского района имела свой клуб в помещении бывшего ресторана «Пальмира», близ Сампсониевского моста. Тогда там можно было встретить Надежду Константиновну Крупскую вместе с Женей Егоровой, сюда приходили активисты Выборг-

ского райкома большевиков. Здесь читались лекции и доклады по текущему моменту, давались концерты молодежной самодеятельности. По этому клубу среди активистов помню Мильду Иванс, молоденькую девушку, служившую в районной продовольственной управе, Бориса Шишкина, рабочего паренька с завода «Новый Лесснер».

За несколько дней до Октябрьского вооруженного восстания Оптический завод прекратил работу, но рабочие приходили на ежедневные собрания, заседания завкома и его комиссий. Заводская молодежь, прошедшая красногвардейскую подготовку, находилась в распоряжении районного штаба Красной гвардии и участвовала в штурме Зимнего дворца.

В ночь на 25 октября Стразден направил меня в Выборгский райком партии в резерв, «на всякий случай». Помню, я сидела на кипе брошюр в одной из комнат райкома, где не было ни столов, ни стульев, никакой мебели. Всюду лежали кипы литературы. Здесь же со мной дежурил Борис Шишкин и его друг, которого он называл Ванечкой. Запешший в эту комнату под утро Лацис взволнованно сказал нам, что Ленин в Смольном. Затем он послал ребят за газетами в типографию, а мне велел идти домой и выспаться.

На третий день после свершения Октябрьской революции мне довелось идти в Смольный вместе с двумя молоденькими текстильщицами и рабочим пареньком с завода Эриксона. Наумов помог нам получить пропуск для входа в Смольный. Он провел уже в Смольном несколько суток безвыходно, работая в ПК. Мои спутники остались в комендатуре Смольного, а меня Наумов проводил на третий этаж в Военно-революционный комитет. Представил меня С. И. Гусеву, профессиональному революционеру-большевику.

С. И. Гусев был ответственным секретарем ВРК и руководил его техническим аппаратом. Разговор о моей работе в ВРК был коротким. Гусев сказал, что назначит меня на должность машинистки, но осваивать пишущую машинку я должна буду между делом. Основной моей обязанностью будет помогать ему принимать посетителей, то есть выяснять, по какому делу они пришли в ВРК и ставить его в известность.

ВРК занимал две смежные комнаты: одну проходную, где работали сотрудники, и вторую, значительно меньших размеров, где непрерывно шло дежурство членов ВРК и проводились заседания и совещания. В ту комнату непосредственно из соседнего помещения Совета Народных Комиссаров РСФСР, минуя проходную комнату, заходил Владимир Ильич Ленин.

С первого дня моей работы в ВРК помню молодого тогда Николая Васильевича Крыленко. Когда он проходил, все смотрели на него как на героя дня. «Прапорщик Крыленко, назначен главнокомандующим!»

У входной двери в большой комнате ВРК деревянным барьером было отгорожено некоторое пространство. Оно было заполнено посетителями с утра до позднего вечера. Посетителями были люди, имевшие отношение к конфискованным типографиям и закрытым контрреволюци-

онным газетам, а также владельцы автомобилей, преимущественно иностранцы. Против ВРК на третьем этаже в небольшой комнате работали товарищи специально по вопросам автотранспорта, но посетители прежде заходили в ВРК.

Я осваивала «Ундервуд», когда не было посетителей, а это случилось только поздно вечером или ночью. Иногда по просьбе командира матросского отряда, охранявшего Смольный и находившегося в распоряжении ВРК, участвовала в облавах на юнкеров и контрреволюционных офицеров, прятавшихся в ночных игорных домах.

Однажды грузовик с матросами отправился от Смольного в район Невского проспекта. Остановился на некотором расстоянии от одного из особняков с плотно завешенными окнами, в переулке по-ночному безлюдном и темном. Я вошла в особняк вслед за матросами. Яркий электрический свет, смягченный люстрами, освещал залы со столиками и диванами, где развлекались нарядные женщины и мужчины, одетые в штатское и военное. Появление матросов произвело переполох. Пока шла проверка личностей мужчин, женщины сгруппировались в отдельном зале. Меня поставили на караул у открытых дверей этого зала. Командир приказал мне держать «винтовку наизготовке». Винтовка была не заряжена, о чем мне позднее сказал командир. Но женщины с опаской посматривали на нее и на меня. Некоторые от страха плакали, размазывая косметику на лицах. И ни одна не рискнула переступить границы отведенного женщинам помещения.

Гул в коридорах и комнатах Смольного стихал только на рассвете. Тогда С. И. Гусев гасил свет в большой комнате, чтобы дать отдохнуть глазам. В этот час и сотрудники позволяли себе отдохнуть, дремали за рабочими столами. Они работали круглосуточно, не выходя из Смольного по нескольку дней. В редкие часы отдыха они иной раз позволяли себе помечтать. Помнится, кто-то приглушенно говорил одному из членов ВРК: «Представляете, когда свершится мировая революция, каждый человек будет иметь возможность путешествовать по всему земному шару. И везде найдет работу, хлеб, дом и друзей. Тогда все народы будут братьями!»

С. И. Гусеву приходилось исправлять орфографические ошибки в отстуканных мной на «Ундервуде» бланках справок, пропусков и тому подобных канцелярских бумаг. Но он поощрял меня: «Государственные служащие саботируют. Мы их за саботаж с государственной службы уволим, а таких, как вы, обучим!» Заботливо и чутко относился к сотрудникам ВРК Сергей Иванович и что мог делал для облегчения их бытовых условий. Так, он выдал мне ордер на ботинки в один из частных магазинов на Невском. По ордеру ВРК ботинки мне были отпущены незамедлительно.

Когда ВРК окончил свою миссию и свертывал работу, а его сотрудники распределялись по вновь созданным народным комиссарнатам, С. И. Гусев рекомендовал меня Управлению делами Совета Народных

Комиссаров. Управляющий делами Совнаркома Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич назначил меня на должность секретаря приемной Совнаркома. Предполагалось, что моим начальником будет Придворов (Демьян Бедный), назначенный начальником канцелярии СНК. Но поэт пробыл в этой должности лишь несколько часов. Сидел в одной со мной комнате в шубе и в меховой шапке (тогда Смольный не отапливался). Моим начальником стал секретарь Совета Народных Комиссаров Николай Петрович Горбунов, скромный молодой человек, похожий на студента.

Он дал мне канцелярскую книгу и велел разграфить ее так, чтобы записывать посетителей: Кто? Откуда? По какому вопросу? Посетители в Совнарком шли к его Председателю, к Ленину. Но Владимир Ильич был чрезвычайно перегружен. Кроме Бонч-Бруевича, Горбунова и Марии Николаевны Скрышник посетители принимали и некоторые члены Совнаркома. Помню замнаркома продовольствия А. Д. Цюрупу, иногда беседовавшего с посетителями в приемной.

В мою обязанность входило только регистрировать посетителей и докладывать о них Бонч-Бруевичу или Горбунову. Когда ни того ни другого в СНК не было, мне доводилось самой провожать посетителей в кабинет Ленина. Помню, это были рабочие делегации. Я представляла их так: входила в кабинет впереди посетителей, останавливалась у двери и говорила: «К Вам посетители, товарищ Ленин!»

В кабинете Ленина всегда кто-нибудь был из тех товарищей, которые проходили к нему без доклада. Владимир Ильич разговаривал с ними, говорил по телефону, читал, писал — всегда был занят. Но не было случая, чтобы он отказал в приеме тем, кого мне доводилось представлять.

У кабинета Ленина всегда дежурили матросы или красногвардейцы. Здесь часто находился комендант Смольного П. Д. Мальков. В те дни вечерами у Владимира Ильича ежедневно бывал комендант Петропавловской крепости Г. И. Благонравов, высокий молодой человек в офицерской шинели без знаков различия.

Однажды я хотела выяснить, куда ведет лестница с третьего этажа совнаркомовского помещения. Спустилась немного по ней и неожиданно встретила с Владимиром Ильичем. Он поднимался по этой узкой лестнице. Видимо, Владимир Ильич шел из своей квартиры со второго этажа. Он был без пальто, пиджак накинут на плечи, но в кепке. Поравнявшись со мной, остановился. Сказал мне: «Добрый вечер!» Затем спросил меня, как моя фамилия, на каком заводе работает мой отец, не беспокоятся ли мои родители, что я так поздно задерживаюсь в Смольном.

Никто в Смольном, кроме Ленина, не задавал мне таких вопросов. Об этом я сказала потом Н. П. Горбунову. В ответ он задумчиво произнес: «Это ведь Ленин!»

Однажды Владимир Ильич проходил мимо меня в приемной вместе с Бонч-Бруевичем, который говорил ему про меня: «Я эту девочку назначил в приемную. Пусть она здесь сидит. Иные посетители идут в Сов-

нарком и думают, что их большевики встретят штыками, а увидят девочку». Владимир Ильич, как бы продолжая слова Бонч-Бруевича, сказал: «А увидят девочку и подумают, что с большевиками не только взрослые, но и дети».

В январе 1918 г. обстановка в Смольном с каждым днем становилась все более напряженной и боевой. Посетителей в Совнаркоме становилось все меньше. Теперь сюда приходили товарищи прямо с митингов и собраний. Рассказывали о жарких схватках с противниками ленинской линии по обострившемуся тогда вопросу о войне и мире.

Невозможно было оставаться безучастной к тревожным гудкам фабрик и заводов Петрограда, к воззванию Совнаркома, подписанному Лениным, в котором говорилось о смертельной опасности, нависшей над социалистическим Отечеством. Все это обязывало быть в рядах бойцов, защищать завоевания Октябрьской революции.

Я побежала на Оптический завод, чтобы вместе с его молодежью отправиться на фронт. Но оказалось, что завод прекратил свою работу с первых чисел января. Он был закрыт.

Жизнь была ключом там, где формировались красногвардейские отряды и отправлялись на фронт под Псков и Нарву. На первом этаже Смольного, в штабе Красной гвардии, я записалась в санитарки. В течение суток обучалась оказывать первую помощь раненым. Мне выдали сумку с йодом и марлей и зачислили в отряд комиссара Григорьева. В этом отряде кроме 30 рабочих пареньков оказалась девушка Катя Сташкевич, с которой мы подружились.

Весь наш отряд уместился в трамвайном вагоне, когда мы ехали от Смольного на Варшавский вокзал. Ждать отправки пришлось целые сутки. Не хватало паровозов и поездных составов. Все вокзальные помещения были переполнены отрядами рабочих, солдат, матросов. Люди сидели и лежали на скамейках, на подоконниках и прямо на полу. Воздух был до того насыщен дымом махорки, что все вокруг было как в тумане. И здесь велись жаркие споры о войне и мире. Казалось, что спорщики никогда не примирятся. Но как только началась посадка, все дружно устремились в вагоны с желанием дать отпор немецким милитаристам, отстоять завоевания Октября.

А. А. Бабицын. Первые шаги первого завкома „Нового Парвизайнена“

23 февраля 1917 г. я из «Крестов» был направлен по этапу в Торжок. После мытарств в полицейском управлении Торжка в первых числах марта возвратился в Петроград. В тот же день пришел в Выборгский районный комитет РСДРП(б) и встретил здесь старых товарищей, освобож-

денных из тюрем, — И. Наумова, С. Сорокина, И. Кодацкого и других, а также секретаря Выборгского районного комитета Женю Егорову.

Здесь велись горячие споры о прекращении забастовки и условиях возобновления работ.

Одни товарищи — Женя Егорова, Кодацкий, Чугурин, Лацис настаивали на том, чтобы от слов перейти к действиям и явочным порядком ввести 8-часовой рабочий день, начать создавать заводские комитеты. Другие предлагали ждать решения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Мы, новопарвизайненцы, решили вернуться на завод, с которого были уволены за участие в рабочем революционном движении в 1915 г., и согласовали этот вопрос с секретарем Выборгского районного комитета РСДРП(б).

5 марта Исполнительный комитет СР и СД принял решение о желательности возобновления работ в Петрограде, но при этом умолчал об условиях возобновления работ.

7 марта собрание 2 тысяч рабочих Выборгской стороны приняло постановление о возобновлении работ, однако предупредило, чтобы в дальнейшем все серьезные решения Совета предварительно обсуждались общим собранием рабочих¹.

До 10 марта завод все еще почти бездействовал. Рабочие не спешили приступать к работе, собирались у станков, рассказывали об участии в демонстрации, о разгроме полицейских участков, о дружеских встречах с солдатами. Поднимался вопрос: будем ли ждать, что нам скажут, или же сами установим заводские порядки?

На летучем совещании партийного коллектива новошрапнельной мастерской, где присутствовали члены партии, вернувшиеся из тюрем и ссылки, решили избрать организатором партколлектива И. К. Наумова и его заместителем В. М. Горячева. Совещание постановило созвать общее собрание рабочих, на котором заслушать доклад депутата Петроградского Совета Орлова, который был меньшевиком, и обсудить вопрос о введении 8-часового рабочего дня, а также организовать заводской комитет.

В тот же день собрались рабочие. Председателем собрания был избран большевик Алексеев. Орлов сообщил о решении Исполнительной комиссии Петроградского Совета Р и СД от 5 марта. Докладчик призвал рабочих поддержать это решение. Во время доклада с мест раздавались голоса: «Что решили о 8-часовом рабочем дне?», «Будет ли уплачено рабочим за дни забастовки?» На это Орлов ответил, что по этим вопросам решений не было.

После доклада разгорелась острая борьба между большевиками и меньшевиками. Меньшевики Михайловский, Яковлев, Треер призывали прислушаться к решению Исполнительного комитета, приступить к работе и ждать дальнейших указаний, не предъявлять чрезмерных тре-

¹ См. «Правда» (№ 3), 8(21) марта 1917 г.

бований администрации, помнить о солдатах на фронте, не отталкивать от революции «живые силы».

Против предложений докладчика и меньшевиков выступили члены нашей партии Наумов, Горячев, Солдаткин и я. Мы говорили, что 8-часовой рабочий день есть программное требование нашей партии. Напоминали, что рабочие завода «Новый Парвияйнен» еще в 1915 г. выдвигали это требование, но тогда администрация отклонила его. Сегодня мы должны начать работать по восемь часов явочным порядком. «Живые силы», о которых говорили меньшевики, носили красные бантики в первые дни революции, а сейчас выступают против справедливых требований рабочих, начинают натравливать солдат на рабочих. Рабочие дружно поддерживали выступления представителей нашей партии. Выступивший от эсеров-максималистов Романов полностью поддержал предложения большевиков.

Подводя итоги, товарищ Алексеев сказал: «Да здравствует программное требование большевиков — 8-часовой рабочий день без снижения заработной платы! Полную оплату дней забастовки!» Собрание аплодисментами приветствовало его слова и проголосовало за предложение большевиков о введении 8-часового рабочего дня явочным порядком. Против голосовали только меньшевики.

От имени коллектива большевиков выступил Наумов с предложением об организации заводского комитета, который должен будет, говорил он, защищать интересы рабочих как перед правлением завода, так и перед другими организациями. В случае необходимости такие организации будут созданы и по мастерским. Меньшевики же предложили избрать не общезаводской комитет, а совет старост по мастерским, которые должны заниматься только улаживанием конфликтов между рабочими и администрацией.

Предложение большевиков было принято большинством. Завком избрали в составе семи членов — Солдаткина, Горячева, меня, Еремина, Лебедева, Никитина и Треера. Председателем завкома был избран я. Собрание поручило Алексееву и Наумову довести до сведения администрации решение собрания. Это был первый состав заводского комитета.

Лишь 10 марта было достигнуто соглашение между Петроградским СР и СД и Обществом заводчиков и фабрикантов, опубликованное 11 марта в «Правде», о введении 8-часового рабочего дня и о создании фабрично-заводских комитетов и примирительных камер.

Первые дни заседания заводского комитета проводились у рабочего места председателя. Решения протоколом не оформлялись, заявления рабочих не регистрировались и хранились в рабочем столе председателя. Завком категорически заявил начальнику мастерских, что он будет проводить свои заседания в его кабинете, если ему не будет предоставлено помещение. Это подействовало, и нам была выделена комната на втором этаже между новошрапнельной и снарядной мастерскими.

Заседания завкома проводились после работы. Свои решения завком внедрял в жизнь с боем. Он требовал улучшения условий труда, организации столовой, усиления охраны завода, оплаты членов столовой комиссии, оплаты вызовов членов завкома или рабочих на заседания в районные и другие организации. Администрация завода, как правило, не соглашалась с требованиями завкома, ссылаясь на то, что в соглашении Петроградского Совета с Обществом заводчиков и фабрикантов это не оговорено. Если не действовали убеждения, завком прибегал к общему собранию рабочих и таким образом добивался поддержки своих решений.

Так, например, был решен вопрос об организации столовой и об оплате членов столовой комиссии.

При поддержке Выборгского районного комитета партии и Совета Р и СД завком организовал в ресторане «Зимний сад» питание рабочих близрасположенных предприятий. Завкомы «Нового Парвизайнена» и «Старого Парвизайнена» создали столовую комиссию, в которую вошли от завода «Новый Парвизайнен» Ильин, а от завода «Старый Парвизайнен» — Бубнов и Кривоносов, проводивший культурно-просветительную работу среди рабочих. В столовой часто организовывались лекции и доклады, где выступали А. В. Луначарский, В. Володарский, М. И. Лацис и другие видные ораторы.

При столовой была организована библиотека. Руководил ею рабочий завода «Старый Парвизайнен» поэт Иван Логинов. Он достал шкафы, где хранилась политическая и художественная литература, и наладил выдачу книг рабочим наших и других заводов района.

Первое время столовая комиссия контролировала работу столовой, а затем управляла ею. Администрация завода отказывалась оплачивать работу членов столовой комиссии. Тогда завком заявил, что вопрос будет поставлен на собрании рабочих с вызовом членов правления. Администрацию, видимо, это испугало, и она согласилась оплачивать членов столовой комиссии по среднему заработку.

Первые революционные завоевания рабочих обострили противоречия между рабочими и заводчиками. Последние обвиняли рабочих в снижении производительности труда, в нежелании работать. Члены завкома и большевики завода объясняли истинное положение дел: продолжавшаяся империалистическая война была причиной простоев завода, так как вызывала перебои в подвозе сырья и топлива.

Бывали случаи необоснованных требований рабочих к завкому. Например, было заявление чернорабочих (как тогда называли неквалифицированных подсобных рабочих): они требовали уравнивания заработной платы всех рабочих — квалифицированных и неквалифицированных. Они мотивировали свое требование так: «Мы добились свободы, братства и равенства. А какое же это равенство, если один зарабатывает полтора рубля в день, а другой 10—15». Как председатель завкома я согласился с ними в том, что оплата подсобных рабочих должна быть повышена, но уравнивать заработки рабочих нельзя. Для этого нужно, чтобы неквалифи-

цированные рабочие стали квалифицированными, то есть могли бы выполнять работу более сложную, чем они выполняют. Вопрос этот был перенесен на общее собрание рабочих заводов. Зная намерение чернорабочих прекратить работу, после страстных прений приняли решение: «Учитывая серьезность переживаемого момента, собрание считает необходимым производить работы полностью. Всякое манкирование и требования чрезмерного увеличения заработной платы собрание считает позором и крайне вредным в смысле закрепления завоеванных нами свобод»¹.

В начале марта 1917 г. в «Правде» была помещена статья, которая призывала рабочих фабрик и заводов создавать свои вооруженные отряды для защиты революционных завоеваний. Рабочие живо откликнулись на этот призыв. Партийный коллектив завода «Новый Парвиаинен» решил немедленно приступить к организации заводского отряда Красной гвардии, обязал всех членов партии вступить в отряд и начать военное обучение. Начальником отряда был назначен от партколлектива Артемьев, а начальником штаба по рекомендации завкома — Куликов.

На первых занятиях пользовались деревянными самодельными ружьями. Одеты красногвардейцы были по-разному, кто в чем: кто в шляпе, кто в кепке, кто в длинном пальто, подпоясанном ремнем, кто в куртке. Строевыми занятиями руководил Куликов. Он уделял большое внимание снабжению отряда оружием. В этом ему помогали бойцы Н. Матвеев, В. Петров, А. Новиков, А. Лобанов и др. Позднее, с ростом отряда где-то раздобыли гранаты и за оградой завода проводили обучение гранатометанию. На демонстрациях отряд Красной гвардии шел во главе рабочей колонны — сразу после партколлектива и завкома. Несколько позднее при отряде была организована санитарная часть. Начальником ее завком назначил Анну Платонову — члена партии, которая провела большую работу по вовлечению в санчасть работниц и обучению их санитарному делу.

В борьбе за Советскую власть красногвардейцы завода «Новый Парвиаинен» были в первых рядах Выборгского района.

В апреле 1917 г. Временное правительство выпустило так называемый «Заем свободы». Партийный коллектив завода под руководством Выборгского районного комитета партии развернул широкую агитацию среди рабочих против этого займа. На собрании рабочих завода 24 апреля в защиту подписки на «Заем свободы» выступил депутат Петроградского Совета Орлов. Против подписки на заем выступили члены партии Горячев, Солдаткин, я и Наумов. Мы разъясняли рабочим, что Временному правительству нужны деньги для продолжения империалистической войны, а рабочим нужен мир. Ни одной рабочей копейки на «Заем свободы»! Вот как должны ответить новопарвиаиненцы.

Меньшевики поддерживали подписку на «Заем свободы», особенно ак-

¹ «Правда» (№ 18), 26 марта (8 апреля) 1917 г.

тивно выступал Яковлев. Эсеры-максималисты поддерживали большевиков. Собрание проголосовало за резолюцию большевиков.

Во второй половине апреля 1917 г. производство на заводе «Новый Парвизайнен» начало тормозиться в силу разных причин. Администрация связывала это с плохим снабжением завода топливом, сырьем, заготовками, отсутствием заказов, трудностями сбыта готовых изделий изготовленных для военного ведомства. Однако правление завода действенных мер к устранению производственных неполадок не принимало. Об этом положении на заводе в «Известиях» была даже напечатана статья, в которой говорилось об угрозе рабочим быть уволенными: предполагалось назначить комиссию для выяснения причин такого положения.

Администрация завода предложила перевести заводы Парвизайнена в Юзовку (ныне Донецк), где находились литейные заводы этого общества. Предложение это было сделано администрацией на совместном заседании завкомов «Старого» и «Нового Парвизайнена». Мы не сразу поняли коварный замысел администрации. Под предлогом улучшения работы заводов администрация преследовала цель разгрузки Петрограда от революционных рабочих. Завкомы решили обсудить вопрос на общем собрании рабочих обоих заводов. Такое собрание состоялось, и на нем было решено послать комиссию в Юзовку и выяснить там все условия жизни и работы рабочих. Через неделю, затраченную на поездку в Юзовку, возвратившаяся комиссия сделала доклад о результатах ознакомления с условиями жизни и работы, которые были куда хуже петроградских. Комиссия считала, что нужно улучшить работу завода на месте.

После горячих прений собрание решило воздержаться от перевода заводов в Юзовку. Избрали комиссию для проверки правильности заявления администрации об отсутствии на складах заводов горючего и других материалов, необходимых для нормального процесса производства. Это послужило началом работы завкома по контролю над производством.

В бурных событиях того времени партия большевиков направляла нашу работу и помогала разобраться в сложной обстановке. Ежедневно где-нибудь на Выборгской или на Петроградской стороне — у дворца Кшесинской, в цирке «Модерн» и в других местах организовывались митинги. Стены ломались от желающих послушать ораторов, многие оставались на улице.

Неизгладимое впечатление осталось у меня от выступления В. И. Ленина о Всероссийской (Апрельской) партийной конференции, которое я слышал 8 мая в большом зале Морского корпуса.

С большим вниманием, стоя слушали мы простые, ясные, полные глубокого содержания ленинские слова. Для нас понятнее стали решения конференции, задачи нашей партийной организации по разъяснению рабочим наших партийных взглядов. Я понял, что каждый из нас должен стать и агитатором, и пропагандистом, а также борцом за укрепление и расширение рядов нашей партии.

НАРВСКО-ПЕТЕРГОФСКИЙ РАЙОН

П. П. Александров. | **От Февраля к Октябрю¹**

В 1914 г. за Нарвской заставой начал действовать завод бронебойных пуль «Анчар». Он был оборудован в здании бывшего холодильника группой дельцов, почувствовавших возможность во время войны получать большие прибыли.

Осенью 1916 г. после недолгого пребывания на нелегальном положении и четвертого ареста мне удалось поступить на этот завод. В то время на нем работало около тысячи человек, по преимуществу женщины. На заводе было немало сознательных рабочих. Среди них особенно выделялся В. Алексеев. Раньше он работал на Путиловском заводе, но после ареста вернуться туда не смог и поступил на завод «Анчар», который очень нуждался в квалифицированных рабочих. Туда же устроился и его товарищ Иван Тютиков.

Одновременно со мной на заводе стали работать Иван Гендилев, член партии с 1913 г., живший тогда под фамилией Жукова, братья Онуфриевы; один из них, Андрей, был активным участником революции 1905 г., а другой, Евгений, — делегатом Пражской конференции 1912 г. Работали там молодой большевик токарь Никифоров, а также молодые рабочие Минаев и Кочубей, впоследствии ставшие активными участниками и организаторами нарвского отделения Союза социалистической молодежи.

¹ Статья впервые опубликована в брошюре П. П. Александрова «За Нарвской заставой». Л., 1963. В настоящем сборнике она печатается в новой авторской редакции (*Прим. ред.*).

Группа рабочих, о которых я упомянул, и еще некоторые другие составляли большевистскую организацию на заводе. У нас была налажена хорошая связь с путиловской партийной организацией.

Рабочие завода «Анчар» поддерживали забастовочное движение путиловцев, вместе с ними участвовали во всех выступлениях в канун Февраля и в памятные дни Февральской революции.

Запомнились мне такие эпизоды тех дней. Это было днем 26 февраля. Огромная колонна людей, состоявшая из рабочих, работниц и студентов, втянулась с Невского проспекта на Знаменскую площадь. К этому времени уже несколько команд солдат, в частности Волынского и Павловского полков, отказались стрелять в рабочие демонстрации.

У самого въезда на площадь со стороны Лиговки расположились конные городовые. Почти напротив них, ближе к Николаевскому вокзалу оказался небольшой отряд казаков. Стиснутые со всех сторон рабочими, оба отряда не делали никаких попыток разогнать демонстрацию. Но вот на пьедестал «Пугала» (памятник Александру III) взбирается товарищ. Он небольшого роста, в военном пальто и шляпе с опущенными полями. Он говорит о тяжелой жизни трудящихся, о самодержавии, призывает к борьбе. Толпа с напряженным вниманием слушает его проникновенные слова против войны. Проходит минут пять, и вдруг раздается выстрел. Это пристав из отряда конных городских стреляет из револьвера в оратора, но, к счастью, не попадает в него. Толпа неподвижна, и все видят, как из отряда казаков отделяется всадник, бросается на пристава и обнаженной пашкой ударяет его. Пристав ранен, но дает команду, и весь отряд конных городских стремительно уносится к Старо-Невскому проспекту. Казаки остаются на месте, а демонстранты горячо их приветствуют.

Счастливым и радостным был этот день. Вернулся домой уже вечером, едва передвигая ноги, но отдохнуть не удалось. В девять часов вечера должно было состояться экстренное заседание городской думы. Мне и еще нескольким товарищам удалось пробраться туда. Городской транспорт бастовал, и мы отправились пешком. Пришли с небольшим опозданием.

Гласные думы, купцы и промышленники ведут разговоры о продовольственных беспорядках, о том, чтобы просить Совет министров передать продовольственное дело в руки городского самоуправления. Глубокая ночь, а все еще продолжают речи по продовольственному вопросу. И лишь один из думцев, кадет Коган, не говорил о продовольственных беспорядках. Он напомнил о происходящей всеобщей политической забастовке, о грандиозных демонстрациях, имевших место днем, о случаях отказа солдат стрелять в рабочих, о том, что только сегодня днем в здание городской думы внесли 12 трупов расстрелянных демонстрантов. Из всего этого он делает вывод, что не нужно обсуждать «продовольственный вопрос», а надо давать «продовольственный ответ» — расценивать события как революцию и сделать все для того, чтобы руководство ре-

волюционными действиями не было захвачено «безответственными элементами». По его мнению, партия кадетов должна взять на себя руководство революцией.

В два часа ночи, так и не дождавшись конца заседания, мы пешком возвращались за Нарвскую заставу по пустынным и мрачным улицам. Только частые патрули городских бродили по улицам. Но они уже были переодеты в солдатские серые шинели, носили папахи, у каждого винтовка. Ходили не в одиночку, а по несколько человек.

27 февраля мы опять на Невском проспекте в бесконечном потоке движущихся людей. Узнаем, что в разных местах солдаты отказались стрелять в рабочих и кое-где присоединились к восставшему народу.

Около трех часов дня возвращаемся домой. Вася Алексеев по пути заходит в кооператив «Трудовой путь». Организованный в 1915 г. рабочими Путиловского завода и фабрики «Треугольник», этот кооператив являлся одной из легальных организаций района, которую большевики через культурно-просветительную комиссию умело использовали в целях пропаганды.

Не прошло и часа, как стало известно, что разгромлены «Кресты» и освобождены политические заключенные. Разгромлен и горит Литовский замок. Военские части открыто присоединяются к народу и снабжают рабочих оружием.

В кооператив позвонили по телефону из думской фракции меньшевиков и предложили выделить несколько делегатов в организуемый Петроградский Совет РД. Такой телефонный звонок из думской меньшевистской фракции в кооператив оказался не случайным. Меньшевики из Государственной думы рассчитывали получить депутатами из кооператива своих единомышленников, заранее зная, что из путиловской больничной кассы в Совет могут послать большевиков.

Но случилось так, что в культурно-просветительной комиссии кооператива большинство было у большевиков, они направляли политическую деятельность кооператива, и депутатами Совета оказались тоже большевики.

С В. Алексеевым мы идем в «Трудовой путь». Нам вручают бумагу, на ней написано, что «предъявители сего -- Афанасьев С. И., Алексеев В. П., Александров П. П. действительно выделены кооперативом «Трудовой путь» депутатами Петроградского Совета Р. Д.». Надо спешить. Поймав на Обводном канале какой-то военный грузовик, показываем свою бумагу шоферу, который охотно берется нас доставить в Таврический дворец.

Но не сразу мы попали туда...

На Екатерингофском проспекте (ныне проспект имени Римского-Корсакова) путь нам преградила большая толпа народа, сгрудившаяся около мрачного красного здания. Это 2-й гвардейский флотский экипаж. Железные ворота на запоре, в окнах темно, не видно ни одного живого лица. По распоряжению командира матросов заперли в казармах. Толпа

пытается проникнуть в здание экипажа и присоединить матросов к восставшему народу.

Двигаемся дальше. Проезжаем мимо Марсова поля. В темноте там собралась огромная масса солдат разных полков. Неизвестно еще, с кем они пойдут — то ли вместе с народом, то ли верх возьмут их командиры и поведут их против народа. Останавливаем машину. Рассказываем о начавшейся революции, о восставших рабочих и солдатах, сообщаем об организации Совета РД, призываем их быть вместе с рабочими. Поздно вечером добираемся до Таврического дворца.

Здесь много солдат и немного рабочих. Приходят полк за полком и заявляют о своей верности народу и революции. Мы направляемся в правое крыло дворца, где заседает Петроградский Совет РД, и уже на ходу узнаем, что тут же во дворце заседает Временный комитет Государственной думы. Он составлен из членов Думы, представителей буржуазных партий во главе с председателем Думы Родзянко.

В смежной с помещением Совета комнате вручаем свой мандат; нам повязывают на левый рукав красную ленту, оторванную от куска кумача, и мы входим в сравнительно небольшую комнату, где заседает Совет. Там около 100 человек членов Совета. За столом президиума меньшевики — Чхеидзе, Скобелев, Чхенкели, Гвоздев, тут же Керенский.

Большевики еще в ссылке, а освобожденные из «Крестов» и других тюрем, как и надо было ожидать, попали сразу из тюрьмы в свои рабочие районы, на улицы, где шла борьба. Поэтому их в зале заседания немного.

Совет в девять часов вечера образовал Исполнительный комитет из меньшевиков и эсеров. Уже выделены несколько меньшевистских и эсеровских лидеров для связи с Временным комитетом Государственной думы — они ведут какие-то переговоры с комитетом. Время от времени появляются в Совете делегаты и информируют его о происходящих событиях.

Совет принимает решение провести выборы депутатов Совета на фабриках, заводах и в воинских частях — от 1000 рабочих один депутат и от каждой роты солдат один депутат. Уже к утру Совет решает: немедленно организовать районные рабочие комитеты. Принимается также решение организовать на фабриках и заводах милицию по 100 человек на 1000 рабочих, устанавливаются сборные пункты для вооруженных рабочих и войск в районах Выборгском, Петроградском, Василеостровском, Рождественском, Московском, Невском и Нарвском.

В это время активно действует Временный комитет Государственной думы, он уже начинает готовить состав Временного правительства во главе с князем Львовым. Совет же, во главе которого стоят меньшевики и эсеры, находится как бы на подсобном положении. Общеполитические решения не выносятся.

Рано утром возвращаемся домой. На улицах вооруженные солдаты, матросы и рабочие. Как только машина подъехала к зданию компании

Зингер (ныне Дом книги), затарахтел пулемет. Это стреляли городовые. Шофер быстро дал задний ход, и мы поехали по Владимирскому и Загородному проспектам к Нарвской заставе. С Троицкого собора, где тоже засели городовые, нашу машину снова обстреляли из пулемета. Тут мы уже просто проскочили на быстром ходу, получив только две пробоины в кузове машины.

Днем 28 февраля, присоединившись к восставшему народу, воинские части из Стрельны и Ораниенбаума двинулись в Петроград. Их горячо и радостно встретили путиловцы у завода. Но когда солдаты подошли к шестому отделению общества потребителей при Путиловском заводе, полицейская засада, расположенная там, встретила их ружейным и пулеметным огнем.

Засаду ликвидировали. Огромная колонна солдат продолжала свое движение в город и, как только подошли к Нарвскому монастырю (на углу Нарвского проспекта и Старо-Петергофского, ныне проспект Газа), ее снова встретили пулеметным огнем. Снова перестрелка, и городских ликвидируют. Мы подъезжаем к Нарвским воротам, здесь многолюдно.

Недалеко от ворот телега с вышкой для ремонта трамвайных проводов; с нее, сменяя друг друга, выступают ораторы. Взираем на вышку и мы. В. Алексеев горячо и вдохновенно рассказывает о последних событиях. Крики «Ура!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует демократическая республика!» заполняют площадь.

Радостные и взволнованные мы идем на Путиловский завод, где уже образовывается районный рабочий комитет, расположившийся в проходной конторе Путиловского завода. Тут уже находятся Степан Афанасьев, Степан Корнеев, Иван Панов, Иван Егоров, Иван Генслер, Иван Голованов, Михаил Богданов, Петр Репников, Александр Яковлев, Иван Смолин, Георгий Кащевский, члены управления путиловской больничной кассы О. Леошко, А. Ульянов. Появились выпущенные вчера из тюрем Федор Лемешев, Люба Тарасова, Семен Норштейн и др. Огромная радость одержанной победы захватила всех. Решают провести митинги по мастерским для освещения происходящих событий. Меня направляют в новоснарядную мастерскую. Там хорошо знают, что год назад я здесь выступал на собрании рабочих во время февральской забастовки, что в 1916 г. был членом стачечного комитета мастерской. Здесь меня тогда арестовала охранка, здесь рабочие вносили свои пяточки и гривенники при сборе денежной помощи мне в тюрьму и собрали более 80 рублей.

В мастерской радостные объятия, общее ликование. Начинается митинг. Избирают депутатов в Петроградский и районный Советы — Ивана Панова и Ивана Егорова. Происходит запись в рабочую милицию.

Вечером того же дня вместе с группой вооруженных рабочих по поручению районного рабочего комитета я направился на дачу графа Шереметьева для обыска и ареста графа. Графа там мы, конечно, не нашли, но кое-какое оружие забрали и доставили в рабочий комитет, который в первые дни революции стал фактической властью в районе. Рабочий ко-

митет начал организовывать милицию, производил аресты приспешников царского строя, заботился о продовольствии для населения и организовывал сборы средств через отчисления рабочих на культурно-просветительные нужды.

Рабочий комитет, постепенно пополняемый избранными на разных предприятиях членами районного Совета, помещался сначала в проходной конторе завода, а затем в конторе по приему и делам рабочих Путиловского завода. 6 марта он перешел уже как районный Совет на Петергофскую улицу в помещение исправительного дома. Вместо печати Совета, которой еще не было, пользовался печатью путиловской больницы кассы. Позже меньшевистское и эсеровское руководство Совета обзавелось своей печатью, в центре которой крупно стояло: «27 февраля».

Рабочий комитет создал секретариат из восьми человек для решения дел по внутреннему распорядку района. Впоследствии он был реорганизован в комиссариат, а затем в районную управу.

* *
*

В первые дни революции сердце переполнялось радостью от одержанной победы. Но не прошло и нескольких дней, как я убедился, что эта радость преждевременная, что нужно много и долго бороться и работать для того, чтобы вкусить подлинную радость свободы. На такой вывод меня натолкнул совсем маловажный на первый взгляд факт. В 1912—1914 гг. я работал членом правления «второго общества образования» Нарвского района. Это общество было одной из так называемых легальных возможностей. Работа там проводилась под постоянным надзором полиции. Лекции можно было читать только по разрешению полиции, предварительно представив их подробный конспект. На лекциях постоянно присутствовали пристав или околоточный, которые могли в любую минуту прекратить чтение лекции, признав ее крамольной.

Не лучше обстояло дело с редкими театральными спектаклями нашей самодеятельности в «доме просвещения» (ныне клуб имени Цюрыпы). Под полицейским надзором находилась и библиотека общества.

Малейший срыв в соблюдении полицейских правил мог привести к закрытию общества. Оно ютилось в квартире второго этажа дома 16 по Нарвскому проспекту, в которой было три или четыре комнаты, причем в самую большую из них можно было вместить только 60—70 человек. И, несмотря на эти тяжелые условия, общество работало, и мы всячески держались за него, потому что оно все-таки давало возможность вести не только легальную, но и подпольную работу, давало возможность собираться там, обсуждать текущие дела и даже вести кружковую работу. Общество было закрыто в самом начале войны.

После Февральской революции вопрос о помещении для культурной и политической работы — о рабочем клубе возник сам собой. И вот Нарв-

ский районный Совет 6 марта 1917 г. дает мне и большевику Григорию Иванову такой мандат:

«Совет Рабочих Депутатов Нарвского района поручает Гражданамъ г. Петрограда Петру Александрову и Григорию Иванову произвести сборъ на открытие рабочего политического клуба въ Нарвском районе».

Перед нами прежде всего возник вопрос о помещении для клуба. После долгих поисков мы решили, что самым подходящим местом для него будет большой трактир «Таганрог», стоявший тогда на месте теперешнего Кировского универмага. Находим трактирщика. Это пожилой, купеческого вида благообразный человек, на левом лацкане пиджака которого огромный красный бант. Заявляем ему, что мы решили в этом трактире организовать рабочий политический клуб и ему придется по возможности быстрее «очистить» помещение. Трактирщик требует неустойку и называет нам огромную по тогдашнему времени сумму — несколько тысяч рублей. Возмущенные, мы уходим и несемся в районный Совет, требуем конфискации трактира. Но не тут-то было. В Совете меньшевики, они говорят, что придется платить неустойку, нужно только говорить об уменьшении суммы и постараться собрать возможно больше средств. Кстати сказать, мы выясняем, что и Совет сидит без денег. Вот тут радость первых дней революции сменилась гневом и возмущением. Как же так, думал я. Рабочий класс победоносно скинул самодержавный строй, а мы не можем даже свой клуб открыть. Оказывается, все осталось по-прежнему.

Разочарование итогами Февральской революции, конечно, охватило не только меня. Все увидели, что не сделано еще и полдела, что предстоит упорная борьба за власть трудового народа. Путь этой дальнейшей борьбы рабочего класса скоро с предельной ясностью определил В. И. Ленин в «Апрельских тезисах».

Денежные сборы на открытие первого политического клуба, начатые мной и Г. Ивановым 6 марта среди отдельных товарищей, не дали нужных результатов. Поэтому культурно-просветительная комиссия Совета выдала группе организаторов клуба небольшую сумму денег, позаимствовав их из средств милиции. 8 марта была открыта запись в члены первого политического клуба.

Организаторы клуба А. М. Бодров, Г. Иванов, П. Александров, Ф. Кузнецов, Колышев и другие разыскали и наскоро переоборудовали небольшое двухэтажное здание трактира в доме № 12 по Нарвскому проспекту, нашли сохранившуюся у одного из членов «второго общества образования» часть библиотеки, пополнили ее новой литературой, подготовили зал для лекций, собраний и концертов, организовали буфет, забрали с некоторых складов мебель и обставили клуб как могли, не оставив от трактира почти никакого воспоминания.

7 апреля 1917 г. в помещении кинотеатра «Колизей» на Елизаве-

тинской улице под звуки оркестра состоялось торжественное открытие клуба в присутствии 2 тысяч рабочих Нарвской заставы.

Торжественное открытие первого политического клуба дало большой приток новых членов. Клуб стал местом постоянных сборов революционной молодежи Нарвской заставы. Нередко там выступали М. Урицкий, П. Куделли, В. Володарский, П. Лебедев-Полянский и другие большевики. Лекции, беседы, страстные споры часто затягивались до глубокой ночи, пока кто-нибудь не заявлял, что до гудка осталось три-четыре часа. Некоторые тут же в клубе на столах укладывались спать.

Из молодежного актива этого клуба выросли будущие активисты петроградской рабочей молодежи. Особо энергично в клубе работали Е. Рубинштейн, Г. Вальтман, М. и Н. Васильевы, Ю. Евлиевская, Ф. Кузнецов, Е. Федорова, П. Колышев, П. Кирюшкин, Житков, П. Петрова, В. Давыдов, М. Иванова. Частыми посетителями клуба были большевики В. Фокин, Г. Кащевский, С. Афанасьев, И. Корнеев, А. Иванов и др.

В клубе все вплоть до мытья полов было организовано на самообслуживании, зарплату, более чем скромную, получал лишь заведующий клубом. Первое время эту должность занимала Ю. Евлиевская.

Не было в то время таких политических событий, на которые не откликнулся бы клуб. Так, 8 апреля 1917 г. в «Правде» появилось сообщение о резолюции протеста собрания первого политического клуба против клеветы буржуазных газет о том, что рабочие «якобы не хотят работать и оставляют солдат без снарядов, предъявляют чрезмерные экономические требования, злоупотребляют полученной свободой». В резолюции протеста был призыв к бойкоту буржуазных газет.

Деятельность политического клуба направлялась районным комитетом большевиков. В грозные дни корниловщины, в октябре 1917 г. и позже многие члены клуба участвовали в битвах и героически погибли за дело партии, за дело Ленина.

В обстановке острой борьбы за дальнейшее развитие революции питерские большевики подошли к празднованию дня международной солидарности трудящихся — 1 Мая.

Все антипролетарские партии хотели лишить 1 Мая его классово-пролетарского, интернационального характера, превратить его в обычный праздник весны. Так, кадеты писали в своих газетах: «В этот день люди всех классов и профессий должны почувствовать в общении на улицах друг с другом, что свобода есть общий дар для всех», «Первое мая не партийный праздник — это праздник народный», «Нельзя прийти к международному братству, не сокрушив германский милитаризм».

Соглашательское большинство Петроградского Совета, не отстававшее от кадетов в своем шовинизме, в забвении пролетарского международного

значения 1 Мая, вынесло решение: празднование «всенародного» праздника 1 Мая назначить на вторник 18 апреля, с тем чтобы отработать за него в воскресенье 16 апреля.

Даже черносотенцы одобрили это решение. Одна из газет писала: «Русские рабочие предпочли работать в воскресенье, чтобы не терять трудового дня».

ЦК и ПК партии большевиков высказались против отработки за Первомайский праздник.

По указанию ЦК и ПК партии во всех рабочих районах большевики начали широкую подготовку к 1 Мая еще задолго до него. Нарвский районный комитет партии дал директиву: не упускать ни одной мелочи в подготовке Первомайского праздника, заниматься всеми деталями, входить во все временные организации и комиссии по подготовке 1 Мая.

Задача состояла в том, чтобы Первомайский праздник — день международной солидарности трудящихся — превратить в день борьбы за мир, против империалистической войны, в день борьбы за власть Советов.

Вопрос о Первомайских лозунгах, которые должны быть написаны на знаменах Нарвской заставы, обсуждался на собраниях заводов и мастерских. Во всем районе шла борьба за влияние на массы.

И в этой борьбе победили большевики. 1 Мая в море большевистских знамен и плакатов Нарвской заставы затерялись и были незаметными одинокие знамена и лозунги меньшевиков и эсеров. На знаменах ярко горели лозунги о мире, о передаче земли крестьянам, о рабочем контроле, о недоверии Временному правительству.

В начале мая на собрании рабочих завода «Анчар» была принята гневная резолюция, в которой рабочие требовали отставки Временного правительства и передачи власти в руки Советов. На этом же собрании было решено отозвать из Совета депутата, избранного в первые дни Февральской революции, беспартийного Кулагина, который поддерживал меньшевиков и эсеров в Совете.

Большевики завода предложили избрать депутатом в Петроградский Совет от завода «Анчар» старого большевика, недавно вернувшегося из эмиграции, П. И. Лебедева-Полянского, который и был на собрании почти единогласно избран депутатом.

Вскоре П. И. Лебедев-Полянский был избран от фракции большевиков членом президиума Петроградского Совета и членом Президиума ВЦИК Советов и играл там значительную роль. Он выступил с гневной речью против лидера меньшевиков Церетели, который заявил, что большевики устроили заговор.

В июльские дни Лебедев-Полянский в числе других большевиков был арестован Временным правительством и, несмотря на ряд протестов рабочих завода «Анчар», освобожден лишь в сентябре 1917 г. под залог 1 тысячи рублей, выданных завкомом завода «Анчар».

Партийная организация большевиков на заводе «Анчар» к июльским дням насчитывала 50—60 человек.

Избранный в начале марта заводской комитет в подавляющем большинстве состоял из большевиков.

В это время мне пришлось работать в заводском комитете, где я возглавлял расценочно-конфликтную комиссию.

Вопрос найма и увольнения завкомом был решен так, что без его согласия на завод никто не принимался и не мог быть уволен. Вопрос о 8-часовом рабочем дне был решен явочным порядком. Словом, с марта до октября шла, так сказать, «текущая» работа, кончившаяся тем, что еще до октября заводской комитет начал осуществлять рабочий контроль над производством, хотя администрация и сопротивлялась этому.

Но «текущая» работа партийной организации и заводского комитета завода «Анчар» не заслоняла больших политических вопросов жизни страны. Не было ни одного политического события, на которое рабочие завода активно не откликнулись бы. Вместе с другими рабочими Питера рабочие завода «Анчар» по решению ЦК РСДРП(б) вышли на улицу 18 июня на демонстрацию с большевистскими лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Кончать войну!», «Хлеба, мира, свободы!»

Днем 3 июля на заводе «Анчар» узнали, что на Путиловском заводе происходит митинг и путиловцы стремятся выйти на демонстрацию вместе с пулеметчиками. Окончившая работу первая смена и не начавшая работу вторая смена вышли к Нарвским воротам, чтобы присоединиться к демонстрации путиловцев. Вместе с ними двинулись к Таврическому дворцу и лишь утром 4 июля возвратились на завод. В этот день началась новая демонстрация, и рабочие завода «Анчар» приняли в ней активнейшее участие. Демонстрация подверглась обстрелу на углу Садовой улицы и Невского проспекта.

На заводе «Анчар» июльские события не вызвали упадка политической активности. Наоборот, в двадцатых числах июля на общем собрании рабочие приняли резолюцию, требовавшую роспуска Государственной думы и Государственного совета как главного штаба контрреволюции. Разгона Государственной думы и Государственного совета, ареста заседавших там reactionеров и освобождения арестованных в июльские дни большевиков потребовал и соседний с нами завод «Перун».

Революция нарастала, и в ответ на это спланивались силы контрреволюционной буржуазии. Генерал Корнилов готовился стать диктатором России. Призыв большевиков дать отпор выступлению Корнилова вызвал огромный подъем в рабочих и солдатских массах Питера. 28 августа на собрании рабочих завода «Анчар» была принята резолюция: «Требуем

передачи всей власти в руки Совета РК и СД». Не ожидая призыва рабочих организаций, тут же после собрания открылась запись в красногвардейский отряд. На другой же день были вооружены около 100 красногвардейцев; 40 женщин и девушек были организованы в санитарный отряд.

В тот же день, то есть 29 августа, оба отряда отправились навстречу войскам Корнилова.

И. В. Иванов. На судостроительной верфи Путиловского завода

В ноябре 1913 г. при Путиловском заводе построили верфь для строительства военных судов, буксирных пароходов, баркасов, землечерпалок.

В апреле 1915 г. я поступил токарем в турбинную мастерскую¹ верфи, в которой работало 800 человек. Большинство из них было довольно высокой квалификации.

Примерно в мае — июне я познакомился с молодыми рабочими Васей Урюпиным, Бабушкиным, Василием Ивановым. Когда же я узнал, что они большевики, то решил тоже включиться в партийную работу, так как считал себя для этого уже подготовленным. С 1912 г. выписывал «Правду», которую после прочтения передавал рабочим Кошелевской писчебумажной фабрики, где я тогда работал токарем.

В конце июня 1915 г. названные товарищи уже хорошо меня знали, доверяли мне и считали членом своей партийной группы. По моему предложению в нашу партийную группу были вовлечены слесари Николай Соколов и Андрей Соловьев.

Вскоре я познакомился с рабочими Володи Егоровым, Савоничевым, Александровым, работавшими также в турбинной мастерской, а через них с С. И. Афанасьевым (Афанасьев, ко времени моего знакомства с ним, уже был конструктором, а до того — разметчиком). Как оказалось позднее, Степан Афанасьев тоже руководил подпольной группой большевиков в турбинной мастерской. Оба руководителя (наш Вася Урюпин и Степан Афанасьев) были непосредственно связаны с районным комитетом партии большевиков Нарвской заставы. Группы партийцев турбинной мастерской держали тесную связь с партийными группами других мастерских верфи и завода. Так, в мастерских верфи мы поддерживали связь

¹ Турбинная мастерская осталась на Путиловском заводе, в то время как верфь отошла от завода.

с Буренковым и Устиновым. На заводе была налажена связь с партийцами башенной мастерской через Аркадия Иванова, Петра Кирюшкина, Васина, а также пушечной мастерской через Ивана Голованова, Васю Алексеева, Николая Андреева.

Нелегка была подпольная работа в годы войны. Администрация через своих агентов следила за действиями рабочих, особенно молодежи. Нужна была прозорливость и бдительность, гарантирующая организацию от провала. Никаких протоколов совещаний партийной группы не велось.

Получая устную информацию, директивы или листовки, выпускаемые Петербургским или районными комитетами РСДРП(б), мы обычно передавали информацию устно прежде всего надежным рабочим, кому больше доверяли. Им же передавали и листовки. Почти каждую листовку удавалось вывесить или наклеить на видном месте, где собирались рабочие.

Много внимания уделяли мы индивидуальной пропаганде среди рабочих, разъясняли, кому нужна война, кто страдает, а кто наживается на войне. Собирали средства для оказания материальной помощи арестованным товарищам и их семьям. Сборы проводились без списков и указаний фамилий, все было основано на доверии. Собранные средства передавали или в районную партийную организацию, или в политический Красный Крест. Оттуда получали через своего партийного организатора небольшую бумажку с печатью районного комитета партии или политического Красного Креста, в которой была проставлена полученная сумма денег. Этот кусочек бумажки мы приклеивали на стене и тем самым извещали рабочих о переданной по назначению сумме денег. Неоднократно проводились сборы на печать.

Много труда стоило в нелегальных условиях провести митинг среди рабочих. Для участия в митинге на Путиловском заводе или совместном с верфью нужно было пройти на территорию завода. Завод и верфь были расположены рядом, но на разных территориях. Пройти на завод можно было через калитку новомеханической мастерской без предъявления рабочего номера и без пропуска. Этим проходом мы часто пользовались для связи с рабочими мастерских завода. Иногда для этой же цели использовали посещение амбулатории, где встречались с нужным товарищем.

На одном из совещаний партгруппы Вася Урюпин сообщил, что районный комитет большевиков решил устроить общезаводской митинг; в мастерских наблюдается сильное недовольство и брожение среди рабочих, поэтому почва для открытого выступления на заводе имеется. Он добавил, что о дне митинга сообщит дополнительно.

И вот однажды за десять минут до окончания работы 20 человек из турбинной мастерской верфи поодиночке прошли к ранее указанному месту, где мы и приняли участие в подготовке предстоящего митинга. В митинге участвовало 100—120 рабочих турбинной мастерской. На нем выступил электрик Иван Егоров. Он говорил о том, что война за корот-

кое время обогатила капиталистов, а рабочим принесла еще больший гнет, нужду и лишения. Только революция освободит рабочий класс от эксплуатации и кровавого кошмара войны — такими словами он закончил свое выступление, которое длилось минут двадцать.

На следующий день мы рассказывали отдельным товарищам и по группам среди рабочих об этом митинге и подали требование начальнику мастерской об увеличении заработка. Частично наше требование было удовлетворено.

Движение протеста против империалистической войны росло и ширилось. Петербургская общегородская конференция большевиков в районе Ораниенбаума, состоявшаяся 19—21 июля 1915 г., отметила начало революционного подъема. Одним из постановлений конференции было шире развернуть движение протеста против империалистической войны. Это решение претворялось в жизнь на Путиловском заводе и верфи, где большевистская организация к этому времени значительно окрепла. Районная партийная организация большевиков в 1915—1916 гг. провела на заводе и верфи ряд митингов. На этих митингах выступали рабочие завода, верфи и работники райкома Тимофей Барановский, Иван Моисеев, Иван Егоров, Степан Афанасьев, Вася Алексеев, Иван Генслер и др. Они разъясняли позицию нашей партии в отношении империалистической войны и призывали переходить от частных столкновений на экономической почве к мощной политической борьбе.

После каждого митинга члены партийных групп систематически, терпеливо и углубленно разъясняли вопросы, затронутые на митингах. Эта общая подготовка рабочих не прошла даром. Под влиянием агитации рабочие отдельных мастерских начали активнее участвовать в забастовочном движении.

Рабочие верфи, выйдя 17 августа 1915 г. на работу, не пошли в мастерские, а собрались во дворе на митинг, где выступили Иван Бушуев, Степан Афанасьев и др. «Некоторые мастера активно действовали среди рабочих. Начались уговоры и угрозы. Начальник турбинной мастерской инженер Захаров, известный своей грубостью, метался от группы к группе, злобно и грубо кричал на рабочих, грозил отправить на фронт, немедленно вызвать казаков. Но его крики не действовали. Рабочие проницательно посматривали на начальника». Вдруг неожиданно один из наших товарищей крикнул: «Выкатить его на тачке!» И Захаров быстро убрался. После недолгих обсуждений собравшиеся приступили к составлению требований, которые носили политический характер. Мы требовали освободить пять большевиков — депутатов Государственной думы, отправленных правительством в Туруханскую ссылку; свободы печати; всеобщего избирательного права с восемнадцати лет; удаления с завода казаков.

Директор верфи Кутейников, ознакомившись с требованиями рабочих, заявил, что выполнить их не может, это не в его власти. В ответ на это рабочие не приступили к работе и покинули завод. Из 3 с половиной тысяч рабочих верфи в этот день бастовало около 2 тысяч. Требования за-

бастовавших не были удовлетворены. На следующий день рабочие вновь приступили к работе.

Положение рабочих становилось все более трудным, увеличивалось количество сверхурочных часов, цены на продукты питания росли. В начале февраля 1916 г. парторг группы Урюпин на совещании партийной группы сообщил, что электротехнический цех завода забастовал. Рабочие требовали увеличения заработка и сокращения сверхурочных работ. Вновь начались угрозы администрации. «Не успокойтесь, военнообязанных пошлем на фронт, а остальных оденем в солдатские шинели и заставим работать столько, сколько потребуется заводу», — сказал директор завода пришедшим к нему делегатам.

Но эти угрозы уже не действовали на рабочих, начинающих практически чувствовать силу совместных действий в борьбе за общие интересы.

В начале 1916 г. был организован общезаводской митинг, на который собрались рабочие завода и верфи. На митинге мы узнали о приказе, изданном командующим Петроградским военным округом Тумановым, по которому все забастовавшие рабочие будут немедленно заменены специалистами из нижних чинов, уже призванных на военную службу, а все забастовавшие рабочие из числа военнообязанных будут призваны на действительную службу и уже как нижние чины будут направлены на те же места, где работали до призыва в армию.

Угроза всколыхнула и возмутила рабочих. Митинг походил на разбушевавшееся море. Выступавшие товарищи отчетливо представляли себе, что следовало за этим приказом. Иван Егоров в своем выступлении указал на причины забастовки электриков, их требования, в связи с этим призывал рабочих к сплочению, к всеобщей забастовке и предложил обратиться к петербургскому пролетариату с просьбой поддержать путиловцев. Резолюция, принятая на митинге, включала кроме экономических требований политические требования: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель.

Вскоре последовал приказ Туманова. В этот же день военнообязанные рабочие были направлены в распоряжение воинского начальника для зачисления их на военную службу.

Через два дня на совещании партгруппы нас ознакомили с воззванием Петербургского комитета большевиков от 3 февраля 1916 г., в котором рабочие всех заводов и фабрик Петрограда призывались к общей политической стачке протеста против милитаризации труда. В воззвании говорилось, что приказ Туманова распространяется на рабочих всех заводов и фабрик и применен к путиловцам прежде всего как к застрельщикам революционных выступлений петербургского пролетариата. На этот призыв откликнулись рабочие многих заводов и фабрик, требуя отмены милитаризации труда.

«Ни аресты, произведенные на заводе, ни отправка на фронт не могли погасить возмущения рабочих. Число бастующих с каждым днем

росло. На другой день после обратного приема рабочих на работу две мастерские — башенная и шрапнельная вновь забастовали и потребовали: освободить арестованных товарищей; принять 120 человек, не принятых после локаута на завод; не выполнять приказа Туманова.

К рабочим этих мастерских присоединились все остальные рабочие завода. Возмущение среди рабочих было настолько велико, что администрации пришлось уступить. Сто двадцать уволенных рабочих были приняты обратно на завод и несколько сот запасных, вызванных на призывные пункты, были также возвращены.

Несмотря на эти уступки администрации, волнения на заводе не стихли. Петербургский комитет большевиков проводил на заводах и фабриках большую и успешную агитацию против милитаризации промышленности.

22 февраля путиловцы вышли на работу и, узнав, что администрация оттягивает ответ на требование о новых прибавках, единодушно забастовали. Последние мастерские остановились 23 февраля в девять часов утра.

В принятой на общезаводском митинге 23 февраля 1916 г. резолюции прозвучали политические большевистские лозунги: демократическая республика; 8-часовой рабочий день; конфискация помещичьих земель.

В заключение говорилось: «Мы сознаем, что только усиление революционной борьбы демократии всех стран против своих правительств спасет человечество от кровавого кошмара. Поэтому мы присоединяемся к решению Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии противопоставить мобилизации реакционных сил мобилизацию пролетарских сил для второй российской революции»¹.

23 февраля заводоуправление вторично объявило локаут. Туманов спешил окончательно освободить завод от наиболее революционных рабочих. Более 2 тысяч молодых путиловцев было взято в солдаты. Часть активных забастовщиков послали в дисциплинарные батальоны, среди них из башенной мастерской Ивана Газа, а также электротехника Ивана Егорова.

Обе путиловские стачки в начале и конце февраля 1916 г. имели большое значение. Они закалили путиловцев и петроградский пролетариат для решительной борьбы с самодержавием и капитализмом.

Октябрь 1916 года. Недовольство рабочих росло, на заводах и фабриках часто вспыхивали забастовки. Репрессии к рабочим применялись все чаще и чаще. Как-то Володя Егоров, проходя мимо моего станка, сказал мне, что над кронштадтскими моряками нависла угроза расправы: «26 октября назначен военно-полевой суд, очевидно, завтра должен состояться общезаводской митинг протеста. Нам об этом сообщил Степан Афанасьев. Постарайся передать другим товарищам», — добавил

¹ «Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг.», т. II. М., 1939, стр. 201—203.

Володя. Нам удалось бóльшую часть рабочих турбинной мастерской увлечь на этот общезаводской митинг. Настроение у всех было приподнятое, боевое. На этом митинге выступило несколько большевиков, и среди них Вася Алексеев (в это время он работал на заводе «Анчар», но поддерживал по-прежнему связь с путиловцами). Он говорил о насилии, которое творят обнаглевшие царские приспешники, о необходимости положить этому конец. Надо готовиться к революции. Одобрительными возгласами были встречены эти его слова.

Митинг был прерван появлением полицейских. Ворвавшийся отряд полицейских (человек 30) был встречен градом обрезков железа, болтов и гаек. Не выдержав натиска, полицейские бросились врассыпную. Та же участь постигла и конных полицейских, мчавшихся на выручку пешим. Околоточный, сбитый с лошади, слал проклятия рабочим и грозил расправой. Рабочие двинулись к калиткам, они оказались закрытыми. Недолго думая, рабочие выломали калитки и хлынули толпой на шоссе.

Рабочие турбинной мастерской Н. Соколов, В. Урюпин, В. Иванов, А. Соловьев, Н. Гудков, В. Егоров, В. Соколов, С. Афанасьев, Александров, Савоничев, Бабушкин и многие другие вместе с рабочими других мастерских принимали активное участие в разыгравшейся схватке с полицией.

По призыву рабочих на помощь был привлечен проходивший отряд ополченцев. При появлении отряда казаков схватка была прервана. Построенных в ряды ополченцев увели. Позже мы узнали, что 80 человек из них были преданы военному суду.

Репрессии продолжались. 2 января 1917 г. на квартире одного из членов Нарвского райкома, Ф. Лемешева, была арестована группа большевиков. Как мы узнали позже, произошло это следующим образом. Было назначено совещание, на котором должны были быть член Петербургского комитета большевиков и представители районов Петрограда. До начала совещания в квартиру Лемешева явились жандармы и устроили засаду. Все пришедшие на совещание были арестованы. На этом совещании должен был стоять вопрос о подготовке к проведению 12-й годовщины Кровавого воскресенья — в день 9 января.

Узнав об аресте товарищей, большевики завода решили обязательно отметить день 9 января. В субботу 7 января по всем цехам в мастерских завода и верфи мы провели митинги-летучки. Большевики, члены партийной группы верфи, имели черновик листовки к 9 января, составленный Петербургским комитетом. Набрали эту листовку и в ночь на 9 января отпечатали. Наутро листовка пошла по рукам. В одиннадцать часов утра 9 января рабочие бросили работу, вышли на улицу, за исключением некоторой части солдат¹, которых не выпустили с завода. Шумными толпами ходили рабочие по шоссе. Стычек с полицейскими не

¹ Солдаты были присланы из армии для работы на заводе.

было, и полицейские не грозили, а упрашивали, чтобы рабочие расходились по домам. Очевидно, им были памятливы октябрьские схватки с путиловцами. При появлении усиленных отрядов полицейских рабочие медленно, постепенно стали расходиться по прилегающим улицам.

Путиловские большевики получили от Петербургского комитета директиву подготовить общую забастовку на заводе, поднять рабочих всей Нарвской заставы. Партийные группы ежедневно и неустанно вели пропаганду и агитацию среди рабочих, разъясняя, что наступает время решительных действий. 13 февраля в мастерских верфи прошла «итальянская забастовка», весь день рабочие просидели около своих станков и рабочих мест. Вечером на квартире рабочего Путиловской верфи по Петергофскому шоссе, вблизи Шелкового переулка состоялось совещание, на котором мы должны были присутствовать.

На это совещание пришли 11 человек, среди них рабочие верфи П. Суворов, Устинов, В. Урюпин, И. Иванов, от башенной мастерской — А. Иванов, Васин, П. Кирюшкин и от пушечной мастерской — Н. Андреев, а остальных я не знал. На совещании обсуждался вопрос об «итальянской забастовке» на верфи. Решили, что, так как «итальянская забастовка» возникла неожиданно и нет уверенности, что рабочие завода ее поддержат, надо приступить к работе и готовиться к совместной забастовке с заводом. Через несколько дней после нашей «итальянки» нам стало известно, что забастовала лафетноштамповочная мастерская завода — это было 18 февраля 1917 г., постепенно к ней присоединились и другие мастерские завода, что явилось для нас сигналом прекратить работу в мастерских верфи.

21 февраля забастовали все мастерские завода и верфи. Правление Путиловского завода объявило локаут. 22 февраля 1917 г. известие о забастовке на Путиловском заводе стало сигналом к выступлению заводов и фабрик всей Нарвской заставы. Директива Петербургского комитета большевиков была выполнена. «Путиловцы забастовали!» — разнеслось по всему Петрограду, начали останавливаться заводы и фабрики других районов Петрограда.

23 февраля, в Международный женский день, женщины Нарвской заставы по призыву большевиков вышли на улицу. Измученные голодом, потерей близких на фронте, они требовали: «Мира! Хлеба! Долой войну!» Все Петергофское шоссе представляло бушующий поток. «Во имя чего гибнут наши мужья, отцы и братья?! — слышались возгласы женщин. — Проклятый голод! Когда все это кончится, когда мы досыта накормим своих детей?» Народ двигался к Нарвским воротам.

Полиция, напуганная таким мощным движением протеста, не трогала рабочих и работниц. На площади у Нарвских ворот состоялся митинг. Выступали женщины, выступали и мужчины. Смело и открыто звучали их речи. Шире и шире разрастался митинг. Внезапно в толпе раздался возглас: «На Невский! Стройся!» Решили построиться и идти на Невский проспект.

25 февраля рабочие Нарвской заставы вновь двинулись по Петергофскому шоссе к Нарвским воротам. Рабочие передавали друг другу новости с фронта, рассказывали о настроении рабочих других заводов и фабрик. Большевики-путиловцы собирали рабочих группами и призывали их шире развертывать вооруженную борьбу. Часть рабочих отправилась на Невский проспект. На Невском проспекте я увидел десятки тысяч рабочих, собравшихся со всех районов Петрограда, они несли знамена, лозунги, пели революционные песни, громко требовали окончания войны и свержения самодержавия.

Продвигаясь к Николаевскому вокзалу, мы увидели, как навстречу нам приближались конные казаки. Ряды демонстрантов раздвинулись, уступая путь для проезда отряда, мы, улыбаясь, приветствовали казаков, они ответили тем же. Несколько человек из них спешили, пожали руки рабочим.

— Теперь не тысяча девятьсот пятый год, казаки уже не те, разгонять и стрелять в демонстрантов уже не будут! — уверенно сказал один из них, и его поддержали другие.

И второй отряд казаков проехал мирно мимо расступившихся демонстрантов.

Но были и совсем другие встречи.

В этот же день недалеко от Аничкова моста на нас наскочил другой конный отряд, под командованием пожилого офицера. С перекошенным от злобы лицом, хриплым голосом он закричал:

— Давите, давите этих негодяев! — и, пришпорив коня, направил его на ряды демонстрантов.

Мы, не имея никаких средств защиты, разбежались по прилегающим улицам, но вскоре вернулись, стали в ряды и с пением революционных песен продолжали путь.

26 февраля был воскресный день. Большинство населения Нарвской заставы вышло на Петергофское шоссе. Повсюду проходили короткие уличные митинги-летучки, на которых большевики-путиловцы призывали к восстанию и рассказывали о том, что воинские части одобрительно относятся к выступлению рабочих, что настало время братья за оружие и бороться с полицией.

Большевики-путиловцы тут же распространяли выпущенное Петербургским комитетом воззвание к солдатам, которое заканчивалось следующими словами: «Помните, товарищи, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение поработавшему народу и конец братоубийственной, бессмысленной бойне.

— Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционной армии и народа!»¹

¹ М. Г. Флеер. Петербургский комитет большевиков в годы войны 1914—1917. Пг., [б./г.], стр. 212.

Улицы и переулки, выходящие к Петергофскому шоссе, 26 февраля уже находились под охраной вооруженных рабочих Путиловского завода и верфи, которые по три — пять человек обходили заставу.

Утром 27 февраля рабочие завода и верфи, руководимые членами партийных групп турбинной и других мастерских, среди которых находились В. Урюпин, Н. Соколов, А. Соловьев, С. Афанасьев, В. Егоров, Савоничев, И. Иванов, А. Александров и многие другие, снова пошли к центру.

По дороге мы разгромили оружейный магазин на Александровском рынке и запаслись оружием. Пора мирных демонстраций закончилась. Надо было прибегать к оружию во время борьбы с врагами, а в особенности при захвате полицейских участков.

7 марта после двухнедельного перерыва по сигналу заводского гудка путиловцы завода и верфи собрались в мастерские. Первый день нашей работы был беспорядочным. Не все вышли на работу, а начальники некоторых мастерских не показывались. В первый же день по предложению большевиков явочным порядком был введен 8-часовой рабочий день, а через пять дней было опубликовано соглашение Петроградского Совета и Общества заводчиков и фабрикантов о введении 8-часового рабочего дня.

На первом же легальном собрании большевиков Нарвской заставы, 2 марта 1917 г., Григорию Гроздеву было поручено заняться организацией союза металлистов. 19 марта в помещении районного комитета большевиков на Новосивковской улице в доме № 23 состоялось организационное собрание. На это собрание пришли кадровые пролетарии Нарвской заставы, каждый из них в прошлом был членом профессионального союза, прошел большую школу классовой борьбы.

Я тоже был участником этого организационного собрания.

Председательствующий Григорий Гроздев «в своем вступительном слове напомнил присутствующим о славных традициях петербургских металлистов. Металлисты привыкли рассматривать союз как орган борьбы. Он говорил о главном вопросе дня — о власти. Экономическая борьба рабочего класса всегда была неразрывно связана с борьбой политической. Тем более нельзя разделить их сейчас, когда вопрос о власти стал в центре общего внимания».

В правление союза металлистов Петергофского районного отделения Нарвской заставы было избрано девять человек, все они были путиловцами, старыми участниками революционного подполья, членами партии большевиков. Среди них я знал Григория Гроздева, Аркадия Иванова, Ивана Генслера, Грекова, Александра Иванова.

День 19 марта подвел итоги первому этапу самоорганизации рабочих-металлистов. Через два-три дня на собрании партийных групп я кратко доложил об организационном собрании в районе, мы решили провести разъяснительную работу и приступить к вовлечению рабочих верфи в союз металлистов. Выделили товарищей, которые к июлю

1917 г. должны были охватить 50% работающих на верфи членством в союз металлистов.

В конце марта парторг группы сообщил членам партии о том, что 3 апреля состоится партийное собрание Нарвской заставы в помещении бывшей старой путиловской церкви, где будут заслушаны отчеты Петербургского и районного комитетов партии и проведены перевыборы районного комитета партии. На это собрание пришли все члены партгрупп турбинной мастерской. При выступлении о текущих задачах партии один из товарищей цитировал первое «Письмо из далека» В. И. Ленина, мы заметили некоторое волнение в президиуме: видимо, произошло что-то необычное.

Не успел товарищ закончить свое выступление, как тов. Косиор попросил слова для внеочередного заявления. Все присутствующие напряжились. Волнуясь, Косиор сказал, что Иван Гейслер только что принял сообщение из Петербургского комитета партии о том, что сегодня в Петроград прибывает вождь нашей партии Владимир Ильич Ленин.

Радостное известие о прибытии В. И. Ленина было встречено восторженно, а потом с мест начались вопросы: на какой вокзал и когда прибывает поезд? Решили собрание закончить, избрали только районный комитет и разошлись, с тем чтобы вечером организованно встретить Владимира Ильича.

Невозможно было учесть, сколько собралось путиловцев, которые двинулись к Финляндскому вокзалу встречать Ильича. По дороге к путиловцам присоединились рабочие других заводов Нарвской заставы. У Финляндского вокзала к приходу путиловцев собралось уже много рабочих, солдат и матросов. Из всех районов столицы прибывали все новые колонны, все переулки и улицы были заняты народом. Все напряженно смотрели в сторону вокзала и ждали, когда выйдет Ленин.

Простота и сила речи Ленина, призыв бороться за социалистическую революцию произвели на всех путиловцев, в том числе и на меня, неизгладимое впечатление.

В бурном ликовании двинулся народ провожать Ленина во дворец Кшесинской, где тогда находились Центральный и Петербургский комитеты РСДРП(б). С балкона особняка мы дважды в эту ночь слушали короткие выступления Ленина. На Нарвскую заставу мы возвратились утром.

Апрельские тезисы Ленина, напечатанные в «Правде» 7 апреля, горячо обсуждались в Нарвско-Петергофском районе. Доклад о них сделал 9 апреля на собрании большевистской организации Нарвской заставы С. В. Косиор. Районная партийная организация одобрила и приняла Апрельские тезисы. В первой половине апреля 1917 г. на Путиловском заводе был избран заводской комитет, председателем которого стал Антон Ефимович Васильев, член партии с 1904 г. На Путиловской судостроительной верфи почти одновременно был тоже избран заводской комитет, председателем которого стал рабочий П. Суворов, член партии с 1905 г.

Во второй половине апреля в мастерских завода и верфи были созданы цеховые комитеты. В нашей турбинной мастерской в цеховой комитет вошло семь человек, из них пять большевиков (Бабушкин, В. Егоров, И. Иванов, Савоничев и Александров), которые работали в союзе металлистов.

С самого начала мы искали наилучшие формы работы в профсоюзе, на которой следовало бы сосредоточить свое внимание. Ответ на этот вопрос мы нашли в выступлении Владимира Ильича на общегородской конференции (14—22 апреля 1917 г.): «Пролетариату надо указывать, как конкретными мерами двигать революцию вперед. Двигать революцию вперед — значит осуществлять самочинно самоуправление»¹.

Эти слова Ленина стали правилом в работе завкомов и цехкомов. Завкомы и цехкомы Путиловского завода и верфи занимались всеми вопросами, которые волновали рабочих. Все экономические нужды быта и производства, все политические интересы и запросы революционного времени находили свое отражение в повседневной деятельности заводских и цеховых организаций. В центре всех задач была самая сложная и волнующая забота о производстве и об охране предприятия и заводского имущества.

Были созданы комиссии для организации рабочей милиции, производили подбор из рабочих-добровольцев для охраны завода и верфи. Острый недостаток продовольствия требовал, чтобы рабочие организации позаботились о снабжении рабочих продуктами и предметами первой необходимости. Для этого была избрана специальная комиссия по продовольствию. Создавали контрольно-хозяйственные комиссии для выяснения причин упадка деятельности мастерских.

Стараясь во что бы то ни стало выполнить коварный замысел контрреволюционной буржуазии: избавиться от революционного пролетариата Петрограда, и в особенности от главных большевистских зачинщиков — путиловских рабочих и рабочих Путиловской верфи, администрация нашей верфи всячески стремилась оставить верфь без сырья и топлива. В связи с этим заводской комитет судоверфи часто оказывал давление на администрацию, заботясь о снабжении верфи сырьем и топливом. Большое внимание завком и цехкомы уделяли приему и увольнению рабочих. Так постепенно завком и цехкомы судоверфи фактически начали осуществлять рабочий контроль над производством. В то же время завком и цеховые комитеты уделяли большое внимание вопросам экономического положения, вели борьбу за повышение зарплаты.

20 апреля путиловцам стала известна наглая, откровенно империалистическая нота Милюкова, опубликованная в тот же день. В ответ мы немедленно прекратили работы, провели митинги по мастерским и потребовали прекращения войны и заключения мира.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 249.

На общезаводском митинге рабочих завода и верфи мы потребовали немедленного ответа от наших избранников Петроградского Совета. Митинг продолжался до поздней ночи. Не дождавшись приезда представителей эсеро-меньшевистского руководства Совета, путиловцы постановили: откликнуться на призыв большевиков и завтра всем заводам выйти на демонстрацию протеста против грабительской, захватнической политики Временного правительства.

Утром 21 апреля снова после цеховых митингов состоялся общезаводской митинг рабочих завода и верфи. Лозунг «Вся власть Советам!» выдвигался во всех выступлениях большевиков. В шестом часу вечера путиловцы вышли на демонстрацию. Боевая дружина, организованная в февральские дни, образовала головной отряд и окружила цепью всю путиловскую колонну. Во главе демонстрации шел районный комитет большевиков. В колонны демонстрантов влились рабочие других заводов заставы. На знаменах и плакатах были написаны революционные требования рабочих: «Немедленный мир без аннексий и контрибуций!», «Да здравствует социалистическая республика!», «За здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!», «Долой империалистическую войну!»

Мы шли к зданию Морского корпуса, где заседал Совет рабочих депутатов. Когда мы проходили по Невскому проспекту, там происходили контрреволюционные манифестации буржуазии. Тротуары Невского были заполнены группами чиновников, студентов, офицеров и буржуазии. Со всех сторон на нас, путиловцев, сыпались оскорбления и выкрики: «Изменники!», «Вешать всех надо!» Вооруженные красногвардейцы охраняли рабочую демонстрацию. У Садовой улицы с противоположной стороны по путиловцам дали несколько залпов. Красногвардейцы вступили в перестрелку. Демонстранты от буржуазии и толпы на панелях быстро рассеялись.

Возвращаясь на Нарвскую заставу уже поздно ночью, мы, обсуждая между собой эту схватку, приходили к той мысли, что нужно усиленно готовиться к решительным действиям против Временного правительства.

Большую работу проводили большевики-путиловцы, готовясь к первой маевке. Шла борьба за влияние на массы, острая борьба большевиков против меньшевиков и эсеров, борьба за то, под каким лозунгом выйдет многотысячный коллектив путиловцев на Первомайскую демонстрацию. Лозунг борьбы за мир против империалистической войны был основным. Никаких лозунгов доверия Временному правительству, предлагать только лозунг: «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!»

В день 1 Мая (18 апреля) весь тридцатипяти тысячный коллектив путиловцев вышел на улицу. Повсюду на ярко-красных знаменах, плакатах, стягах большевистские лозунги о мире, о передаче земли крестьянам, о рабочем контроле, о власти Советов. Проведенный под револю-

ционными лозунгами день 1 Мая был первой большой победой большевиков.

Зная, что среди некоторой части рабочих еще сильны оборонческие настроения, эсеры завода назначили общезаводской митинг на 12 мая. Они предполагали, что им удастся провести на этом митинге резолюцию о поддержке правительства.

На этом митинге выступил «селянский» министр Чернов, который призывал путиловцев к поддержке Временного правительства и увеличению выпуска пушек для фронта. Когда Чернов закончил свою речь, на трибуну поднялся Ленин. В своем выступлении Ленин вскрыл всю лживость буржуазного Временного правительства и поддерживающих его меньшевиков и эсеров и сказал, что все рабочие, и в первую очередь путиловцы, должны потребовать от правительства немедленного прекращения войны и заключения справедливого мира без аннексий и контрибуций. Ленин призывал рабочих бороться за справедливый мир. Ленин требовал от руководителей эсеров и меньшевиков прекратить кровопролитие, устранить ужасающую нищету и голод, которые переживала страна. Борьба за мир, за хлеб, за землю для крестьян, за рабочий контроль, за переход власти в руки Советов рабочих и крестьян — вот главная задача.

Под гром аплодисментов и крики «ура!» Ленина подняли на плечи и понесли к автомашине.

Свыше 30 тысяч рабочих-путиловцев присутствовало на митинге 12 мая, на котором Владимир Ильич своим выступлением вскрыл перед нами всю фальшь эсерово-меньшевистских прихвостней, стремившихся одурманить нас и повести по пути оборончества. Выступление Владимира Ильича на этом митинге сыграло огромную роль в процессе большевизации путиловцев.

Через неделю после VI съезда партии, 11 августа, на Путиловский завод пришел Серго Орджоникидзе. Он явился как агитатор Петербургского комитета на собрание активных работников заводских организаций — цеховых комитетов, примирительных камер, уполномоченных больничной кассы, заводских комитетов, на котором мне пришлось быть как члену цехового и заводского комитета верфи. Свой доклад Орджоникидзе посвятил решениям VI съезда партии. Он поставил перед собранием задачи предстоящей борьбы за социалистическую революцию. Из слов Серго вытекало, что нет другого выхода из капиталистической кабалы, из ужасов войны, кроме революционного свержения власти.

Собрание представителей путиловских цехов решило созвать общезаводской митинг. Серго охотно согласился выступить с докладом. В 3 часа дня у трибуны в центре завода собрался многотысячный митинг рабочих завода и верфи. Серго в своем выступлении обличал предательство эсеров и меньшевиков, призывал к упорной, настойчивой борьбе за завоевание широких народных масс. Он говорил о том, что путиловцы

должны позаботиться, чтобы солдаты и крестьянская беднота пошли за нами в решительный момент борьбы.

Речь Серго еще больше сплотила путиловцев на борьбу за решения съезда партии. Подготовка к вооруженному восстанию сделалась основной боевой задачей путиловского рабочего коллектива. Отряды Красной гвардии, формирование которых началось еще в марте, собирались и обучались открыто. Путиловцы приходили на работу с винтовками, ставили их у станков и верстаков, готовые в любую минуту по первому сигналу выступить на защиту революции.

Пройдя через июльский расстрел, через корниловщину, мы на собственном опыте познали настоятельную необходимость вооружаться. Заводские и цеховые комитеты завода и верфи проделали за последние месяцы большую работу. Как член завкома я участвовал в подборе рабочих, желающих вступить в ряды красногвардейцев. К концу сентября 1917 г. на Путиловском заводе было уже сформировано 12 красногвардейских «сотен», в том числе 4 на верфи. В каждой «соте» числилось от 120 до 150 человек.

Готовясь к решительному бою, путиловцы не забывали о союзе с крестьянством. В резолюциях заводских и цеховых митингов мы обязательно подчеркивали, что спасти революцию может только единственная сила — пролетариат в союзе с деревенской беднотой и крестьянами, одетыми в солдатские шинели. Крепкая дружба у путиловцев была с солдатами Павловского полка, с которыми в знак верной дружбы был произведен обмен знаменами.

В дни 9 и 10 октября состоялись общезаводские митинги, они показали, что путиловцы твердо стоят на большевистских позициях.

11 октября, на другой день после решения Центрального Комитета нашей партии о вооруженном восстании, рабочие всех цехов снова собрались на митинг, где была принята единогласно боевая резолюция, которая подводила итог требованиям рабочих.

День 22 октября был провозглашен «Днем Петроградского Совета» — днем смотра пролетарских сил. Путиловцы организовали большое собрание в помещении своего театра, расположенном на территории завода. Мы, большевики и рабочие верфи, пришли тогда, когда театр еще не был заполнен, но вскоре не только театр, но и вся прилегающая к нему территория была заполнена тысячами рабочих. На многолюдном митинге, организованном на улице, выступали представители Петербургского комитета нашей партии С. Косиор, В. Невский. От рабочих Путиловского завода выступали Т. Барановский, А. Богданов, М. Войцеховский, И. Егоров, С. Корчагин, Ф. Лемешев и др. На призывы выступавших пойти на штурм буржуазии с мест неслись возгласы: «Выступим хоть сейчас!» Митинг принял решение: «Выступить по первому зову Петроградского Совета!»

В один из предшествовавших 25 октября дней секретарь районного союза металлистов сообщил нам на заседании правления о том, что по

постановлению ПК все красногвардейские отряды должны быть готовы к началу вооруженного восстания.

Правление союза тут же решило временно работу в союзе прекратить, всем членам правления разойтись по своим организациям для того, чтобы подготовить членов союза к выступлению.

24 октября по приказу ВРК были отобраны отряды красногвардейцев и приведены в полную боевую готовность. У здания Путиловского театра собрались все 12 красногвардейских «сотен» завода и верфи. Командиры «сотен» выделили лучших красногвардейцев в сводный отряд для отправки в Смольный и другие указанные ВРК места. Между тем в завкомах завода и верфи шла напряженная работа: создавались группы рабочих для доставки оружия и снарядов, медикаментов, организации питательных пунктов, отбирались товарищи для связи с центральными и районными организациями и для выполнения всевозможных поручений. Вечером стали поступать сведения об успехах восстания, а к утру 25 октября мы уже знали, что правительство Керенского низложено, а сам он бежал. 26 октября открылся II съезд Советов, провозгласивший Советскую власть. После окончания II съезда Советов ПК направил целый ряд членов партии в уезды Петрограда для ознакомления их с событиями в Питере. Меня послали в один из уездов Новгорода.

М. Ю. Бобе. Первые дни Февраля

В начале 1915 г. я была арестована за распространение революционных листовок против империалистической войны и препровождена этапным порядком в одиночную женскую тюрьму, находившуюся на Выборгской стороне. В тюрьме путем перестукивания по стене мне удалось познакомиться с некоторыми политическими заключенными, которые сообщили свои адреса на случай освобождения меня из тюрьмы. Так я познакомилась с Соней Эйзеншмидт, а впоследствии на свободе и с ее братом Эрнстом Эйзеншмидтом, членом нашей партии с 1913 г., работавшим в Путиловской больничной кассе. В конце 1916 г., когда я была освобождена, он рекомендовал меня на работу в эту кассу. Здесь я и работала под чужой фамилией — Кузнецовой Елены Николаевны.

Работая приемщицей больничных листов, я беседовала с рабочими на злободневные темы. Лена Раймер снабжала нас нелегальной литературой для распространения ее среди рабочих. В больничной кассе мы получали всевозможные партийные поручения. Там готовились подложные паспорта для нелегальных товарищей. Раймер несколько раз поручала нам оформлять на паспортах подпись пристава. Мы быстро наловчились подделывать эту подпись и помогали в этом Лене.

Шел 1917 год. Все чаще и чаще организовывались забастовки на фабриках и заводах района.

Нарвский райком партии большевиков планировал выступление рабочих на 14 февраля 1917 г. и дал нам, группе членов партии, в которую входили Паня Петрова, Г. Ульман и я, задание закупить красного материала и подготовить знамена и лозунги для демонстрации. Приобретя материю, мы собрались на квартире у Екатерины Марченко и в течение ночи выполнили поручение райкома. Под утро, обернув знамена под одежду, мы все явились на работу, сдали знамена организаторам выступления, а днем, когда началась демонстрация, направились к Нарвским воротам. По дороге демонстранты останавливали трамваи, которые курсировали от Нарвских ворот до Путиловской верфи. К демонстрации все время присоединялись рабочие, но дойти до Нарвских ворот мы не успели: часть демонстрантов разогнал конный казачий отряд, а часть демонстрантов была арестована. Казаки нагайками избивали тех демонстрантов, которые пытались нас освободить. Полицейских было очень много, и осуществить свое намерение рабочим не удалось. Лишь на заре нас, женщин, в том числе и меня, отправили в одиночную женскую тюрьму на Выборгской стороне, где я сидела до Февральской революции.

Однажды, когда нам раздавали пищу через окошечко, я увидела против своей камеры Марусю Сахьянову, очень обрадовалась ей и крикнула: «Маруся, на демонстрации меня избили и привели сюда!» Но надзирательницы захлопнули окошечки.

В тюрьме от товарищей, к которым приходили на свидание родные, мы узнали, что в Петрограде начались бурные дни: идут забастовки, демонстрации, митинги. 27 февраля, когда нас повели на прогулку, мы услышали шум, выстрелы (впоследствии мы узнали, что рабочие разгромили Арсенал). Испуганные надзирательницы прекратили прогулку и направили нас обратно в камеры. Прошло немного времени, и я услышала лязг тюремных ключей и шум открывающихся внизу тюремных дверей, а через некоторое время шум дошел и до пятого этажа, где были политические заключенные. Непрерывно стали открываться двери камер и до меня донеслись крики: «Товарищи, мы свободны!» Мне показалось, что мою камеру забыли, и я стала кричать: «Не забывайте меня!» Стучала миской, ложкой, кулаками. Но открылась и моя дверь. Передо мной стояли вооруженный рабочий и матрос. Они обняли меня, расцеловали и сказали: «Вы свободны! Народ восстал. В Питере революция». По лестнице встречались другие освобожденные политические заключенные. Объятия, слезы радости, крики «Да здравствует революция!» — все смешалось воедино. У ворот тюрьмы толпа. Вновь объятия, крики «ура!». Все мы направились к Таврическому дворцу. Там долго стояли, а потом двинулись по улицам ликующего города. Ведь наконец рухнуло ненавистное самодержавие.

Утром опять в свою Путиловскую больничную кассу. К товарищам. На партийную работу.

В А С И Л Е О С Т Р О В С К И Й Р А Й О Н

**В. Ф. Алексеева. От конспиративной работы
в подполье до Смольного**

Приехав в конце 1912 г. в Петербург и поступив на Высшие женские Бестужевские курсы (ВЖК), я надолго связала свою судьбу с Васильевским островом. Здесь я училась, здесь включилась в подпольную работу партии большевиков, здесь же я встретила Февральскую буржуазно-демократическую, а затем и Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

На вечере тверского студенческого землячества (зал Фон-Дервиза) я познакомилась с двумя студентами-земляками, раньше меня приехавшими в Петербург.

Первым из студентов-тверяков навестил меня тот, который прочел «Капитал» Маркса, когда ему было еще только 13 лет. Это, конечно, удивительно. Но еще удивительнее, то, что, несмотря на это, он оказался... эсером.

Человек больших знаний, большого человеческого обаяния и прекрасных ораторских качеств, он невольно заставлял собеседника слушать себя с захватывающим интересом. Однако все это не помогло мне уверовать в его идеалистические концепции. Они не убеждали. Чем дальше, тем яснее становилось, что все это не то, что я искала.

Но вот в какой-то вечер — стук в дверь! И в комнату вошел другой мой знакомый по залу Фон-Дервиза. Высокий, худой, бледный и, видимо, очень утомленный. Это был Иван Михайлович Москвин, студент Горного института.

За традиционным студенческим самоварчиком начался разговор на идеологические темы, те, без которых мы тогда не могли жить. Надо отдать должное: Иван Михайлович оказался прекрасным пропагандистом. Говорил просто, немногоречливо, скорее даже скупое, говорил, ничего не навязывая, но в высшей степени весомо и убедительно. Каждое положение он умело подкреплял научными данными, фактами. Это был убежденный, сильный марксист, член партии большевиков.

Вскоре я поняла, что марксизм с его материалистическим пониманием истории, теорией классовой борьбы — это то самое мировоззрение, которое я так долго искала. Встретившись с таким человеком, как Москвин, я загорелась. Книжки, которые он приносил мне, открывали все новые и новые горизонты, доставляли истинную радость.

Вскоре я вступила в марксистский кружок, где были главным образом бестужевки, но были и студенты университета и Горного института. В этом кружке всегда бывал и И. М. Москвин. В кружке он играл руководящую роль, незаметно и умело направляя его работу по надлежащему руслу.

Немного позднее я вошла в большевистскую фракцию Бестужевских курсов, стала членом студенческого Красного Креста (помощь заключенным и ссыльным). Явки представителей этой организации были в столовой Женского медицинского института на Петроградской стороне (Архирейская улица, ныне улица Льва Толстого).

Был еще кружок, состоявший в основном из студентов-горняков. Это были люди способные, серьезные, с большим крутом интересов и знаний, убежденные марксисты, большевики. Сюда входили Иван Михайлович Москвин, Василий Михайлович Бажанов, Николай Васильевич Грачев, Павел Михайлович Войтик, Михаил Андреевич Марушко, позднее — Иван Павлович Курсакин, курсистки Грачева-Малышева (жена Н. В. Грачева) и я. Уровень этого кружка был заметно выше первого. Каждый прослушанный реферат, его обсуждение, а тем более подготовка собственного реферата к кружку действительно углубляли понимание марксистских проблем, положений, создавали убежденность, вырабатывали мировоззрение.

И. М. Москвин довольно часто заходил ко мне, и мы часами, допоздна говорили все на те же жгучие темы. Рассказывал он много и о партийных задачах, и об обстановке в Горном институте. Большевистская организация горняков, как мне кажется, была тогда наиболее сильной из студенческих организаций Васильевского острова. В нее входили теоретически подготовленные, деловые, энергичные товарищи, пользовавшиеся авторитетом и влиянием в студенческой среде института.

Им принадлежала ведущая роль на студенческих собраниях, на выборах в общественную организацию Горного института — в «Фонд» (касса студенческой взаимопомощи). В руководстве «Фонда» большевики имели решающее значение. В связи с оказанием помощи нуждающимся студентам, высланным и заключенным, «Фонд» проводил раз-

личные мероприятия хозяйственно-финансового, организационного, культурного порядка.

В целях мобилизации средств ежегодно в здании института «Фондом» устраивался традиционный бал со специальным приглашением живущих и занимающих всевозможные «посты» в Петрограде бывших питомцев Горного института. Организация такого бала требовала массы хлопот и времени, но она значительно повышала финансовые возможности «Фонда».

Так, при «Фонде» существовала прекрасная и в то же время доступная студенческому карману столовая. «Фондом» устраивались литературно-художественные вечера, лекции. «Фонд» располагал хорошей по тем временам марксистской библиотекой, продолжал ее пополнение и как зеницу ока оберегал ее от «посторонних взоров». Но полиции были достаточно известны политические настроения, существовавшие в стенах института, в общественных организациях студенчества, и потому она время от времени сюда наведывалась.

Однако и руководители «Фонда» тоже не дремали. Так, однажды И. М. Москвин, который в это время, как помнится, был уже председателем «Фонда», принес мне несколько редких запрещенных аккуратно переплетенных книг из этой библиотеки с тем, чтобы я временно спрятала их. Оказалось, что «Фонду» грозил обыск помещения, конфискация марксистской библиотеки, столь необходимой для работы партийной организации; самые нежелательные последствия ждали и самих руководителей «Фонда», в первую очередь Москвина и Бокия, которого полиция считала главным большевистским «смутьяном» в институте.

«Фонд» со всеми его предприятиями был на постоянном прицеле у полиции. Но, несмотря ни на что, работа продолжалась и проходила в тесной связи с подпольной большевистской организацией.

Заведовал столовой Г. И. Бокий, о котором полиция была очень хорошо осведомлена и который доставлял ей с давних пор немало хлопот.

И. М. Москвин, рассказывавший о своих товарищах по Горному институту, по общественной и партийной работе, в первую очередь познакомил меня с Г. И. Бокием. Говорил он о нем с уважением и любовью.

По его словам, Бокий был врожденным конспиратором, революционером-подпольщиком. Он обладал редкой выдержкой, бесстрашием, прекрасными организаторскими способностями и имел огромный опыт подпольной революционной борьбы. Много раз арестовывался. Испытал много нечеловечески трудного, но от революционной борьбы не отошел.

Из допросов, которым подвергался Г. И. Бокий, он умел извлекать нужные для партии сведения. Иногда по какой-то интонации в голосе следователя или промелькнувшему выражению на его лице, по характеру задававшихся ему вопросов он путем тщательного продумывания и умозаключений делал вывод, куда, к каким делам и людям подполья шел поиск следствия, или какая расправа замышлялась правосудием

по тому или иному делу над арестованными товарищами. Умел из тюрьмы связаться с волей, передать шифровку и т. д.

Следователи изощрялись в приемах, чтоб выудить у него то, что их интересовало, так как понимали, что Бокний больше, чем кто-либо другой, осведомлен во всех этих вопросах. Но с Бокнем сделать это было невозможно. Глеб Иванович, оставаясь непроницаемым для следователя, умел при случае ловко и незаметно «потянуть за язык» самого представителя правосудия. Все это делалось тонко и как бы незаинтересованно. При его наблюдательности, умении владеть собой и разгадывать хитрые ходы врага он мог приблизиться к интересовавшей его разгадке, в то время когда сам следователь ничего интересного для себя из допроса Бокния извлечь не мог.

При аресте Глеба Ивановича забирали и его по виду самые обычные ученические тетрадки, исписанные математическими формулами, а на самом деле — записями о подпольных делах, зашифрованными математическим шифром. Шифр этот являлся изобретением Глеба Ивановича, и ключ к нему известен был только ему одному.

Лучшие шифровальщики, какими только располагала царская охранка, ломали головы над этими «формулами», подозревая в них шифр. Однако раскусить этот орешек они так и не могли.

— Сознайтесь, — говорил Глебу Ивановичу следователь, — это шифр?

А Глеб Иванович невозмутимо отвечал:

— Если шифр, то расшифруйте.

С досадой следователь возвращал ему эти загадочные тетради.

Последний раз Глеб Иванович был арестован царской охранкой весной 1916 г., в ту же ночь, что и я. Об этом мне стало известно по выходе из тюрьмы.

Когда Бокний шел на явку или собрание, он почти всегда успевал заметить все подозрительное близ дома, куда направлялся, и всегда предупреждал товарищей о грозящей опасности, если это было возможно. Он виртуозно умел уходить из-под носа шпиков.

На редкость скромный, тактичный, принципиальный человек, ему были чужды карьеризм и личная корысть. На первом плане для него всегда стояла партия, поэтому он и работу подбирал так, чтобы быть поближе к массам. Отсюда и скромный пост заведующего студенческой столовой, где он мог общаться со студенческой массой. Там он находил новых, преданных делу революции людей, например И. М. Москвина, В. М. Бажанова, П. М. Войтика и многих других.

Бокний вступил в партию в 1900 г. Он был секретарем ПК, членом Русского бюро ЦК, а после Февральской революции и весь период Великого Октября был членом и секретарем ПК, членом Петроградского ВРК, а позднее на самых ответственных участках завоевания и защиты Советской власти.

Конспирация в большевистском подполье, которое подвергалось особенно беспощадным расправам со стороны царских властей, действитель-

но была суровой и сложной и потому не всегда легко давалась людям, особенно новичкам, не искушенным в борьбе. Нарушение правил конспирации могло нанести тяжелый удар по всей подпольной организации, поэтому и новичкам в соблюдении этих правил никаких скидок не делалось.

Г. И. Бокий и И. М. Москвин были беспощадны к тем, кто проявлял легкомысленное, неправильное отношение к этому вопросу.

Довольно скоро после моего вступления в партию в моей комнате стали происходить заседания с участием руководящих работников большевистского подполья. Тогда я не знала и не должна была знать, кто именно участвует в этих заседаниях, какова роль этих товарищей в партии. Закон нашей конспирации гласил: «Говори не кому можно, а кому должно».

Только после свержения самодержавия, когда необходимость в суровой конспирации отпала, я узнала фамилии и имена некоторых товарищей, участвовавших в заседаниях, а по ним определила, что у меня происходили заседания Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б), членов ПК, а возможно, заседания с участием членов Русского бюро ЦК и также приезжавших в Петроград представителей провинциальных подпольных организаций партии.

Кроме горняков Г. И. Бокия, И. М. Москвина, П. М. Войтика и других, которых я, конечно, очень хорошо знала, на заседаниях бывали Юрий Лутовинов (Луганск), А. Я. Аросев (Москва, Тверь), Н. Г. Толмачев, В. Н. Залежский, А. А. Андреев, А. С. Киселев (Иваново-Вознесенск) и многие, многие другие.

Запомнилось заседание, на котором Алексей Семенович Киселев делал доклад о поездке к В. И. Ленину в Поронино. Помню, после деловой части доклада Киселев рассказал о том, как тепло встретили их, приехавших из России, Владимир Ильич и Надежда Константиновна, жившие в эмиграции в Польше. Он говорил, с каким интересом Ильич расспрашивал о партийных делах в России, о настроениях в рабочих массах, вникая в дела и проблемы, с которыми они к нему прибыли, давал советы, разрешал трудные вопросы. Говорил о самом Владимире Ильиче, о том огромном впечатлении, которое производит личность Ильича.

А потом вдруг Алексей Семенович заговорил о бытовой, материальной стороне жизни Владимира Ильича и Надежды Константиновны. И мне запомнилась такая его фраза: «Товарищи, честное слово: вот я простой рабочий, а живу лучше, чем они! Как же это так?» И он сокрушенно покачал головой.

Это заседание особенно сохранилось в памяти.

От меня, присутствовавшей на всех заседаниях от начала и до конца каждого из них, требовалось безусловное и неукоснительное умение «держат язык за зубами». Это правило конспирации не представляло для меня ни малейшей трудности. Но кроме этого требовалось и нечто иное, что мне далось не сразу, а именно быть в тени, не привлекать к себе

внимания. Вот почему я и получила от Ивана Михайловича вполне заслуженное мной «вразумление».

Однажды, придя ко мне, Иван Михайлович сказал: «Вы, говорят, взяли за преподавательскую работу на Трубочном заводе?» — «Да, говорю, два раза была там». — «Как же это вы так?» Смотрю на него, не понимая, в чем дело. «Вам это ни в коем случае нельзя», — поясняет Иван Михайлович. «Заниматься в рабочей общеобразовательной школе, преподавать русский язык?» — недоумеваю я. «Да, — продолжает Москвин, — во-первых, на Трубочном заводе засилье меньшевиков; во-вторых, там полно «осведомителей», и все руководители тамошних кружков, курсов, школы — все на учете у «охранки». Когда я это услышала, то ахнула. Всего этого я не знала, конечно, а попала я в эту школу так.

Незадолго до разговора с Москвиным, после заседания большевистской фракции Бестужевских курсов одна из курсисток обратилась ко всем нам — нет ли среди нас желающих взять на себя «на общественных началах» преподавание русского языка в общеобразовательной рабочей школе на Трубочном заводе. Сама она в связи с окончанием курсов из Петербурга уезжает.

Преподавательская работа была мне знакома и всегда привлекала меня, тем более что здесь предстояло иметь дело с рабочими. Поэтому я выразила желание заниматься. Это было в присутствии всей фракции, и никто не знал об обстановке на Трубочном заводе. Бестужевка, передавшая мне свои уроки и уже уехавшая, меня тоже не предупредила.

После разговора с Иваном Михайловичем я на Трубочном заводе больше не бывала, и, к счастью, все это мое «предприятие» никаких дурных последствий не имело. Для меня оно было хорошим уроком.

Однако этого мало. Несколько позже, когда я уже не была новичком, у меня был разговор с Глебом Ивановичем Бокнем.

Пришел он ко мне несколько раньше, чем было назначено заседание, и спрашивает: «Валентина Федоровна, говорят, Вы вступили в знакомство с «межрайонцами»?» Я сразу же поняла, что речь идет о встрече членов нашей бестужевской фракции с руководителем межрайонной организации. Но тут я считала, что иначе поступить было нельзя, и рассказала Глебу Ивановичу, как все произошло.

Одна из членов фракции бестужевок, вологжанка, сообщила, что секретарь общегородской межрайонной организации Быстрова Людмила Модестовна ставит вопрос о встрече с нашей большевистской фракцией бестужевок. Поскольку о цели встречи наша вологжанка ничего не могла сказать, предложение Л. Быстровой оставалось без ответа.

Между тем предложение о встрече все повторялось и повторялось. Наконец на вопрос о целях встречи, поставленный ребром, стало известно — межрайонная организация выдвигает вопрос о вхождении нашей большевистской фракции бестужевок в межрайонную организацию.

Было известно, что Л. М. Быстрова (которая, кстати, была старше нас по возрасту, человек с напористым характером, умевшая воздейст-

воват на людей, добиваться своей цели, что ее землячки-вологжанки с ней очень считаются) через одну из этих вологжанок-большевицек повела свои атаки на нашу фракцию с целью оторвать ее от партии большевиков, от партии Ленина и включить в межрайонную меньшевистскую организацию. Нетерпимо было и то, что в нашей фракции нашлись люди, которые принимали подобные поручения. Необходимо было внести в вопрос ясность, положить конец домогательствам Быстровой, дать ей решительный, принципиальный отпор. Необходимо было показать, что наша фракция имеет свое твердое, большевистское лицо и непримиримо относится к оппортунистическим партиям и организациям. И мы пошли на эту встречу.

К нашему удивлению, инициатора всего этого дела Л. М. Быстровой на самой встрече не оказалось. А ждал нас там Юренев Константин Константинович, руководитель Межрайонного петроградского комитета, студент, типичный интеллигент с гладкой, литературной речью, производивший положительное впечатление.

Он развернул в своем выступлении план вхождения большевистской фракции ВЖК в межрайонную организацию. Говорил долго, стараясь убедить нас якобы в политической целесообразности нашего «вхождения» в «межрайонку» и даже о «преимуществах» межрайонной организации перед партией большевиков.

Пришлось проявить всю выдержку, на какую только хватило сил, чтобы дослушать до конца все эти «доводы». И затем со всей большевистской непримиримостью мы категорически и аргументированно отвергли этот план как беспринципный.

Бестужевки единогласно поддержали нас. Заключительное слово Юрнева было менее уверенным, менее красноречивым, чем первое выступление и, естественно, изменения в позицию бестужевской фракции не внесло. Так «знакомство» нашей фракции с межрайонцами и закончилось.

Выслушав все это, Глеб Иванович согласился, что вопрос, конечно, заслуживает внимания, что отпор «межрайонке» надо было дать. Но мне он деликатно посоветовал в дальнейшем все-таки «не вылезать».

Так я проходила «науку» подпольщика, которому необходимо взвешивать каждый свой шаг, каждое свое слово.

И. М. Москвин, говоривший мне о подпольных делах, интересно рассказывал о судебном процессе над нашим товарищем Василием Михайловичем Бажановым. На суде было много материала, поучительного для каждого подпольщика. Он говорил о том, как держаться в случаях арестов, допросов в охранке, в тюрьме.

Все это мне очень пригодилось впоследствии, когда я была арестована и последовательно прошла и полицейский участок, и Охранное отделение, и, наконец, Новую женскую тюрьму.

Полученная от И. М. Москвина и Г. И. Бокия подготовка избавила от ошибок и промахов, тем более что подходящие для них ситуации, безусловно, существовали. Вот, например, был такой случай.

Помню, в Охранном отделении после личного обыска, которому я подверглась, как и все арестованные, ввели меня в небольшую, узкую, длинную, без окон комнату, где производилась дактилоскопия (снятие отпечатков пальцев). Служитель охраны, который выполнял это черное — в прямом и переносном смысле — дело, сидел за длинным столом в глубине комнаты, лицом к входной двери. Своим видом, напоминавшим какого-то средневекового монаха-инквизитора, он производил довольно жуткое впечатление.

Во всю длину стола по обеим сторонам его у стен стояли длинные скамьи. На них вплотную, рядом друг с другом сидели арестованные молодые девушки, по виду — курсистки. Одна из них, как только я вошла в эту комнату, вдруг громким голосом воскликнула: «Валя! Здравствуй-те! И вы тоже?» — и чуть ли не бросилась ко мне здороваться. Это была знакомая консерваторка, участница одного из марксистских кружков, где я нередко бывала.

Такое открытое признание арестованными знакомства друг с другом в стенах охраны да еще и в присутствии охранника было, конечно, грубым нарушением конспирации и внутренне меня поразило. Однако внешне я совершенно спокойно и в то же время мягко и вежливо сказала: «Простите, я вас не знаю. Вы, верно, ошиблись, приняли меня за кого-то другого». Но она, желая напомнить подробности нашего знакомства, снова: «Валя, да ведь...» Я опять совершенно спокойно, но твердо, во избежание ее дальнейших разъяснений прервала, сказав: «Нет-нет, вы ошиблись. Я вас не знаю». Она замолчала, недоумевающая и, видимо, обиженная и села на свое место.

Я же, тоже внутренне очень смущенная, отошла к противоположной стене, где стояла вторая длинная скамейка, тоже сплошь занятая курсистками. Преодолевая свое волнение, я решительно и не глядя села на что-то непонятное, стоявшее на полу у конца этой скамьи. Но как только я прикоснулась к этому предмету, чтобы сесть на него, послышался скрип, хруст и что-то подо мной как бы зашевелилось. Не желая привлечь к себе внимания, я старалась, как могла, не двигаться и даже дышать как можно осторожнее. Но все равно приглушенные скрипы и хрусты не утихали подо мной.

Наконец, когда часть арестованных, прошедших процедуру дактилоскопии, была уведена из комнаты и скамьи поределли, я переместилась на скамью, у которой до того сидела. Заняв место на конце скамьи, я осторожно покосилась на только что покинутый мной «трон». Им оказался мешок с углями! Да, черными, блестящими древесными углями, доверху наполнявшими его.

Когда дошла до меня очередь и я увидела, как мои пальцы, перед тем как оставить черный отпечаток на специальной карте, один за другим стали обмакиваться в полужидкую черную массу, стало понятно, на каком именно «сырье» работает «предприятие», в котором я нахожусь. Поняла также, что мешок с углями занимает место в этой комнате на са-

мом законном основании. При допросах в охранке, в тюрьме промахов, помню, мной не было допущено. Тесная работа и общение с опытными подпольщиками дали достаточное представление, как следует держаться в подобных положениях.

Но беседы с Москвиным И. М. помимо обогащения знаниями из области марксизма, партийных традиций или опыта подпольной практики раскрывали также и его собственный внутренний облик, натуру на редкость цельную, волевою, нестигаемую и жизнь его, как и жизнь Бокия Г. И., целиком отданную революции.

В откровенных товарищеских беседах, касавшихся его самого, в частности гимназического периода его жизни в Твери (город Калинин), он, помню, не раз искренне недоумевал, пожимая плечами и говоря: «Я был тогда просто «первый ученик» — и только!» В этом был и упрек себе, и искреннее непонимание того, как он мог жить в те годы одним только безмятежным накоплением знаний, вне общественно-политических интересов. Сейчас он не мыслил себя без кипучей революционной борьбы и работы, считая ее первоочередной, отдавая ей себя целиком.

Многие его высказывания заставили меня глубоко задуматься и проикнуться уважением к человеку с таким строгим отношением к своей личности.

На примере Г. И. Бокия и И. М. Москвина мне хотелось показать людей подполья, составлявших костяк революционной партии пролетариата, которая под руководством В. И. Ленина совершила величайший подвиг, исторический подвиг, приведя массы трудящихся к Великому Октябрю, открывшему новую эру в жизни человечества.

Вскоре после Февральской революции в особняке балерины Кшесинской на Петроградской стороне разместились Центральный и Петербургский Комитеты РСДРП(б), Военная организация при ЦК («военка»), редакция «Солдатской правды». В цокольном этаже — дежурная часть броневоего дивизиона. Дворец Кшесинской зажил новой, кипучей, шумной, многолюдной жизнью, совсем не похожей на прежнюю. По лестницам особняка торопливо поднимались и спускались все новые и новые люди. В узких и тесных его коридорчиках часто, в особенности в часы привоза свежееотпечатанных газет, пройти у дверей, где помещалась «Солдатская правда», было нелегко. Там посланцы частей гарнизона по своим мандатам получали пачки газет, с которыми направлялись обратно к нетерпеливо ожидавшим их в частях товарищам.

С приездом Ленина, а в особенности после опубликования его Апрельских тезисов, произведших на всех противников впечатление взорвавшейся бомбы, в жизнь особняка вошла новая бурная струя. В ответ на Апрельские тезисы буржуазия и мелкобуржуазные партии разразились бурей угроз и инсинуаций против большевиков и Ленина. Большевики усилили свою агитационную работу. Наши митинги собирали многотысячные массы. Борьба кипела. И если революция примерно к моменту приезда Ленина проделывала, по словам Владимира Ильича, «шаг на ме-

сте», то этого никак нельзя было сказать о революции после его приезда в Россию.

В особняке Кшесинской стало еще оживленнее и многолюднее. Происходили собрания, заседания, появлялись все новые люди.

И вот среди этого шумного, оживленного и стремительного многолюдья появилась спокойная, неторопливая и молчаливая средних лет женщина, которая выделялась и привлекала внимание своим каким-то особенно скромным видом. Все в ней было просто и непритязательно: и одежда, и прическа, и манера держаться. Она с явным интересом и как бы изучающе всматривалась во все, что ее окружало, стараясь не пропустить ничего.

Это была Надежда Константиновна Крупская.

О Надежде Константиновне я слышала еще во времена подпольной работы много такого, что заставляло относиться к ней с особым чувством, особым уважением.

В один из самых первых дней по возвращении Владимира Ильича и Надежды Константиновны из эмиграции в фешенебельной гостиной дворца Кшесинской происходило заседание, на котором присутствовали В. И. Ленин, Н. К. Крупская, члены ЦК и ПК и некоторые товарищи из бывшего питерского подполья. Собрание было немногочисленным. Повестки дня не помню. Протокола, вернее всего, не велось. В середине довольно длинного стола, стоявшего параллельно окнам, обращенным в сторону Петропавловской крепости, сидел спиной к окнам Владимир Ильич. За этим же столом разместились и другие участники заседания. Остальные — на стульях и в креслах, стоявших в гостиной.

Кто присутствовал на этом заседании, кроме В. И. Ленина и Н. К. Крупской? Сейчас трудно с полной достоверностью назвать всех товарищей, бывших на том заседании. Но помню, что там присутствовали Е. Д. Стасова, Л. М. Михайлов (Политикус), Г. И. Бокий, М. И. Калинин, Н. И. Подвойский, В. И. Невский, С. Я. Багдатов, Н. Г. Толмачев, М. И. Лацис, В. Н. Залежский.

Владимир Ильич был очень оживлен, энергичен, задавал вопросы, уточнял с питерцами интересовавшие его подробности тех или иных событий или позиции и деловые качества людей, вышедших на политическую авансцену революционного Петрограда. Ленин тут же делал соответствующие выводы, заключения, которые настораживали, заставляли по-новому подходить к вопросу. Его осведомленность в наших делах, о наших политических противниках была огромной. Даже сам характер задаваемых им вопросов говорил об этом. Поражала во Владимире Ильиче не только его осведомленность, но и его способность невероятно быстро ориентироваться в политической обстановке (хотя с тех пор, как он последний раз был в России, прошло около десяти лет). Поражала его способность из комплекса сложных политических вопросов быстро определять главный, поражала меткость и точность его формулировок и, наконец, его удивительная товарищеская простота и доступность.

В деловой обстановке я видела Владимира Ильича впервые, и все эти черты его особенно бросились в глаза и запомнились.

Надежда Константиновна на этом совещании сидела несколько поодаль от стола, за которым находился Владимир Ильич и другие товарищи. Она заняла место у стены, у которой протянулся плотный ряд мягких стульев. (Кстати, эта стена отделяла гостиную от той угловой комнаты, где был балкон, ставший историческим, с которого выступал В. И. Ленин перед революционными массами Петрограда.) Она сидела, положив руки на колени.

Мне хорошо запомнилась спокойная, сдержанная поза Надежды Константиновны. Чувствовалось, что для нее, прожившей так долго за пределами родины, было все ново.

Во дворце Кшесинской я работала в Бюро печати ЦК партии и выполняла задания Петербургского комитета партии.

Бюро печати помещалось на втором этаже в небольшой комнате, бывшей душевой, с полом, выложенным плитками, со стенами, поблескивавшими зеленовато-голубым кафелем, с окном, расположенным почти под потолком. У стены под окном стояли стеллажи с газетами и разными материалами, у других стен — три или четыре столика, за которыми мы работали.

Вскоре после описанного мной заседания, когда мы в Бюро печати работали, погрузившись в материалы, в нашу комнату открылась дверь, и мы увидели Елену Дмитриевну Стасову, которая, указывая на нас своей спутнице, сказала: «Да вот они! Вы оставайтесь, а я пойду к себе работать».

В комнату вошла Крупская, поздоровалась со всеми за руку, вышла на середину комнаты, неторопливо, внимательно обвела глазами наше необычное рабочее помещение и, обратившись к нам, сказала: «Ну вот, будем теперь вместе работать¹. Меня зовут Надежда Константиновна». Она пришла к нам сообщить о важности информации с мест о работе Советов в провинции и о настроениях крестьян в земельном вопросе. Сведений по этим вопросам поступало недостаточно, а между тем они очень важны для Центрального Комитета в связи с готовящейся Всероссийской конференцией.

VII Всероссийская конференция открылась 24 апреля (ст. ст.). По важности вопросов, стоявших в порядке дня конференции, по огромному значению принятых ею решений, Апрельская конференция имела значение съезда. Важнейшей ее задачей было определение политической линии партии в революции, ее стратегии и тактики. Перед конференцией стоял ряд других вопросов принципиального значения, срочного разрешения которых требовала революционная обстановка.

¹ Надежде Константиновне не пришлось работать с нами в Бюро печати ЦК, видимо, потому, что она включилась в работу по подготовке VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

В центре внимания конференции были Апрельские тезисы. Ленин говорил о необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Ленин говорил страстно, убежденно, аргументируя каждое из своих положений.

Доклад Ленина делегаты слушали с огромным интересом и вниманием, реагируя на его высказывания одобрительными возгласами, аплодисментами. На лицах многих можно было прочесть, что задача перехода к социалистической революции, о которой говорил Ленин, воспринималась как откровение. У людей блестели глаза и, как говорится, «дыхание захватывало».

Однако с первого же дня работы конференции наметилась оппозиция в лице Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, С. Я. Багдатьяна. Разгорелись страстные дебаты. Ленин показывал, что в России сложилась, возникла реальная возможность осуществить переход к социалистической революции. Он решительно возражал против какого-либо сотрудничества с Временным правительством. Оппортунисты же утверждали, что Россия еще не созрела для социалистической революции. Они предлагали осуществлять «контроль» над Временным правительством, что на деле означало сотрудничество с ним.

Владимир Ильич внимательно следил за прениями, которые по этому пункту порядка дня достигали невероятного накала. Он спокойно слушал горячие выступления делегатов, никого не прерывая. Только по его глазам и иронической улыбке можно было судить, как он воспринимает высказывания, с которыми не согласен.

Горячие схватки продолжались и в кулуарах. Участники конференции разделились на две далеко не равные группы: преобладающая масса — ленинцы и ничтожная часть, как мы их тогда называли, — «каменевцы».

По «текущему моменту» конференция приняла подавляющим большинством резолюцию, предложенную В. И. Лениным.

Ленин был и душой, и мозгом конференции. Он выступал с основными докладами, а также в прениях по всем остальным вопросам порядка дня. Активно участвовал в работе секций и комиссий конференции. Им же были подготовлены и все важнейшие резолюции конференции.

Ленин поражал энергией своей творческой мысли, непревзойденным умением диалектически подходить к вопросам, быстро ориентироваться в сложнейшей обстановке, предвидеть дальнейший ход событий и умением тут же наметать задачи партии и вытекающие отсюда мероприятия. Бросалась в глаза его необыкновенная работоспособность и неутомимость.

Однако Ленин умел не только выступать, захватывая присутствующих глубиной мысли, пламенным ораторским темпераментом, убеждать людей своей железной логикой. Он умел слушать, умел учиться у народа и впитывать революционный опыт масс.

Помню, с каким живейшим интересом слушал он доклады делегатов. Иногда он за столом президиума подсаживался ближе к оратору и «весь превращался в слух». Особенно радостно и возбужденно блестели его глаза, когда некоторые из выступавших говорили о работе Советов в провинции, говорили о Советах как о революционных органах, на деле осуществляющих государственную власть на местах.

Такие выступления были лучшим подтверждением правильности и жизненности выдвинутого В. И. Лениным в Апрельских тезисах лозунга «Вся власть Советам!», подтверждающего правильность принятого конференцией курса партии на социалистическую революцию.

В своем выступлении в прениях по «Докладам с мест», оценивая по существу сообщения товарищей с периферии, В. И. Ленин сказал:

«Может быть, это самый важный материал из сведений, которые дала конференция, материал, который дает возможность проверить наши лозунги действительным ходом жизни»¹.

Обсудив и вынеся решения по всем вопросам, стоявшим в порядке дня, приняв курс на социалистическую революцию, конференция закончилась в ночь с 29 на 30 апреля. Владимир Ильич закрыл конференцию такими словами: «Пролетариат найдет в наших резолюциях руководящий материал к движению ко второму этапу нашей революции».

* * *

Смольный тех исторических дней, когда свершалась Великая Октябрьская социалистическая революция, представлял собой незабываемое зрелище. Смольный, этот героический штаб Великого Октября, жил необычной, бурной жизнью. Кипел, как могучий котел. Казалось, сердце всей страны билось в нем!

К Смольному нескончаемой вереницей шли и ехали люди. Двери Смольного в те дни не закрывались, впуская и выпуская людей. От массы народа тесно было в просторном смольнинском вестибюле, было трудно проходить и по беломраморной лестнице, что двумя маршами вела на верхние этажи здания. А на верхних этажах находились Центральный и Петербургский комитеты партии большевиков, Военно-революционный комитет и др.

По широким и длинным коридорам Смольного, которые из конца в конец едва даже просматриваются, с утра и до поздней ночи двигалась настоящая лавина людей. Тут были рабочие в пальто и куртках, перепоясанных ремнем, матросы в бескозырках и бушлатах с пулеметными лентами крест-накрест, солдаты в потрепанных шинелях и папахах, с винтовками и без винтовок, бородачи-крестьяне в ушанках и нагольных полупубках.

¹ «Седьмая Апрельская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы». М., 1958, стр. 145.

Самой многолюдной «магистралью» Смольного был коридор второго этажа, где находился актовый зал (теперь зал заседаний), тот самый исторический зал, где в те великие дни заседал II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В том же коридоре, который вел к актовому залу, помещался и Петербургский комитет партии.

ПК проводил огромную агитационную работу путем митингов и массовых собраний, которые организовывались по всему городу.

В самом Петербургском комитете происходили тогда часто расширенные заседания ПК с участием не только представителей райкомов, но и профсоюзов, заводов, фабрик и учреждений. В Петербургском же комитете проводились и совместные заседания ЦК и ПК партии, где решались важные проблемы и вопросы, выдвигавшиеся революцией.

Мне приходилось принимать участие в организации митингов и собраний, держать связь с докладчиками, вести протоколы совместных заседаний Центрального и Петербургского комитетов по наиболее важным вопросам («Об Учредительном собрании», о «Брестском мире» и многим другим¹).

По очереди приходилось нести ночные дежурства, особенно в первый, тревожный период Октября.

В ПК приходило великое множество людей, им необходимо было уделять немало времени.

В те ночи, когда я была свободна от ночного дежурства в Смольном, за мной заходил Владимир Иванович Невский, редактор газеты «Деревенская беднота», и мы на «козлике», который добывался завхозом «Деревенской бедноты» где-то в Смольном, втроем (не считая шофера), ехали в район Мойки, в малюсенькую типографию, где имелась комнатка для работников редакции, вся заваленная типографскими оттисками, корректурами, рулонами бумаги, газетами и т. д. Здесь за одним столом просматривал материалы Владимир Иванович, за другим я правила корректуру.

В. И. Невский довольно скоро сдавал мне материал и уезжал вместе с завхозом. Я же должна была править и первую, и вторую корректуры, и пробный номер газеты. Только под утро выбиралась я из типографии и, полусонная, в полутемной мгле питерского ноябрьского утра, возвращалась в Смольный. И как же сладко было уснуть где-то в пустой комнате, прислонясь к огромным рулонам бумаги, сваленным на полу, уснуть хотя бы на полтора-два часа до начала работы!

Делегаты II Всероссийского съезда Советов еще не успели разъехаться, как для революции наступили тревожные дни. Царскому генералу Краснову вместе с Керенским удалось двинуть с фронта на Петроград воинские части и казачьи сотни, обманутые контрреволюционной

¹ Большинство протоколов написаны мной и хранятся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.

пропагандой. Они заняли Гатчину, Царское село и этим создали реальную угрозу Петрограду. Войско Краснова представляло собой слаженный военный механизм — хорошо обученные и вымуштрованные воинские части, казачьи сотни, опытный командный состав.

У нас такой слаженной военной машины не было, а, наоборот, были большие трудности с организацией наших красногвардейских отрядов и частей гарнизона в нечто целое, способное отразить врага. Трудности с боеприпасами, оружием, продовольствием. Трудности с доставкой всего этого на фронт, с организацией связи. А тут еще холод, дождь, грязь непролазная... Но не было у нас никакой растерянности. Чего не было, того не было! Все у нас организовывалось и создавалось на ходу, стремительно и уверенно. Тут были и революционная инициатива, находчивость и рабочая хватка, беспримерный энтузиазм и смелость.

Если Смольный работал круглосуточно и раньше, то сейчас, когда враг был у порога, Смольный работал особенно напряженно. Торопливее и озабоченнее шли люди в Смольный и из Смольного. Целеустремленнее было движение людей на его внутренних магистральных (коридорах, лестницах и т. д.), сильнее стучали пишущие машинки в его рабочих комнатах, энергичнее и строже стал стиль работы. Все новые и новые красногвардейские отряды отправлялись под Пулково.

Несмотря на опасность, грозившую городу, и в первую очередь Смольному, штаб революции горел, как и раньше, по ночам огнями всех своих окон с той только разницей, что теперь над ним в темном небе беспрестанно бегали и скрещивались лучи прожекторов.

В те трудные дни Владимир Ильич особенно часто бывал в ПК. Он всегда искал общения с массами, а в такой серьезной обстановке — тем более. В расширенных заседаниях Петербургского комитета он принимал живейшее участие. Внимательно слушал выступления товарищей с мест, задавал им вопросы, которые часто вскрывали недостатки и недоделки в этом новом для них и таком серьезном и важном деле. Ведь вопрос шел о защите Петрограда, о защите пролетарской революции!

Помнится, как Владимир Ильич спрашивал выступавших товарищей насчет боевой готовности красногвардейских отрядов.

«Скажите, а какая военная подготовка у командира отряда вашего завода?» Получив ответ, что командир отряда прошел военную службу в царской армии, Владимир Ильич говорил:

— А, вот это хорошо! Значит, военное дело он знает!

Этим Ленин давал понять, кому должно поручаться обучение отрядов красногвардейцев. Или спрашивал другого:

— Скажите, а командир вашего отряда, при случае, может управлять автомашиной?

Третьему задавал такой вопрос:

— Ваш командир, в случае необходимости, может встать к пулемету?

Или:

—А еще в отряде кто-нибудь знает пулемет?

Владимир Ильич интересовался также и санитарными отрядами, их составом, медицинской подготовкой, обеспеченностью медикаментами и т. д.

Вопросы В. И. Ленина многих заставляли врасплох, заставляли по возвращении из Смольного на место принимать меры, исправлять упущенное.

В те дни мы видели Владимира Ильича в Петербургском комитете не только на заседаниях. Он заходил к нам по пути и, как говорят, кстати, чтобы поговорить о деле. Когда над революцией нависла столь серьезная опасность, всех поражало спокойное его настроение, обычная, свойственная ему деловитость.

В эти тревожные дни в Смольный пришла Елена Дмитриевна Стасова. До этого она находилась на Фурштадтской улице в доме 19, где тогда помещались ЦК партии, партийный архив, издательство «Прибой». Товарищи, которые обычно бывали на Фурштадтской, с началом вооруженного восстания, естественно, перестали заходить туда.

Елене Дмитриевне стала нестерпимой ее оторванность от происходящих событий и от товарищей. Она пришла к Свердлову и сказала, что хочет работать в Смольном: «Думаю, что мое присутствие здесь будет бесполезным...» Но Свердлов ответил, что положение сейчас очень серьезное и что ей как одному из руководящих работников ЦК необходимо находиться в помещении Центрального Комитета.

Елена Дмитриевна тут же покинула Смольный и направилась опять на Фурштадтскую.

— Таким образом,— говорила она впоследствии с огорчением,— в Октябрьской революции я «не участвовала».

Именно в эти дни оборвалась связь с Пулковом. Это обострило тревогу. Для ознакомления с положением на фронте решено было в Пулково, в наш штаб послать группу товарищей. В нее вошли старые подпольщики — Илья Ионов и ответственный организатор нашего Василеостровского райкома и член Петербургского комитета, Вера Слуцкая, а также Григорий Чудновский, который вместе с Антоновым-Овсеем и Подвойским входил в тройку, руководившую взятием Зимнего дворца. Решение об их поездке мне было известно по Петербургскому комитету.

За несколько минут до отъезда этих товарищей на фронт я при начале подъема на второй этаж лестницы встретила быстро сбегавшего вниз энергичного и радостно-возбужденного Чудновского, а несколькими ступенями выше Веру Слуцкую, тоже поспешно спускавшуюся следом за ним. Однако она тут же на лестнице остановила меня и с товарищеской теплотой и заботливостью спросила, была ли я дома и удалось ли мне наконец хоть немного отоспаться? Узнав, что дома я еще не была, она стала убеждать меня и прямо-таки упрашивать поехать в ее комнату, что на 15-й линии Васильевского острова, и там хорошенько выспаться, до-

бавив при этом, что комната у нее хорошая, чистенькая и постель совершенно свежая.

Во всем этом сказывалась Вера, большевичка-подпольщица с ее культурой, прекрасным отношением и заботливостью к товарищам даже в такой момент. Меня это тронуло. Я поблагодарила ее и сказала, что у меня тоже ведь есть комната и тоже на Васильевском острове, но вот оставить работу — ну никак невозможно. Вера хотела еще что-то сказать, но тут мужской голос снизу из коридора весьма энергично напомнил ей, что надо ехать, что больше нет времени. Мы с ней только успели наскоро обняться, и она быстро побежала по лестнице вниз, а я наверх. Так мы расстались. Думала ли я тогда, что навсегда.

В ту ночь мы все, работники ПК, включая и Глеба Ивановича, находились в Смольном, в ПК. Вдруг под утро, когда начинал еле-еле брезжить мутный рассвет, к нам в комнату вошел Илья Ионов. Он еле держался на ногах. Говорить сразу не мог. Одна щека у него то и дело дергалась. Глаз закрывался при этом и кривился рот. У него был сильный нервный тик. Мы не могли понять, в чем дело? Но ясно одно — что-то случилось. Потом, немного придя в себя, он с трудом стал рассказывать нам страшную историю поездки в Пулково, в штаб наших частей, куда они втроем накануне отправились.

Ехали они в открытой машине. Чудновский сидел рядом с шофером. А он, Илья Ионов, и Вера Слуцкая — рядом, в кузове машины. Слышалась стрельба. Но вот Чудновский увидел наших бойцов, лежавших с винтовками в руках недалеко от дороги и, видимо, подготовившихся к стрельбе. Попросив шофера притормозить машину, он быстро выскочил из нее, перепрыгнул через канаву и вместе с бойцами залег в кустах. Машина с Ионовым и Верой Слуцкой помчалась дальше. Ионов и Вера продолжали разговор. Говорила Вера. И вдруг, не докончив фразы, замолчала. В этот момент что-то со свистом пролетело, и Ионов на мгновение потерял сознание. Когда очнулся, то увидел: сидит Вера без головы... Голову снесло снарядом... При этих словах лицо Иопова еще сильнее перекосилось в конвульсии, на глазах выступили слезы...

Он был потрясен столь внезапной и трагической гибелью прекрасного партийного товарища. Когда он успокоился немного, то продолжил рассказ¹.

Машина вынесла их из-под обстрела, и они добрались до нашего штаба в Пулкове. Задание Военно-революционного комитета он, Ионов, выполнил и доложил ВРК о положении на фронте.

Часто мне приходилось отвечать многим товарищам на вопрос о том,

¹ В воспоминании Б. А. Ратнер, опубликованном в сборнике «В огне революционных боев» (М., 1967, стр. 248), сказано, что Слуцкая погибла на обратном пути в Петроград. Ратнер передала данные, которые имелись тогда в райкоме.

В. Ф. Алексеева сообщает, что Слуцкая погибла по пути в Пулково. Эти сведения основаны на рассказе Иопова. (Примеч. ред.)

где достать большевистскую литературу (газеты, воззвания, брошюры, отдельные оттиски декретов), в особенности «ходакам» из деревень и солдатам фронта.

Я решила разузнать, где и как можно получить нашу литературу в Смольном. Одного из тех, кто обратился ко мне с таким вопросом, я попросила зайти ко мне в ПК минут через 30—40, в течение которых, разузнав, все и скажу ему. За эти полчаса я узнала, в какой комнате есть такая литература, и сообщила это пришедшему ко мне ходоку. Он обрадовался, поблагодарил и ушел, но через некоторое время вернулся обратно и сказал, что литература в указанной мной комнате действительно есть, но какая литература? Меньшевистско-эсеровская, оставшаяся, видимо, от старого ЦИКа. Я тут же побежала в эти комнаты и обнаружила литературу оппортунистов. Бросилась из этих комнат в дежурку красногвардейцев. В дежурке в углах комнаты стояли винтовки, а у стен на полу сидели и курили в ожидании вызова красногвардейцы. Я обратилась к старшему и попросила помочь перенести литературу в одну комнату. Он сразу: «Четверых вам хватит?» — «Хватит», — говорю. Он назвал фамилии этих четверых, и мы быстро ушли. Скоро вся литература была перенесена в одну комнату и засунута в пустые рядом стоящие шкафы. Но у шкафов не оказалось ключей. Тогда мы забаррикадировали эти шкафы столами.

После этого красногвардейцы пошли к себе, а я бегом в Военно-революционный комитет и в дверях столкнулась с В. Д. Бонч-Бруевичем. С разбегу, запыхавшись и даже как бы с возмущением, я сказала: «Владимир Дмитриевич, что же у нас делается!» От неожиданности он даже отпрянул от меня: «Что такое? Что такое?» — «В Смольный столько ходоков со всех концов приезжает за информацией, за нашей литературой, а у нас здесь ничего не организовано!»

Бонч-Бруевич внимательно выслушал меня:

— А вот вы и организуйте! Дело действительно важное, неотложное!

— Да, — говорю, — но ведь вы знаете, я работаю в ПК и сколько у нас там работы, даже ночи... — заикнулась было я.

Но он отпарировал:

— Мы все работаем, а когда нужно выполняем и другое дело!

Все это было понятно, я и сама так поступала. Только это предложение меня застало врасплох: я не представляла, как при круглосуточной работе в ПК осилить еще и это дело? Тогда говорю:

— Да, но тут нужны помощники и литература!

В ответ Владимир Дмитриевич спокойно заявил:

— Сотрудников вы сами себе подберете, дайте нам их список, Военно-революционный комитет будет им жалованье платить. О доставке литературы позаботится тоже ВРК. Будем ежедневно доставлять ее по вашим заявкам. Создадим в Смольном отдел при ВРК по выдаче литературы на фронт и в деревню. Вот вы организуйте и заведуйте им!

— Да, но мне нужна тогда комната! — говорю я.

Владимир Дмитриевич с милейшей, не без хитрецы улыбочкой ответил:

— А это вы уж сами.

Он, конечно, знал, что дело это непростое, но я видела, что разговоры излишни. Вместе с тем незаметно для себя, психологически я уже включилась в это дело.

Набегавшись вдоволь, я вдруг вспомнила. Помещение? А Яков Михайлович! К нему. Опять третий этаж. Военно-революционный комитет. Из большой комнаты ВРК я открыла дверь в маленькую, что была вправо от входа и где обычно руководящие товарищи ВРК заседали, принимали донесения, работали. Свердлова там не оказалось. А за столом у самого окна в углу сидел Дзержинский. На мой вопрос о товарище Свердлове Феликс Эдмундович сказал:

— Яков Михайлович в своем кабинете.

Я поблагодарила его и исчезла.

Постучалась. Услышав «уникальный» по силе и тембру голос Якова Михайловича, вошла в его большой и, как мне показалось, еще совсем необжитый кабинет. Он сидел в глубине кабинета за огромным письменным столом, еще свободным от бумаг, папок, газет и прочего. Завидев меня, он поднялся мне навстречу, вышел из-за стола, поздоровался, потом подвел к одному из двух стоявших перед самым столом глубоких кабинетных обитых кожей кресел и усадил в одно из них. Я погрузилась в него чуть не до ушей. Сам Яков Михайлович сел по другую сторону стола в свое кресло.

После первых же моих слов о ходах за большевистской литературой и о том, что нужна комната для выдачи литературы, он сразу же поднял телефонную трубку и проговорил:

— Сейчас к вам придет товарищ Алексеева. Ей надо предоставить большую комнату в первом этаже для отдела Военно-революционного комитета. Окажите ей помощь, какая потребуется. Дело срочное!

А меня направил к коменданту, сказав, что тот все сделает. Опять встал из-за стола, проводил до двери и просил обращаться к нему и впредь, если что нужно будет. Поблагодарив, я помчалась опять вниз, в комендатуру.

Комендант выслушал меня, взял ключ из висевшего на стене шкафчика, и мы вместе отправились в комнату, которая отводилась под отдел ВРК. Комната была в том же коридоре, что и комендатура, только чуть дальше, в направлении к столовой. Комната оказалась большой, очень подходящей. В ней было много шкафов и столов канцелярского типа. Комендант спросил, буду ли я здесь что-нибудь передвигать и не нужны ли мне помощники. Получив утвердительный ответ, он сказал, что у них тут есть народ и что он пришлет несколько человек. Через несколько минут после его ухода в комнату начала приходить молодежь. По моему указанию они передвинули шкафы и столы, поставили так,

чтобы удобно было и раскладывать литературу по полкам, и выдавать ее ходокам. Познакомившись с ними, узнав, кто они, как они оказались в Смольном и т. д., я записала их фамилии, адреса и другие данные. Видя, что народ подходящий, предложила им работать в отделе. Все они с готовностью согласились. Я рассказала им о характере работы, которая предстоит. Затем была намечена норма выдачи литературы всех родов, которыми будет располагать отдел (газеты, оттиски декретов, брошюры, воззвания к населению Петрограда, листовки, расклеивавшиеся тогда на улицах города, и т. д.). Норма в зависимости от количества участников схода или воинского собрания.

Потом мы достали откуда-то белый ватман. Нарезали из него несколько удлиненных прямоугольников, на которых изобразили красным карандашом крупными четкими буквами следующее:

*Выдача литературы на фронт и в деревню
1 этаж, комната № 18*

Выдача литературы с 8 ч. ут. до 10 ч. веч.

Кроме текста была изображена еще и указующая стрелка, куда следовало идти. Одно такое объявление-указатель повесили в вестибюле у самой двери, которая вела в коридор первого этажа. Оно бросалось в глаза каждому. Другой такой же прямоугольник прикрепили в самом коридоре первого этажа, прямо против входа в этот коридор, со стрелкой, направленной в сторону комнаты (то есть направо). Третий указатель — у двери комнаты № 18.

После этого все будущие сотрудники данного отдела отправились домой, я же со списком работников вновь организованного отдела ВРК (это было, если не ошибаюсь, 27 октября) и с заявкой на нужную литературу с указанием количества каждого вида ее отправилась опять в ВРК к Бонч-Бруевичу. Без лишних слов он принял от меня список сотрудников отдела и заявку на литературу, сказав, что литература будет завтра утром, часам к семи. Затем сообщил, что по всем вопросам, связанным с этим отделом, в дальнейшем я должна обращаться к члену ВРК, занимающемуся делами печати, В. М. Молотову, что я и делала на всем протяжении моей работы в отделе «Выдачи литературы на фронт и в деревню».

К семи часам утра следующего дня к подъезду Смольного прибыл грузовик, доверху нагруженный пачками нашей большевистской литературы. Я вышла на улицу. Около грузовика уже стояли люди и предлагали свою помощь в переноске литературы, которую я, конечно, приняла. К ним присоединились и те, что уже находились в вестибюле. И началась переноска литературы в отдел. Надо было видеть, с какой радостью и энтузиазмом все это делалось.

Подошедшие работники отдела быстро распаковывали пачки, по моим указаниям стали готовить литературу к выдаче. Комната заполнилась ходоками. Начали выдавать большевистскую литературу.

Ходоки из провинции и фронтов предъявляли свои «мандаты» и, получив литературу всех родов, бережно и любовно связывали ее в объемистые стопки. Тут же стали задаваться вопросы, касавшиеся подробностей революционных событий, о смысле и значении декретов и множество других. Вопросы говорили о том, что ходоки в значительной своей части нуждались в очень обстоятельных и подробных разъяснениях. Много вопросов задавалось о Ленине.

Я любила пропагандистскую работу и с удовольствием повела ее и здесь. Особенно важно было, чтобы посланцы глухих уголков провинции и фронтовых окопов как можно лучше и правильнее усвоили сведения по боевым, злободневным политическим вопросам. Важно, чтобы они могли явиться проводниками революционных большевистских идей и лозунгов среди народных масс в провинции и среди солдат на фронтах.

По мере того как велись беседы, давались ответы на вопросы, лица людей, заполнявших большую смольнинскую комнату, заметно прояснились. Все виденное и слышанное в Петрограде, охваченном пламенем революции, в Смольном — могучем штабе ее вливалось в них уверенность, силы, энергию.

Сознание важности и необходимости этой работы, живой интерес людей, приезжавших издалека, порой в нечеловечески трудных условиях в Смольный за правдой о революции, о Ленине и горячо желавших бороться за нее «на местах», а также все виденное и слышанное мной «в комнате № 18», все это чрезвычайно меня воодушевляло. И трудно было бы найти аудиторию лучшую, чем была эта!

Сам собой установился такой порядок: с восьми до девяти — девяти с половиной часов утра ежедневно велась беседа с ходоками. В течение дня, как только выпадала свободная минута от работы в ПК, я сбегала вниз и проводила разъяснения, отвечала на вопросы.

В самом конце ноября или в первые дни декабря 1917 г. ПК из Смольного переехал на Литейный проспект в пустовавший особняк графини Апраксиной. Там у нас установился более или менее нормированный рабочий день, кажется до семи часов вечера. Теперь я уже не могла каждую свободную минуту навещать «Выдачу литературы» и регулярно вести беседы, как это было до переезда ПК на Литейный. Теперь у меня появился заместитель, член партии тов. Сальм, под руководством которого велась выдача литературы. Но все же по окончании работы в ПК я ежедневно бывала в Смольном и вела там агитационную работу.

Комната № 18 продолжала работать до десяти, а мы, отвечавшие за ее работу, задерживались примерно и до одиннадцати и уезжали домой с последним трамваем.

В эти вечерние часы, после того как выдача прекращалась, обычно оформлялась документация работы отдела (учет выданной литературы, выписка новой, ведомости на зарплату сотрудникам отдела и т. д.).

Все это относилось мной в ВРК. Приходилось также получать для сот-рудников пропуска в Смольный.

Отдел выдачи литературы на фронт и в деревню, который в архив-ных документах Петроградского ВРК называется «агитационным отде-лом ВРК», существовал до конца 1918 г. и дальше в несколько изменен-ном виде, но я вследствие перехода на другую работу и дальности рас-стояния от Смольного прекратила работу в отделе.

П. А. Лурье. Листая дневник 1917 г.

В 1917 г. наша семья жила в Петрограде. Мне шел тогда 15-й год, учился в пятом классе Васильевского коммерческого училища.

В то время я ежедневно вел дневник. Записывал очень кратко, в ос-новном отмечал лишь внешнюю сторону фактов. Сейчас эти записи по-могают мне полнее восстановить события того времени.

Я вырос в семье большевиков. Родители мои участвовали в револю-ционном движении еще с конца 90-х годов.

В зиму 1916/17 г. у нас часто бывали партийные товарищи, в нашей квартире была явка ЦК партии. Мать моя Т. А. Словатинская была свя-зана с Е. Д. Стасовой, секретарем Русского бюро ЦК.

Мне тоже иногда поручалось что-либо отвезти, передать по указан-ному адресу. И я, и моя младшая сестра Женя с детства были приуче-ны не задавать вопросов. Иногда появлялись у нас незнакомые люди, ночевали несколько раз и уезжали. Иногда нам, детям, объявляли, что такого-то хорошо знакомого нам человека отныне надо звать другим именем, и мы даже не думали спрашивать, почему. Надо, значит, надо. Мы знали, как себя вести: не болтать ничего лишнего.

До Февральской революции я писал в дневнике лишь о школьных и домашних делах, но затем в дневнике появляются записи и о револю-ционных событиях.

К этому времени я прочел довольно много политических и историче-ских книг.

Февральскую революцию я встретил как нечто совершенно естествен-ное, давно ожидаемое. Вот записи об этих днях.

25 февраля. Утром по дороге в училище я увидел на углу Большого проспек-та многолюдную толпу рабочих. Там же стояла полиция, казаки, рота солдат Финляндского полка. Толпу не разгоняли. Вскоре солдат поспешно увел. Рабо-чие остановили трамвай. Кондуктор в рыжей папахе закричал: «Господа, товари-щи! Идемте снимать рабочих с Трубочного завода». Все закричали «ура!» и дви-нулись по 16-й линии. Мы же с товарищем решили идти в город.

На улице ребяташки играют в войну, кричат: «Бей казаков!» У лавок длин-ные очереди. Перешли через Тучков мост на Петроградскую сторону. На Троиц-

ком мосту видели пулемет. Трамваи везде стоят. Ломовые извозчики развозят людей. Масса войск. Разъезжают группами казаки и конные городовые, но никого не разгоняют. Дошли до Невского. Толпы народа, все идут к Знаменской площади. Мы тоже пошли туда. Пели «Марсельезу» и другие революционные песни. Из всех окон смотрели люди.

На Знаменской площади начался митинг. Собралось, наверное, тысяч 30. Ораторы открыто призывали к революции. Их призывы сразу подхватывались народом: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Долой думу!», «Да здравствует российская революция!»

Полицейские попытались разогнать митинговавших, но казаки и солдаты плохо им помогали. У рабочих появилась уверенность, что войска не пойдут против народа. Раздались крики: «Ура, казаки!», «Ура, солдаты!», «Вы наши братья, товарищи, присоединяйтесь к нам!»

Вдруг на другом конце площади, у Николаевского вокзала раздалось несколько выстрелов. Произошло минутное замешательство, кое-кто бросился бежать, но со всех сторон раздались крики: «Товарищи, стойте! Назад, товарищи!» Некоторые стали возвращаться. Передали, что у вокзала конные городовые пытались разогнать людей, но казаки бросились на городовых и ранили помощника пристава. Всюду раздавались крики: «Бей городовых!» Рабочие кричали солдатам: «Вы наши братья, мы будем бить только городовых!» Солдаты стояли смущенные, растерянные, улыбались. Кто-то пытался их разоружить, но они крепко держали свои ружья. Постепенно народ стал успокаиваться. На палках разносили потерянные в толкотне шапки.

Ораторы призывали к действиям: одни предлагали идти к Арсеналу, чтобы вооружиться, другие — выбрать временное правительство и Совет рабочих депутатов, третьи предлагали идти к «предварилке», чтобы освободить заключенных. А некоторые — идти к Таврическому дворцу, приветствовать Государственную думу. В конце концов большинство двинулось к Казанскому собору...

25 февраля забастовка в городе приняла всеобщий характер. И хотя царское правительство имело еще и послушные войска, и полицию, у всех росла уверенность в успехе революции.

26 февраля демонстрации продолжаются. Мать ходила на Невский. На углу Садовой и Невского солдаты открыли стрельбу по демонстрантам, было много убитых и раненых. Передают, что стреляли и в других районах города.

27 февраля. Никто даже не обращает внимания на расклеенные объявления генерала Хабалова о немедленной явке всех рабочих на свои места, иначе — на фронт. Говорят, что уже четыре броневика перешли на сторону восставших. Выборгская сторона вся в наших руках. Арсенал взят. Окружной суд горит. Из тюрем освободили всех арестованных. Называются полки, перешедшие на сторону народа: Преображенский, Литовский, Волынский и др.

Вечером с матерью и двоюродным братом прошли на Петроградскую сторону. Темно, на углах стоят кучки народа. Показалась толпа рабочих. Некоторые из них вооружены саблями. Вдруг подъехал грузовик с солдатами и рабочими. Они начали раздавать рабочим оружие. Затем мы примкнули к рабочим, которые направлялись на Ждановку освобождать роту солдат, запертых в казармах... Возвращались назад через Тучков мост, где стоял взвод солдат. Офицер чуть нас не арестовал. Это были последние верные монархии солдаты, которых я лично видел.

Всюду народ, разговоры, слухи, везде вспоминают 1905 год. На Среднем проспекте вдруг подскружили два казака, все по привычке шарахнулись в сторону. «Не бойтесь, свои!» — закричали казаки. Их окружили. При свете фонаря они прочитали собравшимся воззвание и список членов Временного комитета Государственной думы и поскакали дальше со своим сообщением...

28 февраля. С утра по всему Васильевскому острову стрельба. Толпы вооруженных солдат и рабочих. Полиция исчезла с улиц. Городовые засели по черда-

кам и стреляют оттуда. Мать была на углу 12-й линии и Большого проспекта, недалеко от Морского корпуса, откуда стреляли в восставших солдат и рабочих. Было ранено и убито много случайных людей, в том числе дети, но город находился уже во власти восставшего народа.

Группы вооруженных рабочих и солдат проверяют дома, откуда раздаются выстрелы. Проезжают грузовики с красными стягами и санитарные с красным крестом. Обыватели, боясь беспорядков и грабежей, организуют домовые комитеты и дежурства в подъездах. Но проверка проходит в полном порядке...

Сейчас, оглядываясь на прошлое, невольно поражаешься той быстрой организованности, массовой инициативе, единодушию, которые проявили восставшие рабочие и солдаты. Вот где сказались работа партии большевиков и опыт, приобретенный в 1905 г.

На Васильевском острове находились крупные высшие учебные заведения — университет, Горный институт, Бестужевские женские курсы и др.

На острове было много средних учебных заведений: несколько гимназий, казенных и частных, реальное училище, два коммерческих и городские училища. В частных учебных заведениях была довольно либеральная атмосфера. Большинство учащихся встретили Февральскую революцию с воодушевлением, но в политических вопросах разбирались слабо. Лишь единицы сразу пошли за большевиками — те, которые и раньше находились под их влиянием.

В первых числах марта организовался Совет рабочих депутатов Васильевского острова, сперва его еще называли комитетом или штабом Васильевского острова. Мы, несколько учеников 2-го коммерческого училища, 1 марта пришли туда, готовые на любую работу. Совет находился на Среднем проспекте, у 8-й линии.

На 10-й линии и на 18-й линии были устроены питательные пункты для вооруженных отрядов рабочих и солдат. Мы носили туда продукты. 2 марта расклеивали по острову первые только что вышедшие номера «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов», где был опубликован знаменитый «Приказ № 1», утверждавший новую, демократическую систему организации армии. Город был переполнен всевозможными слухами. Все жаждали новостей, и около газеты немедленно собирался народ.

Вскоре райсовет поручил нам собирать деньги на организацию рабочей милиции. Мы ходили по буржуйским квартирам с подписным листом и объясняли, что для поддержания порядка в городе создается народная милиция и нужны деньги. Перепуганные обыватели наснех совали 2—3 рубля, лишь бы мы поскорее ушли.

Некоторые школьники работали в попечительствах, где выдавались пособия солдаткам, другие — на почтамте, где за несколько дней скопились горы неразобранной корреспонденции.

Буржуйские сынки пристроились к Государственной думе. Они с важным видом разъезжали по городу с повязками на рукавах «К.Г.Д.», что означало «Курьер Государственной думы»...

Сразу после свержения самодержавия партия большевиков вышла из подполья. Я стремился к активной деятельности и записался в партию. Ограничений по возрасту тогда не было.

Вот что записано в моем дневнике об этом событии.

4 марта... Занес в Совет газеты. В 2 часа дня все пошли на социал-демократическое собрание, которое происходило на Большом проспекте, в доме 88-б. Там было человек 70 привлеченных на собрание инициативной группой. Многие выступали, слушали доклады представителей Советов рабочих депутатов Петербургского комитета и инициативной группы. Решили организовать агитаторов. Здесь я записался в партию¹. До 6 час. 30 мин. ждали выхода первого номера газеты «Правда». Так и не дождавшись, пошел домой. Первый номер газеты вышел 5 марта.

Скоро я стал работать в Таврическом дворце. Там тогда находился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Весь день здесь шли собрания, митинги, дворец бурлил, как котел. Приходили воинские части с красными знаменами и оркестрами — приветствовать новую власть, заявлять о своем присоединении к революции...

В одном крыле дворца еще оставались деятели бывшей Государственной думы. Солидные, упитанные господа бочком, косясь, пробирались среди заполнивших все проходы фронтовиков в замызганных окопных шинелях.

В вестибюле дворца, у входа в зал заседаний Елена Дмитриевна Стасова разместила пункт связи, нечто вроде киоска, который занимался распространением газеты «Правда» и другой партийной литературы. Мы поставили стол, большой ларь с замком, раздобыли пишущую машинку. Предварительно заехав в редакцию «Правды» и захватив оттуда 500 или 1000 экземпляров газеты, я ежедневно приезжал на этот пункт. Редакция и типография находились тогда на Мойке, в доме 32, недалеко от Невского, в бывшем издательстве монархической и поповской газетки «Сельский вестник». Иногда мне помогал кто-нибудь из солдат-большевиков, всегда бывавших в редакции. Изредка со мной ездила 12-летняя сестра. В городе «Правду» не всегда можно было достать. Небольшую часть экземпляров мы продавали, остальные раздавали представителям разных частей гарнизона, а также приезжим фронтовикам.

Мне поручили принимать подписку на «Правду», а затем и на «Солдатскую правду».

Некоторые делегаты с фронта имели поручение подписаться на газеты всех партий и запастись всеми партийными программами. А партий тогда объявилось много, и программы у них были самые заманчивые. Иногда сами солдаты разъясняли кому-нибудь из фронтовиков с целой охапкой всевозможных программ, что представляет собой, например, «Партия народной свободы» — это милюковцы, кадеты, они за войну и т. д.

¹ Как правило, большевики по записи в партию не принимали. Данный случай следует рассматривать как исключение (*Прим. ред.*).

Много приходило балтийских моряков. Помню матроса Василия Лукича Панюшкина, машиниста с учебного судна «Океан». Впоследствии он был комиссаром особой бригады ВЦИК, которая сражалась на многих фронтах гражданской войны. Один моряк из Гельсингфорса в шутку требовал газеты на весь Гельсингфорсский гарнизон. Я давал штук 20, однако он каждый раз повторял свою шутку.

Мы также распространяли и политические брошюры, за которыми я ездил в партийное издательство «Прибой» (Николаевская ул., 27). После победы Февральской революции в архивах полиции были обнаружены большие запасы конфискованной в свое время пропагандистской партийной литературы. Большевистскую литературу забрали в «Прибой», на первое время она очень пригодилась. Помню, однажды подошла к киоску Александра Михайловна Коллонтай. Узнав, что у нас нет ее брошюры «Кому нужна война?», дала мне записку, и я тут же поехал и привез экземпляры из «Прибоя».

Рядом с нашим столом в том же проходном вестибюле разместились газетные киоски меньшевистской «Рабочей газеты», а также «Новой жизни». Наш пункт связи всячески притеснялся, его старались куда-нибудь выжить: то затеют ремонт в вестибюле, то перестановки.

Возле нашего стола всегда толпился народ, особенно когда шли заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Здесь было место встреч партийных товарищей, шли горячие споры и дискуссии. Часто бывал и Демьян Бедный. Иногда тут же у стола кто-то писал статью или заметку для «Правды». Я сразу отвозил материалы в редакцию и сдавал секретарю «Правды» Марии Ильиничне Ульяновой. Иногда люди, задетые какой-либо острой заметкой, требовали объяснений. Запомнился такой случай: буржуазные деятели затеяли в честь какой-то думской годовщины собрать во дворце совещание членов всех бывших четырех Государственных дум. На время этого торжества все наши газетные киоски были выселены в Круглый зал. Караулы Преображенского и Волынского полков, охранявшие дворец, были заменены солдатами Литовского полка и юнкерами. Солдат Михаил Лашевич написал ядовитую заметку по этому поводу, и я отвез ее Марии Ильиничне в редакцию (см. «Правда», 28 апреля 1917 г.). Наутро явились возмущенные «литовцы»: на каком основании в нас сомневаются? В чем нас подозревают? Мы все за революцию, как и солдаты Волынского полка...

Как-то в коридоре редакции ко мне обратился солдат за советом: он дезертировал из царской армии. Теперь наступила свобода... Не следует ли ему явиться к властям и отправиться на фронт. Вопрос жизни. Парень мучился, переживал, пришел в «Правду» посоветоваться. Наверно, долго стоял в коридоре, не решаясь ни к кому обратиться, и выбрал кого попроще, то есть меня, подростка. Что ответить? Я сказал, что партия большевиков против продолжения войны, но пусть он еще поговорит с кем-либо из работников постарше. Проводил его к секретарю редакции.

В Таврическом мне не раз удавалось попадать на заседания Совета.

Незабываемым для меня событием был приезд В. И. Ленина из эмиграции. Вот что записано в дневнике.

3 апреля. Приехал в Таврический дворец. Там я попал на заседание Всероссийского совещания Совета рабочих и солдатских депутатов. Слушались доклады рабочей и продовольственной секций. На заседании присутствовал Плеханов (он недавно приехал из Англии). После перерыва был доклад военной секции. Не дослушав, я ушел. В 7 часов вечера с матерью и группой товарищей мы отправились встречать Ленина, который возвращался из эмиграции на родину. Мы заехали сперва в Петербургский комитет, помещавшийся во дворце Кшесинской. После митинга построились колонной и со знаменами пошли к Финляндскому вокзалу. Впереди ехал бронированный автомобиль. На Нижегородской улице колонна остановилась, а члены ЦК и ПК пошли к вокзалу. К нам присоединился воинский полк и колонны рабочих нескольких заводов. Потом все пошли к вокзалу. Подходили все новые колонны. Стало очень темно. Зажгли прожектор. Было очень красиво, масса знамен, освещенных прожектором. В 11.10 подошел поезд. Его встретили «Марсельезой». В середине образовали проход, и по нему, освещенный прожектором, проехал В. И. Ленин на бронированном автомобиле со знаменем ЦК РСДРП(б). Все кричали «ура!». Броневику медленно двинулся по направлению к Петербургскому комитету. Группа товарищей, взявшись за руки, окружила цепью броневику и так цепью продвигалась. Броневику часто останавливался, и Владимир Ильич произносил короткие речи. У дворца Кшесинской митинг возобновился. Внутрь здания пускали только по партийным билетам. Мы прошли. Владимир Ильич три раза выступал с балкона. Произносили речи и другие товарищи. Прожектор все время освещал встречающих. После митинга все спустились в зал. В. И. Ленин рассказал о положении дел в Западной Европе и сказал, что русская революция должна перерасти во всемирную социалистическую революцию. Закончилась встреча пением «Интернационала». Мы пришли домой в 5 часов утра.

4 апреля. В Таврическом дворце шло объединенное заседание большевиков и меньшевиков, участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов по вопросу об объединении. Я попал на хоры. Председателем выбрали Чхеидзе. Войтинский сказал о цели заседания и перечислил фракции, присутствующие здесь: большевики, меньшевики, бундовцы, объединенцы и пр. Церетели в своем выступлении говорил о необходимости объединения. В. И. Ленин выступил с докладом. Он решительно высказался против объединения. Сказал, что вожди социал-демократии всего мира предали дело социализма. Потому предлагал назвать новую партию «Коммунистической». Сказал, что вся власть должна перейти к Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов... Меня послали в «Правду» отвезти материалы, и других ораторов я не слышал.

Тогда было время бурных митингов. Стоит двоим-троим заспорить на улице, сразу собирается кучка, потом даже толпа, да такая, что иногда и трамваю не проехать. И всюду горячие споры — главным образом о войне, надо ли воевать «до победного конца». Спорили о власти Советов, о том, как делить землю, обо всех насущных вопросах. Какой-нибудь господин доказывает, что нельзя нарушать договоры с «союзниками», надо воевать «до полной победы». И тут же солдат берет его под локоть и предлагает идти с ним в казармы и вместе на фронт. Тот пятится.

Общий смех... Одни отходят, другие подходят, споры не прекращаются допоздна.

То же происходило и в Таврическом дворце. Огромный Екатерининский зал подчас был похож на вокзал. Как-то большая толпа женщин-работниц подошла ко дворцу. Они требовали равноправия. Цепью взявшись за руки, женщины прошли внутрь, вызвали министров Временного правительства.

Вышли Родзянко и Чхеидзе. Они просили разгоряченных женщин успокоиться, уклончиво обещали рассмотреть, обсудить, вынести решение...

В другой раз явилась большая делегация безработных от шоколадно-конфетного производства с черным знаменем и надписью на нем: «Хлеба или работы».

И так каждый день. То придут солдатки с требованием увеличить «паек» (с начала войны солдатским женам попечительства выдавали по 7 рублей в месяц), то инвалиды войны со своими требованиями.

«Правда» на все события немедленно откликалась и давала разъяснения...

Вот запись из дневника о первомайской демонстрации, где я вновь слушал В. И. Ленина.

18 апреля. Рабочие впервые в свободной обстановке отмечают праздник 1 Мая. В 7 часов утра мы пошли в ПК. На улицах уже собираются колонны со знаменами и оркестрами. Все демонстранты от заводов Петроградской стороны сошлись у Троицкого моста.

В 8 часов все собравшиеся в ПК построились колонной и пошли на Выборгскую сторону. Мы пропустили вперед заводских подростков и стали за ними. Нас окружали колонны демонстрантов от всех районных организаций. Было очень много красных знамен. Выделялось знамя завода «Старый Лесснер». На нем был нарисован масляными красками портрет К. Маркса. На всех знаменах были лозунги: «8-часовой рабочий день!», «Да здравствует III Интернационал!» и др. В 10 часов мы через Литейный мост и по Литейному проспекту вышли на Марсово поле. Там уже были расставлены вместо трибун телеги и грузовики.

Представители от различных организаций выступали с заранее определенных им трибун. Начались митинги в 12 часов. ЦК и ПК заняли две трибуны, «Правда» — третью. На большевистских трибунах выступало много ораторов, среди них были и кронштадтцы. Около двух часов дня приехал В. И. Ленин. Он говорил о значении празднования 1 Мая и о задачах русской революции, о том, что Временное правительство затягивает войну и солдатам надо брать дело мира в свои руки...

Через Троицкий мост мы вернулись к ПК. Там тоже был митинг. Выступал большевик Михаил Лашевич и др. Зашли в ПК, остаток дня мы считали деньги, собранные для «Солдатской правды». Пришли домой в 9 часов вечера.

В ту весну я слышал еще выступления Владимира Ильича 8 мая в зале Морского кадетского корпуса на Васильевском острове с докладом об итогах VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), 12 мая на Франко-Русском заводе в Галерном Острове.

Тогда проводился сбор средств на покупку для «Правды» собственной типографии, для этого требовалась немалая сумма. И на каждом

собрании проводились такие сборы. Рабочие давали свои трудовые копейки, а многие солдаты отдавали свои георгиевские кресты и серебряные медали.

В экспедиции «Правды», куда я каждый день являлся за газетами, работала Лиза Пылаева, сестра большевика-подпольщика Егора Пылаева.

Большую часть экземпляров мы раздавали представителям частей гарнизона, которые регулярно приходили в Таврический, и приезжим фронтовикам. Часть удавалось продавать. Деньги от продажи и от подписки на газеты я тоже отвозил Пылаевой.

Лиза Пылаева была одним из первых организаторов Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда, предшественника комсомола. Это была замечательная девушка, обаятельная, смелая и задорная, с румянцем во всю щеку. Она попевала всюду, работала в «Правде» и в ПК, распространяла листовки по городу, на всех демонстрациях была первой заводилой и запевалой.

Не раз проводили с ней и сборы денег на «Правду». Потом долгими часами пересчитывали сваленную прямо на полу кучу бумажных рублей и копеек, почтовых марок, заменявших разменную монету.

Она героически вела себя в июльские дни, когда юнкера Керенского громили помещение ПК во дворце Кшесинской, и в дни Великого Октября. В начале 1918 г. Лиза отправилась на фронт с отрядом красногвардейцев, сперва на запад, потом на Уральский фронт. Там она совершила настоящий подвиг — из окруженного белочехами поезда спасла с риском для жизни важнейшие штабные документы и деньги. Позже Лиза была комиссаром в санитарной части Южного фронта. После войны восстанавливала Донбасс, училась на рабфаке и в Институте красной профессуры. Помню, с каким увлечением рассказывала она о своей учебе. Одновременно она работала в Главэлектро и вела большую партийную работу в Таганском районе Москвы. Умерла Лиза в расцвете лет в марте 1926 г. от аппендицита. Хочется, чтобы сохранилась память о таких товарищах, как Лиза Пылаева.

Подробно описаны в дневнике и так называемые апрельские дни.

Накануне была опубликована нота Милюкова о ведении войны «до полной победы» и о соблюдении договоров с союзниками.

20 апреля. В 9 час. 30 мин. пошел в Таврический продавать газеты. Там говорили, что несколько полков восстали и арестовали Временное правительство, ждали, что придут в думу. В 5 часов пошел домой. На Невском двигалась небольшая толпа с плакатом «Да здравствует Милюков и Временное правительство». Им навстречу шли солдаты Финляндского и 180-го полков со знаменами и лозунгом: «Долой Милюкова!» Солдаты изорвали кадетские плакаты штыками и пошли к Мариинскому дворцу.

Я завез в «Правду» деньги и материалы для газеты и продолжал свой путь домой. Вскоре нагнал возвращавшихся солдат Финляндского полка, и пошел с ними. Мы проходили мимо Морского корпуса, где заседал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Около здания — рабочие с Кабельного и Трубочного заводов, рабочая милиция, представители от районных организаций.

Все требовали отставки Милюкова. По Среднему проспекту Васильевского острова опять везде кучки народа, митинги.

Заседание Совета отложено. Исполком все время совещается с Временным правительством. Меншевики и эсеры старались как-то сгладить и уладить конфликт. Создавали всевозможные «контактные комиссии».

21 апреля. Газеты нарасхват. Дважды ездил в «Правду», взял еще 1 тыс. экземпляров. По Невскому шли вооруженные рабочие завода Парвизайнена со знаменами и лозунгом «Долой Временное правительство». Произошло столкновение со сторонниками Временного правительства. Раздалось несколько выстрелов. У Таврического стоит небольшая толпа с плакатами: «Долой Временное правительство!», «Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов!» Скоро поехал домой. На Литейном проспекте пришлось слезть. Путь преградила демонстрация буржуазии, студентов, офицеров, у них лозунг — «Да здравствует Милюков и Временное правительство». На грузовике их сопровождали пьяные солдаты. Пошел пешком по Литейному, дошел до Невского, присоединился к рабочим 1-го Городского района. Они несли плакат «Долой Временное правительство. Доверие Совету!». Встретились с кадетской демонстрацией. С обеих сторон крики «Долой!» и ругань. Мы прошли по Невскому, пели революционные песни. Встретилось несколько гимназистов с плакатом «Долой Ленина!». Произошла свалка. Плакат порвали. На Мойке нам встретился ехавший на автомобиле Скобелев. Это один из лидеров меньшевиков, член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Его окружили. Он призывал к спокойствию, размахивая руками, говорил, что Исполнительный комитет Петроградского Совета войдет в соглашение с Временным правительством. Его не слушали...

Через Дворцовую площадь и Дворцовый мост пошли к Морскому корпусу, где заседал Совет. К нам присоединились рабочие еще нескольких заводов. У Морского корпуса криками «ура!» нас встретили рабочие василеостровских заводов. Тут собралось много тысяч человек. Решили идти к Исаакиевской площади, где был митинг и выступал Милюков. Впереди пошли несколько сот человек рабочей милиции с винтовками.

Был уже девятый час, и я повернул домой. Мать пришла поздно. Она рассказала, что на Невском было столкновение, в рабочих стреляли, есть убитые и раненые. Совет запретил на два дня все демонстрации и митинги.

С первых же дней после победы Февральской революции началась упорная борьба большевистской партии с соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров, которые на первых порах успели захватить большинство в Петроградском и районных Советах.

Шла борьба за овладение массами, за проведение в жизнь требований народа, за немедленное прекращение империалистической войны, за немедленное улучшение положения рабочих, за передачу помещичьей земли крестьянам. Лучшие силы партии, самые талантливые докладчики выступали на массовых собраниях и митингах.

Комитет большевиков Василеостровского района, его секретарь Вера Слуцкая прилагали огромные усилия, организуя митинги, доклады, лекции на предприятиях, в клубах и столовых района.

В общей атмосфере политического подъема люди духовно росли очень быстро, легко усваивали новые идеи и понятия, касавшиеся жизненно важных вопросов, кругозор расширялся. Особенно быстро воспитывалась молодежь. Скоро развеялось благодушно-праздничное настроение первых «мартовских дней», первых «свобод» без городского. Рабочие

увидели, что новая власть не спешит изменить ни условия жизни, ни условия их труда. Все призывы сводились к одному — работать на оборону и вести войну до победы.

Василеостровский райком партии помещался тогда вместе с районным Советом рабочих и солдатских депутатов на 16-й линии, в доме 73 (в бывшем помещении полицейского участка, занимая две комнаты на втором этаже). С 25 августа я начал там работать.

В этом же доме помещалось отделение партийного издательства «Прибой». Там стала работать моя сестра Женья.

В райкоме постоянно былолюдно, особенно к вечеру, собирались секретари заводских коллективов и другие активисты, обменивались новостями, получали газеты. Газетчиками «Правда» почти не распространялась, особенно после июльских событий. Газету часто закрывали, конфисковывали, но она выходила под новыми названиями.

Число членов большевистских организаций все время росло. К концу августа на Васильевском острове насчитывалось свыше 4 тысяч членов партии. Специального аппарата в райкоме тогда не было, добровольные помощники делали всю техническую работу.

Секретарь райкома Вера Слуцкая с неукротимой энергией выступала на митингах и собраниях заводов района, часто ей приходилось отлучаться в город — в ПК или в ЦК.

Мои обязанности были очень широкие. Я дежурил в райкоме, выполнял поручения секретаря и техническую работу, распространял билеты на лекции и доклады, писал объявления о них и даже принимал членские взносы, иногда выдавал новые партийные билеты секретарям заводских партийных коллективов. Сбор средств составлял одну из важнейших забот партийных комитетов. Деньги собирали на всех митингах, лекциях, собраниях, получали средства и от продажи партийной литературы, от билетов на концерты и лекции. В деньгах партия очень нуждалась, все сборы немедленно переправлялись в ПК, за ними часто приезжал секретарь ПК Г. И. Бокий. Собирались также деньги и продукты для товарищей, арестованных во время июльских событий. Многие находились в тюрьмах до сентября 1917 г.

В конце августа узнали о выступлении генерала Корнилова против Петрограда. Под давлением рабочих тогдашний ЦИК и Советы, в которых еще преобладали соглашатели, меньшевики и эсеры, вынуждены были призвать к сопротивлению и разрешили вооружение рабочей милиции. Было отпущено ограниченное количество винтовок. На заводах Васильевского острова (как и по всему городу) усилилась организация отрядов рабочей Красной гвардии, которая после июльских дней была на нелегальном положении. В райкоме организовали бесперебойное дежурство членов партии, на всех заводах проводились митинги. Накануне Временное правительство закрыло нашу газету «Пролетарий», вместо нее вышел «Рабочий». Контрреволюционная военная лига выпустила газетку «На страже» с призывом помогать Корнилову. Из райсовета от-

правился отряд, нашли типографию, где она печаталась (16-я линия, д. 5). Газетку закрыли.

В Смольном беспрерывно заседали, собирався ЦИК, межрайонное совещание Советов, центральные комитеты разных партий. Корнилов продолжал продвигаться вперед, дошел до Луги, Гатчины и Царского Села.

30 августа было созвано объединенное заседание василеостровских районных комитетов большевистских, меньшевистских и эсеровских организаций, исполкома райсовета и районной управы по вопросу вооружения рабочих. Было принято выработанное межрайонным совещанием Советов Р и СД Петрограда положение о районных комендантах рабочей милиции. Формально в организации милиции должны были участвовать все партии, входившие в Советы. Но практически ни меньшевики, ни эсеры совершенно не участвовали в вооружении рабочих. Комендантами рабочей милиции были выбраны большевики Иванов, Чекарев и Ионов. Все трое с завода «Сименс-Шуккерт». В частях Корнилова началось разложение: казаки стали переходить на сторону Советов. В тот же день заседал и наш большевистский райком. Был решен вопрос о вооружении членов партии. Вооружение членов партии поручили Муравкину, Слуцкой и В. Трифонову. Последний входил также в руководящую пятерку (будущий Центральный штаб Красной гвардии района), которая после июльских дней существовала полулегально и разными способами добыла порядочное количество оружия. Например, товарищам Выборгского района удалось получить из Шлиссельбургского завода целую баржу со взрывчаткой. 31 августа василеостровцам было доставлено 32 ящика гранат.

В эти дни усилился приток новых членов в партию. Так, 3 сентября в 6-й мастерской Трубочного завода записалось в партию 40 членов, 4 сентября с завода Посселя вступило 11 рабочих, и так каждый день.

В райкоме ежедневно проводились собрания наиболее крупных заводских партийных коллективов или заседания райкома с представителями коллективов. В эти дни в районе, как и во всем Петрограде, происходил решающий перелом в настроении рабочей массы. Уже 1 сентября Петроградский Совет принял резолюцию партии большевиков.

Правительство Керенского металось, пытаясь проявить «твердую власть». То закрывало буржуазные черносотенные газеты «Новое время», «Русское слово» и другие, поддерживавшие Корнилова, то большевистские газеты, которые все же выходили, изменив название. С властью никто не считался. Стали освобождать солдат и рабочих, арестованных в связи с июльскими событиями. Керенский создал «Совет пяти», созвал Демократическое совещание, Предпарламент.

В районе на лекциях и митингах выступали Луначарский, Урицкий, Бубнов, Свердлов, Мануильский (Безработный). Уже в сентябре и октябре в районе почти открыто шла подготовка к взятию власти.

С конца сентября я прекратил ежедневные дежурства в райкоме. Надо было поступать учиться. Прежнее наше частное коммерческое училище закрылось, большинство учеников разъехались из голодного Петрограда. Я поступил в 1-е реальное училище — типичное казенное заведение, где учителя — чиновники в вицмундирах, а ученики — дети торговцев, чиновников и т. п. В классной жизни я никакого участия не принимал, все мне там было чуждо. Я считал себя гораздо выше многих реалистов по развитию. В политическом отношении самые левые из них были из кадетов. Все их внутриучилищные дела были для меня слишком мелкими в свете надвигавшихся событий.

Училище много времени не отнимало. Да и какое было учение в осень 1917 г. Ходили в училище главным образом из-за горячих завтраков. И я продолжал почти каждый день бывать в райкоме, выполнял разные поручения, иногда дежурил, ходил также на районные собрания и митинги. Газеты наши выходили с перебоями, в городе купить их было трудно, можно было доставать только в райкоме, а я их все читал аккуратно.

Как-то мне мать сказала: «Встретила Веру. В райкоме очень довольны твоей работой. Хотят сделать тебе какой-нибудь подарок». «Какой еще подарок», — возмутился я. Я считал себя равноправным членом партии и не хотел никаких скидок на возраст. Какие могут быть еще подарки за партийную работу!

Внешне суровая, строгая, Слуцкая очень мягко и сердечно ко мне относилась. В райкоме мне многое доверяли. Тогда каждый район имел свою форму партийных билетов. У нас на Васильевском острове были небольшие красные карточки из не очень плотной бумаги, которые складывались пополам. Снаружи фамилия, подпись секретаря и печать, внутри отметки о взносах. Но меня такая карточка не устраивала. Я немного понимал в переплетном деле и сделал себе из картона аккуратную книжечку, с корешком из коленкора. Снаружи и внутри оклеил ее бланками партбилетов, для чего пришлось загубить два чистых экземпляра. И в таком виде дал Вере Слуцкой на подпись. Она внимательно посмотрела на меня, покачала головой, но все же подписала и прихлопнула печатью, ничего не сказав. И я понял, что поступил глупо, смастерив себе «особый» партбилет, который в 1918 г. обменяли.

Вера Слуцкая заражала всех своей энергией, все рабочие района ее знали. В предоктябрьские дни она буквально попевала всюду. 30 октября она поехала на фронт. А вечером нас ошеломило известие — убила Вера. Под Гатчиной, осколком снаряда. 2 ноября состоялись похороны на Преображенском кладбище. Многие сотни рабочих присоединились к траурной процессии. Светлый образ Слуцкой надолго остался в нашей памяти и сердцах.

17 октября на заводе Посселя было общее районное партийное собрание. Был доклад «Организация власти и ее задачи». В докладе ясно было сказано: надо быть готовым, что съезд Советов, назначенный на

20 октября, возьмет власть в свои руки. На собрании был выбран новый состав райкома и представители от Васильевского острова в Петербургский комитет — Слуцкая, Залкинд, Серебров, Ионов, Бруно и кандидаты — Зубков, Ратнер, Андреев.

18-го и 19-го в Смольном идут собрания представителей партийных организаций от всех районов. Открытие съезда Советов перенесено на 25 октября.

Образованный 20 октября Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов назначил своих комиссаров во все воинские части и постановил: части Петроградского гарнизона не должны исполнять ни одного приказа штаба округа без подписи комиссара Военно-революционного комитета. Это уже фактически было восстание. Все районы были во власти Военно-революционного комитета; верные Временному правительству части сосредоточились в центре. 24 октября они развели некоторые мосты на Неве, но к 25-му мосты опять были сведены и охранялись красногвардейцами и матросами.

В ночь на 25 октября на Васильевский остров В. А. Трифонов доставил много оружия из Петропавловской крепости. Оружие роздали по заводам. Часть василеостровских красногвардейских отрядов была отправлена в город в распоряжение ВРК, остальные патрулировали по острову.

Дни 24, 25, 26 октября я проводил в Василеостровском райкоме партии, выполняя разные поручения. В райком привозили много оружия, мы его распределяли по заводским отрядам Красной гвардии.

25 октября. Дежурю в райкоме, на всякий случай с велосипедом. Утром поехали в издательство «Прибой» (Николаевская, 12, в конце Невского) за свежей литературой. Трамваи шли, мосты были сведены. Дворцовый мост свели к полудню. Николаевский мост охраняли матросы-кронштадтцы. На Неве миноносцы. У Главного штаба охрана из юнкеров. Я проехал на трамвае через весь Невский, внешне все спокойно. Привез в райком брошюры, в том числе новую брошюру В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?». На Невском красногвардейцы разоружили патрули юнкеров, они не оказали сопротивления. Только на Дворцовой площади у Зимнего — юнкерские отряды. Власть в городе перешла в руки Советов.

Вечером слышали пушечную стрельбу. С перерывами стрельба продолжалась до 12-ти ночи.

Утром город узнал о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства.

НЕВСКИЙ (ОБУХОВСКИЙ) РАЙОН

А. Г. Гундоров. Борьба за массы

Как известно, Апрельские тезисы В. И. Ленина стали программой большевистской партии в борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Главная задача большевиков состояла в разъяснении этих тезисов рабочим и солдатам.

Борьба за массы протекала в далеко не равных условиях. Буржуазия, а также меньшевики и эсеры имели в своем распоряжении не только огромные материальные средства, но пользовались поддержкой государственного аппарата, имели редакции, издательства, типографии, бумагу, средства передвижения и связи. Буржуазные газеты и журналы в свою очередь развернули бешеную травлю большевиков. Им помогали администрация заводов, командование и офицерский состав воинских частей, большинство интеллигенции. Наконец, в их распоряжении были опытные в пропаганде и в политических комбинациях кадры.

Партия большевиков была вынуждена существовать на средства, собираемые среди рабочих. Для издаваемых ЦК партии большевиков газет «Правды» и «Окопной правды» необходимо было приобрести собственную типографию. Был объявлен сбор в «железный фонд» «Правды».

Владимир Ильич Ленин читал для этого фонда платную лекцию в зале Морского кадетского корпуса на Васильевском острове. Мы на нее приехали с Невской заставы. Я видел там товарищей из Колпина с Ижорского завода. Трогательно было видеть, как солдаты снимали с груди кресты и медали, с пальцев обручальные кольца и отдавали в фонд «Правды».

В Обуховской партийной организации решили организовать специальные занятия по изучению Апрельских тезисов. На первое занятие

кружка пришли все члены организации. Наш партийный организатор Антон Слуцкий сообщил, что по отдельным вопросам занятия будут проводить товарищи из ЦК и ПК, а по аграрному вопросу согласился провести занятие Владимир Ильич. Это сообщение было встречено восторженными аплодисментами. Что В. И. Ленин взял на себя этот раздел, нас не удивило, ибо мы знали, что именно он в беднейшем крестьянстве видел союзников рабочих и обосновал это в своих теоретических работах.

Но бурные события в политической жизни столицы и огромная практическая работа, которую выполняли обуховские большевики внутри завода, не позволили осуществить эти благие намерения. Пришлось вступить в начавшуюся пропагандистскую кампанию с теми материалами и с той подготовкой, которые мы получали на митингах и прежде всего из выступлений В. И. Ленина. Вдохновляя нас своей энергией, непримиримостью, он выполнял огромную организационную, теоретическую, публицистическую и пропагандистскую работу, которая выпала на него в этот период. Через одиннадцать дней после приезда в Россию при его непосредственном участии была созвана Петроградская городская партийная конференция, а еще через десять дней Всероссийская конференция РСДРП(б), на которой В. И. Лениным было сделано несколько докладов. Кроме того, он многократно выступал в прениях по различным вопросам, почти все резолюции составлялись при его непосредственном участии.

В. И. Ленин выступал на заседаниях ЦК, на многочисленных митингах. Только в наш Невский (Обуховский) район за это время Владимир Ильич приезжал два раза, выступая с более чем часовыми докладами на Обуховском сталелитейном и Александровском механическом заводах.

Вот кто был для нас примером, вот у кого мы учились, стараясь посещать все митинги с участием В. И. Ленина, о которых удавалось узнать. Но самое важное значение для нас имел и самой лучшей школой был митинг на нашем Обуховском заводе. Мне и другим товарищам, присутствовавшим на этом митинге, уже приходилось писать о нем, и потому здесь нет необходимости повторяться. Но сколько бы мы ни писали, все равно нам не передать той простоты и ясности, с которой В. И. Ленин мог излагать труднейшие и страшно запутанные меньшевиками и эсерами вопросы о характере войны и революции, той убедительности предлагаемых им мероприятий, которые требовались для победы революции, той страстной и непоколебимой веры в силу рабочего класса. О силе воздействия ленинского слова точно сказал Владимир Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин».

Я знал рабочего.

Он был безграмотный.

Не разжевал

даже азбуки соль.

Но он слышал,
как говорил Ленин,
и он
знал — все.

Действительно, каждый рабочий уходил с митинга с просветленной головой. Сбить его с тех мыслей, которые пробудил в нем В. И. Ленин, не могли ни кривляния Льва Дейча, выступившего после Владимира Ильича, ни его намеки на «запломбированный вагон», в котором Ленин ехал через Германию. Всем запомнилась главная суть Апрельских тезисов, которая сводилась к четырем простым положениям: земля — крестьянам, контроль над производством — рабочим, мир — солдатам, а для осуществления этого нужно взять всю власть Советам. Разве кто мог сбить рабочего с этих понятных каждому и важнейших для каждого положений?

Вдохновленные выступлением В. И. Ленина, не только мы, партийцы, но и беспартийные рабочие, выходя с митинга на улицы города, останавливались с встречными знакомыми и незнакомыми и начинали делиться полученными сведениями и впечатлениями. Останавливались прохожие и, вслушиваясь в разговор, вставляли свое словцо. Через несколько минут образовывалась кучка спорящих и слушающих. Такие «кучки» людей собирались на площадях, на углах улиц, у остановки трамвая, у проходных на завод, в очередях у магазинов, у подъездов больших домов и даже на папертях церквей. Весь Петроград с утра до поздней ночи представлял собой как бы встревоженный улей.

Я считаю, что такие «кучки» являлись важным дополнением к митингам большевиков, которые проводились на заводах, в лекционных залах, в цирках «Модерн», «Чинизели» и других местах. Там выступали с политическими докладами В. И. Ленин и такие популярные ораторы, как Володарский, Луначарский, Коллонтай и др. А на улицах проходили выступления нас — рядовых партийцев из рабочих и солдат. Вокруг нас собирались бесчисленные «кучки» людей, жадно слушающих живое партийное слово. Таким образом, охватывая поистине бесчисленные массы народа, наша агитация являлась важным дополнением к тем выступлениям, которые проводились нашими вождями.

Простое, идущее от души слово, живой пример рабочих и солдат вызвал на откровенный, иногда довольно бурный разговор, во время которого все высказывалось начистоту. Участие в таких «кучках» каждый из нас считал своей партийной обязанностью.

Когда у нас выпадало свободное время, мы ехали в город, на Невский и Литейный проспекты, на Садовую улицу, на Знаменскую площадь, к дворцу Кшесинской, к вокзалам. Ездили группами, в таких походах принимали участие большевики Преображенский, Лещинский, Медведков, Капранов, Дункен, Зубарев. Последний был особенно горячим спорщиком, но не всегда в ладах с логикой, что иногда приводило

к опасным ситуациям. Но зато это был смелый человек, который, когда требовалось, умел постоять не только за себя, но и за товарища.

Разговор обычно начинался с лозунга «Вся власть Советам!». Всегда находился представитель эсеровского или даже кадетского толка, бравший под защиту Временное правительство. Тогда мы собравшимся около нас рассказывали, кто же входит в состав этого правительства. Начинали с его председателя — князя Львова, а потом переходили к членам этого правительства — помещикам и фабрикантам. Наши оппоненты старались перевести невыгодный для себя разговор на вопросы свободы и демократии.

Но нами уже хорошо было усвоено ленинское разъяснение классового значения этих понятий и их зависимость от того, в чьих руках находятся материальные средства обеспечения свобод и демократии. Тогда противники хватались за вопрос о войне и революционном оборончестве. Но эти вопросы были центральными в большевистской пропаганде и давали нам возможность вскрыть империалистический характер войны особенно полно. Таким образом, в таких спорах постепенно охватывались все вопросы Апрельских тезисов и текущего момента, а слушатели получали исчерпывающее представление о большевистских требованиях и лозунгах.

Обычно спорящих в центре «кучки» было 5—6 человек, а от окружающих их 15—30 слушателей подавались только сочувствующие спорящим реплики да возгласы поддержки и смеха на то или другое удачное сравнение или словцо. Среди слушателей особенно много было солдат, которые после Февральской революции и Приказа № 1 Петроградского Совета свободно разгуливали по городу. Часто среди спорящих мы встречали и беспартийных обуховских или семянниковских рабочих, и было особенно приятно нам слышать, как такой беспартийный рабочий уверенно доказывал правильность ленинской линии.

Мне кажется, что такая форма большевистской агитации была очень действенной и сыграла большую роль в нашей борьбе за массы. Недаром так бешено выступала против собиравшихся на улицах столицы «кучек» людей буржуазная пресса и особенно против участия в них солдат. Это тогда ею распространялась злобная клевета о том, что из Исаакиевского и Казанского соборов ежедневно возами вывозилась шелуха от семечек, которую будто бы оставляли заходящие туда солдаты, и требовала посему загнать их обратно в казармы и запретить им появляться в общественных местах.

В тех «кучках» приобщались к политической жизни даже такие малосознательные слои петроградского общества, как дворники и домашняя прислуга.

Величайшими усилиями всех членов нашей партии, начиная от ее вождей до недавно вступивших в нее рабочих и солдат, «борьба за массы» в короткие сроки увенчалась огромным успехом. Это ярко показала демонстрация 21 апреля и особенно 18 июня. Более полумиллиона ра-

бочих и солдат выступили тогда под знаменами большевиков, на которых были написаны лозунги: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!»

Настроение трудящихся столицы было таково, что в демонстрации 18 июня меньшевики и эсеры боялись выступать под лозунгами доверия Временному правительству. Гнев демонстрантов особенно усилился, когда стало известно, что в этот день вопреки протесту народа было начато наступление на фронте. Это означало, что, согласившись на продолжение империалистической войны, министры-«социалисты» шли на полный разрыв с широкими рабочими и солдатскими массами.

«Кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию и на все человечество»¹, — писал в связи с этим В. И. Ленин.

Мне кажется, что именно с этого дня при виде гневной народной демонстрации, проходившей под большевистскими лозунгами, у Временного правительства и начал реализовываться план той гнусной провокации, которая была осуществлена 3—5 июля.

А. А. Антонов. | **Воспоминания комиссара ВРК Обуховского завода**

Невский районный комитет РСДРП(б) и Обуховский подрайонный комитет партии подвергались систематическим преследованиям и арестам со стороны полиции. Большевистская организация на заводе насчитывала после Февральской революции всего несколько десятков членов. Большинство из них уже имели за плечами суровую школу подпольной борьбы. Изменился сильно и состав рабочих. Потоком с «высокими рекомендациями» двинулись спасаться от войны на оборонный завод всевозможные категории «ура-патриотов». В этот период на заводе можно было встретить и княжеских лакеев, и торговцев, и дворников, и швейцаров из богатых домов, купеческих и маменькиных сынков известных фамилий. Среди этих новоявленных «пролетариев» оборонцы всех мастей нашли не только благоприятную почву для своей деятельности, но и значительно пополнили ряды своих партий. Временное торжество оборонцев не смутило большевиков. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, изложенными им в знаменитых Апрельских тезисах, обуховские большевики проводили систематическую работу по разоблачению антинародной политики Временного правительства и поддерживающих его меньшевиков и эсеров.

Несмотря на славное прошлое Обуховского завода, давшего одним из первых серьезный отпор царской полиции в дни знаменитой Обуховской

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 362.

обороны в мае 1901 г., меньшевики и эсеры в первой половине 1917 г., пользуясь резко изменившимся составом рабочих, создали там, как они говорили, «цитадель оборончества». В системе заводов, находившихся в ведении морского ведомства (Ижорский, Балтийский и Адмиралтейский), Обуховский завод занимал ведущее положение. Этим объясняется также исключительное внимание лидеров оборончества (Чернова, Дейча, Либера, Дана, Керенского) к этому заводу. Нелегко было обуховским большевикам рассеивать ложь и обман, распространяемый этой сворой.

С огромной радостью встретили обуховские кадровые рабочие весть о согласии В. И. Ленина выступить на заводе. Кроме обуховцев на митинг пришло много рабочих с различных предприятий района. За В. И. Лениным партийный комитет направил в город большевика В. Егорова. У проходной завода для встречи В. И. Ленина партийный комитет выделил меня, Потемкина и Чижова. Часть членов комитета — Гундоров, Онуфриев, Ильин находились у трибуны в башенной мастерской. С В. И. Лениным приехала Н. К. Крупская.

Митинг состоялся в мае 1917 г., в праздничный день, в огромной башенной мастерской Обуховского завода. Присутствовавшие бурно приветствовали появление В. И. Ленина на трибуне. Выступавший на трибуне левый эсер быстро закончил свое выступление, и слово было предоставлено Владимиру Ильичу.

В. И. Ленин начал свою речь с того, что особенно интересовало всех и определяло коренную разницу в оценке текущего момента большевиками и всеми другими партиями, — с вопроса о войне. Исключительно просто и ясно Владимир Ильич разъяснил сложный вопрос об империалистическом характере войны, показал, что этот характер не изменился после того, как в России совершилась буржуазно-демократическая революция и власть от царя перешла к Временному правительству. С неотразимой логикой Ленин обнажал классовую природу этого правительства, говорил о невозможности установления им мира и осуществления задач, которые выдвигались рабочими и крестьянами. Он доказывал, что все это может быть достигнуто только тогда, когда власть в стране будет в руках пролетариата.

После его выступления удивительно прояснились задачи, стоящие перед революцией, рассеивался тот словесный туман, которым окутывали рабочих и солдат меньшевики и эсеры. Именно этой ленинской простоты и ясности боялись эсеровско-меньшевистские лидеры и их приспешники. Несколько раз они пытались помешать выступлению В. И. Ленина. Но рабочие быстро призывали крикунов к порядку. Владимир Ильич спокойно ожидал, пока затихнет шум, а затем продолжал говорить.

В это время по приказу администрации открылись ворота мастерской, и в них появился паровоз под парами, резкими гудками призывавший присутствующих на митинге расступиться. Раздались возмущенные крики рабочих, в будку машиниста полетели куски железа, что застави-

ло его быстро увести паровоз из мастерской. В этой обстановке Владимиру Ильичу говорить было очень трудно, но он продолжал свое выступление с исключительным спокойствием.

Митинг рабочих Обуховского завода с участием В. И. Ленина имел огромное значение в укреплении влияния большевиков не только на самом заводе, но и во всем Невском районе. Вскоре обуховцы полностью порвали с оборонцами и стали под знамя большевиков.

Обуховские большевики присутствовали на платной лекции 14 мая 1917 г., прочитанной В. И. Лениным в Морском кадетском корпусе на Васильевском острове (сбор шел в «железный фонд» «Правды»). На этой лекции на тему «О войне и революции» присутствовало свыше 2 тысяч человек.

Вопрос о войне оставался по-прежнему на повестке дня, не решался также вопрос о передаче земли крестьянам. Обуховцы хорошо помнили слова В. И. Ленина о том, что теперь землю у помещиков нужно забирать немедленно, не рассчитывая на милость господ министров, не дожидаясь, что скажет по этому поводу Учредительное собрание.

На демонстрации, состоявшейся 18 июня, в колонну большевиков, построившуюся во главе Обуховского завода, под лозунги «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!» стало свыше 500 рабочих-обуховцев, готовых в любую минуту пойти в бой за осуществление этих лозунгов. Это было первой большой победой большевиков после выступления на заводе В. И. Ленина. Радостно и величественно звучали на демонстрации революционные песни «Над нами наше знамя реет», «Интернационал». Восторженно встречали головную колонну обуховцев жители Невской заставы, выстроившиеся по пути шествия демонстрации. Жалко выглядела колонна меньшевиков и эсеров, шедшая с лозунгами доверия Временному правительству. Если бы не вмешательство руководителей большевистской колонны, не донести бы эсерам и меньшевикам своих лозунгов до Марсова поля.

Состоявшиеся в начале августа выборы в районную думу, а затем в центральную городскую принесли обуховским большевикам новые успехи. Наголову были разбиты меньшевики, получившие всего одно место в районной думе. В районную и центральную думы от обуховских большевиков были избраны Обухов, Чижев, я и несколько других товарищей, фамилии которых не помню.

Под нажимом гласных большевиков эсерам скрепя сердце пришлось согласиться на мое назначение заместителем коменданта Невского района. По указанию районного комитета я взял на себя руководство милицией. Народная милиция выросла с 10—15 человек до 200. Спустя некоторое время большая часть милиции перешла в ряды Красной гвардии Обуховского района.

В дни корниловского мятежа обуховские эсеры и меньшевики проявили полную растерянность и беспомощность, что окончательно подорвало доверие к ним не только со стороны рабочих масс, но и рядовых

членов их партий. Сотнями записывались рабочие в отряды Красной гвардии, руководимой большевиками. В районе руководство по ликвидации корниловского мятежа и его последствий осуществлял Обуховский партийный комитет большевиков. Колоссально вырос его авторитет среди рабочих. Они на деле увидели действительную силу, которая способна не только защитить добытую свободу, но и довести революцию до полной победы над буржуазией, капиталистами и помещиками и установить власть Советов.

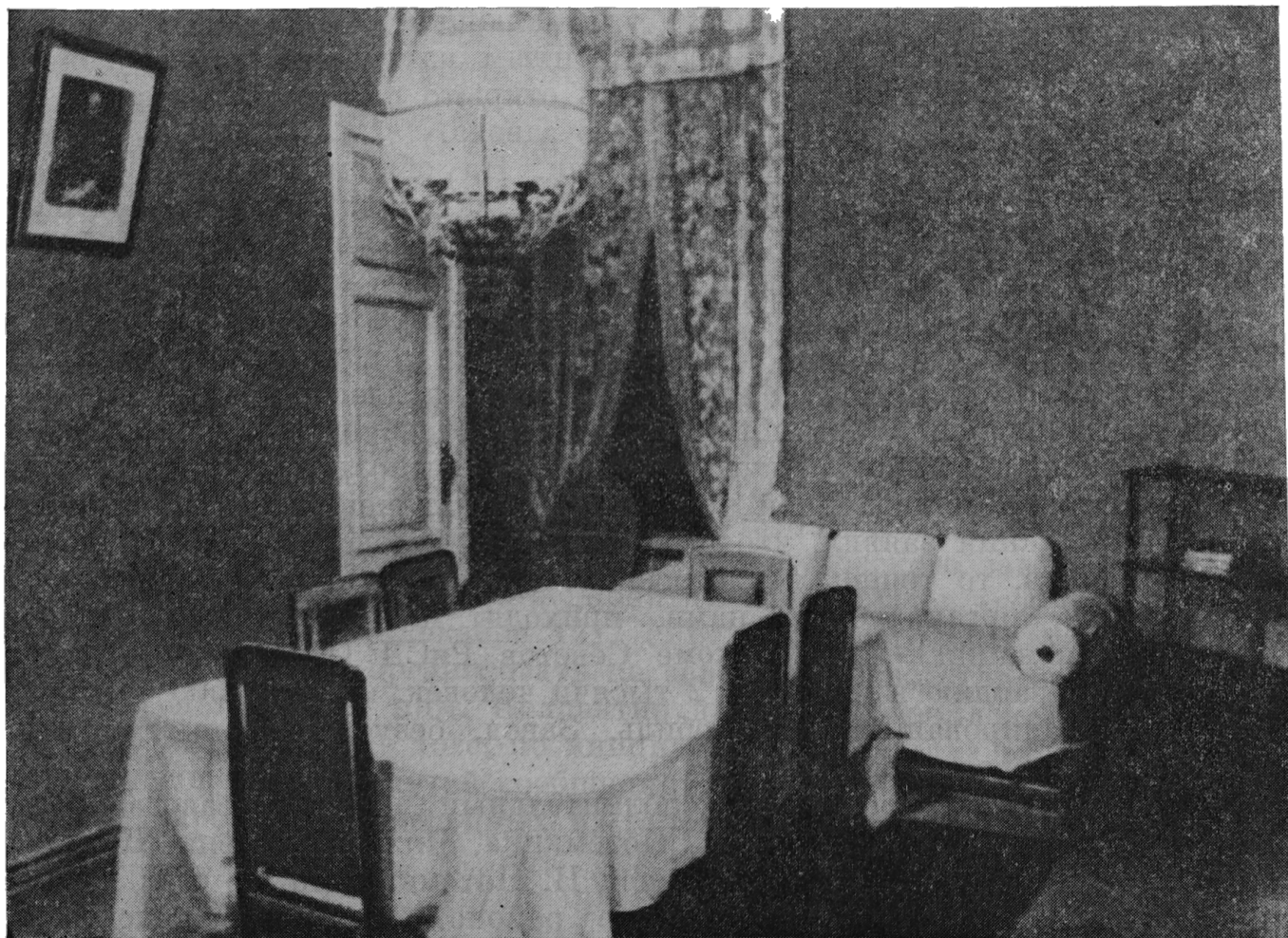
Исключительным позором закончилась затея меньшевиков и эсеров организовать из обуховских рабочих образцовый батальон. Батальон был организован. Но когда ставка предложила послать его на фронт... он целиком вошел в состав Красной гвардии.

На состоявшихся в то время выборах в Петроградский и районный Советы рабочих и солдатских депутатов меньшевики и эсеры были полностью провалены, не получив в своей «цитадели» ни одного места. В Петроградский Совет и районный исполнительный комитет были избраны 11 большевиков, среди них я, Беляков, Егоров, Ильин, Потемкин, Чижов и ряд других товарищей, кроме того, один анархо-синдикалист и один левый эсер, которые вскоре перешли в партию большевиков. За список большевиков голосовали не только беспартийные, но и подавляющее большинство рядовых членов партии меньшевиков, потерявших всякое доверие к своим руководителям. После голосования многие из них заявляли, что голосовали за большевиков. К черту наших болтунов, говорили они, лишь большевики спасли нас от Корнилова, и только они приведут нас к полной победе над буржуазией и капиталистами.

Но обуховцы не только отдавали свои голоса большевикам, они понимали, что за полную победу надо драться, что предстоят еще решительные бои. На общем собрании рабочих, состоявшемся 5 сентября 1917 г., была принята резолюция, в которой, в частности, указывалось, что рабочие завода отдают себя в распоряжение народа для спасения революции. Собрание требует создания вооруженных рабочих дружин, реквизиции броневиков, автомобилей, готовых снарядов, пушек и пулеметов. Собрание призывает всех товарищей к полному спокойствию, предостерегает от провокационных выступлений. Никто не должен выступать без приказа уполномоченных.

Ввиду того что это постановление общего собрания рабочих относилось в первую очередь к Обуховскому заводу, изготавливавшему военное снаряжение, автор настоящего воспоминания, являвшийся в то время председателем исполнительного комитета Совета РиСД Обуховского района и входивший в состав ПК, установил постоянную связь с Военной организацией ЦК и ПК, с которыми согласовывал все распоряжения по отпуску с завода военного снаряжения. Без особого разрешения районного исполнительного комитета отпуск оружия с завода не мог производиться.

Исполнительный комитет занял второй этаж в главном здании за-

Комната (на набережной Карповки, 32, кв. 31) в квартире
Г. К. Флаксерман-Сухановой, где под руководством В. И. Ленина
проходило 10 октября 1917 г. историческое заседание ЦК РСДРП(б),
принявшее резолюцию о вооруженном восстании

водоуправления, туда же перевели и Обуховский подрайонный комитет РСДРП(б). На первых порах начальник завода генерал-майор Чорбо пытался оспаривать право контроля и вмешательства в жизнь завода со стороны исполнительного комитета, заявляя, что «пока» еще существует Временное правительство, которому он подчиняется. Однако обстановка на заводе, рабочие которого полным ходом готовились к решительным боям с Временным правительством, делала такие возражения начальника завода чисто формальными, годными лишь для оправдания перед высшим начальством. Он понимал, видимо, что всякое сопротивление бесполезно, что помощи он не получит ни от «высшего начальства», ни на заводе, а наказание за сопротивление можно было получить на месте. Правда, на заводе существовал завком, избранный несколько месяцев назад, в котором эсеры и меньшевики еще имели большинство и на

поддержку которого рассчитывал управляющий. Однако вся деятельность завкома сводилась к провокационным напештываниям и мелким булавочным уколам, так как выступать открыто против большевиков означало выступать против рабочих всего завода.

Наступали горячие Октябрьские дни. На общем собрании рабочие Обуховского завода дали наказ делегатам на съезд Советов Северной области. Рабочие Обуховского завода приветствовали Северный областной съезд Советов и выражали уверенность, что в лице обуховских рабочих делегаты съезда найдут надежную поддержку в своей борьбе с Временным правительством, и отмечали, что единственное спасение страны и революции есть немедленный переход власти в руки Советов.

На собравшемся 15 октября заседании Петербургского ксмитета, на котором обсуждались практические меры по выполнению решений ЦК от 10 октября о немедленной подготовке к вооруженному восстанию, автор воспоминания заявил, что если раньше Обуховский завод был опорой оборонцев, то теперь в настроении перелом в пользу большевиков. На митинги, организуемые нами, приходят по 5—7 тысяч человек. Центр организации — в Исполкоме Советов РиСД Обуховского района. В Красную гвардию записалось 2 тысячи человек, имеется 500 винтовок, пулемет, бронированный автомобиль. Завод, безусловно, выступит по призыву Петроградского Совета.

Для подготовки восстания Исполнительный комитет завода создал ВРК в составе Ильина, Обухова, Потемкина, Чиждова и меня. Комиссаром Обуховского района был назначен Н. Потемкин, он же стал начальником Красной гвардии Обуховского района. В. Преображенского и А. Гундорова выделили для постоянной связи с Петроградским ВРК. Мне был выдан за подписью Н. Подвойского мандат комиссара Обуховского завода.

21 октября 1917 г. я приступил к исполнению обязанностей комиссара Обуховского завода.

На основании полученных от ВРК указаний 23 октября начальнику завода В. Чорбо мной было дано письменное распоряжение, запрещающее отправку с завода военного снаряжения без разрешения ВРК. На нем Чорбо поставил следующую резолюцию: «Не нахожу возможным сделать такое распоряжение. В. Чорбо». После повторного указания он понял, что, если не будет выполнено требуемое распоряжение, оно будет осуществлено помимо него. Чорбо зачеркнул свою резолюцию и написал другую, обязывающую главный магазин отпускать снаряжение под контролем представителя Исполнительного комитета.

Наступили исторические дни 23—25 октября. Учитывая особый стратегический характер расположения Обуховского района, через который проходили две важные железнодорожные магистрали — Николаевская и Северная, а также протекала река Нева, Петроградский ВРК на одном из заседаний рассмотрел вопрос об охране Обуховского района в связи с его исключительно важным расположением. ВРК назначил ряд

комиссаров на важнейшие объекты района: на станции Рыбацкую, Обухово и другие объекты были направлены комиссарами Гундоров, Кисель, Красс, Матвеев, Потемкин и Егоров, комиссаром по хозяйственной части Обуховского завода — Кустов и ряд комиссаров — в отдельные крупные цехи и мастерские. С 23 по 29 октября мне и другим большевикам пришлось находиться и в Смольном, и участвовать на заседаниях Петроградского Совета и II Всероссийского съезда Советов, много времени мы проводили в ВРК, где решались вопросы получения оружия, отпуска военного снаряжения с завода и др. Ежедневные доклады о положении в районе в основном делались устно или по телефону.

29 октября мы провели общее собрание рабочих, на котором присутствовало свыше 10 тысяч человек. В единогласно принятой по докладу резолюции отмечалось: «...Мы, рабочие, грудью будем поддерживать правительство, которое создано II съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, с участием крестьянских депутатов».

Исполнительный комитет Совета РиСД Обуховского завода сразу же занялся вопросами перевода предприятия на производство мирной продукции. Уже в начале декабря 1917 г. от Советского правительства было получено задание организовать на заводе производство тракторов типа Холта и плугов к ним. Коллектив дружно включился в эту новую для него работу. Кроме того, по инициативе руководства завода, был заключен с Наркоматом путей сообщения договор на ремонт большого количества паровозов, выведенных из строя в связи с войной.

Н. П. Капранов. Незабываемое

Наступил 1914 год. Работая на Обуховском сталелитейном заводе в Петрограде, мы, рабочие, не могли не замечать грозных признаков приближающейся катастрофы. Мы видели, как в мастерские завода привозят заграничное оборудование, а из завода ежедневно увозят смертоносные орудия, как расширяются мастерские и администрация завода набирает новых рабочих.

Аресты, высылки рабочих-обуховцев, участвовавших в рабочем революционном движении на заводе, суд над четырьмя водопроводчиками за отказ работать во время забастовки, увеличение сверхурочных работ, усиление штрафов — все это показывало, что царское правительство не остановится ни перед чем, чтобы сохранить на заводе каторжные порядки.

1 августа началась война, а 15 августа на Обуховском заводе состоялась молебен о даровании победы русскому оружию. На молебне выступил начальник завода В. Чорбо, который грозил божьей и царской карой

всем, кто осмелится в такой «ответственный» момент в жизни отечества еще раз нарушить бесперебойную работу завода. Рабочий Сеницын и другие освистали устроителей молебна. Сеницын был арестован и отведен в полицейский участок, где просидел целый месяц, после чего был отправлен на фронт.

Разоблачительная деятельность большевиков, выступавших против тех оборонцев, которые поддерживали империалистическую войну, вызвала против них репрессии, в результате которых на заводе было арестовано несколько человек, в частности В. Иванов и др. Кроме этого, была ликвидирована организация союза металлистов и закрыт легальный просветительный клуб «Знание — свет» (работал с 1907 г.).

В начале войны администрация завода, а также меньшевики и эсеры утверждали, что война продлится не более шести месяцев и мы победим немцев. Однако политическое положение в стране все осложнялось, война затягивалась, пожирая сотни тысяч человеческих жизней. Обуховский завод загружался все новыми спешными заказами фронта на пушки, снаряды, мины и прочие орудия смерти. Завод в сравнительно короткий срок преобразовался и вырос вдвое. Он давал литье не только своим цехам, но и помогал выполнять военные заказы Орудийному, Металлическому и другим машиностроительным заводам Петрограда.

Но вместе с этим в 1915—1916 гг. чувствовалось и на Обуховском заводе приближение революционной бури. По Петрограду прокатилась новая волна политических репрессий. Под влиянием войны и голода непрерывно вспыхивали забастовки и голодные бунты. Капиталисты, помещики и их холопы — эсеры и меньшевики звали народ к войне до победного конца, но народ не хотел войны.

С 1915 г. я уже работал не в литейной, а в шрапнельной мастерской завода, где был избран первым старостой, а после Февральской революции — членом заводского комитета. На Обуховском заводе существовал совет старост, состоявший из представителей рабочих, которые избирались по мастерским. Общей задачей совета старост являлось посредничество между рабочими и администрацией. В функции совета входило рассмотрение с администрацией расценок на изделия, забота о технике безопасности, доведение до сведения администрации требований рабочих и пр. Будучи старостой, узнал, как на заводе по вине администрации рос травматизм и повышались массовые заболевания рабочих. По признанию самого начальника завода В. Чорбо, выступившего на одном из собраний старост, с первого января 1914 г. до конца 1915 г. на заводе произошло 20 627 несчастных случаев с травматическими повреждениями. Это значило, что каждый день почти 30 рабочих становились калеками.

В связи с кануном двухлетней годовщины со дня суда над большевиками — депутатами IV Государственной думы 14 февраля 1917 г. забастовали все рабочие-обуховцы. Они вышли на улицы столицы с лозунгами: «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!» Произошли стычки с полицией. 23 февраля полиция произвела аресты среди рабо-

чих-обуховцев. Был арестован Г. А. Васильев-Ленский и некоторые другие рабочие.

На заводском партийном учете я, как и некоторые большевики-обуховцы, не состоял, а состоял на учете в районе. Да и едва ли был партийный учет в то время на заводе. Честно говоря, я, как и другие большевики-обуховцы, не мог знать, сколько было на заводе нас, большевиков. До 1917 г. на заводе большевики часто друг друга не знали. После Февральской революции я уже знал 30—35 большевиков. В числе их были Г. Чижев, А. Антонов, А. Гундоров, П. Преображенский, К. Ильин, А. Медведков, А. Самошкин, П. Обухов, А. Онуфриев и др.

В конце февраля на завод для надзора над рабочими прибыли и разместились 200 стражников, 70 конных городских и 30 солдат из части «особого назначения». На стенах домов и на заборах рабочего поселка был вывешен угрожающий приказ начальника завода Чорбо. Несмотря на эти меры, революционная борьба рабочих приняла более организованный характер. 24 февраля 13 обуховских большевиков собрались на чрезвычайное заседание и обсудили вопрос о демонстрации. Было решено утром повести на демонстрацию обуховских рабочих, чтобы присоединиться к восставшим.

25 февраля 1917 г. рабочие шрапнельной мастерской быстро и организованно вышли во двор завода и направились к главным воротам, где собрались рабочие других мастерских. Под их натиском раскрылись ворота, и рабочие дружной колонной двинулись по направлению к городу, в поддержку восставшему Петрограду. Возле Александровского вагонного завода и переправы к фабрике Торнтонна нашу колонну встретил конный отряд стражников. Колонна приостановилась, остановились и стражники. Командование стражников пыталось уговорить рабочих разойтись по домам, но уговоры не подействовали. Задние ряды стали усиленно напирать, и в сторону стражников полетели куски льда. Нужно было действовать. Взяв под руку стоявшую рядом девушку, я пошел навстречу стражникам. Двинулась и вся колонна. В это время на рысях стражники врезались в голову колонны и стали избивать рабочих. Окровавленный, я упал под ноги лошади. Колонна рассыпалась, но движение отдельных групп рабочих к центру города продолжалось по льду Невы и в обход по прилегающим к Шлиссельбургскому тракту улицам.

27 февраля 1917 г. трон последнего венценосца России Николая II «Кровавого» был сокрушен. Буржуазно-демократическая революция, которая совершалась рабочими и солдатами, победила. Над зданиями столицы России победоносно взвивались красные флаги. Многовековой гнет самодержавия был свергнут.

На другой день после победы революции в Петрограде на Обуховском заводе состоялось общезаводское собрание рабочих, на котором был избран Совет, в него вошли 12 депутатов, а главой Совета стал эсер Г. Еремеев.

После Февральской революции на Обуховском заводе были созданы различные рабочие организации, в том числе был избран заводской комитет, членом которого стал и я.

Заводской комитет, как и первый состав членов Совета, был эсеровско-меньшевистский, и в нем было лишь несколько большевиков. Но мы держались крепко, используя каждый момент для проведения своей линии. Так, например, оборонческий заводской комитет еще продолжал вести работу по посылке подарков на фронт. В марте—апреле 1917 г. в состав рабочей делегации, отвозившей подарки на фронт, включен был и я. Перед отъездом я предварительно побывал в Невском районном комитете партии большевиков и получил там большевистскую литературу, которую доставил в 12-ю армию Северного фронта, штаб которой находился в Риге.

В штабе 12-й армии нас принял командующий Радко-Дмитриев. Во время беседы он сообщил, что военные действия на фронте прекращены как с нашей, так и с немецкой стороны. На передовых позициях появляются в большом количестве листовки на русском и немецком языках, призывающие к братанию. Распространяет их прапорщик Сиверс. Он даже среди офицеров ведет агитацию за прекращение войны. Положение в армии было уже таково, что Сиверса арестовать было невозможно. Мы, несколько человек, попросили разрешения выехать в окопы. Командующий разрешил и дал проводника. Когда мы добрались до окопов, там было спокойно. Немецкие окопы находились в 300—400 метрах от наших позиций. Мы стали свидетелями того, как наш солдат возвращался от немцев. На этом участке фронта были сибирские полки, солдаты были очень рады встрече с нами, спрашивали, когда кончится война. Раздав привезенную мной большевистскую литературу, я разъяснил им политику большевиков в отношении войны.

О прапорщике Сиверсе мне еще раз пришлось услышать уже во время гражданской войны. В конце 1918 г., когда я как красный командир прибыл в 9-ю армию Южного фронта, узнал, что Сиверс командует бригадой.

Со второй половины марта 1917 г. большевистской партийной организацией на заводе и в районе руководил член Петербургского комитета РСДРП(б) Антон Слуцкий. Он и Г. Чижев — председатель заводской организации РСДРП(б) собрали в одном из классов обуховской школы собрание большевиков-обуховцев. На нем присутствовали А. Антонов, Г. Чижев, А. Гундоров, И. Преображенский, А. Медведков, П. Обухов, К. Ильин, Н. Потемкин, В. Егоров, я и др. На этом собрании Антон Слуцкий поставил перед нами задачу добиться того, чтобы как можно скорее покончить с влиянием эсеров и меньшевиков на заводе и в районе. Он отметил, что сделать это нелегко, поэтому, чтобы добиться успеха, нужно повести с ними беспощадную борьбу. Необходимо терпеливо изо дня в день разъяснять рабочим-обуховцам, что эсеры и меньшевики служат буржуазии, а не рабочему классу.

На этом собрании была оформлена на заводе первая легальная большевистская партийная организация. Партийный комитет большевиков разместился на Троицкой улице. Дела большевиков-обуховцев на заводе и в районе заметно улучшились. Большевистская организация хотя медленно, но неуклонно росла. В апреле 1917 г. во многих мастерских завода были уже организованы большевистские партийные группы, а вскоре среди парторганизаций Невской заставы большевики-обуховцы заняли ведущее место.

3 апреля 1917 г. приехавший из города Антон Слуцкий сообщил большевикам, что сегодня в Петроград из-за границы прибывает В. И. Ленин. Это сообщение обрадовало нас, и мы быстро собрались на встречу В. И. Ленина. До центра города ехали на паровой конке, а там шли пешком до вокзала. Когда пришли на площадь Финляндского вокзала, там уже стояли тысячи рабочих, солдат и матросов.

Тогда я в первый раз увидел В. И. Ленина. Хотелось уловить все, что он говорил, но это с трудом удавалось, так как восторженное настроение встречающих в некоторой степени мешало слышимости. Владимир Ильич, заканчивая речь, сказал: «Да здравствует социалистическая революция!» Раздалось громкое рабоче-солдатское «ура!».

Вместе с большевиками-обуховцами Гундоровым, Антоновым, Обуховым, Медведковым, Онуфриевым и другими я слушал выступление В. И. Ленина 18 апреля на Первомайской демонстрации на Марсовом поле, где Ленин говорил о значении 1 Мая и задачах русской революции.

31 мая я как член заводского комитета присутствовал на I Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов, где В. И. Ленин выступил с речью по вопросу о рабочем контроле над промышленностью.

Обуховский сталелитейный завод с таким славным революционным прошлым не мог не быть в поле зрения В. И. Ленина, и вот в мае 1917 г. рабочие-обуховцы восторженно встретили В. И. Ленина на своем заводе.

Весть о прибытии Владимира Ильича быстро распространилась не только по заводу, но и в районе. Задолго до прибытия Ленина рабочие хлынули в открытые ворота завода к башенной мастерской. Конечно, всех желающих мастерская не могла вместить, даже если бы эта мастерская была в два-три раза больше.

В своем выступлении В. И. Ленин развивал основные положения Апрельских тезисов. Он говорил, что основная задача большевистской партии — это борьба за власть Советов и за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Советы рабочих и солдатских депутатов должны установить контроль над производством и распределением продукции. Далее Владимир Ильич говорил, что война и при новом правительстве продолжает оставаться войной грабительской, империалистической, и призвал рабочих бороться против преступной войны, которую продолжает вести Временное правительство.

Меньшевики и эсеры несколько раз пытались сорвать выступление В. И. Ленина.

Речь В. И. Ленина на митинге Обуховского сталелитейного завода вдохновила заводских большевиков, и все они стали под руководством А. Антонова, Г. Чижова, А. Слуцкого и З. Невского (Ф. Захаров) энергичнее готовиться к Октябрьским боям. Шире развернулась большевистская партийная работа среди рабочих завода и района. К этому нас призывала политическая обстановка.

Временное правительство во главе с Керенским не думало прекращать войну. Страна была доведена до полной разрухи. Чувствуя назревание массовых политических выступлений рабочих, правительство Керенского решило провести «разгрузку» Петрограда от революционных рабочих. Обуховский завод тоже наметался к эвакуации в один из приволжских городов. Шли разговоры о том, что с заводом будут направлены только квалифицированные рабочие, а чернорабочие — отправлены в армию. Не только чернорабочие, но и все обуховцы резко реагировали на такую «разгрузку».

Мне как по линии заводского комитета, так и по поручению парторганизации приходилось много работать среди чернорабочих завода, положение которых было особенно тяжелым и все время ухудшалось.

8 июня 1917 г. под моим председательством состоялось заводское собрание, на котором присутствовало около 5 тысяч чернорабочих. Оно проходило в той же башенной мастерской, в которой выступал В. И. Ленин. Обсуждался вопрос о «разгрузке» Петрограда от революционных рабочих. После бурных выступлений была принята резолюция, в которой говорилось: «Собрание считает, что «разгрузка» имеет целью разгрузить Петроград от революционных рабочих. Собрание считает, что выход из тяжелого положения экономической разрухи в регулировании и контроле всего производства государственной властью, находящейся в руках Советов рабочих и солдатских депутатов, и во введении трудовой повинности для буржуазии. В качестве практических мер собрание считает необходимым начать разгрузку города от празднопатающей публики на Невском, Морской и т. д. и вообще перехода этого дела в руки центра из представителей заводских комитетов». Эта резолюция была напечатана в «Правде» 24 июня 1917 г. После июльских событий меньшевики и эсеры грозили расправой заводским большевикам, но предпринять что-либо серьезное они боялись.

В августе обуховские большевики после VI съезда партии значительно активизировали свою работу. Они занялись подготовкой к завоеванию большинства на заводе и в районе, в особенности в районном Совете. Партийный комитет большевиков завода поддерживал постоянную связь с райкомом и ПК РСДРП(б). Ярким доказательством того, что большевики-обуховцы уже начали завоевывать массы, были выборы в Невскую районную думу. От обуховцев в думу были избраны большевики А. Антонов и П. Обухов.

Буржуазия, захватив в июльские дни всю власть в свои руки, намеревалась установить в России неприкрытую контрреволюционную диктатуру при помощи генерала Корнилова и при благосклонном участии Временного правительства. 27 и 28 августа, в тот момент, когда генерал Корнилов двинул на Петроград казачий корпус генерала Крымова для того, чтобы ликвидировать Советы и создать военную диктатуру, большевики-обуховцы, после выступления Антона Слущкого на заводском митинге, пошли в казармы рабочей милиции и приступили к практической организации отрядов для отпора корниловщине. Вооружив несколько сотен добровольцев, обуховцы во главе с Н. Потемкиным и другими большевиками отправились на рытье окопов.

После ликвидации корниловского мятежа обуховские рабочие по настоянию большевиков потребовали перевыборов членов Петроградского Совета. Под давлением масс эсеровско-меньшевистский состав членов Совета сложил свои полномочия, и были назначены перевыборы. Тайным голосованием было избрано 11 большевиков и 2 синдикалиста. Из большевиков избраны Антонов, Обухов, Потемкин, Ильин, Егоров, Чижов, Кисель, Андриюшко, Шульга и др. Ни один из эсеров и меньшевиков в Совет переизбран не был.

На состоявшемся 12 октября 1917 г. собрании рабочих Обуховского завода была избрана делегация для участия в работе открывшегося в Петрограде I съезда Советов Северной области. В состав делегации вошли Антонов, Зубарев, Обухов, Денисов, Петровский и я. Собрание рабочих-обуховцев заверило областной съезд Советов в том, что в борьбе с контрреволюционными действиями Временного правительства съезд найдет надежную поддержку у рабочих-обуховцев.

Съезд Советов Северной области призвал все Советы к укреплению своей боевой готовности и к созданию военно-революционных комитетов на местах. Большевики-обуховцы, следуя этим указаниям и основываясь на решении ЦК РСДРП(б) от 10 октября и решении ЦК РСДРП(б) от 16 октября 1917 г., начали усиленную подготовку к вооруженному восстанию.

24 октября 1917 г. на Обуховский завод из Смольного прибыл гонец-мотоциклист и вручил Н. Потемкину, комиссару Обуховского района и начальнику Красной гвардии, приказ о выступлении. В райкоме собрались все большевики, члены Совета и штаба Красной гвардии. Потемкин в краткой речи изложил перед нами обстановку, а затем дал команду, и все мы заняли свои места в вооруженном отряде. Каждый из нас направился выполнять боевое задание. В райкоме остался только красногвардейский патруль из трех человек. Мне, как и многим большевикам-обуховцам, пришлось активно участвовать вместе с красногвардейцами-обуховцами в подавлении сил, сопротивляющихся революции.

В канун штурма Зимнего дворца и свержения Временного правительства я находился с винтовкой в руках в красногвардейском отряде в Невском районе.

В феврале 1918 г. небольшая группа революционно настроенных рабочих Обуховского сталелитейного завода, в том числе обуховцы-большевики Антонов, Васильев-Ленский, Телятников, Чесноков и некоторые другие (фамилий которых сейчас уже не помню), добровольно направились в Красную Армию для защиты молодой Советской республики.

Некоторые из них (в том числе и я) были затем направлены на Петроградские военно-инженерные курсы. Осенью 1918 г. мы были выпущены со званием красных офицеров инженерных войск.

С радостью вспоминаю следующую телеграмму, которую мы, молодые командиры, получили от Владимира Ильича Ленина:

«Приветствую 400 товарищей рабочих, оканчивающих сегодня курсы командного состава Красной Армии и вступающих в ее ряды как руководители... Я уверен... что примеру четырехсот последуют еще тысячи и тысячи рабочих, а с такими администраторами и командирами победа коммунизма будет обеспечена».

Л. П. Янов. Вместе с отцами

Тяжким было положение рабочих в годы первой мировой войны, но еще более невыносимой была жизнь рабочей молодежи, подростков и малолетних. Они вынуждены были работать на фабриках, заводах и в разных мелких мастерских наравне со взрослыми, а за свой труд подростки получали только половину заработка чернорабочего, девушки — одну треть, а малолетние — одну пятую этого заработка. Они находились в полной зависимости не только от своих хозяев, но и мастеров и просто работавших с ними взрослых. Каждый мог ими помыкать, а часто и ударить.

Большевики придавали большое значение работе среди молодежи. Равняясь на взрослых, на своих отцов и старших братьев, на Семянниковском заводе в годы войны поднялась на забастовку и рабочая молодежь. Ученики предъявили администрации завода требования о повышении им заработной платы до 40 копеек в день, о прибавке проработавшим не менее шести месяцев по одной копейке в час и о вежливом с ними обращении. Они стойко отстаивали эти требования и добились успеха.

Аналогичная стачка произошла в 1915 г. и на Александровском заводе. Это окрыляло молодежь, придавало ей уверенность в своих силах.

Рабочая молодежь и подростки вместе со взрослыми участвовали и во многих других выступлениях, вплоть до тех рабочих забастовок и манифестаций, которые в февральские дни 1917 г. переросли в буржуазно-демократическую революцию.

Рабочие Обуховского завода были в первых рядах восставшего пролетариата Невской заставы. За много дней до революции начались ре-

волюционные волнения на заводе, которые 14 февраля вылились в забастовку. Наряду с требованиями улучшить тяжелое экономическое положение были выдвинуты и политические требования. К 15 тысячам обуховцев присоединились рабочие Карточной фабрики, фабрики Торнтонна, завода «Атлас» и других предприятий Невской заставы.

25 февраля на Обуховском заводе состоялся грандиозный митинг, после которого рабочие лавиной двинулись к проходной и насильно открыли ворота. Вместе с испытанными большевиками Г. Е. Чижевским, П. А. Обуховым, И. В. Преображенским и другими впереди рабочей колонны шагал 18-летний рабочий Михаил Масальский. В его руках на длинном древке развевалось красное знамя. Все новые и новые рабочие Невской заставы присоединялись к обуховским рабочим. На ближайших улицах и в переулках скопилась полиция. В колонны демонстрантов врезались конные полицейские. Охранники нагайками избивали рабочих, но некоторые из них прорвались в город. Революционные события разворачивались молниеносно.

27 февраля на рассвете молодые рабочие М. Горячев, А. Лепешкин, Н. Ваулин, М. Задвинский, А. Тарасов, И. Крупский, В. Шибриков пришли к Карточной фабрике. Там, в Бертовском переулке, они получили оружие и вместе с рабочими захватили на Ново-Александровской улице полицейский участок.

С первых дней после свержения царизма молодежь стала бороться за свое будущее.

Молодежь стремилась к созданию юношеских организаций. Сохраняя традиции старшего поколения, молодые рабочие встали на большевистский путь. Примером для них были большевики Обуховского, Семянниковского, Александровского, Фарфорового заводов, фабрик Максвелла, Торнтонна и других предприятий. Вместе с питерским пролетариатом рабочая молодежь 3 апреля 1917 г. встречала В. И. Ленина на Финляндском вокзале. В мае 1917 г. в башенной мастерской Обуховского завода состоялся громадный митинг, на котором выступил В. И. Ленин. Его призывы были понятны и близки обуховской молодежи. Она пошла по пути, указанному Лениным.

В середине апреля 1917 г. на Обуховском заводе возникла юношеская организация, в которую в основном принималась рабочая молодежь. Первыми застрельщиками в этом деле стали подручный токаря И. С. Матросов и токари В. И. Михайлов, И. В. Шмидт, Р. И. Груздаков. Активно помогали создавать молодежную организацию также А. М. Тарасов из ремонтной мастерской, молодой чертежник А. П. Виницкий и П. М. Телятников из оптического цеха. В инициативную группу входили также Алексей Прокофьев и Александр Лепешкин. Все они были в возрасте от 18 до 23 лет и испытывали на себе «радости» казенного завода и капиталистической эксплуатации. А Романа Груздакова и Александра Тарасова даже увольняли с работы за их участие в забастовочном движении. Первые обуховские организаторы молодых рево-

люционных сил получили поддержку от большевиков. Большевик с 1915 г. К. И. Ильин был направлен для работы с молодежью. Первое организационное собрание молодежи состоялось в апреле 1917 г. в заводской столовой, где представители 30 цехов избрали правление и обсудили пути вовлечения молодежи в свою организацию. На первых порах юношеская организация трудно создавалась. Буржуазное Временное правительство и заводская администрация не шли на удовлетворение политических и экономических требований молодежи. Заводской комитет, в котором тогда еще верховодили эсеры, также не поддерживал молодых рабочих.

Правление Обуховского союза молодежи решило не ограничиваться объединением молодых рабочих только на своем заводе. Для агитации за рабочий союз молодежи Г. Шмидт, В. Михайлов, А. Прокофьев, А. Тарасов и Н. Африканов в течение нескольких дней посетили фабрики Торнтона, Максвелла, Карточную, писчебумажную братьев Варгуниных, а также Фарфоровый и Ижорский заводы. Молодые представители перечисленных предприятий приезжали за советами в правление Обуховского союза рабочей молодежи, связь с союзом поддерживала и молодежь Путиловского завода.

В конце апреля рабочие Ижорского завода выступили с протестом против милюковского лозунга «Война до победного конца». Шмидт и Африканов выступили на митинге ижорцев и рассказали о целях молодежного союза. Через несколько дней на Обуховский завод приехали представители от молодежи Ижорского завода и многих других предприятий Невской заставы. На совместном заседании Обуховскую молодежную организацию признали центром, объединяющим молодежь района. Решено было привлечь в союз и тружеников мелких предприятий. Хозяева-кустари и торговцы использовали дешевую детскую рабочую силу. Письмо, опубликованное 24 мая 1917 г. в «Правде», рассказывает о тяжелом труде детей:

«Мы маленькие труженики,— говорилось в нем,— решились вам сообщить, что хозяин у нас в лавке все держится старого режима. Набрав в лавку маленьких мальчиков, заставляет работать по 12 часов, а кто не послушается, сейчас грозит расчетом. А мы ведь недавно из деревни и, если он даст нам расчет, не знаем, куда идти, неужели мы все так будем мучиться у буржуев, нас ведь много маленьких тружеников. Купцы, буржуи, все сейчас едут на Кавказ на награбленные у бедняков деньги свежим воздухом дышать. А посмотрели бы на наши квартиры и какая в них чистота. Полы моют только к пасхе. Раньше, когда были взрослые, был 8-часовой рабочий день, а как они ушли, так опять работаем 12 часов. При сем прилагаем 1 рубль на «Правду». Мальчики Невской заставы, село Александровское, торговля Гусева».

Буржуазия пыталась взять в свои руки движение молодежи. В мае 1917 г. ее агенты приступили к созданию молодежной организации «Труд и свет». На организационное совещание делегатом от обуховцев

был послан Иван Матросов. Цель руководителей «Труда и света» состояла в том, чтобы отвлечь молодежь от революционных действий. Задачи этой организации были только культурно-просветительные и не отвечали интересам и целям рабочей молодежи. На заседаниях «Труда и света» много говорилось о музыке, живописи, литературе, памятниках искусства, непротivвлении злу, но ни слова не говорилось о социальной революции, надвигающейся гражданской войне и борьбе за социализм.

Представители рабочих молодежных организаций Нарвского, Невского (Обуховского), Московского районов в своей деятельности опирались на большевистскую тактику. Под руководством будущего организатора социалистического союза рабочей молодежи большевика Васи Алексеева они раскритиковали буржуазную сущность «Труда и света» и потребовали ее роспуска. Молодежь Невского района, бойкотировавшая «Труд и свет», не дала на поддержание ее деятельности ни одной копейки.

В конце мая Нарвский район вышел из организации «Труд и свет». Так же поступил и Невский район. В дальнейшем молодежь этих районов не участвовала в ее деятельности. В Нарвском районе образовалась самостоятельная юношеская организация.

В одной из пустующих мастерских бывшего лесопильного завода Громова состоялось собрание рабочей молодежи Невской заставы, на котором было принято решение о создании рабочего союза молодежи района. Начало его деятельности ознаменовалось предъявлением следующих политических и экономических требований Временному правительству: право выбирать представителей в органы государственной власти и профессиональные организации с 18-летнего возраста; уравнивать в правах девушек; получать бесплатное образование; установить 6-часовой рабочий день подросткам до 18 лет; запретить для подростков ночную работу.

Временное правительство и его эсеровско-меньшевистские прихвостни не только не пошли навстречу этим требованиям, но выступили против революционной деятельности рабочей молодежи Невского района. Не вступая в открытую борьбу, они тайно распространяли провокационные листовки, в которых стремились дискредитировать деятельность союза. Молодежь района обратилась в центральный орган большевистской партии газету «Правда». 23 июня 1917 г. газета от имени Комитета союза молодежи Невского района сообщила: «Товарищи молодежь! Вот уже несколько дней стали появляться от имени «Союза молодежи» разные провокационные записки... их распространяют темные личности... Товарищи, мы убедительно просим вас тех лиц, которые распространяют такие записки, задерживать». Письмо по поручению обуховской молодежи подписали А. Веницкий и А. Лепешкин.

В июне «Правда» выступила со статьей «Как организовать рабочей молодежи». Указания «Правды» были с энтузиазмом приняты молодежью районов Петрограда и стали основой для создания социалистического союза рабочей молодежи. В соответствии с указаниями «Правды» было решено изменить наименование организации. Она стала назы-

ваться — Союз рабочей молодежи. Были установлены членские взносы. На первые поступившие деньги правление купило канцелярские принадлежности, шапирограф для печатания революционных воззваний и сделало знамя.

Свое знамя члены союза сделали из темно-красного бархата. На одной стороне знамени имелась надпись: «Союз рабочей молодежи» и коммунистический лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На другой стороне были слова: «Обуховский подрайон».

К июльским дням 1917 г. в рядах Обуховского союза рабочей молодежи насчитывалось более 100 человек передовой молодежи. Для начала это было немало.

В то время правление Союза рабочей молодежи занимало один из классов на втором этаже одной из школ, а представители местной эсеровской организации имели свое помещение на третьем этаже той же школы.

Временное правительство при поддержке эсеров развернуло среди молодежи широкую агитацию за вступление в «ударный батальон», который должен был свидетельствовать о высоких патриотических чувствах молодежи и поддержке правительства в продолжении им империалистической войны. Кроме того, формировавшиеся тогда «ударные батальоны» — женские, георгиевских кавалеров и прочие должны были использоваться против революционных рабочих и солдат, выступавших под большевистскими лозунгами.

Обуховский союз рабочей молодежи развернул активную и очень успешную работу против создания «ударных батальонов». За «крамольную», противоправительственную деятельность правлению Обуховского союза молодежи было предложено в кратчайший срок из школы удалиться.

Тогда правление Союза рабочей молодежи поручило И. Шмидту и В. Михайлову найти другое помещение вблизи завода. После долгих поисков правление перебралось в Мурзинку, дом 55, в бывшую прогимназию Кузнецовой.

Численность Обуховского союза рабочей молодежи быстро росла. Были дни, когда в бывшей прогимназии не было возможности всем разместиться, и по этой причине не раз срывались хорошие мероприятия. У союза не всегда имелись деньги на оплату арендуемого помещения. Владелица мадам Кузнецова подала иск в суд. Суд обязал правление союза уплатить ей 250 рублей.

Буржуазные сынки и молодые эсеров-меньшевистские последыши выступали против Обуховского союза рабочей молодежи. В декабре 1917 г., воспользовавшись оплошностью дежурных, они подожгли молодежный клуб. С прогимназией пришлось расстаться. Третьим помещением, которое на короткое время занял союз, явилось здание бывшего приюта для глухонемых. Помещение оказалось просторным, имелось три зала и много комнат. Молодежь немедленно развернула здесь свою работу.

С 26 июля по 3 августа 1917 г. проходила работа VI съезда партии. Съезд высказался за создание союзов молодежи, организационно не подчиненных партии, но идейно руководимых ею. Съезд подчеркнул, что партия должна стремиться сделать эти союзы с самого начала их деятельности социалистическими.

Как известно, VI съезд вменил в обязанность партийным большевистским организациям уделять исключительно большое внимание работе молодежных организаций. Решения съезда имели колоссальное значение для организации и развития революционной деятельности петроградской рабочей молодежи.

Уже 4 августа 1917 г. по инициативе молодежных активистов Невской заставы И. Канкина, В. Захарова, Ф. Алексеева, М. Крылова, А. Горькова, А. Михайлова, Н. Африканова, П. Телятникова, А. Лепешкина и других в котельной мастерской Семянниковского завода состоялось собрание рабочей молодежи Невского (Обуховского) района. Исходя из решений VI съезда партии перед союзом молодежи была поставлена задача борьбы за социалистическую революцию. В память этого исторического собрания в 1927 г. была установлена мемориальная доска.

18 августа 1917 г. состоялась Петроградская конференция рабочей молодежи, которая послала приветствие В. И. Ленину. С этого момента молодежный союз стал называться социалистическим. В состав первого Петроградского комитета молодежи от Обуховского района вошли его лучшие представители Саша Лепешкин и Леша Тарасов.

Во время конференции Петроградский социалистический союз рабочей молодежи насчитывал 13 тысяч членов, а Невский — более 3 тысяч человек. Таким образом, 23% организации составляла молодежь Невской заставы.

Идеи большевистской партии оказали исключительное влияние на всю деятельность членов Обуховского социалистического союза молодежи. Вместе с партией члены союза разоблачали контрреволюционную роль буржуазного Временного правительства и его приспешников — меньшевиков и эсеров. После разгрома корниловщины обуховцы стали готовиться к вооруженному восстанию. Известно, что 15 октября в обуховскую Красную гвардию записалось 2 тысячи рабочих. В рядах Красной гвардии находилось и большинство членов Социалистического союза молодежи. На вооружении обуховского боевого отряда Красной гвардии имелось 500 винтовок, пулеметы и бронированный автомобиль.

В ночь на 25 октября 1917 г. местные эсеры и меньшевики не смогли оказать сопротивления революционному выступлению обуховской Красной гвардии, которая сразу же разоружила заводскую охрану и заменила ее красногвардейцами. Под руководством В. Н. Симонова красногвардейцы захватили клуб правых эсеров, а в нем несколько пулеметов, ящики гранат, винтовки и другое оружие.

Как и в дни Октября, молодежь Невской заставы откликалась на все призывы и мероприятия Советского правительства и партии большеви-

ков. Так, в февральские дни 1918 г., когда Петроградский комитет социалистического союза молодежи призвал пролетарскую молодежь Питера двинуть навстречу немецким ордам свои революционные красногвардейские отряды, на фронт под Псков и Нарву ушел весь руководящий состав союза во главе с Петроградским комитетом и районными правлениями. Ушли сражаться с немцами молодые обуховские пролетарии М. Задвинский, С. Корнеев, Е. Бутусов, Т. Кубышкина, Телятников. С ними двинулись в поход многие другие сыновья и дочери обуховских рабочих.

Снова в стенах Смольного затолпились сотни красногвардейцев, солдат и матросов, готовых пойти на бой с прусскими юнкерами. Решимость, вера в победу, революционный энтузиазм светились на их лицах.

В те грозные дни вместе с отцами и старшими братьями в ряды армии встало свыше 5 тысяч юношей и девушек, членов Петроградского социалистического союза молодежи. После ухода молодежных отрядов на фронт в обуховской организации оставшаяся небольшая группа стала вновь сплачивать вокруг себя обуховских юношей и девушек. По инициативе правления Обуховского социалистического союза рабочей молодежи была создана молодежная производственная коммуна. Молодые коммунары выполняли различные работы, доходы от их труда поступали в фонд коммуны и расходовались в равных долях на нужды каждого юного коммунара. Вместе с тем они все находились под ружьем, готовые выступить на защиту молодой Советской республики.

Коммуна просуществовала недолго, ибо одни из ее состава ушли на фронт, другие были привлечены к начавшимся работам на Обуховском заводе и на Невской пригородной железной дороге. Но все еще долго хранили в памяти трудовой и боевой энтузиазм, которые царили в обуховской молодежной коммуне.

К Р О Н Ш Т А Д Т

П. Ф. Зинченко-Островская. Кронштадт революционный

Прошло много лет, а и сейчас отчетливо помнятся незабываемые дни 1917 и начала 1918 года в Кронштадте. Это было время, полное героизма и самоотверженной борьбы большевиков за власть Советов, за победу Октября.

Кронштадтская партийная организация явилась большой революционной школой, в которой под руководством Центрального и Петербургского комитетов партии и лично Владимира Ильича Ленина выросли и закалились многочисленные кадры преданных делу народа товарищей-большевиков. Многие партийные работники Кронштадта и до Октября и после революции встречались с В. И. Лениным. Это С. Г. Ропаль, В. М. Зайцев, Т. И. Ульянов, Д. Н. Кондаков, И. Д. Сладков, И. П. Флеровский и др. Владимир Ильич подбадривал кронштадтцев в трудную минуту, давал конкретные советы и ответственные поручения. Кронштадтские большевики несли ленинское слово правды в казармы, в окопы фронтов, в деревню, в многочисленные города России, разоблачали буржуазную клевету на партию большевиков, а после победы Октября большевики балтийской крепости помогали, подчас в тяжелых условиях, организовывать Советскую власть на местах, в самых различных уголках нашей Родины.

Несколько лет я провела в Кронштадте. Незадолго до начала первой мировой войны моя семья переселилась к брату, работавшему в Кронштадтском порту на землечерпалках. Спустя некоторое время и мне удалось устроиться на работу в портовой швальне. Что собой представлял тогда Кронштадт? Это был город с небольшим количеством гражданского

населения, но с многочисленным гарнизоном матросов и солдат. В руках военной знати из дворянского сословия была как военная, так и вся гражданская власть в городе. Большое влияние на жизнь города оказывали многочисленные церковные секты, а также «чудесник-исцелитель» священник Андреевского собора ярый черносотенец Иоанн Кронштадтский.

Но вот пришла Февральская революция. Во всех церквях начались молебствия по поводу «завоевания русским народом давно желанной свободы» (которую они вчера свирепо подавляли), по поводу «освобождения народа от ненавистного ига царской власти» (которую они вчера рьяно защищали). Молебствия заканчивались провозглашением многолетия Временному правительству, христолюбивому воинству и всем православным христианам.

С самого начала Февральской революции Кронштадтский комитет партии большевиков под руководством ЦК и ПК повел широкую, разностороннюю работу по завоеванию масс. Массы учились не за партой, а на митингах, в Советах, в профсоюзах, в землячествах и т. д. На этих собраниях выковывались и готовились новые кадры для больших дел. Результаты этой кипучей работы были огромны. Народные массы быстро прозревали, откалывались от соглашателей, становились в оппозицию Временному правительству и старым порядкам.

Многие рабочие, солдаты, матросы пришли в эти дни в ленинскую партию большевиков — самоотверженных и верных борцов за счастье народа. Это она, партия, растила нас, воспитывала, учила управлять государством, руководить профсоюзами, печатью. Кронштадтский комитет РСДРП(б) быстро стал одним из боевых штабов революции.

Кронштадтский комитет большевиков представлял собой сильный, политически хорошо подготовленный, дружный и авторитетный революционный штаб. Он непоколебимо стоял на ленинских позициях стратегии и тактики пролетарской революции. Комитет хорошо знал положение на местах, был тесно связан с матросскими и солдатскими массами, с рабочими, с деревней. Комитет посылал большое количество агитаторов-большевиков и сочувствующих беспартийных в помощь деревне, в воинские части других городов.

И сейчас стоят перед глазами эти замечательные люди, с которыми посчастливилось работать. Вот Семен Рошаль. Одно время он был председателем Кронштадтского комитета партии и членом исполкома Совета. Не считаясь со временем, целые сутки отдавал он работе: встречался с десятками людей в комитете, по нескольку раз в день выступал на собраниях, митингах... А разве забыть И. П. Флеровского и Л. Н. Сталь. Какие это обаятельные, чуткие товарищи, замечательные пропагандисты и агитаторы. Сталь работала в газете «Голос правды», а впоследствии в «Пролетарском деле», проводила большую работу в Совете среди женщин.

Большой популярностью пользовался в партийных организациях ста-

рый подпольщик-матрос Т. Ульянов, освобожденный в феврале из тюрьмы народом. Он после июльских событий был избран председателем Кронштадтского комитета РСДРП(б). Активный работник военной организации, он часто возглавлял различные делегации, направлявшиеся в воинские части и отряды, в деревни и в различные города. Его имя было широко известно далеко за пределами нашего острова Котлин.

Хорошим организатором и политиком показал себя председатель исполкома городского Совета Л. А. Брегман. Беспощадный к соглашателям и буржуазии, он с какой-то трогательной теплотой заботился о детях трудящихся. Это при его большом участии в Кронштадте на новый 1918 год была устроена первая советская елка, даже со сладостями! Сколько было радости и детям, и их родителям — рабочим и работницам, и матросам, привезшим елку из Ораниенбаума и конфискованные игрушки и украшения из офицерской школы.

Когда я думаю о делах Кронштадтского комитета партии, то невольно — и это естественно — каждое дело память связывает с тем или иным товарищем, работником или активистом комитета. Как много сил отдавал, например, работе в деревне В. М. Зайцев, матрос школы связи, член партии с 1905 г. Он был одним из руководителей подпольной военной организации, членом Петроградского Совета от Кронштадта. Фракция большевиков не случайно выдвигала его кандидатом в Учредительное собрание. Это был испытанный ленинец. Владимир Зайцев много работал вне Кронштадта, возглавляя всевозможные делегации, комиссии по проверке выполнения различных заданий Центрального и Петербургского комитетов партии и, несмотря на это, активно работал в самом Кронштадтском комитете, являясь его казначеем. Особенно большое внимание он уделял нам, молодым членам партии: рассказывал о политическом положении в стране, о расстановке сил, о позиции большевиков, меньшевиков и эсеров по различным вопросам. Беседовал и о культуре, искусстве, даже разучивал с нами небольшие пьесы для самодеятельности. На все находил время этот чуткий и внимательный партиец.

Активно работал в комитете партии потемкинец Кирилл Орлов. А матрос учебно-артиллерийского отряда большевик Дмитрий Кондаков до июня 1920 г. неизменно избирался членом и секретарем Кронштадтского комитета партии. Одним из секретарей комитета был и Е. Ф. Зинченко, солдат 2-го артиллерийского полка, член партии с 1913 г., член подпольного кронштадтского военного комитета. После освобождения из тюрьмы в феврале 1917 г. он выполнял ряд ответственных партийных поручений и был избран членом Кронштадтского Совета и комитета РСДРП(б). Хорошо подготовленный пропагандист, он умел доходчиво и просто говорить с солдатами и матросами. Зная эти его способности, ЦК партии посылал Зинченко в Гельсингфорс для помощи местной партийной организации, а в предоктябрьский период — в воинские части Петрограда для агитационной работы среди обманутых буржуазным Временным правительством солдат.

Большую работу в комитете партии и Совете вели многие рабочие, такие, как комендант города Ермоленко и рабочий Мартынов — бывший председатель Кронштадтского Совета (расстрелян белыми на форту Красная Горка), Биккелис — руководитель литовского землячества и председатель клуба «Лайсве» («Свобода») (погиб в годы гражданской войны), Лебедев — председатель рабочей секции Совета и др.

По сей день еще не вся работа Кронштадтского комитета партии отражена в документах, так как между заседаниями комитета жизнь, бывшая ключом, выдвигала ежедневно, ежечасно много больших, принципиальных и новых вопросов, требовавших немедленного разрешения. Но можно с уверенностью сказать, что ни один более или менее важный участок революционной работы не оставался вне руководства комитета партии. Например, выборы в городскую думу, в Учредительное собрание, несмотря на наличие других партий, проходили под непосредственным руководством комитета партии большевиков. Результаты выборов показали, что большевики пользовались огромным влиянием. Так, в городской думе они получили почти половину мест, и председателем, и секретарем думы были избраны большевики.

При выборах в Учредительное собрание кронштадтцы дружно отдали свои голоса за В. И. Ленина и председателя Центробалта матроса П. Е. Дыбенко, члена партии с 1912 г. Выборам в Учредительное собрание Кронштадтский комитет РСДРП(б) придавал особое значение, так как эта кампания проходила в острой борьбе с эсерами, с меньшевиками и другими «друзьями народа» — прихлебателями буржуазного Временного правительства. В работу была вовлечена вся организация: надо было усилить большевистское влияние на население города, солдат гарнизона и помочь деревне. Вопрос о выборах в «Учредилку» специально обсуждался на партийном собрании большевиков города.

В помощь деревне было послано большое количество агитаторов от различных организаций: от комитета партии, Совета, от воинских частей, землячеств и т. д. Благодаря этим мерам с каждым днем повышался авторитет большевиков; правду об их политике, о Ленине узнавали все новые тысячи людей...

Несмотря на то что к августу 1917 г. в городской партийной организации насчитывалось около 3 тысяч членов партии и было около 100 партколлективов (так назывались первичные парторганизации), аппарат Кронштадтского комитета состоял по существу всего из двух работников — секретаря и казначея.

Всю организационную работу возглавлял секретарь комитета Д. Н. Кондаков. Скромный, требовательный к себе и к товарищам, инициативный, всегда приветливый, он в любую минуту готов был прийти на помощь и действительно был душой комитета. Он держал в руках все нити, связывающие комитет с партийными коллективами. Везде успевавшая, знал, какие вопросы будут выдвигаться в Совете, на митингах на Якорной площади, в землячествах, в профсоюзах, какие делегации или

представители прибыли (а их было много), кто из лидеров других партий приехал на остров и где будет выступать. Готовил людей для поездки в деревню или в другие города, снабжал их литературой, писал проекты резолюций или наказов.

В комитете партии тщательно подготавливались митинги, заседания Совета. В движение приводились широкие беспартийные массы. По принципиальным вопросам, когда надо было организованно выявить волю масс, Кронштадтский комитет заранее рассылал по партколлективам проект резолюции, и там этот проект выносился на всеобщее обсуждение большевиков и беспартийных. Нередко он дополнялся или изменялся по отдельным пунктам, а потом с учетом изменений рассматривался на заседании Совета или на митинге, где и получал одобрение многотысячных масс. Вносимые меньшевиками и эсерами поправки и дополнения дружно проваливались, так как мы заранее знали их позиции, знали, где какое настроение.

Для выполнения огромной пропагандистской, организационной и технической работы Кронштадтским комитетом привлекались многие члены партии. Под руководством Кондакова одни составляли какие-либо списки, другие писали письма, распоряжения, оформляли командировки (их было много), мандаты, удостоверения.

В моем архиве сохранился один из таких документов, выданный 23 сентября 1917 г.: «...Удостоверение. Дано сие Кронштадтским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии члену Кронштадтского комитета тов. Михайлу Черникову на право агитации, организации и пропаганды во всех городах, селах и деревнях России от имени Российской социал-демократической рабочей партии...»

Такие документы и мандаты «на право организации и агитации» по городам и селам Российской республики получали впоследствии многие из нас. Эти документы визировались железнодорожными организациями, по ним созывались сходы и митинги. Когда Кондаков просил кого-нибудь из активистов составить список или поручал разговор по телефону, каждый считал такое поручение важным и с готовностью выполнял его, а мы, рядовые члены партии, не имея знаний и опыта, на практике учились у старших товарищей, проходили прекрасную школу партийной и советской работы. Нам доверяли в работе, и мы росли. Я это испытала на себе. Вступила я в партию большевиков в августе 1917 г., и уже вскоре мне поручили техническую секретарскую работу в Кронштадтском комитете партии.

В то кипучее время день равнялся месяцу, люди росли удивительно быстро, проверялись на больших и малых делах. Наши партийные собрания были хорошо подготовлены, проходили очень активно, собирались обычно без опозданий.

В комитете всегда былолюдно, в особенности по вечерам. Приходили из партколлективов, Совета, профсоюзов, землячеств посоветоваться, посмотреть газеты, узнать партийные новости, согласовать вопросы, по-

лучить указания. Все много работали, жили очень дружно и весело, хотя и было голодно, не унывали...

Вот какое красноречивое объявление было напечатано в газете «Голос правды»: «В воскресенье, 31 декабря, Кронштадтский комитет партии устраивает встречу Нового года, просят приходить со своим хлебом». Хотя угощение заключалось только в хлебе (у кого он был), но кронштадтцы бодро и весело встречали свой первый советский Новый год, а для детей рабочих и военнослужащих по предложению комитета партии Совет организовал, как я уже упоминала, первую советскую елку. Правда, эта затея вызвала бурные споры: некоторые говорили, что затея буржуазная. Вопрос о елке обсуждался на женском собрании. На нем Людмила Сталь выступила с убедительным разъяснением. Ее слушали с большим вниманием и интересом. И елка была!

Этот, казалось бы, маленький вопрос перерос в большой. Об этом событии писали землякам в деревню: «В Кронштадте была елка для наших детей, а не для буржуазных...»

Особо хочу рассказать о борьбе Кронштадтского комитета партии за большевистское влияние на беспартийные массы. И в этом особую роль играли наши митинги.

Митинги были новым явлением. После драконовского режима, какой был в Кронштадте до Февральской революции, мы вдруг получили возможность не ходить в одиночку, а собираться тысячами, не молчать, а говорить, требовать. Мы хотели разобраться во всем, и широкая масса хлынула на Якорную площадь. Это были уже не те малочисленные митинги первых дней февраля, которые возникали стихийно, везде, где собирался народ: на пристани, в парках, на «козьем болоте» (эти места в особенности любили анархисты и соглашатели).

На первых порах широкой массе трудно было разобраться в теоретических вопросах, в программах так называемых левых партий, как называли себя анархисты, эсеры, меньшевики, фракция беспартийных (впоследствии ставшая эсеровской максималистской). Сбивали с толку их трескучие фразы: «Мы социалисты», «мы левые», «мы еще левее». Зачастую, прослушав такого «левого», который ругал старый режим, непочтительно отзывался о боге и его служителях, от имени своей партии давал много хороших обещаний и тут же на митинге предлагал записываться в их партию (они записывали без разбора, лишь бы записывать, большевики же на митингах в партию не записывали, а принимали через организации), некоторые, не разобравшись, записывались. Но, побывав у них на собрании, а потом на митинге на Якорной площади, где выступали большевики, одни раньше, другие позже уходили от этих «левых», в одиночку и группами постепенно переходя к большевикам. Этому во многом способствовали митинги на Якорной.

Если случалось, что Кронштадтский Совет принимал соглашательскую резолюцию, то комитет партии созывал на Якорной площади (он монопольно владел ею) многотысячный митинг, на котором принималась

резолуция протеста против соглашательской резолюции, принятой Советом, или против действий контрреволюционного Временного правительства. Протест направлялся в Совет, а после митинга на площади проходила волна митингов на местах. Там тоже принимались острые, бьющие в цель резолюции протеста, которые направлялись в Совет, в редакции газет, в городской комитет партии. Совет не мог не считаться с мнением этого «вече».

Впоследствии, работая в комитете РСДРП(б), в Совете, я разбирала большое количество писем, резолюций, которые Совет, комитет партии, редакции городских газет получали. Но такой массы корреспонденции, какую мы получали на другой день после митинга на Якорной площади, в иное время не было. В большинстве своем резолюции были острые, большевистского направления (в особенности в предоктябрьские дни). Наши митинги многим помогли разобраться в программах различных партий. После выступления большевиков массы сразу чувствовали фальшь эсеровско-меньшевистских речей, о чем свидетельствовали аплодисменты и возгласы одобрения выступавшему большевику и хмурое молчание или свист и нелестные реплики в адрес соглашателей.

Помню, как 20-тысячный митинг на Якорной площади освистал меньшевика-оборонца Войтинского. Из края в край огромной площади несло: «Прекратить травлю Ленина!», «Конец войне!», «Жандармов в окопы!» Так приблизительно встречали и других соглашательских лидеров. Это были наглядные уроки большевистской принципиальности и непримиримости с соглашательскими партиями. С трибун Якорной площади революционный Кронштадт давал резкий отпор контрреволюционному Временному правительству и соглашателям. Кронштадт всегда своим голосованием подтверждал верность идеям ленинской партии большевиков.

На наших митингах выступало много приезжих из воинских частей и городов. Так, один из делегатов 29-го полка, прибывший из Сибири, на митинге 17 июля сказал, что Кронштадт не одинок в борьбе против Временного правительства, что в Красноярске, Минусинске, Канске, Енисейске, если можно так выразиться, кронштадтское настроение.

К сожалению, никто из очевидцев не запечатлел митинги, организованные Кронштадтским комитетом РСДРП(б). Вот она картина, достойная воплощения: тысячи людей, и перед бурлящим человеческим морем один за другим выступают матросы, солдаты, рабочие. Они гневно разоблачают действия контрреволюционного Временного правительства. А рядом стоит матрос, волнуется, глаза горят. От волнения бескозырку сдвигает на затылок, через минуту надвигает ее на глаза и обратно... Чувствуется, что речь с трибуны созвучна огромной массе на площади. Люди чутко реагируют. То тут, то там раздаются весьма непочтительные возгласы по адресу коалиционного Временного правительства и соглашателей. Волнуются, но слушают внимательно и, будьте уверены, не пропустят ни слова, и когда придут в мастерскую, на свой корабль, в свою

часть, там тоже будет митинг, там тоже будет принята резолюция протеста, которая направится в Кронштадтский Совет, в газету, резолюция, о которой узнают далеко за пределами Кронштадта.

Так большевики использовали все средства, чтобы зарядить революционным духом многочисленные народные массы, готовя их к окончательной победе в борьбе за власть Советов.

Кронштадтский комитет партии уделял много внимания печати, стремился сделать ее своим верным оружием. Вопрос о печати не раз обсуждался на партийных собраниях. 3 октября наша партийная газета «Пролетарское дело» опубликовала редакционную статью, в которой говорилось, что Кронштадтский комитет РСДРП(б) решил привлечь к работе в газете рабочих, солдат и матросов. Для этого необходимо было на каждом заводе, в каждой воинской части, где имеются партийные коллективы, организовывать группы для постоянного сотрудничества в газете, для осведомления ее обо всех событиях в жизни завода, воинской части. И действительно, наши газеты имели в городе и в его окрестностях большое количество своих корреспондентов, сообщавших яркие факты и сведения. Материалы использовались не только на местах, но и центральными газетами, землячествами для агитации.

В 1917 г. в Кронштадте издавались две газеты: с 15 марта начал выходить «Голос правды» — орган Кронштадтского комитета партии большевиков, 17 марта вышли «Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов». Это был орган официальный, хотя и непартийный, но находившийся под непосредственным влиянием большевиков. В газете печатались преимущественно распоряжения, протоколы Кронштадтского Совета с подробной записью выступлений, а они были преимущественно революционными, не дававшими пощады ни Временному правительству, ни соглашателям. Заметки и письма рабочих, матросов, солдат были острые, деловые. Много корреспонденций шло от наших посланцев из деревень. Давала материал и рабочая секция Совета.

Я была членом Кронштадтского Совета трех созывов вплоть до отъезда в провинцию в феврале 1918 г. и работала членом редколлегии газеты «Известия Кронштадтского Совета». Редакционная коллегия состояла из 16 человек, в нее входили 5 большевиков — Петров, Масленников, Тамбовцев, Онетин, я, а впоследствии в состав редколлегии был введен Любович. От других партий входили их лидеры — Ламанов, Нем и др. Председателем редколлегии был Ламанов, а фактически руководил редколлгией большевик Любович. Большевики дрались за каждую статью и заметку, и газета имела ярко выраженный большевистский характер.

Не помню случая, чтобы представитель фракции большевиков в редколлегии не пришел на дежурство или опоздал. А насколько плохо обстояло дело с дисциплиной у представителей других партий, говорит объявление, данное Ламановым в газете: «Если другие члены редколлегии не будут являться, то будут переизбраны». Соглашатели часто пропускали ночные дежурства, а большевики охотно дежурили за них, ибо де-

журный член редколлегии имел право решать вопрос о материале — что помещать, а что нет. Во время дежурств не упускали случая поговорить с корреспондентами, отъезжавшими на периферию, снабжали их большевистской литературой...

Наши газеты трудящиеся любили. «Известия» по примеру «Голоса правды» часто давали обзор статей, помещенных в кадетских и буржуазных газетах, и едко комментировали их. Это было очень важно. Рабочие, прочитав о контрреволюционной сущности различных партий, часто реагировали письмами-протестами по поводу их антинародной политики. Газету «Воля народа» (орган ЦК партии эсеров) читатели, например, остроумно называли «Горем народа».

Из разных уголков страны поступали многочисленные просьбы о присылке наших газет. Так, из Мурманска председатель комитета Кольской роты Павлов писал, в частности, что они, находясь в количестве 80 человек на диком Севере, приветствуют кронштадтцев как истинных борцов за свободу... и просят, если будет возможность, посылать им литературу и вести из Кронштадта. Совет рабочих и солдатских депутатов обсудил это письмо и послал литературу со специальной делегацией. Один из посланцев на заседании Совета жаловался, что в окопы не допускают тех газет, которые нужны солдатам. Газеты и письма доставляют лишь те, которые желательны для правительства. «Левые» газеты можно получать только через делегатов. Много газет и брошюр посылала редакция «Известий» из своего фонда, посылали их и землячества, и все-таки газет не хватало, и просьбы продолжали поступать.

Наша большевистская печать была чутким барометром в политической и общественной жизни, была тесно связана с народом и пользовалась большим авторитетом. В ней звучали не просьбы, а требования народа. Так, заслушав доклад делегата в Совете относительно арестованных в июльские дни 1917 г. в Петрограде Семена Рошаля, матросов и солдат, мастерицы порта Петра Первого постановили: через Кронштадтский Совет потребовать от Временного правительства освободить арестованных. А когда следственная комиссия Временного правительства по «делу 3—5 июля» предъявила обвинение председателю Кронштадтского исполкома Брегману и членам исполкома Ярчуку, Дешевому, Громову и другим и решила взять у них подписку о невыезде, в газету поступили многочисленные протесты. По этому поводу «Известия» откликнулись статьей «1-я ласточка», в которой говорилось: «Итак, новое правительство начало свою деятельность репрессиями «левых». Для начала не дурно, по началу можно судить о всей будущей работе безответственного правительства помещиков и капиталистов...»

Рабочие электрической части Кронштадтского порта и другие рабочие резко протестовали против этих репрессий. Газеты постоянно публиковали эти протесты, сплачивая массы на борьбу против буржуазного Временного правительства.

Первой политической школой управления государством для нас был

Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов, работавший под непосредственным руководством большевистской партии. Кронштадтский Совет одним из первых сосредоточил в своих руках всю полноту военной и гражданской власти и одним из первых встал в оппозицию к Временному правительству. Совет ввел контроль над производством и распределением продукции, организовал охрану крепости и общественного порядка в городе. Совету были подчинены все командиры частей. Он был полным и хорошим хозяином города.

Я уже говорила, что к нам приезжало много делегатов из провинции, из окопов, и все в первую очередь являлись в Совет.

«Наш Кронштадт — это революционная Мекка», — как-то сказал Флеровский. И действительно, сколько людей приезжало посмотреть, что это за «Кронштадтская республика». Из провинции и из окопов приезжали за помощью, и кронштадтцы эту помощь широко оказывали. Приезжали со словами приветов, благодарили за агитаторов, за литературу, разоблачали провокаторов и клеветников. В отдельных случаях приезжали с недоверием, но обязательно уезжали друзьями.

Нельзя было без волнения слушать представителей с мест. Еще в июльские дни делегат от 31-го Сибирского полка Пропер говорил на заседании Совета: «Нас выбрали, чтобы поехать в Петроград, в Кронштадт, в Москву, чтобы посмотреть, что делается в тылу. Если бы вы знали, что говорят про вас!.. Говорили, что у вас полный беспорядок, что у вас банды у власти. Мы видим противоположное. Дай бог, чтобы был такой порядок везде, как у вас здесь». А делегат от Костромского Совета крестьянских депутатов Косякин рассказывал: «Судьба случайно меня забросила сюда, мне хотелось посмотреть на этот страшный Кронштадт, которого боится вся Россия, особенно окраины. Со мной была меньшевичка Успенская, она боялась даже сойти с парохода. Я же выношу отрадное впечатление: в «страшном» Кронштадте прекрасная организация...»

Приветствия в Кронштадтский Совет поступали в большом количестве из разных городов и сел, от воинских частей, от рабочих и т. д. Мы с радостью принимали эти приветия наших друзей, они вселяли в нас бодрость и уверенность в правоте наших действий. Но Временному правительству и его агентам такое положение было не по душе.

Кадетская и прочая буржуазная пресса изошрялась в клевете. Нас обвиняли во всех грехах, говорили, что у нас анархия, пьянство, азартные игры. На самом же деле город жил нормальной жизнью: выходили газеты, работали учреждения, действовали кино, театр, детские учреждения. Охрану города несла народная милиция, патрулировали отряды Красной гвардии.

В суровые дни преследования Керенским большевиков, когда Кронштадту угрожали блокадой, наш Совет, отражая нападки, твердо устанавливал новые революционные порядки, энергично боролся с пережитками прошлого: со спекуляцией, карточной игрой, пьянством, очищал

город от притаившихся агентов тайной полиции. Ведь царизм оставил тяжелое наследство. На заседании Совета от 18 июля было принято постановление, запрещающее всякие азартные игры в карты, в рулетку и другие. Начальнику милиции было отдано распоряжение обнаружить места, где собираются для азартных игр, и принять меры к задержанию участников, конфисковывать все деньги и ценности в пользу культпросветфонда Совета рабочих и солдатских депутатов для приобретения литературы для деревни и фронтовых частей. Совет обратился также к матросам, солдатам и рабочим с воззванием, в котором призывал их принять участие в борьбе с пережитками, накладывающими пятно на революционный Кронштадт. В воззвании говорилось: «Среди наших товарищей есть еще нравственные калеки, жертвы старого режима, это позорит честь революционера». За появление в нетрезвом виде гражданских лиц в первый раз взыскивался штраф, во второй — полагалась высылка из Кронштадта, а военных отправляли к воинскому начальнику для наложения взыскания. Содержателей трактиров и гостиниц предупредили официально в печати, что они будут подвергнуты штрафу, если у них обнаружат пьяных, а при повторении таких случаев заведение закроют. Рабочие помогали своему Совету. Так, трудящиеся дистанции Усть-Канала постановили, чтобы Кронштадтский Совет немедленно принял меры против спекулянтов и мародеров, продающих товары и продукты по взвинченным ценам, и установил нормированные цены на все продукты и товары. К этим требованиям присоединились мастеровые и рабочие минной лаборатории порта, такелажной, шлюпочной и малярной мастерских, морской артиллерийской лаборатории. На все письма Совет немедленно реагировал и принимал соответствующие меры. Часто такие письма ставились на обсуждение исполкома или пленума Совета.

Советом был создан общественно-демократический суд для рассмотрения дел выявленных провокаторов, которые работали в царской полиции. Членами суда являлись представители разных партий, а также профсоюзов, исполкома Совета, кооператива «Польза» и других организаций. Председателем суда был большевик Ульянов. Заседания проводились открыто.

Рабочие и военные любили свой Совет, защищали его авторитет, поддерживали материально. Вносилось много пожертвований на нужды революции, в культурно-просветительный фонд при Совете, в литературный фонд при газете «Известия Кронштадтского Совета», в помощь безработным женщинам. Например, рабочие отчисляли в фонд семей фронтовиков 1% своей зарплаты, 2% — на нужды Совета. Все это делалось охотно.

В то же время, когда Исполнительный комитет Петроградского Совета обратился с воззванием к мастеровым и рабочим Кронштадта с просьбой об отчислении 10% однодневного заработка для предвыборной агитации в Учредительное собрание и полдневного заработка в «фонд революции», то на заседании нашего Совета 18 августа все единодуш-

но выступили против этого обращения. Тов. Панюшкин хорошо сказал тогда: «Кронштадтцы своим врагам никаких субсидий давать не могут!»

Решение Совета поддержали рабочие. Мастерские и рабочие ряда служб порта постановили: «Такое отчисление для нас в настоящее время неприемлемо, так как политика большинства Всероссийского исполнительного комитета для нас очень не ясна, и мы, идейно расходясь с его большинством, не можем сделать подобного шага». А мастерские такелажной мастерской еще добавили: «Требуем немедленного упразднения Государственной думы и Государственного совета». Аналогичные резолюции принимались и другими рабочими, матросскими и солдатскими организациями.

Решения Совета иногда определялись колеблющимися беспартийными, метавшимися между большевиками и эсерами; бывало, хотя и редко, принимались соглашательские резолюции. Поэтому, когда ставился вопрос, имеющий принципиальное значение, и мы опасались, что соглашатели, «болото», как мы их называли, могут нам напортить, фракция большевиков требовала поименного голосования. Этот интересный метод мы практиковали в Кронштадтском Совете по инициативе городского комитета РСДРП(б). Впоследствии, разъехавшись по местам, мы широко применяли его в борьбе с политическими противниками.

После поименного голосования чаще всего вместо соглашателя избирался большевик или сочувствующий большевикам. Иногда список поименного голосования печатался в газете «Известия Кронштадтского Совета».

Так, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, наш Совет завоевывал массы, всячески разоблачая соглашателей, которые все больше и больше теряли доверие народа. Этим и объясняются частые перевыборы Кронштадтского Совета. Такое положение не нравилось соглашателям, и они перешли потом на тактику воздержания при голосовании. Но и это не помогло. Все равно мы рассказывали избирателям об их поведении, да еще и едко высмеивали. И повсюду соглашателям ходу не давали...

11 августа 1917 г. заседал вновь избранный Кронштадтский Совет. К этому времени его большинство составляли большевики. Во всех многочисленных комиссиях, созданных Советом, также было обеспечено большевистское влияние.

Любопытна одна особенность работы Совета: от соглашательских партий почти всегда выступали лидеры — местные и приезжие: рядовым они не доверяли. От большевиков же выступали многие рядовые товарищи, которые говорили, хотя иногда и не складно, но зато правдиво и остро. Большевики, рядовые члены Совета, выполняли ответственные поручения своей фракции и пользовались авторитетом среди рабочих, матросов и солдат.

Председателем рабочей секции Совета еще 26 июля вместо соглашателя Ламанова был избран большевик рабочий Лебедев. Секция работала

очень интенсивно. Обсуждались многие профсоюзные вопросы. По предложению рабочей секции Совет установил 8-часовой рабочий день, а для подростков — 6-часовой, принял решение об упорядочении пенсионного дела, определил размеры зарплаты рабочим и служащим, обсуждал вопросы оплаты за сверхурочные работы и др.

Большую работу Совет проводил в деревне. Большевики посылали в села очень многих своих агитаторов. Об их мужестве и самоотверженности можно рассказывать очень много. Но в своих отчетах они обычно говорили лишь о проделанной работе, скромно умалчивая, какие трудности порой приходилось преодолевать, сколько бессонных ночей было проведено, как в долгом пути перебивались лишь краюхой хлеба.

Мы часто на заседаниях Совета слушали отчеты своих посланцев. Они сообщали, что крестьяне просят присылать побольше смелых и инициативных агитаторов, решительных защитников прав народа.

На заседании Совета, посвященном охране завоеваний революции от корниловщины, выступали Колбин, Флеровский и др. Флеровский говорил о необходимости послать представителей в ЦИК, которые заявят о требованиях революционного Кронштадта. На помощь революционным войскам должны быть посланы не только войска, но и политические агитаторы.

Представителями в ЦИК на положении полноправных его членов были избраны Флеровский, Рыбаков, Куканов. Совет дал им наказ: «Потребовать немедленного удаления контрреволюционных генералов в тылу и на фронте с заменой их выборными из солдат и офицеров, демократизации армии, отмены всяких репрессий, смертной казни, немедленной передачи всех помещичьих земель в распоряжение крестьянских комитетов, законодательного установления 8-часового рабочего дня, демократического контроля над фабриками, заводами и банками, с преобладанием представителей от рабочих, декретирования демократической республики, отмены тайных договоров, требовать немедленного освобождения заключенных кронштадтцев — т. Семена Рошаля и других в связи с выступлениями 3—5 июля».

Кронштадт принял активное участие в разгроме корниловщины. Были укреплены и расширены отряды Красной гвардии в самом городе. Революционный Кронштадт был начеку.

В докладе VI съезду партии Флеровский говорил: «Кронштадтцы действительно осуществляют власть Советов! Перед этой властью склоняется все и вся. Весь город покрыт целой сетью организаций, среди которых особенно интересны «землячества». О них я расскажу подробнее.

«Землячества» — один из каналов, через который постоянно осуществлялась наша связь с деревней, с земляками на фронте. Кронштадтский комитет РСДРП(б) вел активную борьбу за большевистское влияние в землячествах.

Вопрос о работе в землячествах обсуждался на общегородском партийном собрании, на котором было предложено всем членам партии всту-

пить в соответствующие землячества. В результате этого значительно усилилось большевистское влияние в землячествах. А их было у нас много — около 40. Строились они в основном по территориальному признаку: архангельское, владимирское, уфимское, вятское, ярославское и др. Были землячества, например, украинское, польское, латышское, литовское, эстонское и т. д. Некоторые из землячеств, например украинское, литовское, польское, насчитывали в своем составе более 300 человек.

Все землячества занимались примерно одним и тем же: приобретали литературу, газеты для посылки в свои деревни, посылали туда агитаторов. Как известно, В. И. Ленин придавал большое значение агитации на местах. Для этого он рекомендовал создавать специальные отряды агитаторов для объезда губерний и деревень. Это указание Владимира Ильича нашло горячий отклик в землячествах.

Землячества выделяли агитаторами наиболее стойких и опытных товарищей, в том числе и беспартийных, сочувствующих большевикам. Их кандидатуры обсуждались на общих собраниях. Агитаторы несли в родные места наказы, выработанные Кронштадтским комитетом. Обычно землячества давали отъезжающим сведения о местных деятелях вплоть до характеристики попов, кулаков, подробно рассказывали о положении на местах. Это облегчало работу делегатов.

Землячества работали очень интенсивно. Так, например, только за три дня — 4, 7 и 8 июля состоялись собрания смоленского, петроградского, вологодского, ярославского, вятского, костромского, псковского и симбирского землячеств. На них выбирались агитаторы, заслушивались отчеты приехавших с мест, рассматривались кандидатуры для выборов в городской Совет и т. д. Повседневная же работа в землячествах проводилась в форме индивидуальных бесед. Вот приходит матрос и приносит полученное из деревни нерадостное письмо, мол, посоветуйте, землячки, что делать... Письмо читают, каждый советует, что предпринять, куда обратиться, получалась хорошая, товарищеская беседа. Как правило, ответное письмо составлялось коллективно. Иногда письма отправлялись в редакции газет, как наших, так и центральных, в Кронштадтский Совет и другие инстанции.

Землячества вели большую пропагандистскую и культурно-воспитательную работу. На свои средства они выписывали большевистскую литературу, на которую с мест был колоссальный спрос. Наши газеты переходили из рук в руки, особенно когда появлялись статьи В. И. Ленина. Ленинские статьи мы издавали также в большом количестве отдельными брошюрами и рассылали по местам. Мне приходилось видеть, с каким интересом читались брошюры В. И. Ленина и наши газеты. На такие читки собирались со всех окрестностей...

Так большевистская литература по различным каналам продвигалась к землякам в деревню, к солдатам в окопы. Так завязывалась прочная связь кронштадтцев с трудящимися России.

К октябрю Кронштадтский комитет получил в обмен на наши 48 ме-

стных газет. На моей обязанности лежала подшивка и аккуратное содержание местных газет. Они лежали на большом столе, ими интересовались, их читали.

Несколько слов об особенностях в работе землячеств, построенных по национальному признаку. Они были организованы преимущественно при клубах: украинское — при клубе «Просвита» («Просвещение»), польское — при клубе «Промень» («Луч»), литовское — при клубе «Лайсве» («Свобода»).

В этих землячествах беседы и лекции, как правило, велись на национальных языках, приобретались соответствующая литература и библиотеки и даже устраивались традиционные для данной национальности празднества. Но разумеется, не все шло гладко в работе землячеств.

Так, например, польское землячество состояло из гражданского населения, в основном из местной, средней интеллигенции, находившейся под влиянием католического ксендза Гашинского. Телеграфисты, кассиры, бухгалтеры, конторские служащие настроены были преимущественно соглашательски... И большевикам приходилось вести работу гибко, с учетом всех этих обстоятельств, но, конечно, с не меньшей настойчивостью и непримиримостью.

Украинское землячество, наоборот, состояло преимущественно из военных. В отличие от других землячеств здесь религиозное влияние было очень незначительным и то лишь среди гражданских лиц. Матросы славлись своим безбожием... Однако сильным было влияние эсеров и отдельных сторонников украинской Рады. Но, несмотря на это, почти всегда на собраниях землячества после жарких споров побеждали большевики.

Будучи родом из Литвы, я работала в литовском землячестве. От него я дважды избиралась в Кронштадтский Совет. Меня хорошо знали рабочие Пароходного завода, где было много литовцев, а также работницы портовой швальни. В землячестве были также матросы, солдаты. Одним из его руководителей являлся большевик Биккелис, член исполкома Кронштадтского Совета, очень активный и авторитетный товарищ (погиб потом на Южном фронте). В землячество входили и члены семей, как правило очень религиозные, с очень отсталыми взглядами.

Ксендз Гашинский, не отставая от своих собратьев, служителей православной церкви, сразу после свержения самодержавия стал поддерживать Временное правительство. В первых числах марта католическая церковь устроила крестный ход со святыми дарами, с торжественным молебствием «за свободу России». Ксендз в своих проповедях довольно тонко и хитро развивал такую теорию: «не надо вражды», «все люди — братья», «Христос тоже был социалистом», значит, и священнослужители — те же социалисты.

Вести серьезные беседы на антирелигиозные темы нам, рядовым большевикам, было трудно: у нас не было знаний. Как всегда в таких случаях, мы с Биккелисом шли за помощью в комитет партии. С нами беседовали Сталь и Смирнов. Хорошо подготовленные пропагандисты,

они рассказывали нам о «христианском социализме», разъясняли суть легенды о мифическом Христе. Нам стало легче вести споры в клубе с верующими. Особенно много давали лекции, проводимые городским комитетом партии. Эти лекции читали Сталь, Ульянов, Энтин, Пелихов, приезжавшие из Петрограда Луначарский, Коллонтай и др. Много людей собиралось на лекции по историческому материализму, о классовых интересах и политических партиях, о войне и революции.

Тяга к политическому просвещению была огромна.

Можно бесконечно много рассказывать о том, как Кронштадтский комитет партии вел неустанную борьбу против Временного правительства и соглашательских партий за завоевание масс. В жестких схватках на митингах, лекциях, в Совете, в печати, в землячествах большевики готовили массы к Октябрю.

Но вот пришел Великий Октябрь! День 24 октября в Кронштадте прошел в ожидании приказа о выступлении. Городской комитет партии и Совет превратились в подлинный боевой штаб. Почти непрерывно заседал исполком Совета, разрешая вопросы, связанные с организацией десанта и охраны крепости. В ночь на 25-е мы получили приказ от Петроградского ВРК о немедленном выступлении на помощь восставшим питерским рабочим и солдатам. Настроение было боевое, праздничное. Наступил долгожданный день!

В эту ночь Кронштадт не спал. Подъем был исключительный: каждый чувствовал, что совершается великое, неповторимое... Все были уверены в победе, не было отбоя от желающих ехать в Питер. Не попавшие в десантные отряды энергично протестовали, все рвалось в Питер. Оставшиеся в Кронштадте немногие члены комитета партии и Совета, активисты были загружены до предела.

К семи часам утра население города вышло на улицу: в Петроград отправлялся первый отряд. Посадка людей на корабли продолжалась до полудня. Это были сводные боевые отряды матросов, солдат и красногвардейцев. Они уезжали с красными знаменами, большевистскими лозунгами: «За власть Советов!», «Хлеб — голодным, мир — народам!» Это была величественная, незабываемая картина.

Мы с волнением ожидали вестей из Питера. В те дни многие до возвращения товарищей не уходили домой из здания комитета партии и Совета. Они вернулись через несколько дней. Вернулись с победой, с вестью о свержении Временного правительства и о победе Советской власти. Прибывшие на заседание Совета выступали на многочисленных митингах, вели беседы на кораблях, в казармах. Они рассказывали о событиях 25—26 октября в Петрограде, о Владимире Ильиче, его выступлении на II Всероссийском съезде Советов и об участии кронштадтцев во взятии Зимнего дворца. Все чувствовали величие победы ленинской партии. И опять кронштадтская парторганизация послала сотни матросов, солдат и рабочих в разные уголки страны для разъяснения первых декретов Советской власти и проведения их в жизнь.

И. В. Андреев. Рабочие Кронштадта в 1917 г.

Родился я в Петербурге в семье рабочего-сапожника. Нас было три брата. Старший — Владимир работал слесарем на заводе «Р. Гардести» в Кронштадте, Илья — наборщиком в типографии «Каспари» в Петербурге. Когда мне было семь лет, умерли мои родители и меня приняла на воспитание тетка. В 1899 г. я окончил трехклассную школу, и тетка решила определить меня учеником на работу в какой-нибудь магазин Гостиного двора в Петербурге. Долго мы ходили с теткой по магазинам готового платья и другим, упрашивая хозяев принять меня мальчиком на побегушки. Но везде получали отказ — часто говорили: «ростом мал и лицом некрасив». Никто из хозяев не взял меня на работу, и я поехал вместе с братом Владимиром в Кронштадт, где определился учеником на механический литейный завод «Р. Гардести» с поденной оплатой 25 копеек. Но на руки нам выдавали только по 18, а 7 копеек хозяин высчитывал в течение пяти лет как залог, что не сбежим раньше срока от каторжного труда на заводе.

В 1910 г. я перешел на работу в минную мастерскую Кронштадтского порта, где получил номерной знак, или, как тогда называли, «бляху». Бляха была у меня за № 13089. В этой мастерской я проработал до февраля 1917 г.

О событиях Февральской революции и более позднего периода вплоть до Великого Октября, в которых я принимал активное участие, хочется рассказать подробнее.

28 февраля 1917 г. рабочим Кронштадта стало известно, что в Петрограде рабочие восстали и объявили всеобщую забастовку. Эта весть пронеслась как молния; она облетела все мастерские Кронштадтского порта и Пароходного завода. Рабочие стали собираться группами и решили, что нужно срочно поддержать петроградских рабочих, немедленно прекратить работу, выступить всем на улицу. Рабочие минной мастерской Макрецов Лева, Урбанов Герасим, Кузьмин Кузьма, Чертов Тимофей и автор этих строк бросили работу, вышли из ворот порта и побежали к электростанции, на которой был установлен гудок, всегда возвещавший о начале и конце работы. Нам удалось прорваться через охрану электростанции и дать гудок о прекращении работы. Заслышав гудок, все рабочие стали выходить из ворот на улицу. Видим, в фаэтоне, запряженном рыжей лошадью, едет к воротам Пароходного завода адмирал Вирен, командир военного порта, он же и военный комендант Кронштадта. Все рабочие лавиной побежали к воротам Пароходного завода. Адмирал быстро сошел с фаэтона и направился навстречу рабочим. Адмирал весь побагровел, растопырил руки, как бы стремясь задержать рабочих и вернуть их обратно на работу. При этом он громко закричал: «Остановитесь! Кто вам приказал бросить работу?» Первым вышел из среды рабочих Цыганков, рабочий Пароходного завода, за ним — Мартынов

Михаил Цыганков быстро подошел к адмиралу Вирену и громко сказал: «Мы работать не будем, мы объявляем забастовку в знак солидарности с петроградскими рабочими, которые сегодня объявили всеобщую забастовку». Вирен так опешил от этого заявления, что быстро вскочил в свой фаэтон и мигом исчез, а лавина рабочих из ворот завода двинулась в город.

Утром 1 марта 1917 г. весь Кронштадт был уже в руках восставших матросов, солдат гарнизона крепости и рабочих.

В этот же день на Якорной площади состоялся митинг матросов и солдат гарнизона Кронштадта, а также восставших рабочих Пароходного завода и всех мастерских порта, на котором был избран так называемый Комитет движения. Комитет просуществовал всего несколько дней, потом его заменили Советы рабочих, солдатских и матросских депутатов. Депутаты в Советы избирались от различных организаций. Таким образом, в первых числах марта 1917 г. в Кронштадте была создана власть Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов.

Перед выборами в Совет городским комитетом РСДРП(б) была проведена большая работа по организации предвыборной кампании на Пароходном заводе, в портовых мастерских и воинских частях гарнизона. С первых дней Февральской революции на Пароходном заводе и во всех портовых мастерских были организованы фабрично-заводские комитеты, после чего по инициативе рабочих был создан Исполнительный комитет Кронштадтского порта из пяти человек. В него вошли Н. И. Коротков (председатель), Арапов, Евдокимов, Цыганков и я.

Члены Исполнительного комитета порта избирались на собраниях рабочих Пароходного завода и мастерских.

Исполнительный комитет порта осуществлял рабочий контроль над администрацией Кронштадтского порта. Он находился в том же здании административного корпуса, где помещалась канцелярия начальника порта капитана Ермакова. Все управленческие дела, имевшие отношение к рабочим мастерских и завода, а также все возникавшие конфликты между рабочими и администрацией разрешались Исполнительным комитетом по согласованию с Ермаковым.

От Исполнительного комитета порта я был послан депутатом в Кронштадтский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов. А с августа 1917 г. по май 1918 г. был членом Исполнительного комитета Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Как член Исполкома Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов я докладывал о работе Исполнительного комитета Кронштадтского порта, о тех или иных постановлениях, касавшихся жизни рабочих порта.

Выдвинутый В. И. Лениным лозунг «Вся власть Советам!» был быстро воспринят и осуществлен в Кронштадте рабочими, матросами и солдатами. Фактически с первых дней Февральской революции, то есть со дня организации Кронштадтского Совета, вся власть находилась в руках Совета. Без его ведома и участия в Кронштадте не проводилось ни одно

мероприятие. Присланный из Петрограда в Кронштадт комиссар Временного правительства сахарозаводчик Попеляев фактически не имел никаких прав, и его полномочия от Временного правительства Кронштадтским Советом не признавались. Кроме того, 16 мая 1917 г. на заседании Кронштадтского Совета в связи с разногласиями между депутатами Совета и Попеляевым о назначении начальника милиции была принята следующая резолюция: «Единственной властью в городе Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по делам государственного порядка вступает в непосредственное отношение с Советом РиСД города Петрограда. Административные места занимаются членами Исполнительного комитета или уполномоченными им лицами»¹. После этого решения Попеляев покинул Кронштадт и уехал в Петроград.

Временное правительство пыталось смягчить решение Совета, и 21 мая в Кронштадт прибыли меньшевистский лидер Чхеидзе и эсер Гоц с целью уговорить кронштадтцев отменить эту резолюцию Совета. Но переубедить кронштадтцев им не удалось. 24 мая 1917 г. в Кронштадт прибыли министры Церетели и Скобелев и от лица Временного правительства предложили Кронштадтскому Совету дать ответ на вопрос: «Признает ли Кронштадтский Совет Временное правительство и его комиссара?»

По первой части вопроса Кронштадтский Совет заявил, что мы признаем Временное правительство и подчиняемся ему только потому, что за ним стоит пока большинство демократии, а мы пока находимся в меньшинстве. Но вместе с тем сохраняем за собой право критики и не доверяем Временному правительству.

По второй части вопроса Кронштадтский Совет заявил, что он хочет иметь комиссаром своего представителя.

В результате длительных прений Кронштадт одержал победу и Временное правительство признало за Кронштадтским Советом право выбора комиссара.

В. И. Ленин внимательно следил за кронштадтскими событиями и 28 мая выступил по этому вопросу в «Правде» со специальной статьей под названием «Один принципиальный вопрос («Забытые слова» демократизма)». Он писал: «Грязный поток лжи и клеветы, вылитый газетами капиталистов на кронштадтских товарищей, обнаружил еще и еще раз всю нечестность этих газет, раздувавших самый заурядный и неважный случай до размеров «государственного» события «отложения» от России и прочее и тому подобное... Кронштадтский инцидент,— отмечал далее В. И. Ленин,— имеет для нас в двух отношениях принципиальное значение.

Во-первых, он обнаружил давно уже подмеченный нами, признанный официально в резолюции нашей партии (о Советах) факт, что *на местах*

¹ «Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов», 19 мая, 14 июня 1917 г.

революция зашла дальше, чем в Питере. Не только кадеты, но и народники с меньшевиками, давая захлестнуть себя царящей всюду революционной фразе, не пожелали — или не сумели — вдуматься в значение этого факта.

Во-вторых, кронштадтский инцидент поставил один очень важный принципиальный, программный вопрос, мимо которого ни один честный демократ, не говоря уже о социалисте, не может пройти равнодушно. Это вопрос о праве центральной власти *утверждать* выборных должностных лиц местного населения»¹.

Получилось так, что лозунг В. И. Ленина «Вся власть Советам!» был осуществлен в Кронштадте не в октябре 1917 г., а в мае 1917 г.

Фактически и формально в Кронштадте двоевластие закончилось уже в мае 1917 г. и вся власть как в крепости, так и в городе перешла в руки Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов.

В октябрьские дни 1917 г. в Кронштадте не было никакого свержения ни буржуазного комиссара, ни каких-либо других чиновников или ставленников Временного правительства. Все административные должности уже давно были заняты членами Исполкома, депутатами Совета или товарищами, назначенными Советом.

В июльские дни 1917 г., когда В. И. Ленин вынужден был скрываться от ищеек Временного правительства, когда были разгромлены многие рабочие организации и газета «Правда», в Кронштадте в типографии газеты «Пролетарское дело» печатались все статьи В. И. Ленина, материалы, присылавшиеся Центральным Комитетом нашей партии, и материалы для VI съезда партии. Враги даже распространили слух, что Ленин скрывается в Кронштадте.

Я вместе со всеми кронштадтцами принимал участие в июльской демонстрации в Петрограде. Известно, что эта мирная демонстрация была залита потоками крови демонстрантов. После ее разгрома значительная часть из нас, в том числе и я, уехали обратно в Кронштадт, некоторые товарищи были заключены в Петропавловскую крепость, а некоторые еще оставались в Петрограде, но вскоре приехали и они.

9 июля 1917 г. Временное правительство создало следственную комиссию для выяснения, расследования и предания суду всех руководителей и участников демонстрации 3—5 июля. Вызвали к прокурору и меня, но я, конечно, не явился и вообще никак на это не реагировал. Кронштадтский Совет на требование Временного правительства арестовать и выслать в Петроград зачинщиков и активных участников демонстрации 3—5 июля ответил отказом.

Выступление петроградских и кронштадтских рабочих, солдат и матросов 3—5 июля явилось последним этапом мирного развития революции, последней попыткой мирным путем заставить меньшевистско-эсеровские Советы взять власть в свои руки. После этого встал вопрос о подготовке большевиками захвата власти вооруженным путем.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 218—219.

О подготовке вооруженного восстания было известно и Кронштадтскому комитету большевиков, и Исполкому Совета. На основании этих сведений большевики проводили подготовительную работу в воинских частях и среди рабочих портовых мастерских и Пароходного завода. В Кронштадтском Совете узнали, что Временное правительство угрожает разгромом Петроградского Совета. Кронштадтский Совет 24 октября созвал экстренное заседание, на котором делегаты из Питера доложили о тревожном положении в столице. Исполком принял решение создать военно-техническую комиссию. Эта комиссия являлась Военно-революционным комитетом при Исполкоме. Была зачитана телефонограмма Военно-революционного комитета при Петроградском Совете о вооруженном выступлении.

В ночь на 25 октября был дан приказ о немедленной отправке в Петроград боевых сводных отрядов матросов, солдат и красногвардейцев, а также военно-морских судов. Вооруженные команды и отряды направлялись к пристани грузиться на пароходы, а военные корабли отправлялись прямо со своих стоянок.

По решению Исполкома Кронштадтского Совета большинство его членов были оставлены в Кронштадте, остался как член Исполкома и я.

Октябрьская социалистическая революция одержала победу, свергла власть капиталистов в лице Временного правительства и передала ее по всей стране в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов.

В. А. Церешко. Взрыв форта Ино

Кронштадт с его мощными фортами являлся главной военно-морской базой и первоклассной морской крепостью на Балтике, от овладения которой в значительной степени зависел успех перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Поэтому Кронштадт наряду с Петроградом всегда находился в центре внимания ЦК и ПК РСДРП(б), а также местной парторганизации большевиков, за работой которой лично следил В. И. Ленин. Революционные матросы, солдаты и рабочие Кронштадта всегда были в передовых рядах в борьбе за власть Советов, за Октябрьскую социалистическую революцию. Если партийная работа по большевизации матросских, рабочих и солдатских масс в самом Кронштадте проходила сравнительно легко и быстро, то на главнейших фортах, удаленных от Кронштадта, положение было иное. Форт Красная Горка на южном берегу Финского залива возглавлялся большевиками и не вызывал особого беспокойства. Форт Ино находился на северном берегу Финского залива, на территории Финляндии, возглавлялся эсерами. Этот форт вызывал у большевиков очень большое беспокойство и тревогу, в особенности после заключения Брестского мира, против которого, как известно, отчаянно боролись левые эсеры и меньшевики.

По условиям Брестского мира, подписанного 3 марта 1918 г., Советское правительство обязано было перебазировать все наши корабли из Финляндии в советские порты и ликвидировать все береговые укрепления на территории Финляндии (к этому времени финские контрреволюционеры начали упорную борьбу против молодой Финляндской социалистической рабочей республики, которая закончилась в конце апреля 1918 г. свержением рабочего финского правительства и приходом к власти буржуазного правительства во главе с генералом Маннергеймом).

Комиссаром форта Ино был эсер вольноопределяющийся С. Н. Соколов. Большевики должны были предпринять срочные меры для укрепления своего влияния на форте. Такой случай очень скоро представился. Известно, что в это время вся страна, и в особенности Петроград и Кронштадт, испытывала очень большие трудности в снабжении продовольствием. Председатель Исполкома Кронштадтского Совета Л. А. Брегман дал распоряжение управлению крепости и командованию фортами Красная Горка и Ино представить в Исполком точные данные о наличии всех видов имеющегося продовольствия, необходимо было при этом держать все запасы на строгом учете, под строжайшим контролем и расходовать их только по строго установленным нормам.

По полученным сведениям было установлено, что на складах форта Ино находилось большое количество излишков, получившихся за счет того, что форт все время получал продовольствие на числившийся гарнизон в 3 тысячи человек, в то время как после Февральской революции большое количество солдат демобилизовалось. С другой стороны, много солдат ушли добровольцами на защиту завоеваний революции. К описываемому моменту гарнизон форта насчитывал всего 300 солдат всех специальностей, а также офицеров, которые под маской «нейтральности» отсиживались на форте.

Исполком Кронштадтского Совета, получив данные о больших запасах продовольствия на складах Ино, дал указание командованию форта, и в первую очередь члену Кронштадтского Совета комиссару форта Соколову, срочно, до наступления распутицы санным путем по Финскому заливу вывезти излишки в Кронштадт и сдать их на продовольственные склады крепости.

Однако 10 марта 1918 г. на пленарном заседании Кронштадтского Совета выяснилось, что Соколов даже и не приступал к выполнению этого указания. Соколов в своем путаном сообщении ничего вразумительного в свое оправдание сказать не мог. Присутствовавший на этом заседании член Совета и секретарь Кронштадтского городского комитета большевистской партии Д. Н. Кондаков сразу же внес предложение о снятии Соколова с поста комиссара форта Ино и назначении вместо него комиссаром форта матроса-большевика В. А. Церешко. Председествовавший на заседании пленума Совета большевик солдат-телеграфист А. М. Любович настолько хорошо и быстро провел это предложение Кондакова, что эсеры даже не успели сговориться между собой о защите Со-

колова или выдвинуть другую кандидатуру. Как показал дальнейший ход событий, это решение Кронштадтского Совета имело исключительно большое и важное значение для обороны Кронштадта и Петрограда.

Решением Кронштадтского Совета на меня возлагалась такая ответственная работа, с которой я тогда абсолютно не был знаком. Не зная, как реагировать на предложение Кондакова, но партийная дисциплина заставила меня не рассуждать, а немедленно приступить к делу. Я попросил у председателя собрания разрешения уйти до окончания заседания, чтобы приступить к выполнению решения пленума Кронштадтского Совета, то есть начать подготовку к немедленной переброске продовольственных грузов с форта Ино на склады Кронштадтской крепости. Большинство депутатов встретило мою просьбу с уважением и доверием.

Кондаков, встретившийся мне в коридоре, не принял моих упреков, а резонно заметил, что вопрос этот необходимо было решить немедленно, пока эсеровское «болото» не успело сориентироваться и выдвинуть своего кандидата взамен Соколова. Кондаков старался меня успокоить и убедить в том, что на форте есть хорошие солдаты, которые будут мне помогать, в особенности он указал на А. П. Трифонова, хорошо знавшего обстановку и всех людей форта. В это время председатель Исполкома Брегман пригласил Кондакова и меня к себе в кабинет. Он проинформировал нас о положении на форте, которое оказалось весьма сложным, поскольку политическое руководство фортом в течение продолжительного времени находилось в руках эсеров. Я узнал также о договоре, заключенном 1 марта с социалистическим рабочим правительством Финляндии, о Брестском мире, заключенном 3 марта с кайзеровской Германией. Оба товарища обещали помогать мне в работе. Все это, конечно, дало мне возможность быстрее оценить обстановку на форте.

По условиям Брестского договора положение военно-морских сил Балтфлота стало весьма тяжелым, а особенно сложным было положение сухопутных укреплений, находившихся на территории Финляндии. Если военные корабли благодаря героическим усилиям революционных матросов Балтики были выведены из Гельсингфорса в Кронштадт — Петроград, совершив в марте—апреле небывалый в истории поход по скованному льдом Финскому заливу, то значительно сложнее складывалось положение такого мощного крепостного сооружения, каким являлся форт Ино. Этот форт строился царским правительством на протяжении нескольких лет перед первой империалистической войной. Его нельзя было наскоро разоружить и перебазировать на территорию Советской республики. И поэтому Кронштадтскому комитету партии и Кронштадтскому Совету нужно было, опираясь на договор, который был заключен 1 марта, принимать срочные меры по защите этого форта.

По указанию Исполкома Совета в тот же вечер был мобилизован гужевой транспорт в 30 подвод для вывозки продовольствия. С этим гужевым транспортом в ночь с 10 на 11 марта 1918 г. я и отбыл на форт Ино для выполнения возложенного на меня задания.

В зимнее время из Кронштадта к форту Ино всегда прокладывался путь по льду Финского залива. Такой путь давал возможность зимой прибывать на лошадях на форт через четыре-пять часов, тогда как по железной дороге через Ораниенбаум—Петроград—Сестрорецк—Териоки требовалось около суток, если не больше. 11 марта рано утром мы были уже на территории форта. Оставив возчиков недалеко от пристани у продовольственных складов, мы с представителем от управления снабжения крепости депутатом Совета Плюмме пошли в офицерский городок разыскивать коменданта форта штабс-капитана Ананьина, бывшего офицера царской армии. Офицерский городок находился недалеко от пристани. В этом городке, как выяснилось, размещался старший офицерский состав. Казармы для солдат и второй городок для младшего офицерского состава были расположены значительно дальше от пристани, почти рядом с установками орудийных батарей. Этот городок вместе с казармами и всеми крепостными сооружениями был построен на большой возвышенности. Благодаря этому форт мог обстреливать противника из 12-дюймовых башенных орудий в радиусе 35—40 километров как в сторону моря, так и в сторону сухопутной обороны. Со стороны суши форт был окружен лесным массивом, маскировавшим все его сооружения.

Необходимо отметить, что при въезде на форт сразу бросалось в глаза отсутствие порядка, дисциплины и какой бы то ни было военной жизни на таком большом и важном военном объекте. Никто нас не остановил не только возле пристани, при въезде на территорию форта, но и у продовольственных складов, легко доступных со стороны лесного массива. Как выяснилось позже, вся охрана со стороны суши базировалась около проволочного ограждения форта и на караульной службе у его ворот. Через эти пункты проходили шоссейная и железная дороги на форт со стороны Териоки и со стороны станции Ино, то есть со стороны Финляндии.

Такое положение на форте меня очень обеспокоило.

Встретившись и познакомившись в штабе форта с комендантом форта Ананьиным, я показал свое удостоверение о назначении меня комиссаром форта вместо Соколова и предписание от Исполкома Кронштадтского Совета о срочной вывозке в Кронштадт из складов форта излишков продовольствия. Для гарнизона форта предлагалось оставить месячный запас исходя из его списочного состава. Я сообщил, что прибыли 30 подвод, которые находятся у пристани возле складов, попросил Ананьина дать указание об отпуске излишков, чтобы можно было приступить к приемке и погрузке продовольствия на подводы. Выслушав меня и прочитав мои бумаги, Ананьин заявил, что он не может выполнить распоряжение Исполкома Совета без письменного приказа коменданта Кронштадта Артамонова, поскольку он, Ананьин, подчинен коменданту крепости, а не Исполкому Совета. Этим неожиданным заявлением он поставил меня в тупик. Я даже немного растерялся и не знал, что мне делать с этим, как позже подтвердилось, белогвардейским последышем. Обо-

строить отношения при первом же знакомстве мне не хотелось. Тем более формально он был прав. Я пытался убедить его, что задерживать людей с подводами из-за формальных соображений нельзя. В это время в штаб форта вошел небольшого роста человек в офицерской форме. Ананьин представил мне вошедшего — Дмитрий Дмитриевич Барсуков и сказал, что это мой помощник по хозяйственной части. Я быстро сориентировался. Говорю Ананьину, что вот как раз Д. Д. Барсуков и является непосредственно ответственным за все дела, связанные с продовольствием. Поэтому пусть он и решает, что и как нужно оформлять. Действительно я попал в цель. Барсуков, сразу поняв, в чем дело, поддержал меня. Сказал, что он уже в курсе этого вопроса и что договорится обо всем по телефону со штабом крепости. Ананьину пришлось согласиться с его предложением.

Вскоре выяснилось, что Барсуков, хотя и имел чин штабс-капитана, уже тогда был значительно демократичнее, чем все остальные офицеры форта. Вскоре он твердо встал на сторону Советской власти и потом много лет служил в Красной Армии. Дослужился до звания полковника, вступил в члены ВКП(б).

Барсуков оказал нам огромнейшую помощь не только в вывозке продовольствия с форта, но и во всей нашей дальнейшей работе по защите форта от белофиннов и особенно тогда, когда встал вопрос о подготовке форта к эвакуации и взрыву. На него как на помощника коменданта форта легла обязанность организованно вывезти водным путем все ценное имущество, оборудование, приборы и в последний момент вооруженных винтовками и пулеметами людей. С этой задачей он справился блестяще.

Тогда, как правило, все офицеры жили на территории форта в офицерском городке. А семьи многих офицеров, в том числе и семья коменданта Ананьина, жили на зимних финских дачах, находившихся недалеко от форта, на берегу Финского залива между фортом и городом Териоки. Все офицеры и их семьи полностью снабжались продовольствием со складов форта и жили себе припеваючи, не зная ни о чем никаких забот. Большинство офицеров абсолютно ничем не занималось, придерживалось выжидательной позиции. Барсуков же с женой и двумя детьми всегда жил в Кронштадте. Мы с ним сравнительно часто ездили в штаб крепости по делам форта и в пути много беседовали о людях и о делах форта. В основном он и познакомил меня с положением дел на форте и с офицерским составом в частности.

Видно было, что большинство кадровых офицеров было настроено контрреволюционно. Необходимо было принять срочные меры для того, чтобы освободить форт от враждебно настроенных офицеров. Без труда это поняли большевики военного отдела Кронштадтского Совета. Но левый эсер Горельников, стоявший во главе этого отдела, принципиально не соглашался с моим предложением. Поняв, что с Горельниковым мне не договориться, я обратился к его заместителю солдату-большевику

И. Ф. Жеребцову, который очень быстро утвердил подготовленный список о переводе у председателя Исполкома Брегмана.

Итак, задача по освобождению форта от враждебно настроенных офицеров была решена довольно быстро и успешно, однако я тогда не поставил вопроса о замене коменданта форта Ананьина, который всем своим поведением не внушал доверия. Как оказалось в дальнейшем, Ананьин изменил родине, перешел к белофиннам, к генералу Маннергейму. Позднее стало известно, что Ананьин еще до перехода замыслил при первом же удобном случае передать форт белофиннам. Об этом скажу ниже.

Разрешив вопрос по вывозу излишков продовольствия на склады Кронштадта и выдворив с форта всех ненадежных офицеров с их семьями, мы сразу же переключились на подготовку форта к его обороне и к организации защиты подступов к Кронштадту — Петрограду. Однако эта работа осложнилась несколькими обстоятельствами. Контрреволюционная финская буржуазия начала поход против социалистического правительства Финляндии, которое было свергнуто к концу апреля 1918 г. при помощи немецких войск, оккупировавших к этому времени Финляндию. По условиям Брестского мирного договора мы обязаны были сдать форт Финляндии, не демонтируя его укреплений. И наконец, началось разложение гарнизона. Левый эсер Соколов нацеливал солдат гарнизона на то, чтобы они после подписания Брестского мира начали разъезжаться по домам. И когда солдаты почувствовали, что начинают восстанавливаться воинская дисциплина и военные порядки на форте, они с недоумением спрашивали меня, зачем нужна сейчас армия, ведь с Германией подписан мирный договор, войны больше не будет.

Такое демобилизационное настроение у солдат необходимо было во что бы то ни стало изжить. Поэтому, посоветовавшись с Трифиновым, мы обратились за помощью к кронштадтским товарищам Кондакову и Брегману. Они тут же созвонились с Сестрорецким оружейным заводом и попросили партийцев помочь нам своими людьми. Действительно, через несколько дней на форт Ино прибыла группа красногвардейцев Сестрорецкого завода. Прибыло человек 15, большинство члены партии. Эта была для нас настоящая, реальная помощь, в особенности в вопросах политического характера. Вскоре на форт приехали и два руководителя сестрорецких большевиков — С. П. Восков и Ф. П. Грядинский. Воскова хорошо знали солдаты, так как он несколько раз бывал на форте, выступал там и пользовался неизменным доверием и любовью гарнизона.

Выступая на митинге, посвященном задачам текущего момента, Восков говорил о необходимости создания надежной защиты всех подступов к Кронштадту — Петрограду. Кроме того, он говорил о необходимости быстрее создать мощную регулярную Красную Армию, способную везде и всюду успешно отстаивать завоевания рабочего класса и крестьянства.

В ответ на призыв о создании регулярной Красной Армии красногвардейцы и все солдаты-артиллеристы форта ответили, что они давно

уже считают себя воинами революционной Красной Армии. При этом они просили передать сестрорецким рабочим, что форт Ино находится сейчас в надежных руках.

После этого хорошо организованного митинга, прошедшего с большим подъемом, мы начали твёрдо и уверенно внедрять в жизнь гарнизона повседневную военно-революционную дисциплину и порядок. Через какие-нибудь две недели гарнизон форта стал вполне революционным боевым отрядом, надёжно охранявшим подступы со стороны моря к сердцу пролетарской революции — Петрограду. Именно с приходом на форт группы сестрорецких большевиков нам удалось довольно быстро все наладить, подтянуть, и дела у нас выглядели вполне благополучно во всех отношениях.

Но так было до 24 апреля 1918 г. В Финляндию при попустительстве генерала Маннергейма вступили немецкие оккупационные войска под командованием генерала фон дер Гольца¹. Революционное рабочее правительство Финляндии было свергнуто². Над фортом Ино очень скоро нависла серьёзная угроза со стороны контрреволюционных сил Финляндии.

Форт Ино имел очень сильный фронт в сторону моря и чрезвычайно слабую сухопутную линию обороны, состоявшую из одного ряда проволочного ограждения и одного ряда слабых опорных боевых точек, причем расположенных совсем недалеко от батарей форта. Кроме того, было еще уязвимое место со стороны суши у восточной окраины форта, около небольшой гавани с морской пристанью, построенной без защитных опорных боевых точек. Но главное — это нехватка людей для укрепления сухопутной линии обороны. Если сравнительно хорошо были укомплектованы артиллеристами все батареи и вся техническая служба форта, то сухопутная линия обороны была совершенно не обеспечена.

24 апреля 1918 г. финские белогвардейские отряды заняли городок Терйоки, подошли близко к форту и расположились на железнодорожной станции Ино, на расстоянии одного километра от форта. Явившиеся парламентарии предъявили нам ультиматум о сдаче форта со всеми его сооружениями, со складами продовольствия и боеприпасами и предложили явиться на железнодорожную станцию для переговоров с командованием белофиннов. Мы сказали парламентарам, что через час-полтора прибудем на станцию Ино для того, чтобы заявить командованию белофиннов о том, что о сдаче форта не может быть и речи. После этого мы немедленно позвонили в партийные и советские органы Кронштадта, чтобы доложить им о создавшемся положении у нас на форте и получить указания,

¹ Немецкие войска начали оккупировать Финляндию в начале апреля 1918 г. Балтийская дивизия (12 тысяч человек) под командой генерала фон дер Гольца 11 апреля вступила в Гельсингфорс, который был взят 13 апреля 1918 г. после двухдневных отчаянных уличных боев с красногвардейцами.

² Революционное рабочее правительство Финляндии было вынуждено эвакуироваться в Петроград 29 апреля 1918 г., когда белофиннами был взят Выборг.

как поступать нам в дальнейшем. При этом я настойчиво просил заместителя начальника военного отдела Кронштадтского Совета Жеребцова срочно прислать на форт 300—350 солдат во главе с командиром и комиссаром, которые смогли бы обеспечить охрану форта со стороны суши. Необходимые указания от военного отдела Совета нами были получены по телеграфу.

В 19 час. 30 мин. мы в составе четырех человек поехали на автомобиле на станцию Ино для выяснения у командования белофиннов их требований и для того, чтобы установить, кто именно возглавляет их войска, подошедшие к форту. Прибыв на станцию Ино, мы заявили белофиннам, что приехали не для переговоров, а только лишь с информационной целью. В состав нашей делегации входили я, комендант, бывший прапорщик Маневич, писарь штаба форта Максименко и в качестве переводчика вольнонаемный артиллерийский мастер по установкам башенных орудий финн Рахнасто. (Рахнасто долгое время жил со своей семьей в Кронштадте и работал на фортах крепости по установке новых орудий. Он был предан Советской власти.)

Мы, военные, были одеты в хорошую военную форму и выглядели на переговорах довольно солидно. Выделялся Рахнасто. Одетый в гражданскую одежду, он имел профессорский вид, походил на дипломата. Во время переговоров с белофиннами Рахнасто действительно проявил себя как настоящий дипломат.

Белофинны довольно самоуверенно положили нам на стол письменный ультиматум о сдаче им форта в полной сохранности и ни о чем больше говорить не хотели. Но Рахнасто очень спокойно и вразумительно объяснил им, что мы приехали сюда только затем, чтобы получить их письменные требования для передачи их нашему высшему командованию. Оно же прибудет в назначенный срок для официальных переговоров по всем интересующим их вопросам. Мы—представители форта, заявил Рахнасто, и таких полномочий мы не имеем. При этом он заявил, что форт приведен в полную боевую готовность (чего фактически еще не было по линии сухопутной обороны) и что мы имеем приказ от нашего высшего командования в случае попытки занять форт силой пустить в действие все орудия форта. Наши сообщения об обороне форта, о договоре подействовали на белофиннов отрезвляюще. Мы законно отстаивали интересы нашей молодой Советской республики.

Белофинны согласились с предложением продолжить переговоры с нашим высшим командованием, поставив, однако, очень короткий срок (менее суток) для встречи с его официальными представителями.

На этом и закончились наши первые переговоры. Мы добились определенного успеха, так как выиграли время, необходимое для организации сухопутной обороны и переключения вопроса о форте Ино на дипломатические рельсы.

Получив в письменном виде предъявленный нам ультиматум, мы тут же переслали его в Кронштадтский Совет Р и СД для срочного приня-

тия им соответствующих мер. Мы получили почти целые сутки для подготовки к защите и укрепления всех позиций форта. У военного отдела Кронштадтского Совета благодаря этому оказалось достаточно времени, чтобы организовать нам реальную помощь.

В предъявленном ультиматуме было сказано следующее: «Все договоры, заключенные с бывшим правительством, считаются недействительными. Форт сдается русскими на основании того же договора с полным вооружением, складами, материалами и продуктами. Ответ о сдаче форта должен быть дан до 12 часов ночи по-фински. В 8 часов утра все живущие на форте должны построиться у ворот без оружия... Обязательным условием ставится, что на форте остается все неприкосновенным, как оно есть сию минуту...»¹ 25 апреля в 00 час. 30 мин. от военного отдела Кронштадтского Совета в ответ на этот наглый ультиматум пришла следующая телеграмма: «Коменданту и комиссару форта Ино. Ответьте парламентарам: не имея полномочий вести переговоры, прошу прибыть на форт сегодня, 25 апреля, к 12 часам дня, к каковому времени придут наши парламентары, уполномоченные вести переговоры от имени высшего командования Петроградского округа. В случае попытки занять форт силой, будет оказано сопротивление»². В этой же телеграмме секретно нам сообщалось о посылке на форт латышских стрелков.

Получив такую телеграмму от военного отдела, мы вызвали представителей белофиннов к воротам форта и передали им наш предварительный ответ на ультиматум. Белофинны согласились с предложением военного отдела Кронштадтского Совета вести переговоры с высшим командованием Петроградского военного округа 25 апреля в двенадцать часов дня. Но при этом они предупредили нас, что гарантируют со своей стороны спокойствие до двенадцати часов дня. За действия германского штаба ручаться не могут. И потребовали после двенадцати часов ночи за форт не выходить и никаких работ не производить. Согласие белофиннов вести официальные переговоры еще больше нас ободрило и, что самое главное, дало нам возможность значительно лучше подготовиться к защите форта теми людьми, которые у нас имелись в наличии.

Казалось, все идет хорошо, особенно если учесть ту тревожную обстановку, которая сложилась так внезапно.

Мы с помкомиссара форта Трифоновым в ту особо тревожную ночь распределили наши обязанности следующим образом: Трифонов как артиллерист должен был неотступно следить за готовностью солдат-артиллеристов на всех батареях и за жиденькими постами на линии сухопутной обороны. Я же должен был поддерживать непрерывную связь с советскими и партийными властями Кронштадта и с комиссаром форта Красная Горка матросом-большевиком А. И. Грибовым. Этот форт, расположенный на противоположном берегу Финского залива на расстоянии

¹ «Известия Кронштадтского Совета Р и СД», 26 апреля 1918 г.

² Там же.

18 километров, свободно мог обстрелять из дальнобойных орудий белофинские отряды, подошедшие к форту Ино. Кроме того, моей непосредственной задачей являлось наблюдение за главным постом, расположенным у ворот форта.

Вместе со мной в штабе форта все время находились комендант Ананьин и писарь штаба Максименко. С полуночи Максименко был отпущен отдохнуть. Когда начало рассветать, я решил съездить на велосипеде, чтобы еще раз проверить посты у ворот форта и выяснить, нет ли какого движения со стороны белофиннов. Одновременно я решил заглянуть и на пристань, где еще с вечера стоял в гавани порта буксирный пароход с баржей, готовый к вывозке имущества и материалов форта.

Выезжая из штаба, я предложил Ананьину поставить около кровати телефон и прилечь на часок отдохнуть. Он охотно согласился с моим предложением, заявив, что спать не будет, но с удовольствием отдохнет. Но когда через 40—50 минут я возвратился в штаб, Ананьина на месте не оказалось. Телефон стоял у него на письменном столе, видно было, что его не двигали с места. Меня сразу охватила какая-то тревога. Я почувствовал, произошло что-то неладное. Я увидел, что его письменный стол открыт. В столе лежал оставленный им мешочек с серебряными монетами весом около килограмма. Это показалось мне очень странным и подозрительным. Я понял, как и предполагал еще раньше, что Ананьин изменил родине и перешел на сторону белофиннов.

Схватив трубку телефона, я позвонил на телефонную станцию, чтобы выяснить, звонил ли кто-либо по этому номеру за время моего отсутствия. Телефонист ответил, что никто никуда не звонил и никто никого не вызывал по этому телефону. Это меня несколько успокоило. Я решил, что это не был заговор внутри форта, а лишь единоличное предательство бывшего царского офицера Ананьина. Ему просто не на кого было опереться благодаря предпринятым нами еще в марте мерам по выводу с форта контрреволюционных офицеров.

Долго не размышляя, я вскочил на велосипед и помчался в казармы, чтобы найти помкомиссара Трифонова. Надо было быстро решить, кого назначить комендантом форта и что предпринять в результате измены Ананьина.

Трифонов вместе с командиром 12-дюймовых орудий бывшим прапорщиком Кучевским, уже не один раз проверив готовность к стрельбе всех батарей, решили почти на рассвете поужинать. Кучевский пригласил Трифонова к себе. Когда я без всяких предупреждений влетел к ним в домик, они сразу поняли, что случилось что-то особенное.

Трифонов, видя мое волнение, подумал, что белофинны предъявили нам какой-либо новый ультиматум.

Известие, что Ананьин перешел на сторону белофиннов, оказалось для них неожиданным.

Кучевский, всегда спокойный и уравновешенный, взволновался. Кучевского я узнал еще раньше, когда мы в марте обсуждали и решали

вопрос об офицерах форта. Он не был кадровым офицером. Его мобилизовали в первую империалистическую войну. В то время он был студентом Петроградского института путей сообщения. Окончив школу прапорщиков, получил звание прапорщика. Кадровые офицеры, посмеиваясь над прапорщиками, говорили: «Курица не птица, а прапорщик не офицер». Учитывая, что Кучевский не кадровый офицер и что он всегда был близок к солдатам, я решил тут же своей властью назначить его комендантом форта вместо сбежавшего к белофиннам Ананьина. При этом предложил ему и Трифонову пока ничего не говорить не только солдатам, но и офицерам вплоть до прибытия на форт делегации из Кронштадта. Оба с этим согласились, хотя Кучевский вначале пытался отказываться от должности коменданта форта, ссылаясь на то, что он плохой администратор.

На этом наш короткий разговор был закончен, и мы втроем быстро пошли в штаб форта.

О наших ночных происшествиях я доложил в военный отдел Совета Жеребцову и Кондакову. Их возмутило подлое предательство Ананьина. Меня же обрадовала весть, что к нам на форт рано утром 25 апреля отправился из Петергофа 6-й Латышский стрелковый полк. И действительно, около одиннадцати часов утра прибыл полк в количестве 450 преданных Советской власти солдат и офицеров. Кроме того, Жеребцов и Кондаков передали, что для переговоров с белофиннами на форт выезжает комиссия в составе Артамонова — начальника оперативного отдела штаба крепости, бывшего царского офицера Арканникова — представителя от Петроградского военного округа, бывшего царского генерала Федотова и от Петрокоммуны комиссара Петроградского военного округа большевика Лашевича.

Когда прибыли латышские стрелки, вооруженные пулеметами и винтовками, и когда нам сообщили, что комиссия для переговоров с белофиннами уже выехала, мы с Трифоновым вздохнули по-настоящему свободно. С прибытием латышских стрелков форт стал неприступным не только со стороны моря, но и со стороны суши, откуда угрожали белофинны. Ультиматум белофиннов потерял для нас то опасное значение, какое он имел вначале. Мы считали, что свою первоначальную задачу выполнили успешно.

Разведка белофиннов донесла своему командованию, что на форт прибывают войска. В двенадцать часов дня представители наши для переговоров еще не явились. Обеспокоенное командование белофинского отряда опять направило к нам своих парламентариев для выяснения положения. Мы вместе с новым комендантом форта Кучевским пошли к воротам, где нас ожидали парламентарии. Мы сообщили им, что войска прибыли для замены тех солдат, которые должны отправиться сегодня в Кронштадт для посещения бани и отдыха. Что касается представителей для ведения переговоров, то они только что прибыли, приводят себя в порядок и скоро выедут на станцию Ино.

Действительно, представители, прибывшие на форт на комендантской яхте «Зарница» вскоре после латышских стрелков, ровно через полчаса уже были на станции Ино и приступили к переговорам с командованием белофинского отряда. Сопровождал их в качестве переводчика наш Рахнасто. Делегация выглядела весьма солидно. Особенно бывший генерал Федотов. В своей генеральской форме, хотя и без погон, он имел вид по меньшей мере главнокомандующего целой армии.

Как рассказал нам Рахнасто, на повторных переговорах все получилось очень внушительно и основательно. Вторично убеждать белофиннов в необходимости разрешить вопрос о форте Ино мирным путем, путем переговоров уже не пришлось. Обстановка резко изменилась в нашу пользу. Когда мы, говорил Рахнасто, подъехали на автомобиле к станции Ино и вошли в зал, где нас ожидала делегация белофиннов, сразу стало заметно, насколько у нее поубавилось спеси и кичливости, как изменился и весь тон разговоров.

Эти переговоры закончились значительно быстрее, чем проводимые накануне. Объяснялось это тем, что за спиной нашей делегации стояла в полной готовности вся мощь форта, готового к боевым действиям и со стороны моря, и с суши. Кроме того, напротив форта в Финском заливе 25 апреля остановились крейсер «Олег» и миноносец. Естественно, что после этого разговор с белофиннами был уже другим. Наша официальная делегация заявила белофиннам, что никакой речи о сдаче форта Ино быть не может. Было сказано также, что Советским правительством вопрос о форте Ино поставлен в дипломатическом порядке перед германским правительством, подписавшим Брестский мирный договор. На него, кстати, сделана ссылка и в ультиматуме белофиннов. В заключение было подтверждено, что форт и впредь будет соблюдать строгий нейтралитет, если не будет сделана попытка захватить его насильственным путем.

По вопросу нейтралитета комендантом кронштадтской крепости Артамоновым 25 апреля был издан специальный приказ по форту Ино. В приказе говорилось: «После обсуждения с представителями командования финской белой гвардии положения, создавшегося в связи с подходом отрядов белой гвардии к форту Ино, я, совместно с комиссаром форта Церешко, начальником оперативного отдела штаба крепости Арканниковым, в присутствии комиссара при военном руководителе Петроградского округа Лашевича пришли к соглашению, на основании которого гарнизон форта обязан: 1) не выходить за пределы форта, ограниченные проволочной оградой; 2) не допускать проникновения в район проволочной ограды никого извне, исключая парламентаров, прибывающих с белым флагом, у коих спрашивать мандаты и направлять с провожатыми ко мне или комиссару форта...»¹

¹ «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне». М., 1932, стр. 114—115.

Как известно, после переговоров с белофиннами вопрос о форте Ино решался в дипломатическом порядке с германским правительством с 25 апреля по 14 мая 1918 г. включительно. Но вскоре после закончившихся наших местных переговоров с белофиннами по указанию нашего высшего военного командования мы начали подготовку к минированию и к взрыву всего того, что нельзя было за короткое время демонтировать и отправить в Кронштадт.

Ультиматум белофиннов решили использовать в своих корыстных целях контрреволюционные элементы. Но Кондаков и Жеребцов правильно оценили обстановку. Уже на следующий день после переговоров в газете «Известия Кронштадтского Совета» было помещено такое сообщение: «Сегодня ночью в Кронштадт прибыли комиссары Петроградской коммуны для выяснения положения на месте, так как в связи с предъявленным ультиматумом форту Ино циркулируют самые фантастические сведения, создающие панику»¹.

Из этого сообщения явствует, что действительно распространение самых клеветнических слухов могло дезориентировать население, и прежде всего рабочий класс, и создать паническое настроение в Петрограде. Даже до правительственных органов Москвы дошли эти фантастические слухи белогвардейщины. В результате в Кронштадт в военный отдел и в адрес коменданта крепости посыпались самые противоречивые распоряжения как по линии сухопутного, так и по линии морского командования, хотя крепость не была подчинена тогда морскому командованию. Прежде всего в Кронштадте и Петрограде была получена явно авантюрная телеграмма Троцкого, требовавшего «немедленно взорвать форт»².

Форт же в тот момент еще никак не был минирован. Да и сама схема минирования еще не была разработана. Это же было сложное крепостное береговое сооружение, а не корабль на воде, с которым, если на нем нет команды, можно быстро разделаться, потопив его.

Эта телеграмма Троцкого только усугубляла и обостряла обстановку в Кронштадте и на форте Ино. Белогвардейщина тоже действовала по всем линиям. Пыталась использовать в своих целях сложившуюся из-за форта Ино сложную ситуацию, которая в некоторой степени могла привести к срыву Брестского мирного договора.

Начальник морских сил Балтфлота капитан 1-го ранга Щастный 26 апреля тоже направил из Петрограда в Кронштадт начальнику бригады линейных кораблей Зарубаеву явно провокационную юзограмму следующего содержания: «Получил приказание: гарнизону Ино взорвать укрепления. Помочь ему с корабля «Республика». Принять на борт гарнизон Ино, если возможно. Морского боя не принимать и вернуться в Кронштадт»³.

¹ «Известия Кронштадтского Совета Р и СД», 25 апреля 1918 г.

² См. «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне», стр. 115.

³ Там же.

«Принять на борт гарнизон Ино, если возможно»... А если невозможно, то, стало быть, можно взрывать форт вместе с гарнизоном? Только самые отъявленные белогвардейцы, находясь тогда на государственной службе, могли давать такие приказы.

Щастный действительно оказался ярым контрреволюционером. Он был 22 мая 1918 г. арестован и 22 июня 1918 г. Верховным трибуналом осужден за преступления по должности и контрреволюционные действия к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в течение 24 часов¹.

Когда в Кронштадте была получена секретная телеграмма Троцкого и секретная юзограмма Щастного о немедленном взрыве Ино, представитель военного отдела Кронштадтского Совета большевик Жеребцов созвал срочное расширенное заседание военного отдела совместно с представителями Военно-морского комитета порта, чтобы обсудить окончательные распоряжения, которые должны быть даны командованию форта. Все морские военспецы вместе со старшим флагманом в Кронштадте Зарубаевым настаивали на немедленном взрыве форта Ино, мотивируя тем, что если момент взрыва будет упущен, то форт попадет в руки противника неповрежденным.

Явно провокационные предложения морских военспецов вызвали у нас особую осторожность в решении этого вопроса. После расширенного заседания Жеребцов по прямому проводу разговаривал с членом Петроградского военного Совета Шварцем (Семен), который передал ему следующее: «Военный руководитель Высшего военного совета республики Бонч-Бруевич передал мне, что приказание о взрыве форта было вызвано неясностью обстановки. Мы, Военный совет Петроградского района, вновь подтверждаем вам принять все меры, необходимые для обороны форта, и, лишь тогда, когда выяснится, что удержать форт за нами мы не в силах, тогда можно исполнить приказание о взрыве»². В дальнейшем мы в своих действиях руководствовались этими правильными указаниями Бонч-Бруевича и члена Петроградского военного Совета Шварца.

Советское правительство, не рассчитывая в то время на положительный успех переговоров с германским правительством, дало указание подготовить форт к эвакуации и к взрыву его укреплений.

На основании полученного указания комендант Кронштадтской крепости Артамонов в первых числах мая приказал командиру минного батальона крепости А. Н. Никитину срочно разработать совместно с начальником минной станции форта инженер-прапорщиком И. Н. Вознесенским схему минирования форта. Такая схема была быстро ими разработана. Были подготовлены расчеты полного разрушения всех батарей со ство-

¹ См. «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне», стр. 122—124.

² Там же, стр. 115.

лами орудий, снарядных погребов со всеми снарядами, электростанции с динамо-машинами и других технических сооружений.

После взрыва форта, по данным нашей разведки, было установлено, что не могло быть и речи о восстановлении форта на месте тех разрушений, которые остались там в результате произведенного взрыва. В этом надо отдать должное командиру минного батальона Никитину и особенно инженеру Вознесенскому и солдатам-минерам, которые практически очень тщательно и добросовестно выполнили задание по минированию форта.

Когда форт был полностью подготовлен к взрыву, большинство старых военспецов (офицеров-артиллеристов) предложили взрывать Ино по телеграфно-телефонному кабелю с форта Красная Горка. С этим предложением согласился и Артамонов. Форт Ино был связан с фортом Красная Горка специальным телеграфно-телефонным кабелем, который был проложен по дну Финского залива. Вот этот кабель и было решено использовать для взрыва Ино при помощи электрического тока напряжением в 500 вольт.

У читателей может возникнуть вопрос: почему было решено взрывать форт Ино с форта Красная Горка, а не со своей минной станции? Ведь расстояние между этими фортами по Финскому заливу 18 километров. Могли же возникнуть всякого рода непредвиденные обстоятельства, поскольку к этому особому делу подключалось сравнительно много людей. Объясняется это тем, что большинство военспецов, в том числе и Артамонов, считали, что в момент взрыва не только сам форт будет разрушен и превращен в груды развалин, но что огромная сила взрыва сметет в Финский залив всю гору, на которой находился этот форт. Поэтому и нам казалось, что нет другого выхода, кроме как взрывать форт Ино по подводному кабелю с форта Красная Горка.

Взрывать форт Ино было намечено в ночь с 13 на 14 мая. Однако диверсанты за несколько часов до намеченного срока взрыва перерезали кабель в двух местах и кусок этого кабеля около 15 саженей спрятали в лесу около форта Красная Горка¹. Диверсия вскоре была обнаружена, кусок кабеля найден солдатами-саперами, и кабель был быстро восстановлен. Но взрыв форта был перенесен на целые сутки, то есть форт взорван в ночь с 14 на 15 мая 1918 г.

Чтобы обезопасить себя от повторной диверсии, на берегу залива у Красной Горки была выставлена круглосуточная охрана. Матрос-большевик А. И. Грибов, комиссар форта Красная Горка, лично днем и ночью проверял караульную службу по охране кабеля.

Кронштадтский комитет партии всегда помогал нам в работе, но вместе с тем требовал и от нас самого серьезного отношения к порученному делу. Факт контрреволюционной диверсии на форте Красная Горка заставил меня, Трифонова и инженера Вознесенского еще раз подумать

¹ См. «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне», стр. 117.

над взрывом форта Ино. Мы пришли к решению оставить на минной станции Ино группу из четырех человек, которые в случае какой-либо повторной диверсии произведут взрыв форта с минной станции. Это предложение фактически было сделано и технически было разработано Вознесенским. Обсудив все варианты предосторожностей, было решено, что после ухода с форта всех людей для выполнения этой операции остаются на минной станции Вознесенский, Трифонов и два минера, фамилии которых, к сожалению, не помню.

Но взрыв форта был все же произведен по кабелю с форта Красная Горка. Наши товарищи, оставшиеся на минной станции Ино, благополучно сели в лодку и подошли к комендантской яхте «Зарница», на которой находились все мы: командование фортом и командование 6-го Латышского стрелкового полка, выполнявшего вместе с нами это ответственное правительственное задание.

Вот на этом закончилась история с фортом Ино. В заключение хочется сказать, что только благодаря мудрому предвидению В. И. Лениным хода событий кронштадтским, сестрорецким и петроградским большевикам удалось противостоять ультиматуму белофиннов и не допустить, чтобы из-за этого форта оборвался тот «волосок», о котором говорил Владимир Ильич в своем «Докладе о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 года».

К О Л П И Н С К И Й Р А Й О Н

**П. И. Зубков. Рабочий комитет Ижорского завода
в феврале — октябре 1917 г.**

На Ижорский завод Морского ведомства города Колпина я поступил в мае 1914 г., до того работал по найму на разных заводах Петербурга.

Будучи еще молодым, я хорошо помню февральскую забастовку 1917 г. Начали ее рабочие сталелитейных цехов, требуя повышения заработной платы, все остальные рабочие в знак солидарности также прекратили работу.

Начальник завода генерал Воскресенский приказал вывесить на заводских воротах объявление, в котором говорилось, что все бастовавшие уволены с завода, а все военнообязанные должны немедленно явиться к воинскому начальнику в Царское Село для отправки на фронт. По всему заводу в цехах шли летучие митинги, не раз на них пришлось выступать и мне.

В это время ширилось забастовочное движение в Петрограде, и мы все чаще из Колпина целыми группами уезжали в Петроград и участвовали в демонстрациях.

Наиболее ясно запечатлелись в памяти события воскресенья — 26 февраля, когда я приехал в Петроград вместе с Павлом Зуевым, тоже рабочим Ижорского завода.

Помню, как только мы вышли на привокзальную площадь, перед нами открылась следующая картина: на Лиговке и около вокзала сплошной массой демонстранты, кругом, пересекая Лиговку, Невский проспект, старый Невский проспект, около Северной гостиницы стояли плечом к плечу вооруженные военные и никого не пропускали.

По всей Знаменской площади гарцевала конная полиция.

Примерно в четвертом часу дня к памятнику Александру III («Пугалу») подошла рота военных и развернулась в боевом порядке.

Заиграл рожок боевой тревоги...

По команде офицера солдаты начали стрельбу по Невскому, в сторону Адмиралтейства, затем по Лиговке. Народ инстинктивно повалился на землю. Вместе с Павлом Зуевым я находился на левой стороне Лиговки. Стрельба не только не устрасила демонстрантов, а как-то побудила к действию. Люди стали более решительными. Через боковые улицы мы с Павлом пробрались на Невский проспект и пошли в сторону Садовой. Когда подходили к Аничкову мосту, слышалась революционная песня, и мы невольно ускорили шаг навстречу. Но только мы вошли на мост, как началась стрельба по колонне демонстрантов. Когда наконец стрельба прекратилась, часть демонстрантов, в их числе и я с Павлом, пошли вдоль Фонтанки в сторону Вознесенского проспекта.

Начинало смеркаться, пора было возвратиться домой. Через цепи солдат мы пробрались к Николаевскому вокзалу.

В понедельник, когда мы уже группой приехали в Петроград, увидели настоящий бурлящий котел. Вооруженные рабочие вместе с солдатами и без них на грузовых машинах разъезжали по городу.

В первых числах марта 1917 г. на Ижорском заводе были произведены выборы в Рабочий заводской комитет, в который меня избрали от бронеотделочной № 2. Выборы проходили по цехам.

С первых же шагов своей деятельности Рабочему комитету завода пришлось заниматься вопросами продовольствия, жилья, охраны порядка на заводе и в городе и многими другими, касающимися не только рабочих завода, но и населения Колпина.

Таким образом, в первые дни после Февральской революции Рабочий комитет завода, руководимый районным комитетом РСДРП(б), фактически оказался единственной в городе организацией, которая занималась всеми вопросами жизни завода и города.

Перед пуском завода (это было 9 или 10 марта) Рабочий комитет, руководствуясь решением общезаводского собрания, исключил отдельных начальников цехов и мастеров из списков заводской администрации и предложил охране завода ни под каким видом не пускать их на завод, что и было осуществлено. Оставшиеся начальники цехов и мастера принимали свои участки в присутствии членов Рабочего комитета с составлением актов о состоянии цехов. Мне пришлось передавать силовую станцию инженеру-электрику Трембицкому от бывшего заместителя начальника силового цеха капитана первого ранга Корзуна.

Одним из главных вопросов, который решал Рабочий комитет завода, был вопрос о заработной плате.

Из членов Рабочего комитета была создана тарифно-нормировочная комиссия, председателем которой избрали меня. Мы работали под руководством Колпинского райкома РСДРП(б).

На заводе существовала почасовая оплата труда. Исходя из условий работы, мы решили повысить заработную плату низкооплачиваемой категории рабочих и ненамного тем, у кого заработки были сравнительно высоки. Мы ходили по цехам и оценивали работу каждого, кому сколько

можно прибавить. В итоге работа нашей комиссии была одобрена заводским Рабочим комитетом и общезаводским собранием, а администрация завода во главе с новым начальником Гусаковским вынуждена была подчиниться.

Интересно вспомнить, как наша партийная организация выходила из подполья. Было это в первых числах марта на одном из общезаводских собраний в бронеотделочной № 2.

Сейчас я не помню, кто из товарищей называл фамилии, и на броневую платформу один за другим выходили и представлялись народу члены подпольной организации колпинских большевиков. Было их человек 25—30. Тогда же, в марте 1917 г., я вступил в члены большевистской партии.

Примерно в мае 1917 г. была проведена районная партийная конференция Колпинской организации РСДРП(б), на которой меня избрали членом Колпинского райкома и поручили проводить работу по распространению партийной литературы и изысканию средств на ее приобретение.

Одним из таких источников стали сборы от спектаклей.

Одной из интереснейших форм деятельности Рабочего комитета были проводившиеся по инициативе нашего райкома еженедельные собрания рабочих в воскресные дни.

В начале лета Рабочий комитет отчитывался о проделанной работе и что выполнено по решениям общезаводских собраний. На собрания рабочие приходили охотно и приводили с собой не только взрослых членов семей, но нередко и детей. Этот обычай коллективного решения всех заводских и личных вопросов настолько укоренился среди рабочих, что Рабочий комитет завода в ненастные осенние дни переносил собрания в закрытое помещение — заводскую столовую.

Отчетная часть собрания с прениями обычно длилась часа три, а затем начиналась дискуссия с выступлениями представителей политических партий. На собрания регулярно приезжали видные эсеровские деятели, представители анархистов. Меншевики бывали реже.

Дискуссии проводились исключительно по принципиальным политическим и текущим злободневным вопросам. Руководство собраниями всегда находилось в руках большевиков Рабочего комитета. По этой причине и мне довольно часто приходилось выступать и даже руководить этими собраниями.

Вспоминаю, как накануне Октябрьского вооруженного восстания в наш Центральный комитет заводов и портов Морского ведомства¹ по-

¹ В июле 1917 г. меня избрали в Центральный комитет заводов и портов Морского ведомства. Работа в этом комитете сводилась к защите интересов рабочих заводов и портов Морского ведомства перед Техническим советом Морского ведомства, который руководил экономикой заводов и портов на коммерческих началах и отчитывался перед Морским ведомством.

ступил секретный пакет от фракции РСДРП(б) Петроградского Совета Р и СД, адресованный на фракцию большевиков завода. В этом письме предлагалось одного из членов РСДРП(б) отправить в Смольный, установить у себя в комитете дежурство.

Прекратив текущую работу и посоветовавшись между собой, решили послать в Смольный тов. Кудрявцева, а дежурным на ночь назначили меня. Таким образом, в ночь рождения Советской власти мне пришлось быть на посту в ожидании распоряжений.

Нельзя не отметить активности рабочих Ижорского завода на призывы Рабочего комитета и райкома. На предложение заводского Рабочего комитета переоборудовать несколько бронемашин для отправки их на борьбу с контрреволюцией сразу после октябрьских дней рабочие ответили тем, что, не выходя с завода около двух суток, переоборудовали несколько бронемашин (5 или 7, точно не помню).

Во время восстания Керенского и Краснова в Колпино приехал тов. Дыбенко (он в то время был комиссаром Морского ведомства) и просил заводской комитет помочь бензином и винтовочными патронами.

Вопреки желанию администрации по решению Рабочего комитета патроны и бензин были выданы.

В заводской Рабочий комитет Ижорского завода и в Колпинский Совет Р и СД меня избирали неоднократно.

**МОСКОВО-ЗАСТАВСКИЙ
РАЙОН**

*В. Т. Крупский, Д. М. Овчаров*¹. **Большевистская организация Московской заставы в 1917 г.**

В годы империалистической войны в РСДРП(б) Московского района вели активную работу большевики А. А. Андреев, И. В. Васильев, М. П. Ефремов, А. В. Карпова, А. С. Качаровский, М. Кулешов, И. П. Павлуновский, Ф. М. Пашкевич, М. Н. Федоров, А. К. Цветков-Просвещенский, Р. Л. Эглит и др.

Опорной базой большевиков района была больничная касса фабрики «Скороход».

В своей деятельности Московский райком большевиков опирался на передовых рабочих, таких, как Яков Калинин, имя которого носит сейчас фабрика «Скороход», Анатолий Ульянов, Ефим Яковлев, Николай Малыгин, и других, активно участвовавших в революционной борьбе и вступивших позднее в партию большевиков.

После победы Февральской революции и выхода партии из подполья наша Московская районная парторганизация развертывала свою работу в очень сложных условиях.

На многих предприятиях — заводах «Сименс-Шуккерт», вагоностроительном Речкина², «Динамо», Артура Коппеля и других — рабочие находились под влиянием эсеров и меньшевиков. Большинство депутатов Петроградского Совета рабочих депутатов от Московской заставы были

¹ Воспоминания В. Т. Крупского дополнены материалами, собранными доцентом Д. М. Овчаровым, много лет работавшим над изучением истории Московско-Заставской партийной организации.

² Так называли рабочие этот завод. На самом деле некоторое время он принадлежал немецкой фирме «Ретшке».

Члены Московско-Заставского РК РСДРП(б):
1-й ряд (слева направо): С. В. Адашев, И. В. Васильев,
И. Е. Егоров, Я. А. Калинин;
2-й ряд: И. М. Коган, С. А. Лавронтьев, Н. Н. Малыгин,
Н. А. Милютин;
3-й ряд: Ф. М. Пашкевич, М. Н. Федоров, Я. М. Штейн,
Л. Г. Ханин

Актив Московско-Заставского РК РСДРП(б):
 1-й ряд (слева направо): Е. К. Васильева, О. Ю. Звиргздынь,
 М. М. Иосим, А. С. Качаровский (Славинский);
 2-й ряд: А. Н. Клевядо, И. И. Коняшин, Ю. М. Коцюбинский,
 В. Т. Крупский;
 3-й ряд: А. И. Маширов, А. Н. Поморский, Е. Я. Яковлев

эсеры и меньшевики. Исключение составляли фабрика «Скороход» и Невская фабрика механической обуви Петрова, ставшие опорой большевиков.

Большую и настойчивую работу вели мы в массах по разоблачению империалистического характера продолжавшейся войны и буржуазного Временного правительства, соглашательской политики эсеров-меньшевистских прихвостней буржуазии для того, чтобы отвоевать эти массы на сторону большевистской партии.

2 марта 1917 г. в помещении больничной кассы фабрики «Скороход» состоялось первое легальное заседание Московского райкома РСДРП(б). На нем присутствовали И. И. Егоров, член партии с 1908 г., рабочий вагоностроительного завода, который носит сейчас его имя; Н. А. Милютин, член партии с 1908 г., секретарь больничной кассы фабрики «Скороход»; И. В. Васильев, член партии с 1912 г., и др.¹

На этом заседании была образована временная Исполнительная комиссия, которой было поручено развернуть работу по воссозданию районной партийной организации.

18 марта 1917 г. состоялось общее собрание членов партии района, на котором был избран районный комитет партии, постоянная Исполнительная комиссия, а также создана агитационно-пропагандистская коллегия. На втором общем собрании большевиков района 28 марта мы обсуждали вопрос о создании партийных организаций на предприятиях.

Большевистская организация Московской заставы стала быстро расти: возвращались товарищи из тюрем и ссылки, ряд работников был направлен в район Петербургским комитетом нашей партии, стали вступать в партию передовые рабочие предприятий нашего района. В середине марта 1917 г. из ссылки прибыл Михаил Николаевич Федоров, член партии с 1905 г., работавший в течение ряда лет в больничной кассе фабрики «Скороход» и являвшийся одним из организаторов Московско-Заставского райкома партии. Вернулись из ссылки и тюрем старые члены партии Я. М. Штейн, С. А. Лаврентьев, Ф. М. Пашкевич, А. И. Маширов (Самобытник), член партии с 1908 г., работавший в подполье в Московском и 4-м Городском районах (талантливый пропагандист и журналист). Среди направленных ПК большевиков были И. М. Коган, член партии с 1910 г., рабочий, вернувшийся из ссылки, М. М. Посим, член партии с 1917 г., и др. С середины марта 1917 г. стал работать в районе член партии с 1901 г. Л. Г. Ханин. Здесь работал А. С. Качаровский, член партии с 1907 г., один из руководителей большевистской организации завода «Сименс-Шуккерт» и Красной гвардии района.

Среди вступивших в партию сразу же после Февральской революции были Я. А. Калинин, Н. Н. Малыгин, А. В. Ульянов, Е. Я. Яковлев, П. К. Шахов. Несколько позднее вступили в партию И. М. Сорокин, О. Ю. Звиргздынь, Г. Рийв, Ф. Шаманов, Я. И. Ильин и др.

¹ См. «Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника событий». Л., 1957, стр. 24.

Вскоре в районе стал работать сначала в трамвайном парке, а затем на фабрике «Скороход» вернувшийся из ссылки рабочий И. И. Коляшин, вступивший в партию в 1917 г., пламенный агитатор и самоотверженный борец за победу Октября.

Большевики Московской заставы развернули большую агитационную работу на предприятиях. В своих выступлениях перед рабочими и солдатами мы разоблачали эсеров и меньшевиков, поддерживавших антинародное буржуазное Временное правительство. Мы, большевики, решительно выступали против так называемого займа свободы, выпущенного Временным правительством для продолжения войны.

Уже в первые недели после выхода партии из подполья большевики района вели борьбу за введение явочным порядком 8-часового рабочего дня на предприятиях района, принимали активное участие в организации профсоюзов, фабрично-заводских комитетов (фабзавкомов), объединявших всех рабочих и служащих на предприятиях. Одним из первых был создан фабрично-заводской комитет на фабрике «Скороход», находившийся все время под большевистским руководством. Однако на ряде заводов завкомы возглавлялись эсерами и меньшевиками. Нам предстояла большая борьба за завоевание этих организаций. Исключительное внимание уделяли мы вооружению рабочих, созданию рабочей милиции, явившейся основой Красной гвардии. Так начинал свою работу Московско-Заставский райком большевиков в 1917 г. К вечеру 3 апреля 1917 г. у фабрики «Скороход» собралось около тысячи рабочих. Был проведен митинг, посвященный приезду и встрече В. И. Ленина. После митинга все мы с красными знаменами и плакатами направились к Финляндскому вокзалу. По дороге к нам присоединились и другие рабочие многих предприятий района.

Вскоре после приезда Владимира Ильича началось обсуждение в районах знаменитых Апрельских тезисов Ленина. В Московско-Заставском районе 13 апреля в помещении районной биржи труда состоялась конференция большевиков заставы, на которой присутствовало 75 человек. Главным вопросом были тезисы Ленина и задачи дня. С докладом по этому вопросу выступил Н. И. Подвойский. Тезисы активно обсуждались и единодушно были поддержаны большевиками района. На этой же конференции рассматривались и другие вопросы: отношение к Совету рабочих и солдатских депутатов и его реорганизации, принципы строительства партии; отношение к другим течениям в социал-демократической партии; муниципальные выборы; Красная гвардия и др. Был избран районный комитет партии из 15 человек и представители в Петербургский комитет партии. Были также выделены комиссии по различным вопросам партийной работы.

К сожалению, точно в памяти не сохранилось, не сохранились и документы, по которым можно было бы точно установить состав членов райкома. Но по свидетельству участников событий 1917 г., в числе членов Московско-Заставского районного комитета РСДРП(б) в 1917 г. в разное

время последовательно были М. Н. Федоров (председатель райкома), Н. А. Милютин, Я. М. Штейн, И. Е. Егоров, Ф. М. Пашкевич, И. В. Васильев, Я. А. Калинин, Г. Ф. Коломин, Н. Н. Малыгин, С. А. Лаврентьев, Тойво (А. И. Пепин), Е. П. Авдеев, С. В. Адашев, И. М. Коган, Л. Г. Ханин.

Кроме упомянутых товарищей активными работниками партийных коллективов, созданных на предприятиях района, были Н. Шахов, М. Иосим, Оттилия Звиргздынь, В. Байер, А. Ульянов, П. Сорокин, Ф. Шамапов, Г. Рийв, Е. Яковлев и другие с фабрики «Скороход»; А. Качаровский, К. Самцов, И. Ефимов, И. Матросов, А. Мовшович с завода «Сименс-Шуккерт»; Е. Миняев, Островский с завода Речкина; В. Алексин, Собакин из трамвайного парка; А. И. Маширов (Самобытник), П. Я. Тальберг и другие с обувной фабрики Столярова; А. Лаврентьев с Черниговского холодильника; Р. Легздинь с завода «Динамо» и др.

После приезда В. И. Ленина в Петроград и обсуждения ленинских Апрельских тезисов работа в районной партийной организации усилилась. Борьба за массы стала более целеустремленной и действенной. Районный комитет партии обращал особое внимание на создание и укрепление партийных организаций на предприятиях, усиливал борьбу против соглашателей. Об этом свидетельствовал рост партийной организации района. К началу апреля 1917 г. в районе было 75 членов партии, к маю — 400, к июню — 800¹.

Московский райком большевиков проводил многочисленные митинги, собрания, лекции. Большевики района старались использовать любую возможность агитационной работы в массах. Они не ограничивались стенами заводов и фабрик. В те дни улицы Петрограда были как бы огромной аудиторией, в которой под открытым небом шли непрекращающиеся споры сторонников и противников различных партий, то была агитация нашей партии в широких народных массах, в так называемых кучках. Хочется немного рассказать о стиле работы районного комитета партии, о той обстановке, в которой протекало общение с товарищами.

Постановка партийной работы была целенаправленной, боевой, дружеской. На заседаниях райкома и в обсуждении вопросов принимали участие многие товарищи с заводов и фабрик района. Это укрепляло связь с рабочими. Райком всегда был в курсе событий и настроений на предприятиях.

Часто после заседаний райкома надолго затягивались интересные, содержательные беседы. Их обычно начинал Михаил Федоров каким-либо шутливым замечанием. Он был старше многих из нас, теоретически хорошо подкован, имел за плечами большой опыт практической революционной работы. Худощавый, несколько болезненный, по натуре веселый, он вносил большое оживление в эти беседы и всегда поднимал большие вопросы революционной борьбы. Иным был Яков Штейн. С задумчивыми

¹ См. «Солдат», 22 сентября 1917 г.

глазами, он больше слушал, улыбаясь шуткам Федорова и горячим репликам Фаддея Пашкевича. В трудные дни он был очень собран, решителен. Это к нему во время корниловщины в революционный штаб пришли сдаваться горцы из «дикой дивизии» во главе с Хаджи Муратом Дзараховым. Фаддей Пашкевич, живой, подвижной, горячий спорщик, хороший организатор и темпераментный агитатор, всегда вносил оживление в наши беседы-споры.

18 апреля (ст. ст.) рабочий Петроград впервые свободно праздновал день 1 Мая. Празднование проходило на Марсовом поле, на Дворцовой, Исаакьевской, Театральной площадях.

Демонстранты Московской заставы с красными знаменами и пением революционных песен шли на Дворцовую площадь. Здесь у арки были установлены грузовики-трибуны Московского района. С речами выступили Я. Калинин и И. Коняшин.

Бурю негодования вызвала у всех нас «Нота Милюкова», в которой было заявлено о готовности продолжать войну до победного конца. В ответ на эту ноту рабочие и солдаты Московской заставы, как и весь Петроград, ответили антиправительственными демонстрациями 20 и 21 апреля 1917 г. На многих митингах, собраниях выносились резолюции протеста против политики Временного правительства. Так было на «Скороходе», вагоностроительном заводе, на Невской фабрике механической обуви, на заводе «Динамо» и др. На ряде собраний выдвигалось требование отставки Милюкова и Гучкова и вооружение рабочих.

После VII Всероссийской (Апрельской) партийной конференции, утвердившей ленинский курс на социалистическую революцию, началась полоса революционной мобилизации масс. Московская районная партийная организация еще больше расширила работу в массах. Большевики усилили свое влияние в фабзавкомах. В районе была создана организация молодежи, впоследствии преодолевавшая при помощи большевиков мелкобуржуазное влияние организации «Труд и свет»¹ и превратившаяся в «Московско-Заставскую организацию социалистического союза рабочих молодежи». В числе ее организаторов был Николай Томчак, рабочий завода «Сименс-Шуккерт», погибший при подавлении мятежа Керенского — Краснова². Велась также большая и систематическая работа среди женщин-работниц. Многие работницы, начиная свою работу в рабочих женских организациях, вступали затем в ряды большевистской партии. Таковы, например, активистки-скороходовки Евдокия Васильева, Елена Домбровская, Анна и Мария Звиргздынь, Анна Лебедева с фабрики Столярова и др.

¹ «Труд и свет» — молодежная организация, руководство которой вело либерально-соглашательскую политику, пытаясь отвлечь рабочих от классовой борьбы, ограничить молодежное движение «культурничеством».

² Сейчас Волковская улица в Московском районе переименована в улицу Николая Томчака.

Широко развернулась кампания против «займа свободы». Когда на общем собрании рабочих фабрики «Скороход» депутаты-эсеры, отчитываясь о работе Петроградского Совета, поставили вопрос о поддержке займа, рабочие выразили протест против всяких займов на братоубийственную войну и потребовали скорейшего прекращения войны. Депутаты Совета эсеры все же голосовали на заседании организационного комитета за поддержку займа. Тогда коллектив скороходовских рабочих на собрании 4 мая принял предложение большевиков о досрочных перевыборах членов Совета и закрытым голосованием избрать в Петроградский Совет шесть новых депутатов, из них пять большевиков — И. Коняшина, И. Когана, П. Сорокина, А. Ульянова и Е. Яковлева. Также досрочно был переизбран депутат Совета на Невской фабрике механической обуви. Вместо меньшевика был избран большевик.

Перевыборы депутатов происходили и на других предприятиях.

Большую работу провели большевики по выборам в районные думы, которые проходили в последние дни мая 1917 г. По поручению райкома нашей партии мы выступали на выборах со своей платформой, в которой выдвигалась развернутая программа муниципальных реформ, выражавшая защиту коренных интересов трудящихся. Большевики выдвинули требования, сформулированные В. И. Лениным: никакой поддержки империалистической войне. Никакой поддержки правительству капиталистов. Не давать восстанавливать полицию, заменив ее всенародной милицией.

Под этими лозунгами и вели избирательную кампанию большевики Московской заставы.

Муниципальная кампания обогатила партийные организации опытом работы в массах.

Агитационно-пропагандистской работе района помогали Центральный и Петербургский комитеты партии: у нас выступали часто такие видные деятели партии, как Я. М. Свердлов, М. М. Володарский, А. В. Луначарский, Н. И. Подвойский, В. И. Невский и др. От ПК к району в первые месяцы после Февральской революции был прикреплен Н. И. Подвойский. 21 мая 1917 г. на массовом митинге рабочих фабрики «Скороход» и других предприятий района выступил В. И. Ленин по «Текущему моменту о войне». Об этом выступлении подробно рассказано во многих воспоминаниях участников митинга (М. Н. Федорова, Л. Г. Ханина, А. Н. Клевядо, Я. М. Штейна)¹, С. Маркова², работницы Харитоновой³. Хочу и я поделиться своими воспоминаниями об этом митинге.

Речь Ленина была проста, понятна, доходчива. Жесты скупы. Полное отсутствие ораторских прикрас. Вместе с тем его слова были полны не-

¹ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, ед. хр. 1541, л. 15. Воспоминания Федорова, Ханина, Клевядо в настоящем сборнике.

² См. С. Марков. Мои воспоминания о В. И. Ульянове (Ленине). — «Пролетарская революция», 1925, № 1 (36).

³ См. «Воспоминания работниц об Ильиче». — «Работница и крестьянка», 1927, № 1.

сокрушимой убежденности, железной логики и покоряли слушателей, овладевали ими до конца. Это испытал каждый из нас, кто слушал выступления Ленина. На митинге было немало сторонников эсеров и меньшевиков, и мы видели, как и они были захвачены ленинской речью. Владимир Ильич говорил о самых насущных, самых жгучих вопросах, глубоко волновавших каждого рабочего, каждого трудящегося. Он говорил о том, что революция только началась, что она еще не разрешила вопросов о войне и мире, о земле, о преодолении разрухи. Временное правительство защищает интересы буржуазии, а не рабочих и крестьян. Война несет народу только величайшие бедствия, ее надо кончать. Речь Ленина закончилась под бурные аплодисменты участников митинга. После Ленина от меньшевиков выступил друг Мартова технолог Бройдо, но он никакого успеха не имел.

Глубоко взволнованные возвращались мы с митинга. Рабочие обменивались своими впечатлениями. Выступление Владимира Ильича выражало их думы, их стремления, их интересы. Оно оказало большое влияние на настроение рабочих, способствовало преодолению у многих колебаний, их полевению. Это чувствовали агитаторы райкома, выступавшие на заводах Речкина, «Сименс-Шуккерт», «Динамо».

Эсеры и меньшевики, видя, что теряют свое влияние, всполошились. Участились выступления их лидеров в районе. Эсеры решили в июне организовать большой митинг и пригласили на него своих лучших ораторов — Камкова и Марию Спиридонову.

Райком нашей большевистской партии организовал свой митинг на вагоностроительном заводе Речкина, на котором выступил В. И. Ленин. В назначенный день собралось на митинг столько рабочих, что заводская столовая, где вначале предполагалось его организовать, не вместила всех желающих присутствовать, и митинг перенесли во двор. Вход был платным, собранные деньги шли в пользу семей рабочих, погибших на фронте.

Ленинский призыв стать под большевистское знамя, бороться за полное освобождение от капиталистического гнета нашел горячий отклик среди рабочих, способствовал преодолению колебаний, укреплял позиции большевиков Московской заставы.

Яркой демонстрацией серьезных успехов большевиков Московского района в борьбе за массы явилось активное участие рабочих Московской заставы в демонстрации 18 июня 1917 года. Колонна района, во главе которой шли скороходовцы, выступила с большевистскими лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Хлеба, мира, свободы!» Она влилась на Марсовом поле в огромное человеческое море. Это был настоящий смотр сил большевистской партии.

К началу июля районная партийная организация насчитывала в своих рядах уже 900 человек. Об этом говорилось в докладе мандатной комиссии на II Петроградской общегородской конференции РСДРП(б).

В июльские дни Московский райком партии большевиков пытался удержать рабочих от выступления, но тщетно. Возмущение масс анти-

народной политикой Временного правительства перехлестывало через край. Поэтому выступившие И. Коган и М. Федоров на митинге, состоявшемся у «Скорохода», призывали рабочих выйти организованно на демонстрацию. Рабочие «Скорохода», «Динамо», фабрики Петрова, Речкина и других, солдаты воздухоплавательного батальона с пением революционных песен, с знаменами и лозунгами «Вся власть Советам!» вышли на улицу и направились к Таврическому дворцу. По дороге колонна была дважды обстреляна. На обратном пути она подверглась нападению, но вооруженные рабочие-красногвардейцы оттеснили контрреволюционный сброд. Июльские дни означали конец мирного развития революции. Сосредоточив в своих руках власть, контрреволюционная буржуазия перешла в наступление. Начались аресты, погромы. А эсеро-меньшевистские прихвостни буржуазии помогали ей в борьбе против большевиков, против революции.

5 июля юнкера на грузовиках подъехали к Московскому райкому с целью его разгрома. Но рабочие встали на защиту райкома и заставили юнкеров убраться. 6 июля юнкера прибыли на фабрику «Скороход». Они искали оружие. И на этот раз решительный и организованный отпор рабочих заставил юнкеров уехать ни с чем. В тот же день обыск был и на заводе Речкина.

Предпринимались и другие меры для ликвидации вооруженной силы рабочих. 7 июля, например, правление фабрики «Скороход» заявило фабкому, что заводскую милицию больше оплачивать не будет. Но оно натолкнулось на решительный протест рабочих. Когда заработная плата милиции не была выплачена, рабочие заставили правление отменить свое распоряжение. Влияние большевиков в районе возросло.

Рабочие Московской заставы решительно протестовали против контрреволюционных действий Временного правительства, против преследований руководящих деятелей большевистской партии, против постановления об аресте В. И. Ленина и клеветы на Владимира Ильича. Так, собрание рабочих Вагопостроительного завода 22 июля приняло резолюцию протеста против решения Временного правительства арестовать Ленина и потребовало от Петроградского Совета отмены этого постановления. Резолюции протеста были приняты и на других предприятиях. Рабочие Московской заставы решительно противодействовали попыткам хозяев заводов и фабрик использовать создавшуюся обстановку для экономического наступления на рабочий класс, против попыток вызвать массовую безработицу и голод. Большую роль в борьбе против саботажа капиталистов и их администрации сыграли фабзавкомы и созданные на предприятиях контрольные советы из представителей рабочих.

Ярким выражением поддержки рабочими большевистской партии были сборы средств на рабочую печать. Особенно активно поддерживали газету «Правда» скороходовцы. Они неоднократно собирали большие суммы для газеты. В архиве сохранился протокол об этом собрании рабочих и служащих фабрики «Скороход», которое состоялось 21 июля

1917 г. На собрании выступил представитель Московского райкома партии. Он сообщил о преследованиях, которым подвергается «Правда», и обратился к рабочим с призывом поддержать газету, выделить из собранных ими средств на культурно-просветительную работу 10 тысяч рублей на покупку бумаги для газеты. Выступившие на собрании тт. Коган и Коняшин поддержали это предложение. Собрание подавляющим большинством голосов (против было подано всего четыре голоса) приняло решение ассигновать в помощь газете «Правда» 10 тысяч рублей.

Во время работы VI съезда партии, принявшего ленинский курс на вооруженное восстание, собрание скороходовцев послало приветствие съезду. В дни работы съезда рабочие фабрики собрали около 3 тысяч 500 рублей и передали их Центральному Комитету партии. В приветствии VI съезду от коллектива служащих больничной кассы фабрики «Скороход» сказано: «Заявляем, что никакие репрессии и запугивания не заставят нас сойти с революционного пути, с пути международной солидарности, с пути международной революции»¹.

Напряженной жизнью жила Московская застава в дни борьбы с корниловщиной; когда Корнилов двинул войска на Петроград, тогда с большой силой проявилась решимость в действиях рабочих Московской заставы. В силу своего географического положения район был на переднем крае обороны революционного Петрограда. Это возлагало особую ответственность на районную партийную организацию. 28 августа на экстренном заседании районного комитета было решено создать штаб обороны, провести на заводах митинги, мобилизовать Красную гвардию, создать новые красногвардейские отряды, мобилизовать транспорт, запретить распространение буржуазных газет. В штаб обороны вошли М. Федоров, Н. Милютин, Я. Штейн и др.

В связи с разнузданной контрреволюционной пропагандой на страницах буржуазных газет и дезинформации ими населения организационный комитет Московско-Заставского района постановил запретить продажу всех буржуазных газет на территории района впредь до особого распоряжения. Организационный комитет в решении за подписью председателя Я. Штейна заявил также свой решительный протест по поводу закрытия Временным правительством газеты «Рабочий»². На предприятиях района проходили митинги; рабочие фабрики «Скороход», заводов Речкина, «Сименс-Шуккерт», «Динамо» и других в своих резолюциях выражали готовность защищать до конца Петроград. Была организована охрана предприятий, непрерывные дежурства рабочей милиции. Формировались команды для рытья окопов и устройства проволочных заграждений, мобилизован был транспорт. На всех предприятиях района создавались красногвардейские отряды, производилась выдача оружия, создавались санитарные отряды, пункты питания идущих на фронт войск.

¹ «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы». М., 1958, стр. 5.

² См. «Рабочий путь», 3 сентября 1917 г.

О настроениях рабочих Московской заставы в эти дни можно судить по митингу, проходившему вечером 30 августа в Московском районе в клубе завода Речкина. На митинг пришли рабочие заводов и фабрик, солдаты, несшие охрану в районе, матросы, прибывшие из Кронштадта. Присутствовало около 2 тысяч человек. В принятой единогласно резолюции участники митинга требовали от Петроградского Совета отказаться от всякой соглашательской политики, взять власть в свои руки и использовать ее для немедленного объявления справедливых условий мира, передачи земли крестьянам, уничтожения частной собственности на землю, проведения рабочего контроля над производством и распределением, принятия самых решительных мер против контрреволюции и ряда других мер для дальнейшего развития революции. Собрание послало В. И. Ленину «свой горячий привет и пожелание успешно работать на пользу русской революции»¹.

Большевики Московской заставы были в первых рядах защитников Петрограда от корниловских войск, показав яркий пример преданности делу революции. Они направили навстречу врагу лучшие свои силы. Одним из первых отправился на Пулковские высоты красногвардейский отряд скороходовцев во главе с Я. А. Калининым. Н. А. Милютин, возглавлявший вооруженные отряды рабочих района, несколько раз ходил сам в разведку в тыл врага. Вместе с другими большевиками-агитаторами он разоблачал контрреволюционную сущность корниловщины. Революционной активностью, смелостью, мобилизацией масс на борьбу с врагом московско-заставские большевики внесли свой вклад в разгром корниловского мятежа.

В это время влияние большевиков среди рабочих района значительно возросло. Рабочие «Скорохода» и других предприятий единодушно поддерживали большевистскую резолюцию, принятую Петроградским Советом 31 августа 1917 г.

В сентябре 1917 г. большевистская организация Московского района насчитывала в своих рядах 1235 человек², а к началу Октября — 1400 человек³. В это время в нашем районе имелось 18 партийных коллективов. Причем на предприятиях, где были эти парторганизации, работало около 19 тысяч рабочих из примерно 30 тысяч имевшихся тогда в районе рабочих, то есть 62,5%. Кстати, из этих же сведений видно, что на крупнейших предприятиях района были большие партийные организации (например, на фабрике «Скороход» — 550 членов партии, на заводе «Динамо» — 125, на заводе «Сименс-Шуккерт» — 120, на заводе Речкина — 100).

К началу сентября 1917 г. из 20 депутатов, избранных в Петроградский Совет от указанных 18 предприятий, 12 были большевиками.

¹ «Рабочий», 14 сентября 1917 г.

² См. «Солдат», 22 сентября 1917 г.

³ См. «Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника событий», стр. 589.

Выросли и отряды Красной гвардии района. В них состояло в это время свыше 2 тысяч вооруженных рабочих.

Увеличилось также количество большевистских газет, распространяемых среди рабочих района. Рабочие фабрики «Скороход» и других предприятий собирали или выделяли из своей заработной платы средства на большевистскую печать.

В «Правде» неоднократно сообщалось об отчислении таких средств. Так, в газете «Рабочий путь» (так называлась в то время «Правда») от 10 сентября сообщалось, что в ответ на призыв ЦК и ПК большевистской партии на фабрике «Скороход» отчислено рабочими из своего дневного заработка на рабочую печать 4662 рубля.

Рабочие Московской заставы решительно выступали против попыток буржуазии задуть революцию костлявой рукой голода, запугать трудящихся безработицей. Хозяева «Скорохода», заводов «Сименс-Шуккерт», Речкина, Артура Коппеля, «Динамо», Невской фабрики механической обуви и других пытались сорвать получение сырья, топлива, заказов, чтобы иметь повод для закрытия фабрики и завода и выбросить рабочих на улицу или закрытия предприятий под видом их эвакуации. Но планы эти всегда проваливались благодаря бдительности рабочих и в особенности наших партийных коллективов. На многих предприятиях рабочие сами брали на себя охрану заводов и фабрик, устанавливали красногвардейские посты. В ряде случаев вводили фактический рабочий контроль над производством и распределением продукции. Так было на фабрике «Скороход», Невской фабрике механической обуви (Петрова), заводе «Динамо» и некоторых других предприятиях.

Когда наша партия развернула подготовку к вооруженному восстанию, Московская районная партийная организация еще больше усилила идеологическую и организаторскую работу в массах. Особое внимание тогда уделялось укреплению и росту рядов Красной гвардии. Мы создавали новые отряды, проводили усиленное военное обучение красногвардейцев, принимали меры к увеличению количества оружия. К октябрю 1917 г. численность отрядов Красной гвардии в Московском районе достигла почти 3 тысяч человек.

О ходе подготовки к вооруженному восстанию в Московском районе говорит документ хотя и неполный, но очень интересный, опубликованный в журнале «Исторический архив» № 5 за 1957 г., представляющий собой сводку о подготовке к восстанию на 20 предприятиях Московской заставы.

Приведенные в сводке сведения неполные, имеют значительные пробелы и неточности, но, несмотря на это, они дают ясное представление о том, как тщательно готовились мы в Московско-Заставском районе к вооруженному восстанию, как учитывали мы указания В. И. Ленина: точно знать количество красногвардейцев, наличие вооружения, боеприпасов, обеспеченность медицинским персоналом, транспортными средствами и даже возможность пополнения в случае необходимости.

Большевики Московской заставы накануне Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде располагали значительными силами, что свидетельствует о решительной поддержке рабочими Московского района ленинского курса на вооруженное восстание. В решениях большинства рабочих собраний, митингов в сентябре и октябре 1917 г. все сильнее и сильнее звучал призыв к переходу власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства. Росло также влияние большевиков среди фабрично-заводской молодежи на предприятиях Московско-Заставского района.

30 сентября в районе был открыт клуб Социалистического союза рабочих молодежи. Он помещался в доме № 1 по Смоленской улице на углу Забалканского проспекта. При клубе были созданы секции, велась постоянная политическая работа. Многие молодые рабочие — члены Социалистического союза рабочей молодежи вступали в ряды Красной гвардии.

В процессе подготовки к социалистической революции у большевиков и рабочих Московской заставы установились тесные связи с солдатами ряда воинских частей, расположенных на территории района и в соседних районах.

Хочется остановиться на военной работе в нашем районе. Еще в мае 1917 г. была создана первая в Петрограде районная военная организация Нарвско-Московского района, в которую входили большевики многих частей. Был избран районный комитет военной организации, который развернул большую работу среди солдат нашего района. Прежде всего комитет занялся созданием партийных организаций в военных частях. Районная военная организация работала в полном контакте с Московско-Заставским и Нарвским райкомами партии. Партийные коллективы заводов и фабрик Московского района и рабочие предприятий постоянно общались с солдатами, обменивались делегациями, посылали к солдатам своих агитаторов. Солдаты часто принимали участие в митингах и собраниях, организуемых большевиками Московской заставы, помогали большевикам в вооружении и обучении Красной гвардии. Ярким примером общения рабочих и солдат явился состоявшийся в сентябре 1917 г. митинг рабочих Московско-Заставского района на фабрике «Скороход», посвященный вручению революционного знамени представителям Егерского полка. Был принят наказ рабочих района солдатам полка, в который в качестве общей программы борьбы за дело рабочих и крестьян вошли все основные требования большевиков. В митинге участвовали Я. М. Свердлов и представители Военной организации при ЦК большевистской партии Н. И. Подвойский и В. И. Невский.

Большевистские организации в частях росли. В докладе Н. И. Подвойского на III Петроградской общегородской конференции большевиков о работе Военной организации сообщалось, что в полках Нарвско-Московского района насчитывается большое количество членов большевистской партии.

22 октября в Московском районе, как и во всех районах Петрограда,

проводился «День Петроградского Совета», который был днем проверки готовности масс к вооруженному восстанию. На заводах и фабриках района состоялись массовые митинги, на которых выступали члены ЦК РСДРП(б) Я. М. Свердлов и Ф. Э. Дзержинский и члены Московского райкома партии. На всех митингах звучал страстный призыв активно поддерживать Советы, быть готовыми выступить в любую минуту.

24 октября состоялось расширенное заседание Московского райкома партии с участием представителей заводов и фабрик. На заседании был создан революционный комитет Московско-Заставского района и принят план захвата стратегических пунктов района. В состав революционного комитета вошли Я. Штейн (председатель), М. Федоров, Н. Милютин, А. Качаровский, С. Лаврентьев, И. Егоров, И. Коняшин, Я. Калинин, И. Осипов, Г. Осипов, И. Коган, А. Лаврентьев и др.

По указанию ревкома на всех предприятиях были созданы чрезвычайные рабочие комитеты, на которые возлагалась охрана предприятия и мобилизация всех сил и средств для восстания. На фабрике «Скороход» чрезвычайный комитет возглавлял Н. Шахов — заместитель председателя фабкома.

В тот же день поздно вечером состоялся районный митинг в клубе фабрики «Скороход», который принял резолюцию о немедленном вооруженном выступлении. Митинг окончился в два часа ночи. Часть рабочих-красногвардейцев сразу же после митинга направилась в распоряжение революционного комитета. Тут же происходили запись в Красную гвардию и вооружение вновь поступивших.

В общем плане вооруженного восстания в Петрограде на Красную гвардию Московского и Нарвского районов и солдат Измайловского и Петроградского полков была возложена важная задача — охрана подступов к столице с юга и юго-запада — со стороны Пулкова, Гатчины и Царского Села вдоль линии Варшавской и Балтийской железных дорог и по линии Московского и Петергофского шоссе, чтобы не допустить в город войска, вызванные Временным правительством. В соответствии с этой главной задачей отряды красногвардейцев Московского района были направлены к Средней Рогатке, к селу Александровскому между Гатчиной и Царским Селом и в Царское Село. Отряд красногвардейцев был направлен в Смольный в распоряжение ВРК Петроградского Совета. Красногвардейцы Московского района участвовали и в захвате ряда пунктов в городе, а также несли охрану района.

Были реквизированы на предприятиях все легковые и грузовые автомашины и отправлены в распоряжение ревкома.

В дни Октябрьского вооруженного восстания красногвардейцы Московского района вместе с путиловцами захватили Николаевское кавалерийское юнкерское училище, Варшавский вокзал, участвовали во взятии военной гостиницы «Астория».

Красногвардейцы Московской заставы участвовали в штурме Зимнего дворца. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, организа-

тором и вдохновителем которого была наша славная и героическая большевистская партия, возглавляемая великим Лениным, победило. В этой всемирно-исторической победе активно участвовали рабочие Московской заставы, ее большевистская организация. Они с честью выполнили свой революционный долг.

М. Н. Федоров. | Из жизни Московско-Заставского райкома РСДРП(б) в 1915—1917 гг.¹

После моего возвращения из последней, архангельской ссылки Петербургский комитет направил меня для налаживания партийной работы в Московско-Заставский район. В конце 1914 г. я начал работать в больничных кассах фабрики «Скороход», завода Коппеля, завода Речкина. Вскоре больничная касса «Скороход» стала местом собирания сил и восстановления разгромленной царизмом нелегальной районной большевистской организации. В ту пору в кассе обосновалась группа активных работников большевиков—Николай Милютин, Михаил Федоров, Андрей Андреев, Фаддей Пашкевич, Михаил Кулешов, Николай Баранов, Куликов, Голубев, Овчаренко, Милютин (партийная кличка «Тайга»), Могучий (в кассе завода Коппеля).

Как выборные члены правления кассы, так и работники кассы по найму — большевики-страховики ставили перед собой задачу максимального использования нелегальных возможностей для создания единой сплоченной партийной организации, крепко связанной с ПК и другими районами города.

С Выборгским районом установили связь через больничную кассу заводов «Лесснер», с Нарвским районом — через Путиловскую больничную кассу, с Петербургским комитетом связь была установлена через членов ПК А. Андреева и Ф. Пашкевича.

Страховая кампания 1912—1916 гг. сыграла огромную роль в деле классового сознания и сплоченности рабочих.

В отличие от эсеров, считавших возможным распространить страхование на мелкобуржуазное крестьянство, мы, большевики, отстаивали четкий принцип классового характера страхования. Большую роль в проведении партийной линии сыграли большевики — члены рабочей группы страхового совета и страхового присутствия, члены правлений и секретари больничных касс и другие деятели по страховому движению. Недаром самодержавие большими группами направляло активных страховиков в тюрьмы и ссылки, жестоко расправлялось со страховыми стачками, ибо оно чувало, что в обстановке разгрома рабочих организа-

¹ Воспоминание подготовлено к печати доцентом А. В. Дерягиной.

ций — профсоюзов, клубов и других организаций в период империалистической войны почти единственными легальными центрами сплочения пролетариата были больничные кассы, руководимые большевиками. Царская охранка направляла наиболее опытных провокаторов именно в больничные кассы (Богданова, Черномазова и др.) и вела особый учет страховиков.

Больничные кассы стали школой для подготовки организаторов рабочего движения. При выборах в страховые советы начиная с 1913 г. рабочие неизменно голосовали за кандидатов, выставляемых большевиками. Наказ всегда принимали подавляющим большинством наши, большевистский.

Первые шаги партийного коллектива фабрики «Скороход» были направлены к установлению связей с отдельными большевиками, работающими в районе. Через них распространяли листовки и литературу.

В 1915 г. началось изменение в психологии рабочих масс; нарастало недовольство затянувшейся войной, дороговизной, низкой зарплатой и особенно недостатком продуктов и мелкой разменной монеты. Тяготы войны больше всего чувствовали на себе низкооплачиваемые рабочие и женщины.

Страшась революционных выступлений, черносотенные элементы по наущению полиции пытались направить недовольство рабочих на лавочников и торговцев, устраивая у них погромы с помощью хулиганов.

Мы этот момент использовали для агитации на заводах. Помню первое организационное совещание с представителями заводов. Оно проходило на втором этаже, а в нижнем находился закрытый винный погреб. В нем группа хулиганов под влиянием агитации городских готовилась начать погром. Нам удалось сдержать толпу и предупредить погром.

В тот же вечер написали листовку с разъяснением текущего момента с призывом к организованности. Листовку отпечатали у Богданова, оказавшегося провокатором¹.

Большое внимание уделяли мы вопросам распространения литературы. Легальной литературы было мало, и по качеству она была малоудовлетворительной, а нелегальную мы получали нерегулярно, за исключением местных листовок, издававшихся Петербургским комитетом. В большом количестве распространялись брошюра Коллонтай о войне, манифест ЦК партии о войне.

Как мы хранили литературу? Старались по возможности в больничных кассах не держать во избежание провала работавших там товарищей-партийцев. Но все же иногда приходилось прятать и в кассах. В шкафах лежала куча дел застрахованных, так называемые досье (тысяч 8—10). Дела хранились в конвертах. Литературу (брошюры, листовки) мы вкладывали в конверты и запоминали номера. Ясно, что полиции, если она пожелала бы ее разыскать, пришлось бы перерывать эти тысячи кон-

¹ Богданов был разоблачен уже после Февральской революции.

вертов, в каждом из которых лежало по 20 дел, и обыск продолжался бы неделями, если не больше.

Наибольших усилий и осторожности требовало распространение нелегальной литературы. Листовки печатали ночью, где-нибудь в другом районе. В большинстве случаев печатали у Овчаренко, работавшего тогда в кассе (ныне покойного). Утром рано привозили все на какую-либо квартиру в наш район, туда приходили представители заводов, с которыми мы были связаны. Листовки до работы расклеивались в уборных и раскладывались на станки рабочих.

В районе было налажено паспортное бюро, находившееся в ведении Ф. Пашкевича, специалиста по выпуску нелегальных паспортов и военных билетов. Безупречно подчищал он фамилии и даты в паспортах.

В конце 1915 г. по городу прошли забастовки. Стаечное движение назревало и в Московском районе. К нам на «Скороход» пришла делегация Путиловского завода с призывом присоединиться к их забастовке. Рост дороговизны, низкая заработная плата, крайняя нужда у рабочих фабрики «Скороход» объединили массы на выступление с требованием повысить заработную плату на 50%. Пять тысяч рабочих объявили забастовку и, несмотря на репрессии властей, мужественно 13 дней боролись за свои требования.

Наша немногочисленная большевистская организация нуждалась в поддержке, и мы вынуждены были обращаться за помощью в другие районы. Хорошо помогал нам Выборгский район.

В ходе забастовки был избран стачечный комитет. Собрания уполномоченных от цехов и мастерских проходили в помещениях кассы, в трактире «Орел», в лечебнице больничной кассы Московской заставы (ныне больница имени И. И. Коняшина).

В те дни были случаи посещения наших собраний полицией. Вспоминаю налет на лечебницу. Полиция нагрянула неожиданно. Наши ребята не растерялись, разбрелись по кабинетам врачей, кто сел к зубному, кто занялся перевязкой здоровой руки, другие сидели в ожидании очереди. Маскировка «под больных» удалась, полиция удалась.

Несколько слов о провокаторах. Я лично помню (не считая упомянутого Богданова) двух провокаторов. Однажды пришел якобы в помощь к нам с Путиловского завода некий Иванов. Он повел разговор о возможности связать его с Петербургским комитетом. Такое предложение с первого же момента показалось подозрительным. Я ему ответил, что в организации не работаю и поэтому связать его с Петербургским комитетом не могу. Он предложил наладить паспортное бюро в нашем районе. Я отказался от этого предложения и еще раз сказал ему, что с организацией не связан. Этот провокатор повредить не успел, быстро исчез из района.

Второй, долгое время подвизавшийся в районе, был некий Белов. Он работал в больничной кассе не то «Сименс-Шуккерт», не то «Динамо». Из нашего района он перешел в кассу «Дюфлон» и был как провокатор разоблачен уже после Февральской революции.

Как использовали мы легальные возможности для организации и развития партийной работы, не считая, конечно, наши основные опорные точки — легальные больничные кассы? В 1914 г. легальные организации в районе были ликвидированы царизмом полностью. В 1915 г. начала работать кооперация. Помню два собрания кооператоров Московской заставы, состоявшихся около заставы (у ворот налево), где помещалось евангелическое общество. Затем мы принимали участие в общегородском собрании по кооперации в городской думе, где по докладу Туган-Барановского выступал от нашего района А. И. Маширов (Самобытник).

Активно работали наши ребята в Тенишевском училище. Там регулярно проводили собрания участников драматического кружка — рабочих от заводов «Сименс-Шуккерт» и «Динамо», а после собрания проводили беседы, раздавали листовки, завязывали связи с отдельными товарищами.

Большое внимание уделяли мы выборам в военно-промышленные комитеты (ВПК), используя эту легальную возможность агитации в борьбе с соглашателями — меньшевиками и эсерами. Большевики были против выборов в ВПК, которые создавались буржуазией для втягивания рабочего класса в войну. Большевики бойкотировали выборы, ведя ожесточенную борьбу с меньшевиками. Наша задача состояла в том, чтобы в процессе выборной кампании раскрывать антинародную соглашательскую тактику меньшевиков. Наш район от фабрики «Скороход» выделил представителя — большевика Яковлева, но в ходе развернувшейся борьбы выявилась необходимость выдвинуть более сильного товарища от Петербургского комитета. Помню, мы уговорили Е. Яковлева отдать свой мандат представителю ПК, чтобы усилить нашу агитацию. В конце концов удалось отбить от меньшевиков часть беспартийных. Но впоследствии, как известно, разными путями меньшевики все же прошли якобы от рабочих «Скорохода» в Военно-промышленный комитет.

1916 год. Страшась нарастающего революционного движения, царское правительство в июле усилило натиск жандармерии и охраны, нанесло тяжелый удар по большевистской организации в Петрограде. В одну ночь было арестовано 120 человек, в том числе из нашего района около 10 человек — Пашкевич, Эглит, я и др. Но, несмотря на аресты, товарищи, оставшиеся на воле, продолжали нашу революционную работу.

В ссылке мы не теряли времени, активно работали по организации крестьян в деревнях и после свержения царя участвовали в создании местных Советов.

Я вернулся в свой район после Февральской революции, приблизительно в конце марта 1917 г. К тому времени в Московском районе работали Собакин, Тайво, Алексин, Иван Васильев («дядя Ваня»), братья Крупские, Николай Милютин, Н. Малыгин, Хургин, Василий Куликов, Александр Лаврентьев, А. Алексеев, другой Алексеев, Иван и Гавриил Осиповы, Иван Коняшин, Ефим Яковлев, А. Ульянов, Иосиф Коган, Иван Егоров, Богаченков, Яков Штейн, Яков Калинин, А. Конькова, Л. Ханин, Самцов, А. Поморский, Кириллов, Смирнов, Николай Чекалов,

который до революции работал под фамилией Новикова. Некоторые были мне известны по работе в 1915—1916 гг.— Гуляев, Богачев, Равинский, Воробьев и Михаил Кулешов.

По приезде из ссылки я был выбран председателем райкома РСДРП(б).

Узнав о возвращении В. И. Ленина в Петроград, мы провели митинг у ворот «Скорохода», взяли знамя в райкоме и с пением революционных песен отправились на Финляндский вокзал. Вышло примерно тысяча человек, а по дороге к нам присоединились еще рабочие и других заводов, товарищи из трамвайного парка. У Финляндского вокзала мы влились в общую многотысячную массу ожидавших прибытия В. И. Ленина.

Наше влияние на «Скороходе» уже с самого начала было довольно сильное. На других заводах района положение было значительно хуже. Например, заводы Речкина, «Сименс-Шуккерт» «Динамо», Коппеля были почти целиком в руках меньшевиков и эсеров, и от нас требовалось много усилий, чтобы освободить рабочих от влияния соглашателей.

После приезда В. И. Ленина настроение рабочих района стало меняться в нашу пользу. Крепко сплоченной была наша партийная организация. Когда мы обсуждали Апрельские тезисы Ленина на собрании райкома (оно продолжалось шесть-семь часов), только немногие товарищи высказывались против отдельных положений тезисов. На состоявшейся 13 апреля районной конференции большевиков Апрельские тезисы были единодушно одобрены. Это говорит о том, что никакого разбоя в нашей партии, как об этом писал Шляпников в своей работе «1917 год», не существовало.

Вскоре наша большевистская организация добилась перевыборов членов совета на фабрике — отозвания эсеров и меньшевиков, обновления фабкома и укрепления общего влияния большевиков. На всех общезаводских собраниях председательствовали большевики. Когда выступал какой-либо оратор, его спрашивали, к какой партии он принадлежит. Если он отвечал, что принадлежит к эсерам и меньшевикам, с мест говорили: «Нам такого не нужно», но вылазки анархистов еще продолжались.

Постепенно наше влияние на заводах расширялось путем укрепления партийных коллективов. Распространялась наша литература, мы часто выступали на митингах.

Все больше у рабочих замечалось разочарование политикой и тактикой эсеров и меньшевиков. Война, дороговизна, продолжавшаяся разруха, половинчатая политика в вопросах 8-часового рабочего дня, страхования, охраны детского и женского труда — по каждому из таких злободневных вопросов мы старались «бить» всерьез, вскрывать антиреволюционную политику пособников буржуазии.

Настроение на многих заводах района особенно переменилось в нашу пользу после выступления В. И. Ленина на митинге в нашем районе. Нам, большевикам, стало легче бороться с меньшевиками и эсерами.

Кроме Ленина выступали в районе Володарский (два раза), Невский, Подвойский и другие видные деятели нашей партии.

На этих митингах мы успешно проводили сборы денег на наши газеты.

В июньскую демонстрацию подавляющее большинство участников вышло под нашими лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!»

Подходили июльские дни.

После известия о поражении на фронте и выступлении 1-го пулеметного полка резко возросло недовольство рабочих. 4 июля в двенадцать часов дня у ворот фабрики собрались почти все рабочие фабрики. К «Скороходу» частично присоединились рабочие завода Речкина, трамвайного парка, фабрики «Пролетарская победа»¹ и отдельные группы рабочих других заводов. Мы шли колонной, окруженной с обеих сторон нашими красногвардейцами.

Расправа с мирной июльской демонстрацией не сломила боевого, революционного духа питерского пролетариата.

Во время VI съезда партии общезаводское собрание «Скорохода» послало съезду приветственную резолюцию, в которой говорилось о поддержке большевиков, и были посланы деньги для газеты «Правда».

Л. Г. Ханин. Пережитое

Московская застава Петрограда в 1917 г. в административном отношении входила в Нарвский район и считалась его четвертым подрайоном. Но по партийной линии она была самостоятельным районом и имела свой райком, подчиненный непосредственно Петербургскому комитету партии.

18 марта 1917 г. на общем собрании большевиков района, состоявшемся на фабрике «Скороход», был создан первый легальный Московско-Заставский райком РСДРП(б). В его состав избрали и меня.

В первое время у нас насчитывалось всего около 75 членов партии, и наше влияние в районе было невелико. Эсеры и меньшевики имели абсолютное большинство во всех организациях. Особенно много было эсеров. Эсеры и меньшевики имели свои партийные клубы. Кроме того, для устройства митингов они располагали большим помещением на заводе Речкина, где часто выступали их лидеры Чернов, Камков, Брешко-Брешковская, Спиридонова, Шварц, Мартынов, Далин, Дан, Мартов и др.

¹ Новое название фабрики Столярова.

Московско-Заставский райком большевиков ютился в небольших комнатах больницы кассы «Скорохода». В это время у нас не было средств, чтобы организовать свой собственный клуб, и мы использовали митинги, которые устраивали эсеры и меньшевики. К большому неудовольствию хозяев помещения, мы выступали на этих митингах и разъясняли массам позицию нашей партии.

Нередко после окончания рабочего дня мы устраивали собрания непосредственно на улицах заставы. Табуретка, взятая из райкома, служила на таких митингах трибуной. Рабочие, возвращавшиеся после работы домой, останавливались, окружали ораторов; собирались сотни людей, и мы часто с большой радостью отмечали, что митинг прошел успешно.

Большевистские позиции на всех предприятиях Московской заставы постепенно укреплялись. Всюду создавались и росли новые партийные коллективы.

Характерен рост числа членов партии на крупнейшем предприятии района фабрике «Скороход».

В марте 1917 г. на фабрике было всего семь большевиков: Я. Калинин, А. Ульянов, А. Конькова, И. Сорокин, Н. Шахов, Е. Яковлев, О. Звиргздынь. 12 апреля на организационное собрание большевиков фабрики явилось 20 человек, а в мае коллектив насчитывал уже 55 членов.

В партию тогда принимали без кандидатского стажа, без особой проверки политических знаний. Принимали тех, кто был известен в условиях подпольной работы, кто принимал участие в политических стачках, массовках, распространял нелегальную литературу.

Каждый рабочий, вступивший в РСДРП(б), обязан был прослушать небольшой курс политграмоты, состоявший из 16 лекций, читавшихся в райкоме. В этих лекциях разъяснялись основные положения Программы нашей партии, Устава, коренное отличие большевистской партии от партии эсеров и меньшевиков. В курс входили также лекции по текущему моменту. Здесь речь шла о таких важнейших вопросах, как отношение к войне, к Временному правительству, вопрос о земле и др.

Наряду с созданием партийных ячеек на предприятиях района шла организация большевиками фабзавкомов, запись в профсоюзы, формирование вооруженных рабочих отрядов.

Успехи большевиков в Московско-Заставском районе были налицо. Росла наша организация, росло и ее влияние. Но все же эсеры и меньшевики значительное время были сильнее нас. Выступления их лидеров на заводе Речкина продолжались.

Чтобы поднять большевистское влияние, мы решили организовать в районе Московской заставы выступление наших лидеров, и в первую очередь В. И. Ленина. Договорились с фабкомом «Скорохода» использовать для этой цели их недостроенный клуб на Цветочной улице, дом 5.

Секретарь райкома обратился непосредственно к В. И. Ленину с просьбой выступить в районе. Владимир Ильич согласился, но сказал, что

для этого необходимо разрешение Центрального Комитета партии, в распоряжении которого он находится. Мы обратились к секретарю ЦК Я. М. Свердлову, и тот, согласовав с руководством ЦК, выписал путевку на выступление Ильича.

И вот в воскресный день, 21 мая 1917 г., состоялось первое выступление В. И. Ленина перед рабочими Московской заставы.

К назначенному часу во дворе дома по Цветочной улице собралось более тысячи человек, почти исключительно рабочие.

К воротам дома подъехала машина, из которой вышел Владимир Ильич Ленин. Когда мы вошли в здание и он узнал, что ему придется говорить из окна, Ильич с этим не согласился и предложил выступить прямо во дворе с довольно высокого холмика, в непосредственном окружении слушателей.

Так и сделали. Рабочие расположились амфитеатром — кто сидел на бревнах, кто лежал на траве, кто стоял, прислонившись к забору.

Владимир Ильич начал говорить о войне, разъяснил, кому она нужна, как с ней покончить. Он рассказывал о политике союзников, о действиях Временного правительства, о том, чьи интересы оно защищает, говорил о вредной соглашательской политике меньшевиков и эсеров, обманывающих рабочих и крестьян.

В. И. Ленин говорил так понятно и просто, так искренне и убежденно, что рабочие слушали его затаив дыхание, боясь проронить хоть одно слово. В ходе речи В. И. Ленина настроение слушателей стало быстро меняться. Сначала раздавались отдельные возгласы: «Правильно!», затем речь Владимира Ильича стала прерываться аплодисментами. В конце выступления ему была устроена овация.

Когда В. И. Ленин уехал, рабочие не расходились, митинг продолжался. Меньшевики и эсеры, не решавшиеся выступить в присутствии Ленина, несколько осмелели. Некоторые из них пытались выступить, но большинство собравшихся не хотело их слушать. Председателю собрания большевику С. Адашеву пришлось даже унимать слушателей, ссылаясь на «свободу слова».

Речь Ильича, его личное обаяние оказали исключительное влияние на участников митинга. Подавляющим большинством была принята резолюция против войны. Резолюция осуждала действия Временного правительства и призывала к укреплению власти Советов, к сплочению вокруг них широких масс рабочих и солдат.

Помню выступление В. И. Ленина на заводе Речкина в июне 1917 г. Сначала предполагалось устроить митинг в столовой завода, где могло разместиться до 600 человек. Но когда начал собираться народ, стало ясно, что в столовой всем места не хватит. Решили перенести собрание во двор. Митинг был платным в пользу семей рабочих, погибших на фронте.

Желающих попасть на митинг и послушать Ленина было так много, что после прекращения впуска во двор многие вскарабкались на забор, разместились на крышах окружающих зданий.

Владимир Ильич говорил о международном положении, об империалистической войне, о необходимости перехода всей власти к Советам. Ленинские лозунги о мире, о земле, о власти становились понятными, близкими массам.

Выступления В. И. Ленина имели огромное значение. Популярность большевиков возросла, позиции партии значительно укрепились, настроение в районе изменилось в нашу пользу, большевистская партийная организация стала быстро пополняться лучшими рабочими, уходившими к нам от эсеров и меньшевиков. Все больше рабочих района читало «Правду». На «Скороходе» эту большевистскую газету стали читать почти все рабочие.

Укреплению позиций большевиков в районе содействовали также выступления Свердлова, Володарского, Луначарского.

Мне запомнилось первое выступление Володарского на фабрике «Скороход», которое состоялось в конце мая или начале июня 1917 г. Это был многолюдный митинг, посвященный текущему моменту.

Петербургский комитет партии обещал нам прислать хорошего докладчика. Пришло время открывать митинг, народ уже собрался, а докладчика нет.

Не дождавшись его, решили митинг открыть. Начали выступать свои агитаторы, но выступали они экспромтом, без подготовки. Чувствовалось, что митинг идет без подъема. Члены президиума нервничали, перешептывались друг с другом. Несколько раз посылали людей за ворота посмотреть, не едет ли докладчик. Наконец он явился.

На трибуне в это время был эсер Ермолаев. Его оборонческая речь встретила сочувственный отклик у некоторой части слушателей. Когда он закончил, председатель объявил: «Слово имеет представитель Петербургского комитета большевиков товарищ Володарский».

Володарский говорил о Временном правительстве. Он ярко охарактеризовал весь состав министров и показал, что за новым коалиционным правительством, в котором принимали участие «социалисты», стоят капиталисты и помещики, которым война выгодна. Они требуют наступления на фронте для осуществления захватнических планов союзников, для расправы с революцией.

Остроумная речь Володарского нередко прерывалась дружным смехом слушателей, и он закончил ее под гром аплодисментов.

В июне значительно обострилась классовая борьба, революционное настроение масс повысилось. Временное правительство, выполняя волю своих империалистических союзников, надеясь при удаче поправить свои дела, 18 июня 1917 г. начало наступление на фронте, но оно, как известно, скоро провалилось. Среди рабочих и солдат наступление и его провал вызвали сильнейшее возмущение. Обстановка накалялась, можно было ожидать стихийных выступлений. Однако время для вооруженного восстания еще не наступило.

Живо встают в памяти июльские события 1917 г. В конце июня, на-

кануне общегородской Петроградской партийной конференции, ЦК созвал во дворце Кшесинской совещание представителей районов и воинских частей гарнизона.

В двух больших комнатах второго этажа дворца, где в то время помещался Петербургский комитет РСДРП(б), собралось несколько десятков человек. От Московско-Заставского райкома были делегированы Штейн и я. Собрание почему-то долго не начиналось. Неожиданно из соседней комнаты легкой и быстрой походкой вышел В. И. Ленин, сел за большой стол, положил перед собой тетрадку и попросил собравшихся расположиться вокруг него. Ввиду того что в комнате не хватало стульев, часть собравшихся сели прямо на край стола, другие стояли, окружив В. И. Ленина.

Это не было собранием в обычном смысле слова. По просьбе Ильича представители районов и воинских частей один за другим докладывали о положении дел на местах. Выслушав сообщение, он задавал уточняющие вопросы.

Владимир Ильич расспрашивал о настроении рабочих и солдат, выйдут ли они на улицу, если партия призовет; его интересовала численность Красной гвардии; влияние в районе и на отдельных крупных предприятиях меньшевиков и эсеров; авторитет фабзавкомов и большевистских партийных организаций на местах; какие конфликты возникают у рабочих с предпринимателями и у солдат с военным начальством. Я и товарищ Штейн отвечали Ленину на вопросы о настроении масс и общем политическом положении в Московско-Заставском районе. Никакого протокола при этом не велось, только Ильич что-то записывал в своей тетради.

Владимир Ильич умел расспрашивать. Из ответов на его вопросы выяснилось, что настроение рабочих во всех районах выжидательное, но по зову партии выступление может состояться. Что касается воинских частей, то во многих солдаты рвались на улицу. Представители воинских частей рассказывали, что солдаты крайне недовольны затеянными Временным правительством наступлением на фронте. Настроение отдельных частей Петроградского гарнизона было таково, что их стало трудно сдерживать. Они могли в любой момент выступить с оружием против Временного правительства.

Владимир Ильич тут же указывал представителям этих воинских частей на необходимость укрепления влияния партии. Он предупреждал против стихийных и разрозненных выступлений. Такие выступления будут только на пользу контрреволюции, говорил он.

На основании сообщений из районов и расспросов Ильича у многих участников этого совещания, в том числе и у меня, сложилось впечатление не в пользу массового выступления в ближайшее время. Мы чувствовали, что такого же мнения придерживался и Владимир Ильич, который все время сдерживал особенно пылких представителей воинских частей.

Тем не менее через несколько дней началось стихийное выступление, вылившееся, как известно, в июльскую демонстрацию.

Весь день 3 июля Московская застава волновалась. На некоторых предприятиях шли митинги. В ответ на призыв Центрального Комитета райком партии начал готовиться к мирной демонстрации, назначенной на 4 июля.

Скороходовцы вышли за ворота и построились в колонну. Красногвардейцы окружили знамена; милиционеры фабрики сопровождали колонну на грузовике. Демонстранты двинулись вперед, неся плакаты: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Хлеба, мира, свободы!» У Технологического института к демонстрации примкнули рабочие бойни, электростанции и другие группы.

Демонстрация Московской заставы шла мирно, без инцидентов по Загородному проспекту до Невского. На Невском раздались откуда-то одиночные выстрелы, но они вскоре прекратились.

На Литейном проспекте у Кирочной улицы к скороходовцам примкнули матросы. По Шпалерной уже с трудом двигались вперед: вся улица была запружена народом и знаменами. Скороходовцы выделили делегатов, которым поручили направиться в Таврический дворец и передать Исполкому Петроградского Совета и ЦИК резолюцию с требованием перехода власти в руки Советов.

Демонстранты двинулись в обратный путь. Когда колонна скороходовцев по Надеждинской улице (сейчас улица Маяковского) подошла к Невскому, со стороны вокзала раздались выстрелы, застрочил пулемет, послышался звон разбитых стекол. В голове колонны началась паника. Люди бросились в подъезды и ворота домов, в магазины.

Путь на Невский был прегражден. После того как волнение несколько улеглось и головная колонна скороходовцев пришла в порядок, было решено организованно пробиваться к своему району. Впереди колонны поставили грузовик с милиционерами, по бокам расположились красногвардейцы. Толпа, враждебная демонстрантам, вынуждена была очистить путь. Колонна двинулась вперед, пересекла Невский и вышла на Николаевскую улицу (теперь улица Марата). Дальше мы уже без препятствий возвращались в район.

Серьезно пострадавших среди нас не было. Только несколько человек легко ранило стеклом разбитых витрин магазинов на углу Невского.

Московско-Заставский райком после июльских дней охранялся красногвардейцами своего района. 5 июля группа юнкеров на грузовике прибыла в райком для обыска. Красногвардейцы и подоспевшие рабочие не допустили юнкеров, и те уехали ни с чем. То же повторилось и на другой день, когда юнкера прибыли на фабрику «Скороход» для того, чтобы разоружить красногвардейцев и забрать у них оружие. Красногвардейцы и рабочие заставили юнкеров повернуть обратно. Винтовки, револьверы и другое оружие были на всякий случай надежно запрятаны в фабричных подвалах.

В связи с непрекращавшимися попытками разоружить Красную гвардию Московско-Заставский райком призвал рабочих оружие не сдавать, а прятать его, но так, чтобы в любой момент иметь под рукой.

Несмотря на преследования и травлю большевиков, в эти дни партийную работу мы не только не свортывали, а усиливали, и большевистское влияние в районе продолжало расти.

В конце июля партийный коллектив фабрики «Скороход» насчитывал уже 200 членов. Характерен такой пример. Когда после разгрома газеты «Правда» партии потребовались деньги на организацию новой большевистской газеты, рабочие «Скорохода» в течение одного дня собрали для этой цели свыше тысячи рублей. Кроме того, из средств фабкома было выделено 10 тысяч рублей.

Партийная организация на заводе Речкина, умело руководимая И. Егоровым, насчитывала 25 человек. Успешно шла партийная работа и на заводе «Сименс-Шуккерт» под руководством А. Качаровского и А. Мовшовича, а также в трамвайном парке, где секретарем большевистской организации был В. Алексин.

К трем последним предприятиям я был прикреплен от райкома. Мне частенько приходилось выступать не только на собраниях, организованных большевиками, но и на тех, что устраивали меньшевики и эсеры.

Обычно на больших собраниях я выступал под кличкой «Ильин» вместе с Коняшиным.

Иван Иванович Коняшин был очень талантливым человеком, прекрасным оратором; говорил он легко и свободно, а главное, никто лучше его не мог в нашем районе разъяснить рабочим сложные политические вопросы. Родом из бедняков-крестьян, Коняшин, гонимый нуждой, 16-летним юношей пришел в Петербург. Сначала он стал работать дворником, а позднее поступил на чугунолитейный завод «Зигель» за Московской заставой.

После одной из забастовок в 1914 г. Коняшина выслали из столицы. В это время он был еще беспартийным. Но в ссылке Иван Иванович примкнул к большевикам. Вернувшись в 1917 г. в Петроград, Коняшин поступил чернорабочим в трамвайный парк у Московских ворот, а затем перешел на «Скороход».

Иван Иванович был почти неграмотным, читал по складам, а писать совсем не умел. Между тем, выступая на собраниях против меньшевиков и эсеров, он часто оперировал данными, опубликованными в печати, многое цитируя на память. Говорил он грамотно и производил впечатление начитанного рабочего. Я как-то спросил, откуда ты это вычитал? И Коняшин мне рассказал, что по вечерам жена ему часто вслух читает газеты, а он запоминает. Память у него была исключительная. По совету товарищей он собирался серьезно взяться за учебу, хотя время для этого в 1917 г. было малоподходящее.

К несчастью, этот талантливый большевистский вожак погиб в 1919 г. от рук белогвардейцев. В первых числах мая 1919 г. Петербургский коми-

тет партии направил Коняшина на Дон во главе продовольственного отряда. Здесь он вместе со своей женой попал в руки белогвардейцев. На допросе Коняшин гордо назвал себя петроградским большевиком. Его зверски били, пытали, в его присутствии палачи истязали жену, но ни одного стога враги не могли вырвать из уст революционера-большевика.

Перед расстрелом привязанный к церковной ограде Коняшин воскликнул: «Да здравствует партия большевиков!»

Имя Ивана Ивановича Коняшина увековечено названием в его память трамвайного парка и больницы в Московском районе.

Таковы были большевистские вожаки Московской заставы.

Большинству рабочих после июльских дней все яснее становились контрреволюционный характер Временного правительства и предательская роль меньшевиков и эсеров. Лучшие рабочие выходили из обанкротившихся соглашательских партий и переходили к нам.

В дни VI съезда партии на фабрике «Скороход» состоялось общее собрание рабочих, в котором участвовало 6 тысяч человек. Общее собрание приняло приветствие съезду и пожелало ему успешной работы.

«Все решения съезда будем проводить в жизнь организованно и дружно», — говорилось в приветствии. Рабочие «Скорохода» протестовали против арестов и преследований наших лучших товарищей и выразили надежду, что следующий съезд может скоро состояться «при лучших условиях, когда все наши лозунги будут осуществлены и путь к социализму будет открыт». 3 августа это приветствие было зачитано на съезде делегацией рабочих и работниц «Скорохода».

В дни работы съезда на «Скороходе» проводился сбор средств на подготовку партий выборов в Учредительное собрание. Собранные 3416 руб. были переданы Центральному Комитету партии.

В августе проходила подготовка к выборам в Центральную городскую думу, которые состоялись 20 августа 1917 г. Московско-Заставский райком проводил предвыборные митинги на заводах, фабриках, в воинских частях. За большевистский список № 6 мы агитировали, выступая и на митингах, организованных соглашательскими партиями.

Мне совместно с Коняшиным несколько раз пришлось выступать на заводе Речкина, в трамвайном парке и среди солдат.

Особенно запомнился предвыборный митинг солдат 1-й роты в здании бывшего манежа. Собралось свыше 3 тысяч человек. Организаторами митинга были эсеры. Из них в основном состоял и президиум.

Первым взял слово известный эсер Филоненко, затем говорил лже-матрос-черноморец Баткин и адъютант Керенского (фамилии его не помню). Они поносили большевиков, называя нас изменниками революции, настаивали на поддержке Временного правительства, которое, обладая всей полнотой власти, дескать, поведет Россию к победе над врагом. Временное правительство, говорили они, должно завершить революцию созывом Учредительного собрания. Баткин и Филоненко призывали голосовать при выборах в думу за эсеров.

Выступил и я. Изложив ленинскую оценку Временного правительства, стремившегося задушить революцию, я ознакомил собравшихся с конкретными задачами текущего момента, выдвинутыми большевиками. Президиум собрания неоднократно меня прерывал под тем предлогом, что я будто говорю не на тему, не о выборах в думу. Однако по требованию участников митинга президиум был вынужден дать мне закончить речь. Ясные и четкие положения предвыборной программы большевиков встречали явное одобрение собравшихся. После моего выступления собрание не дало говорить другим ораторам эсеровского толка и освистало их. В противовес этому группа эсеров и президиум устроили obstruction, отказываясь предоставить слово Коняшину. Дело чуть не кончилось дракой. Возмущенные участники митинга решили переизбрать президиум, и тогда группа эсеров покинула собрание. Коняшин произнес блестящую речь, и митинг почти единогласно принял резолюцию о том, чтобы солдаты голосовали за большевистский список № 6.

В корниловские дни Московская застава оказалась как бы на переднем крае обороны Петрограда. 27 августа в районе стало известно, что со стороны Луги идет на Петроград так называемая дикая дивизия. Весь день на предприятиях района проходили митинги. Большевики призывали рабочих к организации отпора мятежникам.

28 августа в помещении больничной кассы «Скорохода» состоялось расширенное экстренное заседание Московско-Заставского райкома партии. Решено было организовать свой большевистский штаб обороны, проводить по заводам и фабрикам района митинги, мобилизовать Красную гвардию, транспорт, раздобыть оружие.

В штаб обороны заставы избрали Штейна, Федорова, Милютина и др. Я был в числе группы агитаторов, выделенных в распоряжение штаба обороны. Нам поручалось немедленно организовать митинги на предприятиях.

На мою долю выпала организация на заводе Речкина митинга рабочих совместно со скороходовцами. Собралось так много народу, что большое помещение не могло вместить всех.

На собрании выступил большевик солдат-фронтвик в рваной шинели, обросший бородой. Его рассказ о фронтовой жизни солдат, об их настроении, о контрреволюционном мятеже Корнилова и задачах революции произвел большое впечатление.

Выступали и эсеры, понимавшие, что с приходом Корнилова им придется плохо. Они ругали изменника Корнилова, но в то же время ни слова не проронили о связи Керенского и Временного правительства с мятежниками.

Мы, большевики, разъясняли действительное положение вещей. Мы не выгораживали Временное правительство, а разоблачали его как соучастника мятежа.

Митинг принял решение начать поголовное вооружение рабочих, чтобы дать отпор Корнилову.

Большую часть красногвардейцев заставы штаб обороны отправил против наступавших частей конной армии и «дикой дивизии». Отдельные группы красногвардейцев были направлены на мобилизацию транспорта и за получением оружия; часть рабочих ушла на рытье окопов в районе Средней Рогатки.

Из города через район по Забалканскому проспекту шли войска, отряды вооруженных рабочих, мчались автомобили по направлению к Гатчине. Среди корниловских войск, как известно, была развернута широкая большевистская агитация. Корниловские части продвигались с большим трудом. Железнодорожники в нужных местах разбирали пути, тормозили и срывали передвижение эшелонов. Все это, вместе взятое, содействовало быстрому разложению войск заговорщиков.

30 августа делегация казаков из Донской дивизии явилась в Лужский Совет с предложением арестовать генерала Крымова и подчиниться распоряжениям Временного правительства. Финал этого дела — самоубийство Крымова и полный провал корниловской авантюры.

Днем 30 августа к штабу Московского района подъехал отряд горцев во главе с Хаджи Муратом Дзарахоховым из так называемой дикой дивизии, входившей в состав корниловских войск.

«Мы пришли, чтобы узнать правду о Петрограде, — сказал Хаджи Мурат, — возьмите, по нашим кавказским обычаям, наше оружие, мы пришли не с худыми мыслями». Хаджи Мурат прижал обеими руками к груди кинжал и с низким поклоном протянул его представителю штаба обороны Штейну.

Штейн, дипломатично выдержав паузу, ответил: «Хаджи Мурат, возьмите свое оружие. Мы верим, что вы пришли не с худыми мыслями. Мы верим, что горцы идут вместе с русскими рабочими и солдатами. У народа нет больших врагов, чем помещики, фабриканты, заводчики и генералы. Возьмите свое оружие, оно пригодится вам в борьбе с врагами народа».

Снова Хаджи Мурат прижимает к сердцу кинжал, снова кланяется в пояс.

Конный отряд Хаджи Мурата оставался у нас до Октябрьских дней и принимал активное участие в борьбе за социалистическую революцию.

Вечером 30 августа на заводе Речкина вновь собрался митинг, на котором присутствовали солдаты, несшие охрану района, красногвардейцы, рабочие, кронштадтские матросы. Обсуждались первые итоги и уроки корниловщины. Митинг принял резолюцию со следующими требованиями к Петроградскому Совету: усиленная борьба с контрреволюцией; отказ от каких-либо соглашений с явными и тайными контрреволюционерами и взятие власти в свои руки; полная демократизация армии сверху донизу; вооружение рабочих; освобождение всех арестованных товарищей.

Эсеры на этом митинге молчали, видимо нечего было им говорить. Вообще в соглашательском лагере царили апатия и растерянность. В то

же время большевики Московской заставы, как и всего Петрограда, были полны энергии, революционного энтузиазма и развернули кипучую деятельность.

Корниловская авантюра закончилась поражением. Решающую роль в организации разгрома мятежа сыграла партия большевиков. В огромной степени возрос авторитет большевистской партии, росли ее ряды. Так было и в нашем районе. В октябре за Московской заставой было 2 тысячи красногвардейцев. Районная партийная организация насчитывала к Октябрьским дням 1400 человек.

По призыву В. И. Ленина партия начала готовить массы к вооруженному восстанию. В общем плане восстания Военно-революционный комитет отводил каждому району Петрограда определенную роль.

В этом плане на Нарвский и Московский районы совместно с Петроградским и Измайловским полками была возложена задача не допускать в город верные Временному правительству казачьи и другие воинские части, не давать им закрепиться на подступах к столице с юга и юго-запада, охранять подходы со стороны Варшавской и Балтийской железнодорожных линий, а также со стороны Московского, Варшавского и Петергофского шоссе.

24 октября было созвано расширенное совещание райкома с представителями большевистских организаций заводов и фабрик. На совещании утвердили план захвата важнейших стратегических пунктов и сформировали революционный штаб Московской заставы, подчиненный петроградскому Военно-революционному комитету. Партийным организациям было предложено создать на предприятиях свои местные чрезвычайные комиссии.

Вечером того же дня в клубе завода Речкина состоялся митинг рабочих Московской заставы. Часть красногвардейцев пришла в полном вооружении. Митинг затянулся до ночи. С энтузиазмом была принята резолюция о немедленном вооруженном выступлении против Временного правительства и переходе всей власти к Советам. Рабочие заставы заявили о своей готовности поддержать это выступление всеми средствами. Было решено забастовку пока не устраивать, а выделить как можно больше вооруженных людей для пополнения Красной гвардии. Часть красногвардейцев сразу после окончания митинга направилась в распоряжение революционного штаба заставы.

Весь день 24 октября на фабриках вооружались и формировались красногвардейские отряды.

В исторический день 25 октября я был до глубокой ночи на ногах. Рано утром направился в райком. Мне было поручено взять необходимые документы из районного ревштаба, отправиться на Путиловский завод и договориться о получении оттуда трех пушек для красногвардейцев Московской заставы. Это поручение удалось сравнительно быстро выполнить с помощью председателя завкома Путиловского завода Антона Васильева.

Затем я был занят выполнением разных поручений штаба и райкома на заводах «Сименс-Шуккерт» и Речкина главным образом в связи с формированием и вооружением красногвардейских отрядов.

На заводах и фабриках заставы были в тот же день созданы из представителей большевистских партийных организаций и фабзавкомов чрезвычайные комиссии, на которые возлагалась мобилизация масс для борьбы с контрреволюцией.

На фабрике «Скороход» чрезвычайная комиссия состояла из 10 человек под председательством Н. Шахова. О своей организации и своих задачах комиссия направила правлению товарищества «Скороход» официальное уведомление с указанием, что «все распоряжения и постановления означенной комиссии должны проводиться в жизнь беспрекословно».

Один из наших красногвардейских отрядов под руководством Милютина направился 25 октября для захвата Николаевского кавалерийского училища. Красногвардейцы проникли в училище, обезоружили дежурного офицера и потребовали выдачи всего оружия. Приказ без сопротивления был немедленно выполнен.

Красногвардейцы Московской заставы совместно с солдатами захватили Варшавский вокзал, с помощью солдат Кексгольмского полка взяли городскую телефонную станцию, участвовали и в других боевых операциях Военно-революционного комитета в центре города, шли на штурм Зимнего.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде рабочие Московской заставы с честью выполнили свой пролетарский долг по защите завоеваний революции и ее распространению по всей стране.

Красногвардейцы Московского района были в первых рядах борцов против контрреволюционных войск Керенского — Краснова. Они героически сражались и на других фронтах против сил контрреволюции.

**А. Н. Клевядо. | Московская застава
в боях за Октябрь¹**

Накануне 1917 г. Московско-Заставский район представлял собой обычную заводскую окраину царского Петербурга. Здесь в конце Забалканского проспекта и в начале Московского шоссе располагались заводы и фабрики. Среди них крупнейшая в России обувная фабрика «Скороход» и заводы: вагоностроительный Ретшке (в просторечии Речкина), дипло-машин «Сименс-Шуккерт», механический «Артур Коппель», литей-

¹ Воспоминание подготовлено к печати доцентом А. В. Плетаковой.

ный Зигеля, аккумуляторный Рекса. На Цветочной улице находился завод «Динамо», а далее десятка полтора мелких заводиков и сотни кустарей-хозяйчиков.

С детских лет жил я и вырос в этих местах.

Район был пыльный и грязный. Городской трамвай доходил только до Путиловской ветки. За ней — за заводами «Сименс-Шуккерт» и «Артур Коппель» — город обрывался деревянными домиками Жуковой улицы.

Конечно, в дни моего детства за Московской заставой не было ни вузов, ни техникумов, ни домов культуры, ни гостиниц. Помню только несколько захудалых кинематографов «Эхо», «Фурор» и «Гранд-Палас». Зато трактиров с крепкими напитками — хоть отбавляй. Своими ярко освещенными окнами и крикливыми вывесками «Старо-Зелененский», «Андрианополь», «Стоп-сигнал», «Россия» и другие, как ядовитые грибы, назойливо лезли в глаза, привлекая публику хриплой граммофонной музыкой и разудалой гармонью.

Единственным удовольствием трудящихся Московской заставы была Румянцевская роща с ее нарядными березами, могучими дубами, вечнозелеными соснами и елями. Она начиналась от Благодатной улицы и тянулась несколько километров вдоль Московского шоссе и полотна Варшавской железной дороги вплоть до Средней Рогатки.

Летом сюда из душных каморок и углов спешили стар и млад. Мы, мальчишки, обретались здесь с утра до вечера. Роща служила не только местом отдыха и прогулок молодежи, но была благодатным прибежищем революционных рабочих для устройства массовых нелегальных сходок и митингов.

Завод динамо-машин «Сименс-Гальске», на котором работал обмотчиком мой отец, в конце 1911 г. перебазировался с Васильевского острова и обосновался за Московской заставой. Пролетарии Московской заставы уже имели немалый революционный опыт. Коппелевцы, скороходовцы, речкинцы, рабочие других предприятий заставы шли не в последних рядах питерского пролетариата. Особенно активно они проявили себя в героическом 1905 г.

В 1912 г. отец устроил меня, 14-летнего мальчишку, на свой завод учеником слесаря. В то время у завода появились новые хозяева, он стал называться «Сименс-Шуккерт» (объединились две немецкие фирмы). В годы нового революционного подъема, после расправы царизма с рабочими Ленских приисков по всей стране прокатились забастовки протеста, проходили мощные демонстрации. В них активное участие принимали трудящиеся Московской заставы, и мы, рабочие-подростки, не отставая от взрослых, гордо шагали в колоннах демонстрантов.

Одним из крупнейших революционных событий в районе явилась забастовка 1912 г. на заводе «Сименс-Шуккерт». Началась она в знак протеста против того, что администрация оштрафовала рабочих за празднование 1 Мая и записала штраф в расчетные книжки. Бастовали три месяца. Только голод, отчаянная нужда и полицейские преследо-

вания вынудили приступить к работе. Руководили забастовкой М. С. Андреев, Е. А. Матросов, К. В. Самцов, В. Б. Ащеулов и др. Около 200 участников забастовки были арестованы. Многих отправили в ссылку. Однако репрессии царского правительства не помогли, и в 1913 г. рабочие завода опять праздновали 1 Мая. Администрация завода уже не осмелилась нас штрафовать. В этот период партийную ячейку завода возглавлял замечательный большевик-подпольщик токарь инструментальной мастерской Алексей Семенович Киселев. В 1913 г. его избрали председателем профсоюза петербургских металлистов, а вскоре Киселев был введен в Центральный Комитет партии. Видный деятель большевистской партии, в годы Советской власти он работал председателем Малого совнаркома, затем секретарем ВЦИКа.

В подпольном райкоме партии были опытные революционеры-большевики К. Н. Самойлова, К. И. Николаева, Н. А. Милютин, М. Н. Федоров, П. И. Бушуев и др.

Подпольщики для легальной революционной работы с массами использовали страхассу при фабрике «Скороход».

В начале июля 1914 г. в районе, как и во всем Петербурге, проходили многолюдные митинги солидарности с забастовавшими нефтяниками Баку. Настроение рабочих напоминало бурные дни героического 1905 г. И вдруг тревожная весть распространилась по рабочим окраинам города: полиция открыла стрельбу по митингу рабочих Путиловского завода, были убиты и ранены.

Кровавая расправа над путиловцами вызвала возбуждение по всей стране. Не забыть мне бурный митинг у водокачки (постоянного места собраний), гневные выступления Тараса Кондратьева и других рабочих. Руководимые большевиками Т. К. Кондратьевым, А. И. Мовшовичем и М. И. Ефимовым, сименсовцы с революционными песнями вышли на улицу. Здесь мы соединились с забастовавшими рабочими других заводов. Десятитысячная колонна пролетариев Московской заставы, развернув красные стяги, направилась к Нарвской заставе, чтобы выразить свое сочувствие путиловцам. На Путиловской ветке полиция открыла по демонстрантам огонь. Рабочие градом камней обратили полицию в бегство. Во время схватки был смертельно ранен Сергей Гулин. На месте гибели Гулина рабочие сложили из камней курган. Ежедневно мы украшали его цветами и лентами. Городовые разгоняли «незаконные сборища» и растаскивали камни. Но на другой день рабочие снова водворяли камни на место. Так продолжалось несколько дней.

Сейчас на этом месте, напротив дома культуры имени Ильича, разбит сквер.

Начавшаяся первая мировая война сорвала июльскую забастовку петербургского пролетариата, остановила новый революционный подъем. Около 300 рабочих с нашего завода было мобилизовано в армию. В солдаты взяли прежде всего тех, кого администрация считала неблагонадежными.

Разгром большевистских организаций, массовые отправки на фронт

передовых рабочих создали исключительно тяжелые условия для революционной работы на заводах, в том числе и на нашем. Но весной 1915 г. началось восстановление большевистских организаций. Вместе с притоком новых рабочих пришел к нам на завод старый подпольщик, большевик с 1907 г. Адам Семенович Качаровский (Славинский). К началу Февральской революции 1917 г. он сумел организовать крепкий большевистский коллектив, в который входили Е. А. Матросов, В. С. Самсонов, М. И. Ефимов, А. И. Мовшович и др. Мы, революционно настроенные молодые рабочие, души не чаяли в Качаровском. Он имел на нас большое влияние. С охотой выполняли любое его поручение: распространяли листовки, стояли в дозорах во время рабочих сходов и пр.

Наступил 1917 год. Военные поражения, общая разруха и продовольственный кризис усиливались. Рабочие после изнурительного 12-часового труда приходили в свои нетопленные каморки. За хлебом нужно было простаивать бесконечные очереди.

Недовольство и гнев быстро росли в среде рабочих. Десятками и сотнями распространялись на заводах и фабриках большевистские листовки. Они бросали в массы измученных, голодных людей воспламеняющие призывы: «Долой царскую монархию!», «Война войне!», «Да здравствует демократическая республика!»

14 февраля на заводах и фабриках была распространена листовка Петербургского комитета большевиков. В ней мы читали: «Настало время открытой борьбы». Петербургский комитет звал пролетариат столицы провести в центре города внушительную антивоенную демонстрацию. Рабочие нашего завода вышли на улицу, к ним присоединились копелевцы, речкинцы, зигелевцы.

У Заставской улицы демонстрантов атаковали конные городовые. Из глубины разгневанной толпы раздавались выкрики: «Фараоны проклятые! Ироды!» Отбивались от полиции палками, камнями, гайками, болтами — кто чем мог. И все же к центру пробиться не могли. Демонстрация была рассеяна.

События стремительно развивались. Стачечная волна в Петрограде нарастала. Утром 27 февраля мы пришли на завод. На воротах висело объявление командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова. Царский сатрап грозил отправить всех бастующих на фронт. Угроза только подлила масла в огонь. Кто-то сорвал объявление. Вмиг рабочие разоружили охрану, широким потоком хлынули на улицу. Демонстранты, в том числе и мы, молодежь, направились к солдатам авиационной роты корпусного аэродрома и воздухоплавательной роты, чтобы убедить их присоединиться к рабочим. К середине дня рабочие и солдаты многотысячной колонной заправили Забалканский проспект.

По дороге к Обводному каналу разгромили полицейский участок на Заставской улице, выдворили полицейских с колокольни церкви Спаса на углу Колмовской улицы и чердаков домов, откуда те пытались обстрелять демонстрантов. Перешли Обводной канал. Часть демонстран-

тов направилась к казармам Измайловского и Семеновского полков, а остальные пошли к центру.

В этот день вооруженное восстание победило. Самодержавие было свергнуто.

Ночью, после возвращения с демонстрации, А. С. Качаровский вызвал меня, Женю Личнова, Рейнгольда Кокка и Шуру Богданова. Все мы были тогда уже квалифицированными токарями. Он поручил нам охранять завод, следить за соблюдением революционного порядка. Вооруженные винтовками, мы бдительно несли дежурство. Оно оказалось очень нелегким, ночь была темная, тревожная...

Через два дня Качаровский и молодой токарь Николай Томчак привезли к заводской столовой на грузовике несколько ящиков с винтовками и револьверами. Здесь же в столовой, которая впоследствии превратилась в штаб Красной гвардии завода «Сименс-Шуккерт», началась раздача оружия. Замечательная молодежь, воспитанная Качаровским, такие, как Николай Томчак, Рейнгольд Кокк, Василий Гранов, Александр Богданов, Никанор Куров, Евгений Личнов, Николай Голованов, и многие другие первыми получили в свои руки винтовки. Под руководством опытных солдат А. С. Федина, Г. А. Мурашова мы приступили к учебной разборке и сборке винтовок. Рабочие учились овладевать оружием. Так было на всех заводах и фабриках Московской заставы.

После Февральской революции перед большевиками стояла задача разоблачить империалистическую политику Временного буржуазного правительства и предательскую роль соглашателей — меньшевиков и эсеров. Их многочисленным организациям в районе противостояла небольшая большевистская, которая в первых числах апреля насчитывала в своих рядах только 75 человек. Но, как показала практика революционной борьбы, главное заключалось не в количестве членов партии, а в той политике, которую проводила эта партия. Уже в марте под руководством большевиков рабочие предприятия Московской заставы явочным порядком ввели у себя 8-часовой рабочий день, добились повышения заработной платы, провалили так называемый заем свободы.

На нашем заводе сразу же после Февральской революции рабочие поставили вопрос о 8-часовом рабочем дне. На митинге выступили А. С. Качаровский, Е. А. Матросов и другие большевики. Они требовали немедленно осуществить 8-часовой рабочий день. Эсеры с пеной у рта возражали. Они кричали: это будет ударом в спину революции. Наша страна и без того переживает трудности. Мы должны как можно больше работать для нашей победы над Германией...

Рабочие не поддались на демагогию эсеровских ораторов. Они дружно поддержали большевиков. Прошло предложение, внесенное Матросовым: вместе со всеми питерскими рабочими явочным порядком на заводе «Сименс-Шуккерт» ввести 8-часовой рабочий день.

Первая победа над эсерами окрылила заводских большевиков. Они повели кампанию за повышение заработной платы. Заводоуправление

под дружным натиском всего коллектива вынуждено было значительно увеличить зарплату всем категориям рабочих.

В конце марта меньшевики и эсеры стали усиленно агитировать за поддержку «займа свободы», выпущенного Временным правительством. Большевики завода решили дать бой соглашателям. По поручению партийной организации Константин Самцов и Николай Ефимов на одном из митингов в страстных речах разоблачили антинародный характер «займа», предназначенного для продолжения ненавистной народу империалистической войны. Большевиков активно поддержали беспартийные рабочие. Эсеровская затея провалилась.

Приезд В. И. Ленина и опубликование 7 апреля в «Правде» его знаменитых тезисов «О задачах пролетариата в данной революции» дали большевикам ясный, обоснованный план ликвидации двоевластия в стране, борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Большевики района вместе со всей Петроградской партийной организацией смело и уверенно встали на путь борьбы за социалистическую революцию.

18 апреля рабочие нашего завода вместе со всеми пролетариями города с необычайным подъемом отпраздновали день революционной солидарности международного пролетариата.

Важным событием в жизни трудящихся Московской заставы явилось выступление В. И. Ленина в воскресенье 21 мая перед рабочими заводов и фабрик района. Помню, мы, красногвардейцы-сименсовцы, находились в штабе. Вдруг вбежал взволнованный большевик Николай Ефимов. Ребята, закричал он, быстрее на Цветочную улицу, к клубу! На митинге Ленин будет выступать! Все быстро собрались и бегом к фабрике «Скороход». Прибежали запыхавшись, здесь собралось свыше тысячи человек. В центре двора фабрики, с бугорка Ленин начал уже свое выступление.

Человеку, даже не искушенному в политике, было понятно, о чем говорил Ленин. Он говорил о войне, обогащающей буржуазию и несущей народу бедствия, об антинародной политике буржуазного Временного правительства, которое поддерживают меньшевики и эсеры. В конце своего выступления Ленин сказал, что только социалистическая революция покончит с войной, даст народу свободу, хлеб и землю. Во время выступления стояла удивительная тишина, все слушали затаив дыхание. Когда Ленин закончил речь, рабочие устроили ему бурную овацию.

Рабочих взволновали его страстные, правдивые слова, его непреклонная воля к победе. Многим он раскрыл глаза на сложные явления политической жизни страны, развеял ложь и обман соглашателей. Резолюция против войны с осуждением действий Временного правительства, требующая перехода всей власти к Советам, была принята подавляющим большинством голосов участников этого незабываемого митинга.

Благодаря выступлению В. И. Ленина влияние большевиков среди трудящихся Московской заставы значительно возросло. В июне партий-

ная организация Московско-Заставского района насчитывала в своих рядах уже 800 членов партии.

18 июня в Петрограде состоялась мощная демонстрация протеста против политики Временного правительства. Она проходила под большевистскими лозунгами. Я помню, как колонна рабочих нашего завода пришла на Марсово поле. Крутом уже шли митинги.

Во главе нашей колонны шел грузовик с лозунгами, знаменами, транспарантами. Вот с этой импровизированной трибуны перед нами выступили ораторы. Запомнилась мне яркая речь Качаровского, в которой он раскрывал политику большевистской партии.

Нарастающее недовольство политикой Временного правительства привело к стихийной демонстрации рабочих и солдат 3—5 июля. Это была их последняя попытка заставить Советы мирным путем взять власть в свои руки. Но эсеров-меньшевистский Совет фактически перешел на сторону контрреволюционной буржуазии. Временное правительство с помощью юнкеров и казаков, вызванных с фронта, расстреляло демонстрацию, разгромило все партийные организации большевиков и произвело массовые аресты революционно настроенных рабочих и солдат. Агенты Временного правительства искали В. И. Ленина. Он вынужден был уйти в подполье.

Двоевластие кончилось. Власть перешла в руки контрреволюционной буржуазии. Партия временно сняла лозунг «Вся власть Советам!». Обстановка накалилась до предела. Большевиков травили. С помощью эсеров и меньшевиков власти стали разоружать революционные части на фронте и в тылу. Сформировали специальные отряды юнкеров для разоружения Красной гвардии.

На заводе «Сименс-Шуккерт» эсеровский завком вызвал руководителя заводских большевиков Константина Самцова и начальника Красной гвардии Качаровского. От них потребовали подчиниться приказу Временного правительства и сдать оружие. Качаровский и Самцов заявили, что сдадут оружие только в том случае, если прикажет Центральный Комитет партии большевиков. В этот вечер, опасаясь налета юнкеров, мы закопали все оружие в конце заводского двора.

Попытки разоружить Красную гвардию встретили решительный отпор на фабриках и заводах. Несмотря на противодействие эсеров и меньшевиков, на заводе Речкина 22 июля, а на заводе «Сименс-Шуккерт» 24-го были вынесены резолюции, требующие прекращения травли В. И. Ленина и большевиков, освобождения арестованных участников июльской демонстрации. В таком же духе принимались резолюции и на других предприятиях города.

Буржуазия, добившись единовластия, решила задушить революцию, разогнать все массовые демократические организации рабочих и крестьян, уничтожить большевистскую партию, установить контрреволюционную диктатуру буржуазии и помещиков. Знаменем ее стал верховный главнокомандующий генерал Корнилов, которого буржуазия по соглаше-

нию с американским, английским и французским правительствами прочила на пост всероссийского палача — будущего военного диктатора России. 25 августа генерал Корнилов двинул с фронта 3-й конный корпус на Петроград.

Партия большевиков зорко следила за развитием событий и своевременно подготовила трудящихся к решительному отпору генеральской авантюре. По призыву партии в районах Петрограда началось формирование Красной гвардии.

В Московско-Заставском районе 28 августа был организован районный штаб обороны, в который вошли Яков Штейн, Николай Милютин, Михаил Федоров и другие товарищи. Штаб руководил созданием и вооружением рабочих отрядов Московской заставы.

На всех предприятиях проходили митинги. На нашем заводе перед рабочими выступили Качаровский и другие большевики. Они призывали грудью встать на защиту города революции. Мы, молодые сименсовцы, первыми вступили в воссозданный заводской красногвардейский отряд, организатором и руководителем которого был Качаровский. Здесь же, на заводском митинге, было принято решение направить отряд навстречу корниловцам под Пулково. Прямо с митинга рабочие отправились к своему «арсеналу», где было спрятано оружие. Извлекли пулемет, гранаты, винтовки. В тот же день на завод была доставлена новая партия винтовок. Но на всех желающих оружия не хватило. Качаровский, Ефимов и Карпов выдавали его наиболее достойным.

Часть красногвардейского отряда Качаровский выделил для охраны завода и патрулирования Московского шоссе от заставы до Средней Рогатки. Другая часть отряда по распоряжению районного штаба обороны вместе с отрядами фабрики «Скороход», завода Речкина и других предприятий района была направлена на Пулковские высоты. В этом отряде находился я и мои друзья Рейнгольд, Богданов и др.

В эти августовские дни я, так же как и многие мои товарищи, воспитанники Качаровского, вступил в партию большевиков.

За несколько часов до отправления отряда на боевые позиции Качаровский собрал группу активной молодежи. Он говорил о том, что в предстоящем бою большевики должны быть впереди.

В ответ на его слова мы просили принять нас в партию большевиков. И мы пошли в бой, считая себя большевиками.

Разгром корниловской авантюры привел к громадному росту авторитета большевиков среди рабочих и солдатских масс. 31 августа перешел на большевистские позиции Петроградский Совет, а 5 сентября — Московский. Это явилось знаменательным началом большевизации Советов. На фабриках и заводах Московской заставы шли бурные собрания и митинги. Рабочие решительно поддерживали вновь выдвинутый партией лозунг: «Вся власть Советам!».

Организация большевиков нашего завода значительно усилилась в июле — августе за счет молодых рабочих. К 1 сентября она насчитывала

в своих рядах 120 человек. Всего же в Московско-Заставском районе было тогда 1235 членов партии, и число их непрерывно росло.

Борьба с корниловщиной способствовала массовому вооружению пролетариата и дала возможность легализовать Красную гвардию. С оружием мы вообще не расставались. Каждый вечер после работы под руководством старых солдат-фронтовиков изучали стрелковое дело. Уходя с занятий, забирали винтовки с собой. Утром, придя на работу, ставили винтовки у станков. Как-то веселее и спокойнее было на душе, когда винтовка рядом. Над строгими приказами Керенского о сдаче оружия только посмеивались. Все с нетерпением ждали, когда настанет час решительной борьбы за Советскую власть. И этот час настал. По призыву В. И. Ленина восстание началось.

Московская застава энергично готовилась к восстанию. Районный комитет партии на расширенном заседании 24 октября организовал штаб революционного комитета, в который вошли Я. Штейн, Я. Калинин, И. Осипов, М. Федоров, И. Егоров, И. Коняшин, А. Качаровский, С. Лаврентьев и др. Вечером в клубе фабрики «Скороход» состоялся многотысячный районный митинг. На нем была принята резолюция о немедленном вооруженном выступлении.

Сразу же после митинга в распоряжение Московского районного штаба стали прибывать отряды Красной гвардии с заводов «Артур Коппель», Речкина, «Динамо», со «Скорохода». Внушительный отряд в 300 штыков выставил завод «Сименс-Шуккерт». За несколько дней до восстания наш завод получил из Петропавловской крепости 150 винтовок. Из них 40 винтовок мы уступили рабочим завода «Артур Коппель».

В день восстания отряд Московского и Нарвского районов вместе с Измайловским и Петроградским полками заняли Варшавский вокзал, после чего несли охрану юго-западных подступов к Петрограду. Большой отряд красногвардейцев Московско-Заставского района штурмовал Зимний дворец. Основная часть отряда действовала на левом фланге, со стороны Адмиралтейства и Александровского сада. Вторая его часть наступала в центре, вместе с выборжцами, обуховцами, красногвардейцами Нарвско-Петергофского района.

Мне в штурме Зимнего принять участие не удалось. Качаровский, который тогда исполнял обязанности коменданта района, поручил мне возглавить отряд молодежи нашего завода. Этот отряд должен был захватить городскую думу. До Сенной площади нас довез грузовик, а оттуда мы пошли пешком. Подошли к думе, я расставил караул и с остальными товарищами вошел в главный зал. Гласные заседали. Встретили нас они руганью, проклятиями. Находившаяся там делегация солдат-фронтовиков 12-й армии помогла нам справиться с разъяренными «отцами города» и выгнать их из помещения.

На следующий день мы уже вернулись на завод.

Вооруженное восстание победило. Но нас ожидали новые испытания. Керенский, бежавший из охваченного восстанием Петрограда, поднял

против молодой Советской республики казачьи части генерала Краснова. В конце октября войска Керенского — Краснова заняли Гатчину.

Под непосредственным руководством В. И. Ленина все революционные силы Петрограда были приведены в действие. Вновь, как в дни подавления корниловского мятежа, только в несравненно большем количестве, к Пулкову мимо завода «Сименс-Шуккерт» шли и ехали на грузовиках красногвардейцы, революционные моряки и солдаты. Двигались артиллерия, походные кухни, санитарные отряды.

В нашей заводской столовой снова организовали питательный пункт для проходящих войск. Ранним утром 29 октября у завода остановился на короткий отдых отряд моряков под командованием Павла Ефимовича Дыбенко. Его веселые шутки, открытая улыбка, гулкий, раскатистый голос пришлись по душе и надолго запомнились красногвардейцам. Моряки отдохнули, подкрепились в заводской столовой и отправились дальше. Вслед за ними пошел на фронт и наш заводской отряд.

Помню, санитарный отряд завода вместе с заводским фельдшером был отправлен в Пулково в закрытом автомобиле районного штаба. В отряд вступили молодые работницы Ксения Иванова, Настя Паткина, Анна Личнова, Вера Кудрявцева, Ольга Иванова, Мария Козлова и др.

Вечером красногвардейский отряд нашего завода, в котором находился и я, присоединился к кронштадтским морякам у деревни Александровской. Ночью здесь завязался жаркий бой с казаками. Моряки и красногвардейцы бросились в штыковую атаку, но под артиллерийским и пулеметным огнем красновского бронепоезда вынуждены были отойти. Утром наши санитарки подобрали несколько убитых матросов и Колю Томчака, любимого руководителя нашей молодежи.

Хоронили Томчака всем заводом. Мы — его друзья прибыли на похороны прямо с поля боя и первые встали в почетный караул у гроба.

Под сокрушительными ударами красногвардейцев, матросов и солдат банды Керенского — Краснова бежали из Царского Села и, преследуемые нашими частями, покатались прочь, все дальше от Петрограда.

1 ноября революционные войска заняли Гатчину, захватили Краснова и его штаб. Мы вернулись домой, оставив в Гатчине часть наших товарищей для несения гарнизонной службы. На следующий день меня вызвал Качаровский. Он приказал мне вместе с отрядом, которым занимал городскую думу, отправиться на охрану Смольного.

Кроме нас охраняли Смольный красногвардейцы из других районов и матросы. В коридорах Смольного сновало множество людей, движение было как на Невском в часы «пик». Сюда приходили бесчисленные делегаты из воинских частей, представители заводов и фабрик Петрограда.

На второй день мне посчастливилось видеть В. И. Ленина.

Расставив посты, я возвращался в караульное помещение. На площадке второго этажа я увидел Ильича. Он стоял с двумя солдатами. Один из них, в потертой шинели, что-то горячо доказывал, а Ленин слушал его и добродушно улыбался. Я сделал вид, будто что-то забыл, и

вернулся назад, чтобы еще раз посмотреть на любимого вождя. Хотелось много раз повторить свой маневр, но я постеснялся.

Охрану Смольного наш отряд нес около недели.

После победы Октябрьской революции и разгрома войск Керенского — Краснова красногвардейцы Московско-Заставского района наводили революционный порядок в родном городе — колыбели пролетарской революции. Поскольку еще не была организована милиция, мы, красногвардейцы Московско-Заставского района, охраняли заводы и фабрики, пикетировали Московское шоссе вплоть до Средней Рогатки. Вылавливали бандитов, ликвидировали преступные тнезда спиртоносов и самогонщиков, очищали от преступного элемента так называемые «Холмуши», «Порт-Артур», «Маньчжурию» и другие доходные дома в районе Смоленской улицы, пользовавшиеся дурной славой.

Спровоцированные буржуазией, банды хулиганов, среди которых шмыгали провокаторы-наводчики, переодетые под «рабочих», пытались громить пивоваренные и винные заводы. Революционная власть приняла меры, чтобы не допустить этого. Мне было поручено возглавить отряд красногвардейцев, охраняющих завод французских вин Келлера, находившийся в Московском районе, на углу Лубенской (ныне Заозерной) улицы и Обводного канала. Нас было 50 человек, в основном рабочие завода «Сименс-Шуккерт» и фабрики «Скороход». А на следующий день утром к зданию завода подступила двухтысячная толпа погромщиков и стала ломиться в главный подъезд. На помощь нам примчалась бронемашина с командой матросов. Бронемшины открыли пулеметный огонь, правда в воздух, чтобы отпугнуть наиболее ретивых. Но погромщики не унимались, продолжали лезть. Позвонили из Петросовета. Приказали уничтожить все вино. В это время подошла рота Павловского полка. Ощетинившись штыками, павловцы оттеснили от завода ревущую толпу, а мы составили винтовки в козлы и уничтожили вино.

Ведя борьбу с контрреволюцией, красногвардейцы Московско-Заставского района не забывали о военной подготовке. В районе «кирпичных» прудов, где сейчас парк Победы, мы учились метко стрелять и владеть штыком. Так создавался основной костяк будущей Красной Армии.

Более 2 тысяч красногвардейцев послал Московско-Заставский район на защиту завоеваний Октября. Многие из них пали в боях за молодую Советскую республику, в том числе большевики Иван Иванович Коняшин, Иван Егорович Егоров, Евлампий Афанасьевич Матросов.

Бессмертна слава героев!

П Е Т Р О Г Р А Д С К А Я С Т О Р О Н А

Ю. В. Пулисар. Эпизоды февральских событий

С 1915 г. я работал на заводе «Лоренц». Перед Февральской революцией среди рабочих, руководимых большевиками, появилось решительное боевое настроение.

Помню, как проучили мастера Алексеева, который доносил начальству обо всем, что говорилось в цехе. Рабочие пригласили его к станку якобы для разъяснения некоторых вопросов и, когда он подошел, сзади накинули на него рогожный куль из-под древесного угля, вынесли из цеха, опрокинули в тачку и вывезли за ворота. После такого урока мастер Алексеев на завод больше не являлся.

Сколько начальство ни старалось узнать, кто был зачинщиком этого дела, так и не узнало. Укреплялись единство и сплоченность рабочих.

Администрация завода все более усиливала эксплуатацию рабочих и слежку за ними. Для этого по цехам были введены контролеры. Они записывали в блокноты каждую минуту, когда рабочий устраивал перерыв или отлучался от своего рабочего места. Эти сведения и подслушанные разговоры передавались начальству. Рабочие решили объявить итальянскую забастовку. Они требовали удалить с завода контролеров. Несмотря на угрозы отправить бастующих на фронт, забастовка продолжалась несколько дней и окончилась победой — контролеры были удалены с завода.

Накануне Февральской революции на заводе была объявлена всеобщая забастовка. Управляющий заводом Мохов бегал по цехам с револьвером и грозил отправить на передовую всех, кто уходит с работы, но мы все вышли на улицу. На Каменноостровском проспекте к нам присоединились рабочие других предприятий, и мы пошли к Невскому проспекту кружным путем.

На Конногвардейском бульваре нам преградил путь отряд казаков. Кто-то из товарищей предложил махать шапками перед мордами лошадей. Лошади испугались, в цепи получились просветы, через которые можно было пробраться в Александровский сад и оттуда на Невский.

Народу везде было много, то там, то здесь стихийно возникали митинги, выступали ораторы. В одном месте выступающего подняли и держали на руках. Мне хорошо запомнились его слова: «Надо кончать войну!» — и призыв к рабочим — брать в руки оружие. Выступающего сфотографировал какой-то тип, видимо сыщик. Это заметили рабочие, отняли у него фотоаппарат, избили и куда-то увели.

Казаки ездили среди толпы, во дворах были спрятаны большие отряды, но никого не трогали.

Партийная организация нашего завода начала свою легальную работу сразу после Февральской революции. Во время обеденных перерывов и после работы проходили собрания и митинги, на которых выступали представители различных партий и агитировали рабочих вступать в те партии, от имени которых они выступают. Но большинство рабочих нашего завода поддерживали партию большевиков и вступали в ее ряды.

В Красную гвардию я записался у начальника отряда Краута. Получил винтовку и у него же проходил обучение военному делу. Красная гвардия одновременно являлась и рабочей милицией. Мы несли посты на улицах, дежурили в райсовете Петроградской стороны. Иной раз приходилось уходить с работы на дежурство и потом опять возвращаться на завод.

Однажды во время несения патрульной службы на углу Введенской и Пушкинской улиц к нам подошла старушка и, указав на идущую по тротуару женщину, сказала: «Это наш помощник пристава...»

Мы с удивлением смотрели на хорошо одетую даму, по виду которой трудно было подумать, что это мужчина. Подошли, потребовали документы. Она молчит и продолжает идти. Старушка не отстает: «А вы снимите шляпу и увидите, кто она!» Последовали совету. Под париком, который снялся вместе со шляпой, мы увидели стриженую голову мужчины средних лет. Задержанный был отправлен в штаб.

В другой раз около ворот полицейского участка на Белозерской улице стояла толпа. Мы подошли и увидели извозчий тарантас и убитую лошадь. Раненый был уже отправлен в больницу. Люди показывали на угловой высокий дом, оттуда стреляли и ранили извозчика.

Вместе с подошедшими из других отрядов красногвардейцами решили найти тех, кто стрелял. Надо было узнать, как пройти на чердак. Отыскивали дворника, но он уверял, что чердак заперт и там никого нет. После настойчивого требования он дал ключи младшему дворнику, который и пошел с нами наверх. Обыскали весь чердак, никого не нашли и ничего подозрительного не заметили.

Снова идем к старшему дворнику. Предупреждаем, если не скажет —

расстреляем. Дворник по-прежнему упрямится и молчит. Только после того как поставили его к стенке, дворник заплакал и сказал: «Я покажу, где они находятся, только никому не говорите и меня отпустите, когда их найдете...»

Мы обещали. Дворник повел нас на чердак, молча показал на обыкновенную запыленную кирпичную стену и на приклад винтовки. После нескольких сильных ударов стена подалась, она была сложена из одного ряда кирпичей. В образовавшееся отверстие вставили винтовки и дали несколько выстрелов, после чего услышали осторожное движение.

На приказ «выходить!» послышались мужские голоса: «Мы выйдем, если вы нас не тронете...»

Распилили в стене лазейку, из которой первыми вышли городовые, а за ними околотовный надзиратель.

Задержанных отправили куда следует.

При проверке чердачного помещения оказалось, что туда попадали через отверстие в крыше. Оно было аккуратно замаскировано листом кровельного железа, ниже для стрельбы отворачивался в сторону другой лист. Таких отверстий было несколько, и из них хорошо просматривалась вся улица...

Д. И. Семенов. **Последний очаг сопротивления**

Заводской отряд красногвардейцев завода «Лоренц», членом которого был и я, участвовал во взятии Зимнего дворца.

Утром 29 октября в революционный штаб Петроградской стороны поступило донесение, что на Гребенцкой улице в помещении Владимирского юнкерского училища неспокойно. Начальник отряда дал команду построиться. Отобрал десять человек, в том числе и меня, и мы выехали на грузовике на место. Доехав до начала улицы, мы сошли с машины и, оставив в ней оружие, пошли к углу, чтобы сориентироваться. Училище было примерно в 100 шагах от нас. Внезапно раздалась пулеметная очередь, один из наших товарищей был убит. Мы, разобрав оружие, быстро залегли. Открыв ответный огонь, начали ползком подбираться к училищу.

Уже недалеко от цели... у нас четверо убитых. Пришлось отправить в штаб красногвардейца с донесением. Спустя немного времени прибыло подкрепление из 40 человек во главе с начальником штаба. Отряд был разбит на группы. По приказу начали окружать училище. Однако дойти до училища нам не удалось: сильный пулеметный огонь преградил путь. У нас значительные потери.

Прибыли еще красногвардейцы и солдаты, с ними трехдюймовое орудие и два броневика. Из орудия и броневиков была открыта стрель-

ба по дому. Затем броневик с белым флагом проехал вдоль дома, давая этим знак, чтобы юнкера сдавались. Стрельба прекратилась, но сигнала к сдаче не подавали... Тогда по команде «в атаку» мы стали наступать с двух сторон. И снова огонь, и снова большие потери с нашей стороны. После второй атаки я был тяжело ранен. Рядом со мной оказались мои товарищи — Швильпа и другие красногвардейцы. С трудом вынесли они меня из-под обстрела.

Санитарный автомобиль отвез раненых в Петропавловскую больницу. Меня положили в коридоре вместе с другими тяжелоранеными красногвардейцами. Врач-хирург считал нас безнадежными. Действительно, многие умерли, не получив вовремя врачебной помощи. Как выяснилось позднее, этот врач был ярым врагом революции.

Дня через четыре, когда я уже лежал в палате, ко мне пришел Швильпа с еще одним товарищем и командир отряда. Они рассказали, что была еще атака. Красногвардейцы ворвались в училище.

Все этажи оказались пустыми и только на чердаке, двери которого были забаррикадированы, напоролись на выстрелы. Пришлось пустить в ход гранаты.

Юнкера сдались. Их было около 100 человек, не считая раненых и убитых. Они, видимо, рассчитывали на помощь и приготовились к длительному сопротивлению, так как в здании был обнаружен запас воды, продовольствия, оружия. По всему чердаку были расставлены пулеметы и сделаны гнезда для стрельбы.

Всех пленных отправили в Петропавловскую крепость.

Так был разгромлен последний очаг контрреволюции на Петроградской стороне.

М. И. Баснина. Молодежь в строю бойцов за Великий Октябрь

Перед Февральской революцией мы, молодые работницы завода «Лоренц» Анна Егорова, Марфа Васильева, Надежда Репина, я и другие (фамилии сейчас забылись), активно участвовали во всех стачках и забастовках, проводимых на заводе.

В февральские дни девушки нашего завода вместе со всеми принимали участие в боевых демонстрациях и митингах на Петроградской стороне и на Невском проспекте.

6 июля 1917 г. в ответ на травлю буржуазным правительством В. И. Ленина и большевистской партии я вступила в ряды РСДРП(б). Меня избрали в заводской комитет. Вместе с М. А. Бабковым (заместителем председателя), Надеждой Репиной и другими товарищами мы организовали отряд Красной гвардии на нашем заводе. В помещении зав-

кома хранили оружие, там же было установлено круглосуточное дежурство.

Под влиянием большевистской агитации, выступлений Конкордии Самойловой, Клавдии Николаевой и других мы, молодые члены партии, организовали посещение курсов Пролетарского Красного Креста при Петроградском районном Совете. Занятия на курсах происходили в районном штабе Красной гвардии (Большая Монетная ул., д. 14). Здесь мы прошли полный курс обучения.

И вот настали дни, когда наши знаниягодились... Вечером 25 октября меня и Нюру Егорову вызвали в помещение районного штаба Красной гвардии. Захватив все необходимое — все окончившие курсы Красного Креста имели при себе перевязочные материалы, — мы пришли в штаб. Там шло формирование отрядов по 10—15 человек.

И вот наш маленький отряд во главе с командиром Александром Кокаревым, получив пароль и пропуск, тронулся маршем к Зимнему дворцу. Мы прошли Троицкий мост и через Марсово поле по Миллионной улице вышли к Дворцовой площади.

Мы расположились в здании Главного штаба Петроградского военного округа. В помещении был полный беспорядок, как будто после недавнего боя: мебель сдвинута, портреты каких-то военных в парадной форме висели криво, портьеры смяты, везде невероятный хаос. И вдруг пришла весть: Временное правительство арестовано, Зимний взят...

Было несказанно-радостно, весть о победе встретили с восторгом. Но возвращаться на завод, не побывав в бою, не хотелось. Мы так готовились к активному участию в революционных боях. У меня даже были заготовлены письма к матери и заводским товарищам на случай, если не останусь в живых. И все-таки пришлось вернуться в штаб Красной гвардии, где мы потом дежурили ежедневно.

Однажды в конце октября, когда мы дежурили в штабе, меня, Нюру Егорову и других сестер направили к Владимирскому училищу, где укрылись юнкера. Когда подходили к училищу, слышали беспорядочные выстрелы. Решили пробраться к месту боя. Перебегая от дома к дому, добрались до цели. Начали подбирать раненых и переносить в подъезды домов. Стрельба не утихала, раненых все прибавлялось, мы еле успевали оказывать помощь.

Хорошо помню, как мы подняли с мостовой матроса. Он был высокого роста, могучего телосложения, нести его под огнем было очень нелегко. В подъезде большого дома положили его на каменные плиты лестницы. Кровь струей лилась из пробитой пулей груди, мы хотели сделать перевязку, пытались остановить кровь, но раненый скончался, так и не придя в сознание. Когда из кармана достали окровавленные документы, оказалось, что матрос родом из Вологодской губернии. К сожалению, память не сохранила его фамилию.

Бой длился весь день, и только к вечеру юнкера были выбиты из училища. Красногвардейцы, солдаты, матросы окружили выведенных

на улицу юнкеров плотным кольцом. Они стояли бледные, жалкие, боясь ответственности за свершенные преступления.

Некоторые советовали расправиться с юнкерами на месте. Раздавались голоса: «К стенке!..» Но командиры отрядов не допустили самосуда, убедили, что врагов революции должен судить революционный суд.

Пошли с арестованными по Большому проспекту Петроградской стороны, затем свернули на Большую Монетную улицу и здесь повстречались с нашими с завода, они смотрели на нас удивленно. Только тут я заметила, что руки и одежда у меня в крови, вспомнила, что почти сутки не ела, что мне нужно идти на завод.

Зашла в завком, замыла кровавые пятна. Голова шла кругом, нужно было отдохнуть. Добравшись до дому, рассказала тете и дяде, у которых я жила, о событиях минувшего дня. Они меня не бранили.

После победы Октября вела работу среди женщин. Избиралась на общегородскую конференцию работниц и крестьянок, потом выступала на заводе и рассказывала нашим работницам о конференции.

В одной из газет было помещено мое стихотворение «Призыв», в котором я пыталась передать все пережитое. Помню его до сих пор:

Отзовись, товарищ, на призыв к борьбе,
Пусть забьется сердце юное в тебе!
Пусть проснется разум и сознание в нем,
Пусть заблещут очи пламенным огнем!
Будем добиваться, силы не щадя,
Чтобы жизнь иная, лучшая пришла!
Чтобы нам не гнуться в мрачной нищете,
Чтоб сказать могли мы властно о себе.
И чтоб голос смелый юного борца
Прозвучал призывно, разбудил сердца!
Отзовись, товарищ! Руку дай, идем!
К солнцу, к свету, к счастью
Грудью путь пробьем!

В марте 1918 г. наш завод был эвакуирован в Москву. С этого завода осенью 1918 г. по партийной мобилизации я была направлена на Южный фронт.

Г. К. Карманов, М. М. Тимофеев. Будни летучего отряда

Еще в предоктябрьские дни районный Совет Петроградской стороны, точнее, руководство им находилось в руках большевиков. Председателем райсовета был большевик А. К. Скороходов, рабочий завода «Дюфлон», заместителем Н. И. Петров (Маленький), членами — М. И. Тылочкин, В. М. Щетинцев, секретарем — И. Н. Пенкин, все большевики.

По инициативе и под руководством Скороходова при райсовете начал формироваться отряд Красной гвардии. Был создан районный штаб Красной гвардии. Членами штаба были назначены Я. Крамер и большевики М. Моисеев, А. Буш, Лагутченко и др.

В это же время из красногвардейцев района был сформирован «летучий отряд». Начальником его назначили С. Н. Шишкина, рабочего завода «Лоренц». В отряд входили Карманов, Тимофеев, Сулаков, Гвоздев, Янсон, Преображенский, Комаров, китаец Коля из трамвайного парка, фамилии других товарищей забылись.

Организация «летучего отряда» при райсовете проводилась на основании инструкции межрайонного совещания районных Советов от 28 августа 1917 г.¹

Скороходов разъяснил нашу задачу на первое время: борьба с контрреволюционной агитацией, наведение порядка на окраинах района в Колтышах, Новой Деревне, на Петровском острове, где проживало большинство рабочих.

Члены отряда вместе с Красной гвардией Петроградской стороны участвовали в штурме Зимнего дворца, в подавлении мятежа Владимирского и Павловского юнкерских училищ, несли охрану Смольного.

После Октябрьских дней отряд был придан к следственной комиссии района², созданной по инициативе Скороходова. Создание такой комиссии было вызвано острой необходимостью. Нужно было навести строгий революционный порядок в районе, покончить с контрреволюцией, бандитизмом, спекуляцией, изъять оружие у врагов Советской власти. Всю сложность этой борьбы райсовет возложил на следственную комиссию и ее «летучий отряд». В райсовет поступало множество различных заявлений о вражеских происках не только от рабочих, но и от интеллигенции, которая сочувствовала Советской власти. Работы было так много, что мы почти все время находились на казарменном положении.

Часто облавы проводились в ночлежках, трактирах, чайных, где собиралось особенно много уголовников и контрреволюционеров всех мастей.

В одной из таких облав были схвачены бандиты по прозвищу Мишка-портной и Мишка-налимчик, наводившие страх на население района. Не раз нам приходилось сталкиваться с вооруженным сопротивлением бандитов. В одной из таких операций был убит активный член нашего отряда Кудряшов из трамвайного парка.

Проводя обыски в квартирах, мы находили и отбирали оружие, выявляли склады с продовольствием. Все конфискованное сдавалось соответствующим организациям, а задержанные передавались следственной комиссии.

¹ «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 29 августа 1917 г.

² Следственная комиссия была оформлена протоколом райсовета от 23 ноября 1917 г.

Вспоминается такой случай. В ноябре 1917 г. в комиссию поступило заявление о том, что три крупных спекулянта-оптовика пытаются уничтожить имеющиеся у них запасы мануфактуры и зерна. Спекулянты были арестованы. Следствие вел Зубков. Во время следствия виновные пытались подкупить Зубкова, предлагая ему большую взятку за свое освобождение. Зубков доложил обо всем райсовету. Все трое были приговорены к расстрелу.

В конце ноября по распоряжению Скороходова мы вместе с красногвардейцами района принимали активное участие в предотвращении винных погромов на Петроградской стороне.

Как известно, в конце ноября и первых числах декабря 1917 г. в разных концах Питера стали вспыхивать погромы винных складов, лавок, магазинов и т. п. Для молодой Советской власти такая анархия была великой угрозой. Контрреволюция, разбитая в открытых боях, поставила своей целью натравить пьяные орды на Красную гвардию.

При Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов 6 декабря в три часа ночи был создан Комитет по борьбе с погромами. В постановлении комитета говорилось: «Попытки разгромов винных погребов, складов, заводов, лавок, магазинов, квартир и т. п. будут прекращены пулеметным огнем без всякого предупреждения»¹.

Выполняя обязательное постановление комитета, мы по предложению Скороходова, установив в районе места нахождения винных складов, магазинов, уничтожили их, не допуская при этом скопления погромщиков у винных хранилищ. Нам помогали заводские отряды Красной гвардии.

Так мы уничтожили запасы вина в подвалах сада «Аквариум» на Каменноостровском проспекте. Здесь было обнаружено 30 тысяч бутылок вин различных марок. Во дворе сада стояла какая-то небольшая воинская часть. Узнав, что в подвалах уничтожается вино, они решили захватить его, спустились через пролом в стене вниз. С другой стороны сада, со стороны улицы тоже начала собираться толпа. Пришлось срочно вызвать пожарную команду. Смешанное с грязью вино выкачивалось пожарными насосами.

Припоминается случай на Большом проспекте у виноторговца Шустова. Не без помощи вражеской агитации погромщики стали скапливаться около магазина, намереваясь ворваться в помещение. Мы пытались оттеснить толпу, но народ не расходился. Толпа, подбиваемая провокаторами, все увеличивалась. Нам пришлось просить помощи у райсовета. Очень быстро подоспел усиленный отряд красногвардейцев и броневик. Только после этого толпа рассеялась. При выходе из магазина доходило до курьезов, нас буквально ощупывали — не несем ли мы в карманах вино, а некоторые даже обнюхивали. Провокаторы пускались на все

¹ «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 6 декабря 1917 г.

уловки, чтобы скомпрометировать красногвардейцев и членов отряда. Но этого им так и не удалось сделать.

20 декабря 1917 г. по предложению В. И. Ленина была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия под руководством Ф. Э. Дзержинского. Следственная комиссия райсовета стала своего рода помощником ВЧК в ее работе на Петроградской стороне.

Е. П. Михайлова-Лисенкова. Девушки пролетарского Красного Креста

Я работала в шорной мастерской на заводе Военно-врачебных заготовлений (ныне завод «Красногвардеец»). В дни подготовки к Октябрьской революции я вступила на заводе в пролетарский Красный Крест.

В напряженные дни конца октября, когда решалась судьба революции, многих работниц нашего завода, в том числе и меня, отправили в распоряжение Петроградского районного штаба Красной гвардии. Был сформирован санитарный отряд. Нас направили под Петроград и придали красногвардейской части, расположившейся на территории цементного завода Невского района. В помещении заводской амбулатории мы организовали перевязочный пункт. А. Гилярова, студентка Женского медицинского института, обучала нас искусству делать перевязки. Ночь прошла спокойно. Боя не было. Наутро, когда было получено известие о наступлении Керенского на Пулково, наша красногвардейская часть была направлена под Пулково, а санитарный отряд возвращен в Петроградский райсовет. Нас срочно переформировали. Теперь в отряде было девять человек — три студента-медика (из них две девушки) и шесть санитарок. Начальником отряда была назначена студентка М. Литинская.

В тот же день мы были отправлены на станцию Александровская, под Петроград. Приказано было организовать там санитарное обслуживание.

Благополучно добрались до места и расположились в маленьком санпункте станции. Разбились на летучки и притотамились к приему раненых. В это время произошло непредвиденное... Не успело стемнеть, как к станции подошел бронепоезд с большим отрядом юнкеров и, обстреляв, занял ее. Отряд красногвардейцев, находившийся на станции, был очень незначительный, оказать должного сопротивления не смог и отступил, не предупредив наш санитарный отряд. Мы оказались в плену. Во время боя на станции были ранены двое наших — матрос и красногвардеец и один из командиров юнкеров. Всем им была оказана медицинская помощь.

Ночью для подкрепления юнкеров прибыли казаки. Наше положение становилось критическим. Мы не знали, что нас ждет. Прошло немного

времени, но белые нас пока не трогали. Мы решили попробовать вести разъяснительную работу среди солдат, но наша агитация была замечена. Офицеры загнали нас в какой-то чулан и заперли, поставив у дверей караул. Мы решили, что утром нас расстреляют...

Но у белых были раненые и не было санитарного отряда, они решили отправить нас в свой госпиталь. Однако сделать этого не успели...

Рано утром Красная гвардия и отряды матросов повели широкое наступление. Наша охрана сбежала. Мы перешли железнодорожное полотно и направились к Пулкову. По дороге оказывали первую помощь нашим раненым. Так добрались до города и вскоре оказались у себя на Петроградской стороне.

На следующий день белые сдались, а генерал Краснов был взят в плен.

В течение ноября — декабря девушки нашего Красного Креста все время несли дежурство на заводе и в районном штабе Красной гвардии. Все горели желанием поскорее попасть на какой-нибудь боевой участок.

В конце декабря 1917 г. в Петроградском районе был организован мощный сводный красногвардейский отряд под командованием Жердева, рабочего завода «Лоренц». Отряд должен был отправиться на Калединский фронт.

Отряд назывался 1-м Красногвардейским отрядом Петроградского района. В отряд входило много рабочих и нашего завода, помню Каталла, Гулевича, Спургайтиса, Васильева.

Петроградским районным пролетарским Красным Крестом был организован специальный санитарный отряд, в который от нашего завода вошли О. П. Покорейнен, медицинская сестра, и санитарки Васильева, Тихомирова и я. От завода «Дюфлон» в отряде была работница Л. Лихачева и, не помню откуда, Филиппов, Абрамов и еще один санитар по имени-отчеству Александр Федорович, получивший поэтому прозвище Керенский. Фамилий еще двух санитаров, которые вскоре перешли в отряд Жердева, не помню.

Сбор нашего санитарного отряда состоялся в бывшем Павловском юнкерском училище в Петроградском районе, откуда мы отправились на Николаевский (ныне Московский) вокзал. Здесь к нам присоединились посланные городским комитетом пролетарского Красного Креста два фельдшера, один из которых, Лавринович, стал начальником отряда.

Никаких специально приспособленных санитарных вагонов у нас не было. Все пришлось оборудовать в дороге.

С боями отряд Жердева дошел до Азовского моря. Много было жарких схваток с белыми, много работы было и у нас, так как эшелон был переполнен ранеными.

С взятием Ростова Калединский фронт был ликвидирован. В это время началось наступление немцев на Петроград, уже был занят Псков. По приказу командования наш отряд был возвращен на защиту родного города.

А. Л. Александрова. Активисты молодежи Петроградской стороны

После Февральской революции 1917 г. рабочая молодежь вместе со всем трудовым народом России получила некоторую свободу для борьбы за свои права. Прислушиваясь к словам старших товарищей-большевиков, выступавших на митингах и собраниях рабочих, молодежь стала яснее понимать цели борьбы, росло ее сознание.

Я тогда работала на фабрике Отто Кирхнера (ныне фабрика «Светоч»). Заводская молодежь все чаще стала требовать пересмотра тарифов, установления минимума заработной платы, улучшения системы ученичества, введения 6-часового рабочего дня для подростков и равной оплаты за равный труд со взрослыми.

Добиться выполнения этих требований в одиночку и даже организованно на фабрике мы не могли. Нужна была молодежная сильная организация.

И вот в середине апреля 1917 г. в связи с подготовкой к проведению первомайской демонстрации на Выборгской стороне в столовой завода «Русский Рено» состоялось собрание молодых рабочих Выборгского района. На нем присутствовали и представители рабочей молодежи Петроградской стороны. На собрании с горячей речью выступила Надежда Константиновна Крупская, рассказавшая о задачах, которые стоят перед рабочей молодежью Питера. Это собрание ускорило создание районной организации Союза рабочей молодежи на Петроградской стороне.

В первой половине мая 1917 г. на Большой Монетной улице в доме 14, в помещении райсовета состоялось первое организационное собрание молодежи Петроградской стороны. Сюда собрались около 50 представителей молодежи наиболее крупных предприятий района, где уже были созданы юношеские организации и избраны свои исполкомы. Это районное собрание юношеских исполкомов обсудило ряд вопросов, связанных с задачами, стоявшими перед молодежью, в том числе и вопрос о создании первого руководящего органа молодежи в районе.

Такой орган был избран и назывался он — районное бюро юношеских исполнительных комитетов Петроградской стороны. Все избранные в бюро, за исключением одного, сочувствовали большевикам.

В состав этого первого районного комитета от фабрики Отто Кирхнера были избраны Войтович и я. Председателем районного бюро первое время был эсер А. Бурмистров с завода «Дюфлон». Это не могло не сказаться на работе бюро и на предложенном им уставе организации. Позже в состав бюро был включен молодой большевик Петр Смородин (впоследствии секретарь ЦК РКСМ). Он резко критиковал деятельность эсера Бурмистрова и предложенный им устав.

17 мая было созвано делегатское собрание районной организации. Состоялись перевыборы бюро юношеских исполнительных комитетов. Но-

вый состав в большинстве своем состоял из сочувствующих большевикам, а председателем был избран Петр Смородин.

Создание нашей молодежной организации прошло при активной помощи районного комитета партии большевиков. В частности, большое участие и помощь в работе оказывала Т. И. Граф, а также райисполком во главе с тов. Скороходовым.

Очевидно, я тогда несколько больше других выделялась своей активностью да и выглядела старше, хотя мне было всего 16 лет, поэтому избиралась от молодежи фабрики не только в состав первого районного органа юношеских организаций, но и в последующие составы. Избиралась также от молодежи фабрики в фабричный комитет профсоюза, а после Октябрьской революции и в комиссию по передаче фабрики в ведение Совета народного хозяйства.

Буржуазия использовала все средства, чтобы вырвать из-под влияния большевистской партии молодежные организации. Так, в середине мая 1917 г. было созвано делегатское собрание всех районных организаций Союза рабочей молодежи. На нем был избран 1-й межрайонный совет и по предложению либерала П. Шевцова принято название организации — «Труд и свет». От Петроградского района в состав межрайонного совета были избраны большевик Смородин и эсер Бурмистров. Возглавил межрайонный совет Шевцов.

Он с первых же дней пытался отвлечь молодежь от ее революционного пути. Шевцов часто говорил, что юношество должно идти по культурно-просветительному пути, что организация должна иметь «внепартийный и внеклассовый характер».

В петроградской районной организации «Труд и свет» нам старались привить интерес к танцам и другим развлечениям. Девушек вовлекали в различные кружки по рукоделию, домоводству и т. п.

Однако, как ни пытались мелкобуржуазные руководители организации «Труд и свет» «уберечь» рабочую молодежь от политики, им этого не удалось. Молодежь нашего района активно участвовала не только в экономической борьбе, но все чаще вставала на путь политической борьбы.

Мы были постоянными участниками всех митингов, собраний, стачек и демонстраций. Мы требовали своего представительства в фабзавкомах и районном Совете рабочих и солдатских депутатов, требовали избирательного права голоса начиная с 18 лет, мы выступали против империалистической войны и «займа свободы».

Влияние партии большевиков на молодежь росло с каждым днем. Такая форма организации, как «Труд и свет», явно себя изжила. 18 июля 1917 г. межрайонный совет отстранил Шевцова от руководства организацией, а через девять дней «Труд и свет» прекратил свое существование.

Надо иметь в виду, что буржуазное Временное правительство все время поддерживало организацию «Труд и свет», поэтому хотя она в городском масштабе и перестала существовать, но в некоторых районах под крылышком меньшевистско-эсеровских организаций жили ее остатки.

18 августа 1917 г. состоялась 1-я общегородская конференция рабочей молодежи города, которая положила начало петроградской организации социалистического Союза рабочей молодежи.

В Петроградском районе первое время продолжали существовать параллельно две организации молодежи — «Труд и свет» и Социалистический союз рабочей молодежи. В Социалистический союз рабочей молодежи перешла главным образом мужская часть рабочей молодежи. В организации «Труд и свет» остались учащиеся и некоторая часть девушек, которых прельщала «интеллигентность» оставшегося там юношества и буфет. Из буфета периодически выдавались бесплатно бутерброды. Последнее обстоятельство тогда играло немаловажную роль, так как в Петрограде с продовольствием было очень тяжело и население голодало, особенно это чувствовали рабочие и безработные.

Я первое время тоже оставалась в составе организации «Труд и свет» вместе с другими девушками. К нам часто приходили юноши из Социалистического союза рабочей молодежи и уговаривали перейти к ним в союз. Не знаю, что действовало тогда больше на нас, но вскоре мы постепенно, одна за другой начали покидать организацию «Труд и свет» и переходить в Социалистический союз рабочей молодежи, который был ближе нам, работницам, по своим целям и задачам.

Так постепенно организация «Труд и свет» перестала существовать и в Петроградском районе. Молодежь видела свое будущее в растущем действительно пролетарском Социалистическом союзе рабочей молодежи.

М. П. Александров. Союз молодежи Петроградской стороны

Социалистический союз рабочей молодежи с первых дней своего рождения был боевым помощником и надежным резервом большевистской партии.

Молодежь Петрограда по призыву и под руководством партии с оружием в руках боролась за победу социалистической революции. Еще в дооктябрьские дни молодежь Питера влилась в красногвардейские отряды рабочих. По призыву ЦК большевистской партии эти отряды оказали вооруженный отпор контрреволюционному генералу Корнилову.

После разгрома корниловщины влияние большевиков на массы стало быстро расти. Шла усиленная подготовка к вооруженному восстанию. В. И. Ленин придавал большое значение участию в нем молодежи. Он глубоко верил в ее беззаветную преданность революции.

Пять тысяч молодых рабочих влились в отряды Красной гвардии Питера. Они вместе с рабочими, солдатами, матросами в октябрьские дни штурмовали Зимний дворец, занимали вокзалы, мосты, телефон, теле-

граф, дрались с юнкерами. Среди них была и молодежь Петроградской стороны.

Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась. Она коренным образом изменила экономическое и политическое положение всего нашего народа, в том числе и всей молодежи Страны Советов.

Иностранные империалисты и внутренняя буржуазия не могли смириться с потерей власти, богатства и доходов, которых их лишила революция. Они начали готовить и проводить контрреволюционные заговоры, вооруженные мятежи, саботаж, диверсии, вредительство, стараясь всеми силами и средствами уничтожить Советы, вернуть себе потерянное.

Одним из наиболее тяжелых и опасных событий того периода для молодой Советской республики было наступление германских войск. Нарушив перемирие, немецкая армия 18 февраля 1918 г. вторглась в пределы Страны Советов. Над Петроградом нависла непосредственная угроза.

В. И. Ленин объявил социалистическое отечество в опасности и призвал всех встать на защиту завоеваний революции. Молодежь Петрограда и на призыв вождя откликнулась первой вместе с коммунистами и рабочими города. Городской комитет Социалистического союза рабочей молодежи (ССРМ) в феврале 1918 г. в выпущенной листовке писал:

«К оружию, товарищи! Все, как один, в боевой юношеский отряд, все, как один, под Красное знамя Советов — для защиты революции. На смертный бой зовем мы вас, молодые пролетарии Питера!»

Учитывая беспрепятственное продвижение немцев к Петрограду и срочную необходимость остановить врага, отряды формировались в течение нескольких часов и редко больше одного-двух дней. Обучение и практику военного дела бойцы отряда проходили на фронте в сражениях.

В боевые отряды вошел добровольцами почти весь состав городской организации СССРМ. Райкомы закрылись. На дверях появились надписи: «Райком закрыт. Все ушли на фронт». Из членов городского комитета СССРМ и актива районных молодежных организаций был сформирован «Партизанский отряд имени СССРМ». Он состоял из 109 юношей и 11 девушек. Командиром этого отряда был избран руководитель СССРМ Петроградской стороны Петр Смородин. Отряд действовал в районе Гдова.

После подписания Брестского мира большинство молодежи осталось в армии. Начали формироваться полки Красной Армии, рожденной в боях под Псковом. Был организован и молодежный полк. Петр Смородин стал его комиссаром.

Чтобы оживить работу райкомов, привлечь новую молодежь в ряды молодежной организации, придать ей прежний боевой характер, городской комитет СССРМ провел в конце апреля и мае 1918 г. городские конференции членов СССРМ. Это в значительной степени способствовало тому, что на многих предприятиях города, фабриках и заводах в коллективы Союза молодежи были приняты новые члены, среди которых были грамотные, развитые товарищи. Они вскоре были привлечены к активной работе, и наш юношеский союз снова начал набирать силы.

В это время, возвратившись из армии, я начал работать на фабрике Керстена (ныне фабрика «Красное знамя»). Здесь была создана инициативная группа из членов Союза молодежи для возобновления работы нашего Петроградского райкома. В эту группу были включены представители молодежи с других предприятий. В апреле 1918 г. инициативная группа созвала районное общее собрание членов Союза молодежи для выборов комитета. Председательствовал на собрании представитель молодежной организации фабрики Керстена Вячеслав Трухневич.

Районный комитет Петроградской стороны был избран в составе 15 человек, в него вошли Вечерский, Трухневич, Макаров, Шамович, Цейтлин — все от фабрики Керстена, Тарасова — от фабрики Отто Кирхнера, Демидов — от завода Гейслера и др. Каждому из нас приходилось очень много работать, так как освобожденных работников в райкоме и на предприятиях не было. Лишь иногда по разрешению фабричного комитета нас освобождали от работы на несколько часов, чтобы пойти на фабрику, завод, выполнить задание райкома по активизации работы молодежи.

В то время все приходилось делать только посредством личного общения, так как других средств связи не было. Чтобы привлечь молодежь в союз, приходилось, как я уже отмечал, ходить по предприятиям, обращаться там к партийным руководителям, а главным образом лично беседовать с молодежью прямо на рабочем месте у станка. Все это надо было делать в рабочее время. А уходить с работы не всегда было можно. Иногда разрешение на это давал фабричный комитет, он же в таких случаях и заверял справку о вынужденном «прогуле» для оплаты правлением фабрики потерянных часов на производстве. Часто не было даже и помещения, где могли бы собраться молодежь или заседание комитета.

Наконец нашему районному комитету было предоставлено новое помещение по Большому проспекту в доме 65, квартире 1. Там стали проводиться не только заседания райкома, но и общие собрания, митинги, концерты, лекции. Была организована общеобразовательная школа, так как тяга к знаниям у молодежи была огромная. Многие были малограмотны и даже неграмотны. Так, председатель нашего райкома ССРМ, а потом и секретарь ЦК РКСМ Яков Цейтлин умел тогда только написать свою фамилию.

В первой половине 1918 г. в новом, хорошо оборудованном по тому времени помещении был открыт районный клуб. Его называли «Спартак». При нем организовали читальню со свежими газетами, буфет, из которого бесплатно выдавались маленькие бутерброды из черного хлеба с повидлом или чайной ложечкой изюма. Заведовала клубом Груня Тарасова.

Работа Союза молодежи в районе начала налаживаться. Но недолго продолжалась передышка. Вскоре в связи с создавшейся тяжелой обстановкой на фронте городской комитет ССРМ провел экстренное собрание всего актива Союза молодежи. Обсуждался вопрос об оказании помощи Красной Армии в борьбе с белочехами. Многие товарищи ушли на фронт.

Среди них были Цейтлин и Шамович. Вновь уменьшилось количество членов Союза молодежи, произошли изменения в составе районных комитетов. Снова были произведены перевыборы. Председателем нашего районного комитета избрали меня, товарищем председателя — Павла Бурмистрова, секретарем — Ореста Петропавловского.

Необходимость в освобожденных работниках райкома была большая. Поэтому учредили освобожденную должность секретаря, хотя средств на это ни в райкоме, ни в горкоме не было. Кое-как собирали небольшую сумму и выплачивали Петропавловскому. Но чаще всего он ничего не получал и работал бесплатно.

Положение в стране продолжало оставаться тяжелым. Фронт требовал все новых пополнений. Особенно не доставало пролетарского командного состава, партия должна была в короткие сроки готовить свой командный состав.

На Петроградской стороне на Большой Спасской улице, в доме 21 (ныне улица Красного курсанта), на базе Павловского юнкерского военного училища были организованы первые советские пехотные Петроградские командные курсы. На курсы принимались лица, достигшие 18-летнего возраста, члены РКП(б) или по рекомендации учреждений, стоявших на платформе Советской власти, или по рекомендации двух членов РКП(б). Общий срок обучения был установлен 8 месяцев, из них: 4 месяца — на подготовительном курсе и 4 месяца — на специальном. Для поступления на подготовительный курс требовалось умение читать, писать, излагать прочитанное и знать четыре правила арифметики.

Активное участие в комплектовании курсов принимали партийные и молодежные организации Петроградского района. Так, в первый набор на курсы был послан активный работник член районного комитета ССРМ Черемухин. Во второй набор осенью 1918 г. от райкома Союза молодежи на курсы пошел я. Женщины и девушки — члены Союза молодежи нашего района участвовали в самых тяжелых испытаниях, выпавших на долю молодой республики. Санитарками, медсестрами, рядовыми бойцами они несли боевую службу в воинских частях Красной Армии на фронте, в районных штабах внутренней обороны города.

Заслуги многих были высоко оценены. Так, 18-летняя работница трикотажной фабрики Керстена Катя Дмитриева была награждена орденом боевого Красного знамени. Она вместе с бойцами Красной Армии прошла путь от Лигова до Ямбурга. Под пулеметным и оружейным огнем противника она делала перевязки и выносила раненых с поля боя. Многие были ей обязаны жизнью. Ее храбрость и мужество служили примером, поднимали бойцов в атаку.

Советское правительство по заслугам оценило героизм, проявленный жителями при обороне Петрограда. Состоявшийся 5—9 декабря 1919 г. VII Всероссийский съезд Советов наградил Петроград орденом боевого Красного знамени. М. И. Калинин вручил Петрограду Красное знамя ВЦИК и орден. В этом большая заслуга и молодежи Питера.

ПЕРВЫЙ ГОРОДСКОЙ РАЙОН

**Б. И. Иванов. Нелегальная работа
в Лиговском народном доме в 1914—1917 гг.**

Еще в годы первой русской революции партия большевиков широко использовала для революционной пропаганды и работы в массах все легальные возможности: профсоюзы, больничные кассы, кооперативы. Особенно большое значение имели тогда разного рода культурно-просветительные общества, которые рабочие называли клубами.

В Петербурге с 1905 по 1917 г. таких рабочих клубов, по далеко не полным данным, насчитывалось свыше 30¹. Многие из них просуществовали только по несколько месяцев и за революционное направление в работе были закрыты царским правительством; некоторым удалось действовать до Октябрьской революции.

Эти культурно-просветительные организации были местом, где партия большевиков развертывала свою нелегальную работу. Здесь слушались лекции на всевозможные темы. Функционировали различные курсы и кружки.

Отдельные представители либеральной буржуазии создавали народные дома, где тоже велась культурно-просветительная работа: читались лекции, устраивались концерты, спектакли. В Петербурге было несколько таких народных домов — дом Нобеля на Выборгской стороне и дом графини Паниной, построенный в 1903 г. на ее средства. Назывался он Лиговским народным домом (ЛНД) или Лиговскими вечерними классами.

Расположенный на рабочей окраине Петербурга (в 1-м Городском районе), недалеко от зловонной грязной речки Литовки, на углу тогдаш-

¹ Подсчитано по большевистским газетам «Звезда», «Правда», меньшевистским — «Живое дело», «Луч» и др.

них Тамбовской и Прилукской улиц в доме 63/10 ЛНД представлял как бы культурно-просветительный комбинат, состоявший из театрального зала на 900 мест, нескольких больших аудиторий для чтения лекций и занятий бесплатных курсов для подростков (по программе трехгодичных ремесленных курсов и курсов технического черчения). Для взрослых были организованы вечерние классы повышения грамотности и классы для получения среднего образования, имелась обширная библиотека, астрономическая обсерватория, комнаты для занятий кружков — драматического, хоровых, музыкальных, выразительного чтения, швейных и других комнат для занятий с детьми школьного и дошкольного возраста. При ЛНД была столовая с обедами по удешевленным ценам.

Популярным, дешевым, общедоступным для рабочих был театр Лиговского народного дома, в котором начиная с 1905 г. ставила свои пьесы труппа передовых артистов под руководством талантливых деятелей сцены П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской (родной сестры артистки В. Ф. Комиссаржевской).

Чтение лекций, рефератов, беседы проходили в ЛНД в отличие от других клубов без присутствия полицейских.

Члены РСДРП, работавшие в 1-м Городском районе, организовали у себя на предприятиях и в профсоюзах нелегальные большевистские кружки, которые были тесно связаны с ЛНД. В аудиториях ЛНД читали лекции представители большевистской партии — В. И. Невский, А. М. Коллонтай, П. Ф. Куделли, С. М. Нахимсон, Л. Р. Менжинская и другие товарищи.

Лекторы-большевики оставляли расписки в получении денег за прочитанную лекцию, на самом же деле эти деньги шли в партийную кассу на ведение подпольной работы и для помощи политическим заключенным. Так поступали и многие артисты — В. Ф. Комиссаржевская, В. И. Качалов и даже целиком труппа Московского Художественного театра. Сборы от их спектаклей шли полностью в партийную кассу.

В вечерних классах состав учащихся комплектовался из революционных рабочих Петербурга, значительная часть которых работала на предприятиях 1-го Городского района. Многие из них становились членами партии большевиков. Так, старейшая работница ЛНД Ефросинья Андреевна Евдокимова, работавшая здесь в библиотеке, стала в 1917 г. членом РСДРП(б). В 1914 г. и позже она, будучи еще беспартийной, активно помогала большевикам: у себя в комнате, здесь же в помещении ЛНД, Евдокимова хранила нелегальную литературу и денежные сборы подпольного Красного Креста, предназначенные политическим заключенным. В ее комнате и в помещении библиотеки, конечно тайно от графини Паниной, проводились нелегальные собрания. Партийная работа велась еще и через совет старост, состоявший из представителей групп вечерних классов. В совете старост было много членов РСДРП(б).

В 1914 г. в ЛНД был создан кружок по изучению марксизма. С начала империалистической войны из закрытых охранкой клубов, курсов,

профсоюзов и других пролетарских организаций в ЛНД хлынуло большое количество рабочих-активистов, среди которых было немало большевиков. В июле того же года большевики оформили партийную организацию при ЛНД, объединившую около 30 партийцев, что по тем временам было совсем немало. Во главе организации стоял президиум, в который входили Алексей Маширов, Иван Козловский и Михаил Волков. В обязанности президиума входил созыв группы, связь с другими организациями, печатание прокламаций и прочей нелегальной литературы.

Группа проявила большую жизнеспособность. Листовки печатались на гектографе, и уже в конце июля их было выпущено 200 экземпляров. Листовки за подписью «Группа партийных социал-демократов» распространялись среди призванных на военную службу рабочих, так как призывной пункт находился здесь же при Лиговском народном доме. Мы, распространявшие эту листовку, замечали, что мобилизованные охотно и с интересом ее читали и часто уносили с собой.

В начале августа 1914 г. партийной организацией ЛНД был издан на гектографе первый номер нелегального антивоенного журнала «Рабочий голос», в котором было 18 страниц текста. Основным актив, готовивший издание, представляли Алексей Маширов, Тарас Кондратьев, Иван Федоров (Архимед), Михаил Ефремов, Иван Козловский и Иван Москвин. Маширов написал редакционную статью, в которой доказывал необходимость укреплять партию, находящуюся в подполье. Партия должна возглавить борьбу рабочего класса. В конце августа 1914 г. была выпущена напечатанная в 200 экземпляров на гектографе листовка «Письмо рабочего», написанная Машировым.

Для выпуска антивоенных прокламаций и журнала «Рабочий голос», а также для печатания новых революционных листовок требовалась бумага. Необходимы были деньги. Кроме того, при покупке большого количества бумаги нужно было соблюдать осторожность, чтобы агенты охранки не могли что-либо заподозрить. И мы делали все возможное, чтобы не попасться. Часть покупали, остальную бумагу нам доставал Иван Васильевич Шувалов (Макар). Он возглавлял партийную организацию бумажной фабрики Печаткина в Красном Селе (близ Петрограда). Происходило это так: заранее нанятый ломовой извозчик проезжал с телегой мимо фабричных складов, получал огромный рулон бумаги, доставлял его в назначенное место. Эта бумага предназначалась для печатания прокламаций не только в Лиговском народном доме, но и в других партийных организациях Петербурга, а иногда и для «Правды».

Большевистская организация ЛНД стала инициатором созыва общерайонного собрания партийцев для избрания партийного комитета 1-го Городского района. Чтобы не навлекать на ЛНД подозрения охранки, собрание состоялось в соседнем трактире «Капернаум». На собрании присутствовало около 60 представителей местных партийных организаций: лиговских вечерних классов, Николаевской железной дороги, портных, пекарей, печатников и др. В состав большевистского комитета 1-го Город-

ского района и его Исполнительную комиссию мы тогда ввели от лиговских вечерних курсов Козловского, от булочников — Будаева, от портных — Шляхова. Тогда же при Исполнительной комиссии райкома были образованы три коллегии: организационная, пропагандистская и литературная. Ими руководили члены Исполнительной комиссии Иван Михайлович Москвин (Приятель) и Алексей Иванович Маширов.

Несколько позднее было организовано бюро помощи репрессированным. В дальнейшем районный комитет установил связи с другими кружками и группами. Была налажена также связь с группой студентов высших учебных заведений. Осуществлял эту связь член районного комитета Москвин.

1-й Городской районный комитет партии имел хорошо налаженную, каждодневную живую связь со всеми членами партийной организации района. Большинство членов партии нашего района чуть ли не каждый день посещали ЛНД, а Маширов даже жил тут же. Мне было поручено осуществлять связь с партийными кружками пекарей Выборгской стороны (Безбородкин проспект, д. 14/16) и с кружком молодых рабочих, куда входили печатники и металлисты (Суворовский проспект, д. 40-б). В этих двух кружках имелась кое-какая типографская техника и гектограф, а в кружке пекарей изготавливались подложные паспорта.

В условиях царского самодержавия, когда партия большевиков вела революционную борьбу в глубоком подполье, большинство партийных активистов, особенно те, кто стали профессиональными революционерами, чаще всего жили по чужим паспортам, а на подпольных собраниях и митингах выступали под чужими именами и фамилиями. Для нелегальной работы членам партии необходимы были подложные паспорта. Мы занялись их изготовлением.

Ответственна, сложна и тяжела была в тогдашних условиях партийная работа. Незримо в глубоком подполье создавалась сеть партийных организаций, десятки и сотни товарищей работали над тем, чтобы умножить ряды партии, вовлечь в ее состав сотни и тысячи новых членов. Для этой цели создавалась сеть тайных типографий, паспортных бюро, большевистских ячеек Красного Креста, явочных квартир и т. п. Наша партийная организация в ЛНД постепенно росла. Установилась связь с Выборгским районным комитетом партии, с организационной коллегией Петербургского комитета партии и с партийной организацией 1-го Городского района.

Вспоминаю квартиру, где помещалась паспортная мастерская. Ее называли также «паспортным бюро». Она была создана партийной организацией пекарей Выборгской стороны. В комнате на столе жестяной кондитерский лист, загнутый по краям, с застывшей в нем гектографической массой, а рядом десятка полтора паспортных бланков. Часть из них чистые, несколько паспортов уже готовы, в них вписаны фамилии новых владельцев, изображены уже штампы и печати полицейского участка. У стола работают двое. Один сутулый, с чуть согнутой спиной и корот-

кой шеей, большой головой и шапкой рыжеватых волос, с лицом, усыпанным веснушками, второй — широкоплечий, коренастый, с темными волосами и быстро бегающими глазами на круглом румянном лице. Первый из них — Вальдек Юргенсон, второй — Волков Николай. Слышен резкий, раздраженный, торопливый голос Волкова: «Вот бери паспортный бланк с заполненным текстом и накладывай его на то место, где остался оттиск печати с паспорта. Видишь: печать перешла на бумагу бланка». Волков обучал Юргенсона умению подделывать паспорта.

Чтобы несколько разгрузить Волкова от работы по изготовлению паспортов, дали ему в помощники Юргенсона. Но он был пока недоволен своим учеником. «Коля, ты меня учишь, а у самого печать на паспорте слишком тусклая, еле видная, такой вид на жительство возбудит подозрение полиции», — говорит Юргенсон. Тогда «преподаватель» раздраженно вскрикивает: «А что же ты думаешь, если натуральную печать приложить к бумаге, разве она всегда на сто процентов бывает ясная, часто и она бывает тусклая. Она сойдет в полиции, где каждый день прописывают десятки и сотни паспортов».

Лежу на кровати в этой комнате и являюсь свидетелем горячего разговора обоих товарищей. Сам я, Иванов, живу по паспорту Прохорова, комнату мы недавно сняли на троих — для меня, Юргенсона и Запкина. В этой же квартире живет и Волков, но у него другая комната.

Юргенсон с головой ушел в это очень нужное для партийной организации дело и в целях конспирации прекратил встречи с товарищами и знакомыми. В последующие месяцы, когда он изучил кропотливую работу изготовления паспортов, он говорил: «Когда я один, успех обеспечен на сто процентов. Когда же появляется второй человек, знающий, что я делаю, тогда доля успеха уменьшается, а когда знают об этом уже несколько лиц, тогда жди провала налаженной работы». Главным добытчиком использованных паспортов и незаполненных паспортных бланков был Николай Георгиевич Волков.

Бланки паспортов добывались разными путями: некоторые товарищи, будучи призваны в армию, сдавали свои паспорта в парторганизацию, предварительно заявив в полицию об их утере; использовались также документы умерших и уезжавших в деревню.

В технологию смывания текста со старых паспортов Юргенсон вносил большую настойчивость и терпение. Кругом на столе, на скамейках, на полу лежали мокрые и сохнувшие паспортные бланки. Он смывал специальным составом прежний текст, чтобы придать документу нормальный вид, разглаживал его теплым утюгом, просушивал. Склонившись над столом, он через лупу тщательно рассматривает текст паспорта, изучает подпись, печать и пр. Увлеченный работой, улыбается. Еще бы, с паспорта исчезли написанные чернилами названия города, губернии, волостного правления, фамилия владельца документа и т. д. И теперь вместо Тверской губернии появилась Вологодская, вместо фамилии Григорьев — владельца паспорта — появилась новая фамилия — Петров. Тщательно

подделываются печати полицейского участка и волостного правления, подписи и даты прошлых и настоящих прописок. Хранили паспорта в разных местах: иногда в гармонии И. Абрамова на его квартире или под мешками в кладовой пекарни на Безбородкинском проспекте в доме 14/16; а то в кладовой пекарни Сиднева.

Как-то раз, войдя в комнату, где работал Юргенсон, я заметил, что на листе бумаги он мелким почерком пишет названия гор, рек, морей, городов и т. д. «Что это ты не вовремя занимаешься географией?» — спросил я Юргенсона. Он рассмеялся: «Нет, это шифр фамилий товарищей, получивших паспорта через нашу паспортную мастерскую».

Наша парторганизация помогала товарищам, находящимся в тюрьмах и в ссылке или живущим нелегально. Эти товарищи, равно как и их семьи, нуждались в регулярной материальной помощи. В этих целях была создана специальная организация Красный Крест помощи политическим заключенным.

Работа в этой организации была частично поручена Юргенсону. Он напечатал на гектографе свыше 100 экземпляров подписных листов, которые были розданы товарищам. По этим листам среди рабочих была собрана довольно крупная сумма денег.

Юргенсон был членом партии с 1909 г. В 1914 г. он был избран членом правления и секретарем нелегального союза рабочих мучных изделий города Петрограда. Это был один из наиболее способных товарищей, посещавших наш подпольный марксистский кружок. На одном из занятий изучалась статья В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение», напечатанная под псевдонимом «В. Ильин» в № 4, 5, 6 журнала «Просвещение» за 1914 г. Юргенсон сказал: вот мы прочитали интересную статью В. Ильина, как хорошо он излагает свои взгляды на национальный вопрос. И продолжал. Вдумываясь в смысл ленинских слов, я хочу понять, насколько они приемлемы для моей родины Эстонии? Некоторые представители эстонской буржуазии ставят вопрос о создании самостоятельной, независимой Эстонии, отделенной от России. Я не согласен с этим. По-моему, правы были те польские марксисты, которые высказывались против отделения Польши от России, считая такое отделение нецелесообразным с точки зрения перспектив экономического, культурного и политического развития Польши. И Юргенсон с жаром заговорил о судьбах своей маленькой страны. Вопрос, поднятый им, заинтересовал всех. «Но в чем ты видишь преимущество пребывания Эстонии в рамках самодержавия России?» — спросил я Юргенсона.

«Я думаю, — ответил он, — что маленькая Эстония, став самостоятельной, отделившись от России, станет частью Германской империи. Она экономически будет задвлена германским капиталом, а сама эстонская народность будет опемечена. Уже сейчас немецкие бароны, земельные собственники, играют большую роль в сельском хозяйстве моей родины. Этого, я думаю, не случится в многонациональной России, хотя я не идеализирую самодержавную Россию, но во мне живет вера, что народы,

населяющие Россию, сбросят царя и помещиков, тогда Эстония будет свободной и сохранит свои национальные черты».

Выступление Юргенсона и обмен мнениями по поднятому им вопросу оставили в сознании слушателей более ясное понимание позиции В. И. Ленина по национальной проблеме.

С половины 1914 г. и в начале 1915 г. наш районный комитет, тесно связанный с партийным активом ЛНД, а также с некоторыми организациями Выборгского и Рождественского районов, расширил печатание прокламаций и других партийных изданий.

Типографская техника была собрана общими усилиями. Так, партийные группы металлистов и деревообделочников дали около пуда шрифта, а большевик Тарас Кондратьев вместе с рабочим Семеновым сделали для станка раму и валик. В подпольной типографии 1-го Городского района листовки печатали Козловский, Петров и Евстафьев-Андреев.

В феврале 1915 г. райком выпустил антивоенную прокламацию, а в апреле — прокламацию, посвященную трехлетней годовщине расстрела рабочих на Ленских золотых приисках, написал ее большевик Царев. В начале 1915 г. в этой же типографии были напечатаны листовки, подготовленные районными партийными организациями печатников, строителей, железнодорожников. Общий тираж выпущенных листовок составлял 15 тысяч экземпляров.

Огромное значение для партийной работы имела перепечатка из газеты «Социал-демократ» исторической работы В. И. Ленина «Война и российская социал-демократия». Печатали эту работу в подпольной типографии 1-го Городского района Козловский и Петров. Между собой мы называли ее манифестом нашей партии. Под этой прокламацией стояла подпись — Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков).

Петербургский комитет партии выпустил в типографии 1-го Городского района за первую половину 1915 г. девять прокламаций.

Царская охранка обнаружила основную типографию Петербургского комитета, которая находилась на Охте, а работавший там Иван Козловский был арестован в момент печатания прокламации, посвященной празднованию 1 Мая 1915 г. (В результате судебного процесса Козловский был осужден на 10 лет заключения в Шлиссельбургской крепости. Его освободила Февральская революция.)

Надо было вместо Охтенской типографии, разгромленной охранкой, организовать новую. Это дело поручили члену нашей парторганизации Кондратьеву (партийная кличка Тарас). Кондратьев был опытным организатором, у него всегда были наготове несколько конспиративных квартир, и печатание листовок как на гектографе, так и типографским способом каждый раз проходило в новом месте. Но перевозка типографской техники и хранение напечатанных прокламаций были сопряжены с риском возможного провала конспиративных квартир. Частично удавалось набирать листовки и в частных типографиях. По поручению Кондратьева ра-

бочий Франко-Русского завода Андрей Громов снял на Лихтенбергском рынке овощной ларек, ставший надежным складом хранения и распределения напечатанных прокламаций. Никому в голову не могло прийти, что фиктивные торговцы выносят в корзинах с овощами прокламации или типографскую технику.

Печатание листовок на частных квартирах было сопряжено с большими трудностями, так как там отсутствовали технические типографские приспособления. Кассу заменял расчерченный лист белой бумаги, и набор ввиду этого требовал значительного времени. Проводить его в случайных квартирах было рискованно. Поэтому чаще материал для набора листовки по частям передавался партийным наборщикам, работавшим в легальных типографиях. Этим достигалась большая скорость в работе, тем более что иногда удавалось не только набрать, но и тут же напечатать листовку. У Кондратьева было исключительное умение соблюдать конспирацию, он учил этому и товарищей. Это его качество способствовало тому, что в 1-м Городском районе, несмотря на массовые аресты в 1915—1916 гг., регулярно печатались и распространялись сотни листовок.

Рядом других подпольных типографий руководили также активисты 1-го Городского района. Например, у возглавлявшейся Шуваловым партийной организации бумажной фабрики Печаткина в Красном Селе было пять квартир, из них две на Васильевском острове. Организация булочников Выборгской стороны располагала тремя конспиративными квартирами и двумя пекарнями, где печатались листовки. Квартира Абрамова находилась на Безбородкинском проспекте в доме 14/16, другая — на Полустровском проспекте в доме 38. И на этих же улицах были две пекарни Кошкина и Сиднева. Третья квартира — общежитие безработных пекарей в Лештуковом переулке, д. 11.

Партийная организация булочников в 1915 г. насчитывала 60 членов партии и 350 членов нелегального профсоюза. Хотя территориально парт-организация булочников находилась на Выборгской стороне, но в нее входили пекари и из 1-го Городского района. Многие из них были из актива Лиговского народного дома.

По самым скромным подсчетам, только учтенных конспиративных квартир, где в 1914—1917 гг. находилась техника печатания нелегальных изданий, насчитывалось свыше 20. Кроме того, использовались еще восемь частновладельческих типографий, в которых частично происходил набор большевистских листовок и иногда даже печатание. Во главе этой работы стоял большевистский актив ЛНД.

Здесь проводилась также большая культурно-массовая работа, о которой очень интересно рассказывает библиотекарь Евдокимова¹. В ЛНД я работала и жила с 1908 по декабрь 1917 г., за исключением трех лет, проведенных мной вне Петрограда.

¹ Выдержки из воспоминаний Е. А. Евдокимовой печатаются с ее разрешения.

В ЛНД имелись две библиотеки: одна — для взрослых, другая — для детей, с большим и хорошим книжным фондом, который постоянно пополнялся вновь выходящей литературой. По вечерам, а в воскресенье с утра работала чайная, где можно было до начала занятий перекусить и просмотреть свежие газеты (конечно, только легальные) и иллюстрированные журналы. Днем работала рабочая столовая, где отпускались обеды по удешевленным ценам.

Ежедневно с 8 часов вечера работали вечерние классы для взрослых. Отдельно проводились занятия с неграмотными и малограмотными женщинами-работницами. Много внимания и заботы уделял ЛНД детям рабочих. Для детей дошкольного возраста был открыт детский отдел, в нем находилось до 35—40 детей остро нуждающихся матерей-работниц. Бесплатный обед получали нуждавшиеся школьники во время большой перемены из близлежащих к народному дому школ. Большая часть детей по окончании занятий в школе приходила снова сюда и под руководством опытного педагога готовила уроки. Для мальчиков-подростков были открыты ремесленные классы, где они обучались переплетному, столярному и слесарному ремеслу. Для школьников летом еженедельно устраивались экскурсии в окрестности города на весь день с бесплатным проездом и питанием. Загородные экскурсии в радиусе до 50 верст по воскресным дням летом проводились и для учащихся-рабочих. Изредка летом устраивались дальние экскурсии в Москву, Киев, Новгород, Псков, Гельсингфорс.

Жизнь в Лиговском народном доме кипела с утра до позднего вечера. С девяти утра до шести часов вечера здесь царил детский мир (за исключением воскресных дней).

С семи часов вечера все помещения заполнялись взрослыми рабочими. Основное ядро их — это наиболее передовые и сознательные рабочие, приходившие со всех районов города. Они тянули за собой и более отсталую часть рабочих, если не удавалось в учебу, то хоть на лекции, в театр, в библиотеку или просто в чайную, где можно поговорить, почитать газеты, а попутно обсудить свои рабочие вопросы. При ЛНД велась и другая работа — подпольная. Среди рабочих, посещавших ЛНД, были люди разных партий, но ведущей, наиболее авторитетной была партия большевиков. Это была крепко спаянная группа более развитых и энергичных заводских рабочих. Возглавлял эту группу большевик-подпольщик Алексей Иванович Маширов, способный, политически развитый, одаренный человек. Работа, которая проводилась этой группой, велась скрытно от администрации и выражалась в пропаганде идей партии большевиков, в борьбе с эсерами и меньшевиками, в распространении нелегальной литературы, которая шла на фабрики и заводы. В этих целях использовались и летние загородные экскурсии.

Маширов был также и пролетарским поэтом (литературный псевдоним «Самобытник»). Знаю, что стихи его печатались в газете «Правда», а также в сборниках, где печатались стихи рабочих поэтов. Вокруг Ма-

широва группировались и другие рабочие-поэты, большевики, из которых я помню Царева М. (литературный псевдоним «Торский»), Кириллова В., Поморского А. Стихи их читались на вечерах рабочей самодеятельности.

Я долго не подозревала о подпольной работе большевиков, но некоторых большевиков знала, с их авторитетом считалась и постепенно поддадала под их влияние, а в 1917 г. и сама стала членом партии большевиков.

Будучи еще беспартийной, я прятала у себя в комнате или в помещении детской библиотеки на короткое время нелегальную литературу и личное оружие (револьверы) рабочих-учащихся. Обысков и арестов в ЛНД не было. Видимо, охранка считалась с авторитетом графини Паниной. Но вокруг ЛНД было полно шпииков. Большевики, выходя на улицу последними, заблаговременно предупреждались об опасности и передавали незаметно свое оружие Маширову, а он приносил его ко мне, прося спрятать на время. Хранилась у меня и касса Красного Креста, за что меня в шутку звали «мать-казначей». Изредка Маширов устраивал совещания у меня в комнате, но кто был и какие вопросы обсуждались, я не знала, так как вечерами я работала в библиотеке для взрослых. Много позже я узнала от члена группы большевиков Царева, что комната моя одно время была для них «явкой».

Со второй половины 1914 г. основные помещения ЛНД были заняты под военный госпиталь. Роль дома как культурного центра постепенно сходила на нет. Учеба и массовая работа проводились в подвальных помещениях. Резко сократилось количество учащихся и преподавателей в связи с мобилизацией на войну, а также многочисленными арестами и высылками из Петрограда.

Возвращаясь к своим воспоминаниям о ЛНД, хочу остановиться на деятельности театральной труппы П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской. Особое значение театра состояло в том, что здесь рабочий зритель знакомился с искусством русских и иностранных классиков, с демократическим, революционным репертуаром. Кроме того, театр находился на рабочей окраине Петербурга и действительно был общедоступным по дешевизне билетов.

Драматические пьесы Гоголя, Чехова, Льва Толстого, которые не решались ставить многие театры, нашли талантливое исполнение на сцене театра Гайдебурова. Нельзя не отметить огромную воспитательную роль театра в годы, предшествовавшие первой русской революции, а также и в последующие годы. Рабочий-бумажник, поэт Иван Шувалов, вспоминая игру артистов, говорил: «Образы героев в пьесах этого театра создавались и подавались так, что, уходя после окончания спектакля, хотелось совершать какие-то большие революционные подвиги. Театр вооружал нас, укреплял силу нашей воли, заставляя преодолевать все встречавшиеся трудности».

Буржуазные газеты замалчивали талантливую игру труппы и рево-

люционно-демократический репертуар пьес. Лишь газета «Правда» в 1912—1914 гг. высоко расценивала такие постановки, как «Плоды просвещения» Толстого, «Гамлет» Шекспира, «На дне» и «Мещане» Горького, «Псковитянка» Л. Мея и многие другие. В 1913—1914 гг. на страницах «Правды» были помещены статьи, где освещалась талантливая игра артистов и воспитательная роль сыгранных пьес, а в десятилетний юбилей театра «Правда» откликнулась большой статьей, в которой подчеркивались заслуги театра и выражалась надежда, что недалеко то время, когда такой юбилей можно будет как следует отпраздновать. В одном из таких отзывов мы читаем: «Публика вглядывалась в совсем знакомые черты героя старинной французской пьесы. Они живы, эти Тартюфы, мы их видим среди нас, этих ханжей, святош, лицемеров... Из их среды выходят «блаженные старцы» Распутины, эксплуатирующие религиозные стремления простаков... Пьеса вызвала шумное одобрение публики»¹.

К славной деятельности театра принадлежит создание его филиала, так называемого передвижного театра, артисты которого играли не только в театральном зале Лиговского народного дома, но и в других районах города. Характерным в передвижном филиале было то, что «передвижными» были и зрители театра. Труппа выступает в Лесном, и зрители направляются в Лесное, пьеса ставится на Моховой, и зрители отправляются на Моховую. Выезжал театр и в другие города России.

В ЛНД была хорошо поставлена работа среди женщин. Уже в ноябре 1904 г. здесь были открыты общеобразовательные воскресные вечерние курсы для женщин и работниц. Эти курсы существовали и в последующие годы наряду с прочими формами культурно-просветительных мероприятий. Работа с детьми также способствовала установлению постоянной связи с народным домом многих родителей. Вовлечение женщин в ЛНД, проведение среди них массовой политической воспитательной работы проходило при непосредственном участии передовых женщин — членов социал-демократической партии большевиков.

Здесь читали лекции, выступали с докладами такие видные деятельницы революционного и женского рабочего движения, как Прасковья Куделли, Конкордия Самойлова, Вера Величкина (Бонч-Бруевич), Александра Коллонтай, Вера Слуцкая, Софья Смидович, Людмила Сталь. Инесса Арманд, Людмила Менжинская. Большую работу среди женщин проводили работницы из различных отраслей промышленности, активные участницы рабочего движения Клавдия Николаева, Мария Бурко, Ольга Чернышова, Мотя Зубкова, сестры Силины, Александра Портнова, Вера Новик, Анна Хватова, Евдокия Воробьева, Шура Борисенко, Феодосия Попова, Анастасия Сейфер, Д. И. Иткина и многие, многие другие. Все они впоследствии были арестованы царской охранкой и оплатились годами тюрем и ссылкой за свою деятельность. Их работа способствовала развитию широкого революционного движения.

¹ «Правда», 11 сентября 1913 г.

В апреле 1917 г. автор этих строк вернулся из ссылки и сразу же с головой окунулся в работу партийных организаций 1-го Городского и Рождественского районов. Боевой задачей тех недель было завоевание большевиками большинства в Советах путем замены депутатов-оборонцев депутатами-ленинцами.

14 мая в зрительном зале ЛНД собралось около 700 представителей 20-тысячного отряда рабочих пищевой промышленности Петрограда — булочников, кондитеров, мукомолов, макаронщиков, колбасников и т. д. для обсуждения отчетов ранее избранных депутатов и принятия «наказа». Такое собрание было необходимо потому, что предприятия пищевой промышленности в своем большинстве были тогда мелкими и средними, численность занятых в каждом предприятии рабочих была сравнительно небольшой, что делало необходимым их объединение.

Первым выступил с докладом о деятельности Совета рабочих и солдатских депутатов меньшевик Баринов, заявивший, что стоит на точке зрения большинства Совета, отстаивающего необходимость вступления социалистов в коалиционное правительство. Он доказывал, что захват власти пролетариатом в данный момент — неосуществимая мечта. Удерживать власть в своих руках пролетариат не сможет. Осуществление социализма у нас невозможно, против нас восстанет все крестьянство. Социализм является конечной целью, его можно установить только вместе с социалистами других стран, а социализм как ближайшая задача еще не стоит перед рабочим классом Европы. Лучше синицу в руки, чем журавля в небе. Оратор призывал собрание выразить доверие Совету рабочих и солдатских депутатов данного состава, а также коалиционному правительству. Скориков, большевик, тоже депутат Совета, осветил точку зрения большевиков. Он говорил, что вхождение в коалиционное правительство есть предательство интересов рабочих. Оратор клеймил политику коалиционного правительства и большинства Совета, голосующего за военные кредиты и займы на империалистическую войну. Главная революционная сила, говорил Скориков, это Совет рабочих и солдатских депутатов, но в Совет нужно избирать таких представителей, которые выражали бы волю революционной социал-демократии. После окончания прений на голосование были поставлены две резолюции.

За резолюцию меньшевиков голосовало 6 человек, за резолюцию большевиков — около 700 человек. В Совет рабочих и солдатских депутатов избрали меня и Скорикова, а также одного эсера-интернационалиста Хрулева.

В октябре большевики взяли власть в свои руки.

Во второй половине февраля 1918 г. вечернюю мглу Петрограда нарушили тревожные гудки заводов и фабрик. Рабочие, вернувшись с работы, вновь заспешили к заводским и фабричным воротам, в районные партийные комитеты, в профсоюзы, в Советы рабочих и солдатских депутатов. Через 20—30 минут весь рабочий Петроград уже знал о том,

что полки кайзеровской Германии начали наступление по всему русско-германскому фронту. Колыбели пролетарской революции — Петрограду угрожала опасность.

Наша партия, правительство, Петроградский Совет призвали рабочих к защите Петрограда. Рабочее население Питера живо откликнулось на этот призыв. Очень скоро десятки и сотни грузовиков с вооруженными рабочими и солдатами мчались в сторону Нарвской заставы, к которой, двигаясь от Нарвы, рвался враг.

Правление профсоюза рабочих-пищевиков Петрограда находилось в этот период на 10-й Рождественской ул. в доме 10. Здесь же находились и Рождественский районный комитет РСДРП(б), и штаб сводного красной гвардейского отряда, в который входили кроме пищевиков рабочие трамвайного парка, металлисты, табачники и рабочие других специальностей. Группами шли рабочие в свои союзы, требуя оружия и направления на фронт. Я в это время был председателем правления петроградского профсоюза пищевиков и срочно созвал совещание правления союза совместно с фабзавкома и активистами. На заседании мы постановили считать себя мобилизованными, получить оружие и выступить на защиту Советской власти и родного Петрограда. На открытый тут же мобилизационный пункт валом повалили добровольцы — пекари, кондитеры, мукомолы, колбасники, макаронщики и другие, чтобы записаться для отправки на фронт.

Штаб обороны Петрограда направил пищевиков в один из полков. Основной воинской единицей этого полка была пулеметная воинская часть, имевшая на своем вооружении несколько десятков пулеметов. Личный состав этого полка, состоявший из офицеров и разложившихся солдат-сверхсрочников, занимался пьянством, дебошами и разгромом винных и продовольственных складов.

Вот в этот-то полк и были направлены рабочие-пищевики. Каждый из нас должен был иметь письменную рекомендацию профессионального союза.

Нам необходимо было научиться владеть пулеметом и винтовкой, но здесь мы столкнулись с противодействием старых кадров полка, солдат-сверхсрочников и в особенности офицеров. Эти элементы почувствовали, что приходит конец их своеволию. Поэтому они всячески препятствовали нашим занятиям, не давали нам оружие, отказывались с нами заниматься.

Но в полку нас, пищевиков, теперь было большинство, и однажды ночью, когда командный состав полка да и часть солдат-сверхсрочников после изрядной выпивки спали, мы обезоружили часовых, захватили оружие и боеприпасы.

Наиболее ярых бандитов арестовали; собрав общее собрание полка, избрали новый полковой комитет. Рабочего-колбасника Корнилова избрали командиром полка, меня — председателем полкового комитета, Николая Георгиевича Волкова — начальником строевой части, Вальдека

Юргенсона — начальником хозяйственной части, Абрамов Иван и другие стали членами полкового комитета.

После избрания полкового комитета и командира полка широко развернулась учеба по овладению оружием. Враг приближался к Петрограду.

Большая часть полка была направлена на фронт, а два взвода, укомплектованные целиком из членов партии, были направлены для охраны золотого запаса Государственного банка, эвакуировавшегося в Москву. В числе сопровождающих этот груз был Н. Г. Волков и я. Поезд с золотом состоял из 36 открытых платформ, на каждой из них стояли пулеметы. Кроме солдат 1-го Социалистического пулеметного полка охрану поезда несли кронштадтские матросы. Ценный груз был доставлен по назначению.

**Н. И. Ионов. | О рабочей газете
„Правда“ (1912—1914 гг.)**

В весенний апрельский день 1912 г. газетчик Вася, здороваясь со мной и подавая газету, сказал: вышла новая рабочая газета «Правда». Читая, я мысленно сравнивал текст газеты с ее предшественницей газетой «Звезда».

Все читатели «Звезды», зная о подготовке издания ежедневной рабочей газеты, собирали в ее фонд денежные средства и с нетерпением ожидали ее выхода. И вот наконец в руках у меня была «Правда». С этого дня я стал постоянным читателем, а затем и ее распространителем и рабкором.

Выход «Правды» совпал с новым подъемом революционного движения рабочих, и вскоре она стала легальным центром этого движения — центральным органом Российской социал-демократической рабочей партии большевиков, выходившим под руководством В. И. Ленина.

Редакция «Правды» была непосредственно связана с Петербургским комитетом партии, профсоюзами, с рабочими многих предприятий. Каждый вечер помещение конторы и редакции «Правды» заполняли рабочие. Они приносили собранные в фонд газеты деньги, свои рабкорские заметки, рассказывавшие о положении рабочих и работниц, о их экономической борьбе, о деятельности профсоюзов и т. п.

Большевик К. С. Еремесев, заведовавший хроникой «Правды», охотно помогал своими советами начинающим рабкорам, а иногда просто с их слов писал заметки. Нередко к его помощи прибегали и профсоюзы. Так, например, группа большевиков профсоюза рабочих портняжного дела ко дню второй годовщины «Правды» готовила к изданию новый марксистский журнал «Пролетарий и глы» (вместо выходившего журна-

ла «Вестник портных»). Константин Степанович охотно помог выпустить этот журнал ко дню печати — 22 апреля (5 мая) 1914 г. Новый журнал был разослан по всем организациям швейников России.

Большое значение имели помещаемые в «Правде» корреспонденции о положении рабочих и их экономической борьбе. Обычно как только появлялась заметка о том или ином предприятии, рабочие охотно покупали этот номер «Правды», а сама заметка еще долго являлась предметом обсуждения.

Рабкоровские заметки призывали рабочих организовываться в профсоюзы. Нередко на предприятиях, особенно в мелких мастерских, не было ни одного члена профсоюза. Рабкоры шли к рабочим, знакомились с ними, расспрашивали об условиях их труда на предприятии. В результате помещали об этом заметку в «Правде», а номер распространяли среди этих рабочих.

Например, в обмундировочной мастерской Алафузова работало около 500 рабочих, но среди них не было ни одного члена профсоюза. В «Правде» в мае и июне 1912 г. о мастерской Алафузова были помещены две корреспонденции, в которых подробно описывались тяжелые условия труда рабочих. Они призывались к организованности и вступлению в члены профсоюза.

Сообщения об экономических стачках поднимали рабочих на упорную борьбу за улучшение своего экономического положения. Корреспонденции, рассказывающие об огромной волне политических стачек, о преследованиях рабочих открывали многим глаза на их бесправное положение, будили сознание людей, приводили к выводу о необходимости борьбы с произволом и насилием полицейского режима, борьбы за свержение царского самодержавия.

С каждым днем ширилась и укреплялась связь рабочих с газетой. Крепка была связь с рабочими и у секретарей редакции К. Н. Самойловой и С. В. Малышева. Бывая в редакции, я всегда видел у стола секретаря редакции очередь рабочих, пришедших в редакцию по различным делам.

Немаловажную роль играли профсоюзы в поддержке издания газеты «Правда». При помощи уполномоченных от предприятий проводилась агитация на подписку, производился сбор денежных средств в ее фонд. Газета распространялась среди рабочих, собирался материал для корреспонденций.

Иногда партийные группы при профсоюзах помогали редакции «Правды» подыскать так называемых зиц-редакторов. В случае репрессий на газету «Правда» они соглашались отсидеть в тюрьме положенное время. От портных, например, был выделен таким «зиц-редактором» С. И. Груздев. Он согласился «пострадать за общее дело».

Штрафы, конфискация почти каждого четвертого номера газеты, аресты редакторов и сотрудников редакции — всему этому неоднократно подвергалась «Правда». Правительство стремилось удушить рабочую

печать, но «Правда» героически продолжала борьбу. Рабочие не останавливались ни перед чем, чтобы сохранить свою «Правду». Они собирали из своих скудных заработков денежные средства в фонд газеты, дежурили по ночам у типографии, где печаталась «Правда», чтобы прямо из-под печатной машины увезти пачки газет до того, как нагрянет полиция для очередной конфискации выпшедшего номера, под рубашкой проносили на предприятия только что выпшедший номер и распространяли «Правду» среди рабочих.

Рабочие любили свою газету и горячо откликнулись на призыв отметить день рабочей печати созданием «железного фонда» «Правды», собрав за короткий срок свыше 18 тысяч рублей.

Особо велика была роль газеты в борьбе с ликвидаторством, за укрепление партийных организаций, в завоевании влияния на легальные рабочие организации: профсоюзы, культурно-просветительные общества рабочих, страховые кассы, за широкое развертывание революционной борьбы рабочих. С каждым днем пополнялись ряды партии за счет рабочих-«правдистов», как называли тогда всех, кто сочувствовал газете «Правда». Крепли старые партийные группы, создавались новые, а вместе с ними росло и влияние партии большевиков. Уже к лету 1914 г. во главе почти всех рабочих организаций, за небольшим исключением, стояли большевики. При каждом профсоюзе, особенно где преобладали мелкие мастерские, были созданы партийные группы.

Например, к началу 1914 г. при Петербургском обществе рабочих портняжного дела были созданы четыре партийные группы, в том числе одна женская. На собраниях этих групп наряду с изучением программы партии зачитывались и обсуждались отдельные статьи, а также и речи рабочих — депутатов IV Государственной думы, опубликованные в газете «Правда». Именно этот материал как наиболее доступный и доходчивый помогал росту политического сознания молодых членов партии, они приобретали опыт политической борьбы. Вот почему, несмотря на аресты и ссылки, ряды большевиков пополнялись молодыми членами партии, которые продолжали борьбу за лучшее будущее.

Газета «Правда» воспитала десятки тысяч рабочих-революционеров, которые явились основным ядром партии большевиков в борьбе за свержение царизма и капиталистического строя, за победу Великой Октябрьской социалистической революции.

А. А. Андреев, А. А. Палкин. **Память сердца**

Хочется донести до современников воспоминания о Николае Афанасьевиче Кубяке, его деятельности.

Мы работали с ним вместе в Сестрорецкой партийной организации.

Жизнь его неразрывно связана с жизнью нашей партии, членом которой он стал в годы ее образования (в 1898 г.).

Это он, первый большевик Бежицы, профессиональный революционер, талантливый подпольщик и организатор подпольной типографии, с помощью И. Ф. Дубровинского (соратника В. И. Ленина) создал Брянский комитет РСДРП и вошел в его руководящее ядро.

В 1907 г. в его жизни произошло огромное событие. От Брянской организации на V съезд РСДРП были выбраны Н. А. Кубяк и Вера Слупкая. Делегаты вначале направились в Копенгаген, но правительство Дании под давлением царского правительства запретило проведение съезда, то же сделала и Швеция. Тогда по указанию В. И. Ленина делегаты поехали в Лондон.

По дороге в Финляндию Кубяк в териокской гостинице встретился с делегатом от Грузии М. Г. Цхакая и подружился с ним. Зная, что Владимир Ильич жил на конспиративной квартире в Куоккала, они решили пойти к нему.

Волновались мы ужасно, вспоминал Кубяк, как нас встретит Ильич. Что мы ему скажем? Пришли. В. И. Ленин удивительно радушно и хорошо встретил нас. Но, понимая наше волнение и растерянность, с лукавинкой в глазах вдруг предложил нам помочь ему поставить самовар. За этим таким для нас простым и обычным делом мы пришли в себя, и вот уже все втроем сидим за столом и за чашкой чая непринужденно беседуем. Вернее, Владимир Ильич все время спрашивал, а мы едва успевали отвечать. Владимира Ильича интересовало все: какова жизнь брянских рабочих, какое настроение у них после поражения революции 1905 г. и особенно Ильича интересовал вопрос об организации боевых дружин.

Вернувшись со съезда, Николай Афанасьевич с еще большим рвением окунулся в партийную работу. Он много рассказывал о съезде, об Ильиче, который, несмотря на свою большую занятость, находил время, чтобы пойти с делегатами в Лондонский музей, Гайд-парк, на встречу с английскими рабочими. Хотелось как можно скорее начать проводить в жизнь все, что намечал и подсказал В. И. Ленин, но вскоре Кубяк был арестован.

По выходе на свободу он уехал в Петербург. Устроился работать электромонтером в первое общество электрического освещения 1886 г., где сразу развил бурную революционную деятельность, но попадает под наблюдение. Вот что говорится в полицейском документе того времени: «...по агентурным сведениям, Кубяков агитировал за забастовку в электрическом обществе, принадлежит к Российской социал-демократической партии, и на квартире у него происходило собрание по поводу устройства забастовки... Признавая Кубяка лицом, вредным для общественной безопасности и порядка, ходатайствуем перед Вашим превосходительством о воспрещении ему... жительства в столице...»

Полковник фон Катен¹

¹ ИМЛ, ф. ДП, оп. 128, ед. хр. 12, т. 102, ч. 46.

Николай Александрович Кудача и семья
ушла с 1911 года, когда он переехал
Богородский из деревни Кудача в Пустошь.
Здесь и он тогда же женился, сестра
Сергейна Кудача была в то время
малою и с нею воеводина осталась
в 1916 г., уехала из деревни в Пустошь.
Потом в Богородском, Николай
Александрович начал работать в школе
по предпринятому проекту на Богород-
ском, когда начинался патристический
в Пустоши, он начал преподавать в
школе, была и семья.
Когда он тогда переехал из Пусто-
ши в Кудача, в 1918 году, он
начал работать с семьей в 1918 году.
Сестра ушла, но Кудача осталась
с семьей уездного священника на Богородском
в 1920 г. и работала с ним
в школе в Пустоши.
Потом же семья переехала в Кудачу
с Николаем Александровичем
Кудача. В 1920 году и переехала
с ним в Богородский, где
работала в Богородском до смерти
в 1936 году.

La nie bunică rădona coborâșne a
Nicolescu Armandistaru Gheorghe
a fugit, sau se odăie din cauza
unei surzenie greu pînă

Esra Cometti

W 24/2 mm c 1873.

representative of 1937-38

Розписи в Часовні Е.Д. угод єноє 1898.
Підписані: [Signature] [Signature] [Signature]

[Faint handwritten notes at the bottom of the page]

Его снова арестовали. После отсидки в тюрьме он был выслан в Черниговскую губернию с запрещением проживать в 57 городах Российской империи. Рассказывая об этом, Кубяк смеялся и говорил, что жить ему можно было только между небом и землей, но, так как он человек, а не птица, он стал полулегально жить на Лахте, потом в Сестрорецке.

Мне нужно было искать пути и возможности общения с рабочими и крестьянами. И вот я решил устроиться трансформаторщиком Русского акционерного общества электрических районных станций, рассказывал Кубяк. Перетянутый ремнями со стальными скобами для лазания по электрическим столбам, он обслуживал линию Лахта — Тарховка по Приморской железной дороге. В метель и пургу зимой, в любую погоду летом его можно было видеть в населенных пунктах: Лахта, Ольгино, Лисий Нос, Горская, Александровская, Тарховка. Под видом скромного электромонтера скрывался пламенный большевик, агитатор, борец за счастье народное. Жители этих мест узнавали от него правду о политических событиях в стране и положении на фронте. Н. А. Кубяк нес идеи В. И. Ленина в самую гущу рабочего класса. Он сам был простым рабочим, ему верили, его ждали, охотно слушали...

В Сестрорецке Кубяк жил на станции Разлив (2-я Тарховская ул., д. 24) у Ивана Яковлева, сестрорецкого рабочего. Он и тогда не терял связи с Брянском. Брянская парторганизация все время поддерживала через Кубяка связь с Русским бюро ЦК РСДРП, находившимся в Петербурге.

Н. А. Кубяк вел переписку с секретарем Русского бюро ЦК партии Еленой Дмитриевной Стасовой. Он, как и все партийные работники, глубоко уважал ее за кипучую революционную деятельность, одержимость в работе и за чуткость к товарищам. Личное знакомство с Еленой Дмитриевной произошло в 1916 г., когда она вернулась из ссылки в Петроград. После Февральской буржуазной революции сестрорецкие рабочие во главе с большевиками с красными знаменами, с революционными песнями вышли на улицу. Восставшие оружейники вручили власть избранному ими Революционному комитету. В него вошли большевики А. М. Афанасьев, А. Л. Никитин, Н. А. Кубяк, Д. А. Семенов, П. А. Семенов, Л. Н. Широков и др.

Ревком произвел аресты среди царских чиновников и военных на Сестрорецком курорте, захватил заводской арсенал, сотни винтовок направил в Петроград, вооружил сестрорецких рабочих. В народной чп-тальне устроили склад оружия, поставив к нему для охраны часовых. В Сестрорецке установили революционный порядок. Обыватели и ла-

В. И. Ленин и Н. К. Крупская среди делегатов I Всероссийского совещания по работе в деревне. Сидят во втором ряду сверху (слева направо): А. П. Смирнов, А. М. Коллонтай, А. Балабанова, В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Н. А. Кубяк, В. И. Невский.
Письмо Е. Д. Стасовой

вочники вынуждены были подчиниться распоряжениям Революционного комитета.

Близ Сестрорецка находилась финская граница с пограничной станцией Белоостров. Необходимо было взять под свой контроль выезд и въезд в страну, так как из-за границы могли организовываться диверсии, к тому же буржуазия могла удрать через границу, захватив с собой огромные ценности. Кубяку доверили пост коменданта Белоострова. Под надежной охраной красногвардейцев границу закрыли на «замок», чего не ожидало Временное правительство и что, конечно, было вопреки его желаниям и расчетам.

В Сестрорецке была создана первая легальная Сестрорецкая организация большевиков. Над воротами бывшего дома Храброва, на углу Дубковской и Цемяновской улиц, взвился красный флаг, на котором крупными буквами было написано: «Комитет Российской социал-демократической рабочей партии большевиков». Около дома толпился народ, обсуждали, спорили, радовались. Сестрорецкие рабочие торжествовали, враги злобствовались. Н. А. Кубяк вместе с сестрорецкими рабочими и большевиками 3 апреля 1917 г. встречал В. И. Ленина в Белоострове.

Сестрорецкая большевистская организация полностью приняла Апрельские тезисы В. И. Ленина. Это сыграло определенную роль при выборах в Петроградский Совет. Эти выборы проходили в накаленной атмосфере. Баллотировались два списка — большевиков и меньшевиков. Меньшевики старались протащить своих депутатов в Совет. Они надеялись, как и в феврале 1917 г., захватить инициативу в свои руки. Но большевики Сестрорецка приобрели уже и опыт, и авторитет среди рабочих. Большевики Сестрорецка одержали трудную и очень большую победу — в Петроградский Совет были избраны шесть большевиков — Н. А. Кубяк, В. И. Зоф, Н. А. Емельянов, В. А. Творогов, А. В. Ермолаев и Д. Дмитриев.

Преступная политика Временного правительства толкала страну в пропасть хозяйственной разрухи. Очень ухудшилось снабжение хлебом и другими продуктами. Революционный комитет от фракции большевиков направил коменданта Белоострова на трудный и ответственный в ту пору пост — председателя Сестрорецкой земской управы. Меньшевики и эсеры свирепствовали, они натравливали народ на большевиков, обвиняя последних в голоде и разрухе. Тяжело вспоминать, говорил Кубяк, как, спровоцированные меньшевиками, голодные, измученные женщины бросились к земской управе, громко крича: «Дайте нам Кубяка!» Я вышел к этой разъяренной толпе и пытался их успокоить, объяснить, что они поддались на провокацию, но все было напрасно. Они не желали слушать, набросились на меня, засыпали овсяной мукой и даже пытались утопить в озере Разлив. Только прибежавшие сестрорецкие рабочие помогли ликвидировать этот инцидент. Они разъяснили своим женам, сестрам, матерям настоящее положение дел, что в Сестрорецке со снабжением даже лучше, чем в Петрограде.

В июльские дни Сестрорецкая партийная организация была внушительной силой и руководила всей жизнью на заводе и в поселке. В Петербургском комитете РСДРП(б) она имела своего постоянного представителя — Н. А. Кубяка, а в Петроградском центральном совете фабзавкомов — В. И. Зофа.

Когда Временное правительство готовило жестокую расправу над В. И. Лениным, ЦК вынес решение о переходе Владимира Ильича на нелегальное положение. Сестрорецкая партийная организация, основным ядром которой являлся Сестрорецкий оружейный завод, нашла подходящее место, где можно было укрыть В. И. Ленина от ищеек Керенского. Этим местом был Разлив. Вначале Владимир Ильич приехал в Сестрорецк, несколько дней жил у большевика Н. А. Емельянова, а затем с его помощью переправился за озеро Разлив, где он жил в палаше под видом работника-«финна». Но вскоре жить там стало и холодно, и небезопасно. По заданию Я. М. Свердлова Кубяк принял самое деятельное участие в переправке Владимира Ильича в Финляндию.

1 октября в Смольном состоялась 1-я Петроградская окружная губернская конференция, которая поставила перед партийными организациями ряд срочных задач. Н. А. Кубяк, вошедший в состав избранного на конференции окружного комитета, по приезде в Сестрорецк организовал там комитет, который вскоре превратился в Сестрорецкий военнореволюционный комитет. Будучи председателем Сестрорецкого райкома партии и председателем первого Сестрорецкого Совета рабочих депутатов, Кубяк активно участвовал в подготовке Сестрорецкой партийной организации и рабочего класса Сестрорецка к борьбе за победу Великого Октября.

Вскоре после Октябрьской революции Николай Афанасьевич переехал работать в Петроград, где был избран председателем комитета большевиков Тверской губернии. В 1919 г. в здании университета имени Шанявского состоялось первое Всероссийское совещание по работе в деревне. Кубяк участвовал в этом совещании.

Весь жизненный путь Н. А. Кубяка свидетельствует о том, что только в Советском государстве рабочий паренек с низшим образованием (три класса приходской школы) мог вырасти в организатора, вожака, партийного руководителя.

А. И. Балагуров. Профессиональные союзы торговых служащих в 1912—1915 гг.

В 1912—1915 гг. в Петербурге существовало четыре профессиональных союза торговых служащих, или приказчиков, как их обычно называли: приказчиков-мануфактуристов; торговых служащих, занятых в предприятиях, торгующих предметами хозяйства (хозяйственников); приказчиков-съестников; торговых служащих трактирного промысла.

В этих союзах большевистская партия имела во все время их существования определяющее влияние. Правления союзов неизменно возглавляли большевики. Основная масса торговых служащих шла за большевиками и единодушно поддерживала и проводила в жизнь все мероприятия нашей партии. Петербургские профсоюзы торговых служащих в рабочей среде считались большевистскими.

Кроме того, был еще профсоюз конторщиков. Передовая часть торговых служащих добивалась регистрации единого профессионального союза, но петербургский градоначальник не разрешил организацию такого профсоюза. Несмотря на то что торговые служащие были искусственно разъединены и существовавший закон от 4 марта 1906 г. «Об обществах и союзах» сковывал по рукам и ногам их деятельность, сводил ее на нет, мы находили способы координировать работу своих профсоюзов, то есть одновременно выдвигать на обсуждение широких торговых масс наиболее важные вопросы политической и экономической жизни.

Политические вопросы, которые по конспиративным соображениям нельзя было обсуждать легально, в стенах профсоюза выносились на обсуждения в большевистские нелегальные кружки, которые существовали еще в годы реакции и продолжали существовать в описываемое нами время. Кроме того, политические вопросы обсуждались на рабочих массах, периодически устраиваемых в пригородных лесах и парках.

Массовки устраивались на даче в местечке Киновия-Уткина на правом берегу Невы, в лесу близ станции Лахта Приморской ж. д., в Сосновке и Пискаревке в районе Полюстрова и других местах. Массовки часто устраивались совместно с другими союзами. У нас, приказчиков, существовало несколько нелегальных партийных кружков по 10—15 человек. В них входили приказчики всех специальностей. Занятия проходили по воскресеньям, в основном в утренние и дневные часы. Собирались в отдельных «кабинетах» ресторанов и чайных, расположенных в центральной части города: в ресторане «Ивановский» (угол Садовой и Мучного переулков), в ресторане «Цветок» (Гороховая ул., 39), в трактире «Озеро Селигер» на Сенной площади, в грязных номерах гостиницы «Хива» (угол Глазовой и Боровой), в гостинице «Палермо» на Гороховой улице у Семеновского моста, в которой работал «номерным» наш товарищ старый большевик-правдист А. С. Шигаревский, и в других местах.

Кроме текущих партийных вопросов в кружках делались доклады и читались лекции по политическим вопросам и разбирались теоретические труды В. И. Ленина. Читали лекции и делали доклады в разное время И. А. Акулов, В. А. Быстрицкий (Вадим), Александр Левинсон, Д. В. Антошкин (Д. Тополь), Я. И. Буров и др. Каждый кружок избирал из своей среды старосту, казначея и пропагандиста, вернее, библиотекаря, в задачу которого входило снабжение кружковцев революционной литературой. Старосты кружков составляли так называемое объеди-

ненное партийное бюро, которое периодически собиралось и координировало работу кружков и осуществляло связь с Петербургским комитетом и районными комитетами партии 1-го и 2-го Городских районов.

У торговых служащих был очень продолжительный рабочий день (15—18 часов), не было еженедельного дня отдыха, поэтому ПК разрешил нашему профсоюзу иметь непосредственную с ним связь. Мы получали соответствующие директивы и право на участие в городских партийных конференциях и собраниях.

При проведении общегородских собраний часто были и аресты их участников. Так, в ночь на 19 мая 1914 г. в Шуваловском парке были арестованы члены правления профессионального общества приказчиков-мануфактуристов Никитин и Изотов, председатель общества приказчиков-съестников Зоф, член правления приказчиков-хозяйственников Се-нюшкин, рабочий-металлист Федоров, наборщик Аничкин, член общества кожевников Варшавский-Вишняк¹.

Работа в кружках протекала на территории городских районов, поэтому была связь и с районными комитетами. Таким образом, было двойное подчинение. Представителями или связными с Петербургским комитетом партии в разное время были Д. В. Антошкин, В. Г. Володин, В. С. Попов, А. В. Никитин (Никита Москвич), Яков Буров и я, причем эта связь очень часто прерывалась из-за арестов членов Петербургского комитета. Это особо чувствовалось во время империалистической войны, когда прекратила свое существование газета «Правда» и были закрыты профессиональные союзы.

Однажды знакомый мне официант ресторана «Ивановский» Алексей Тарасов предупредил, что буфетчик расспрашивал официанта, который обслуживал кабинеты. На вопрос, есть ли свободный кабинет, официант ответил, что все заняты. «А кто во втором?» — «Да какие-то молодые люди, очевидно приказчики», — отвечает официант. «С девицами?» — «Нет, одни». — «В карты играют?» — «Да нет, чай пьют, ведут себя тихо». — «Ну ты за ними посматривай, в кабинетах «голый» чай не пьют и пусть долго не засиживаются».

Учитывая такое положение, нам пришлось несколько видоизменить техническую сторону собраний кружков. В тот период существовала трудовая артель по изготовлению и продаже в разнос упаковочных материалов, или «артель веревочников», как она обычно называлась. Я был секретарем этой артели. Артельщики-веревочники занимались разносной продажей шпата по городским торговым предприятиям, а все свободное время проводили в чайных — одни из них в ресторане «Цветок», другие в «Озере Селигер», поэтому мы решили проводить собрания кружков в основном в этих местах под видом собраний веревочников. Администрация чайных охотно предоставляла «отдельные кабинеты», так как от веревочников они имели известную пользу. Собрания проходили в общем гладко. Но однажды, когда мы собрались в трактире

¹ См. «Трудовая правда», 23 мая 1914 г.

«Озеро Селигер», ко мне подошел официант Анатолий и, отойдя со мной в сторону, с таинственным видом вручил мне пачку эсеровских листовок. «За зеркалом нашел, в прошлый раз вы были и забыли взять». Взяв листовки, я сказал, что это не мы оставили, но мы знаем, кто их оставил, и им передадим. Оказалось, что в этом трактире также под видом веревочников собирались знакомые нам по союзной работе приказчики-эсеры, которые при уходе и «забыли» взять свои листовки.

Правдист Иван Авксентьевич Воинов, нелегально проживавший в Петербурге, не имея средств к существованию, занимался продажей шпата. Воинов имел связь с торговыми работниками, распространял среди них газету «Правду», «Вестник приказчика» и другую литературу.

Оказывал нам неоценимые услуги и Самородский. Высокого роста, плечистый, с большой окладистой, уже седеющей бородой, в черной полужупанной шинели, он работал швейцаром или вахтером в каком-то казенном учреждении. Познакомился он с нами в «типографском музыкально-драматическом кружке». Сам он принимал участие в нелегальных кружках 1-го Городского района.

При помощи Самородского нам удалось проводить собрания кружков в гостинице «Хива». Называя себя «хозяином» каретной мастерской, Самородский обычно приходил непосредственно к хозяину гостиницы часа за два до нашего прихода и заявлял: «Хочу со своими молодцами чайку попить да по душам поговорить, надеюсь отдельный номерок подберете». Получив согласие, Самородский, уходя, доверительно говорил хозяину: «Времена-то теперь, знаете, какие, народ бунтует, рабочие требуют прибавки, а где ее взять, господа в каретах ездить перестают, переходят на автомобили, заказов на кареты нет, а на извозчицких пролетках что заработаешь? Хочу обойным делом заняться, вот и есть потребность с ребятами, кто поумнее, поговорить».

Ряд товарищей, особенно работавших в отдаленных от центра районах (за Невской и Нарвской заставами, на Васильевском острове, Петроградской стороне), входили в местные рабочие кружки, особенно родственников профессий — колбасников, булочников, портных.

Союзы приказчиков имели объединенное бюро, в которое входили по два-три представителя профсоюзов мануфактуристов, хозяйственников, съестников и трактирщиков. Обычно это был председатель союза или его заместитель. Так как связь союзов между собой была запрещена, вся деятельность объединенного бюро носила строго секретный характер.

Хотя закон запрещал союзам вступать между собой в связь, на всех общих профсоюзных собраниях присутствовали руководящие работники всех наших профсоюзов и выступали в прениях, для чего они «на всякий случай» имели членские билеты соответствующего союза. Торговые служащие поддерживали тесную связь с большевистской фракцией IV Государственной думы. Их представители принимали участие в рабочих комиссиях фракции для предварительного обсуждения внесенных в думу вопросов рабочего законодательства, законов о страховании рабочих

и злополучных «приказчичьих» вопросов, неоднократно стоявших в порядке дня думы.

На общих собраниях, лекциях и даже концертах всегда присутствовал полицейский чин не ниже помощника пристава (некоторые па груди имели университетские значки), а в Литейной части нам уделял внимание сам пристав, который в любое время имел право закрыть собрание.

На заседаниях правлений союзов полиция присутствовать не должна. Но таких «гостей» можно было ожидать постоянно, и они действительно часто посещали союзы по тому или другому поводу, поэтому на заседаниях правлений мы часто обсуждали одни вопросы, то есть вопросы политические — «нелегальные», а секретари протоколировали «на всякий случай» другие вопросы, профсоюзного значения. Велась так называемая двойная бухгалтерия.

Для каждого полицейского участка профсоюзы были крайне нежелательными и опасными жильцами, и они применяли все средства, чтобы выжить их со своей территории. Союз приказчиков-хозяйственников переехал на новую квартиру в Апраксин переулок, дом 10. Однокомнатная квартира в первом этаже вполне нас устраивала. «Вот теперь развернем работу», — мечтали правленцы, но нам хозяин вскоре отказал, ссылаясь на приказ полицейского участка.

Аресты и обыски как в стенах профсоюза, так и на квартирах отдельных членов профсоюзов были обычным явлением. Так, были арестованы и осуждены к ссылке в Сибирь за революционную деятельность А. С. Якум, Б. А. Семенов, к тюремному заключению на разные сроки — В. Г. Володин, Д. И. Гразкин, А. Спасков и др.

Без суда и следствия были высланы председатель союза съестников Казанов и казначей союза А. Г. Батулин, который был арестован по ошибке, так как искали известного историка Н. Н. Батурина. Когда же полиция обнаружила ошибку, то решила: историка Батурина продолжать искать, а Батурина А. Г. — мясника на волю не отпускать, а выслать, раз он уже арестован, так как он элемент тоже, очевидно, вредный и высылать его рано или поздно все равно придется.

Наши союзы по своему количественному составу были малочисленны. В своих рядах они объединяли около 1% всех работающих торговых работников города. Например, союз приказчиков-мануфактуристов имел 750 членов, то есть 1% всех работающих в этой отрасли торговли. Такое же положение наблюдалось и в других родственных профсоюзах.

В союзах была большая текучесть членского состава. Основной причиной ухода торговых работников на заводы, фабрики, городской транспорт и другие отрасли производства были непомерный рабочий день, низкая заработная плата, хозяйские квартиры-«клоповники», хозяйские харчи, отсутствие праздничного отдыха для большинства торговых работников, особенно приказчиков-съестников и служащих трактирного промысла.

В наши союзы шла в основном молодежь в 20—30 лет, они составляли большинство профсоюзного актива. Это было передовое и наиболее энергичное ядро организованного торгового пролетариата. В числе членов союзов были и женщины, несколько больше их было у конторщиков и приказчиков-мануфактуристов. Например, в союзе конторщиков женщин было 105 из 700 членов союза. В числе профсоюзного актива были продавцы гостинодворки Ольга Павлова, Анастасия Сейфер и продавщица кооператива «Грош» Нейман.

Члены профсоюзов, как и профсоюзы в целом, имели значительное влияние на большинство торговых работников, хотя это большинство и не являлось членами союзов. Два-три члена союза, работавшие в торговом предприятии, вели за собой почти всех работающих. По их предложениям коллективы проводили многие запрещенные общественные мероприятия того времени: сборы в фонды газеты «Правда» и журнала «Вестник приказчика», помощь бастующим рабочим и репрессированным товарищам, выражение политических протестов по отдельным актам жандармско-полицейского произвола в стране, а также посещение лекций, экскурсий, массовок, рассматривали различные вопросы по улучшению быта.

Большое значение в жизни профессиональных союзов имели общие собрания членов союза. Общие собрания проводились в установленные уставом сроки, не реже трех раз в год. На обсуждение общих собраний кроме отчетов правлений союзов ставились исключительно с агитационной целью вопросы правового и экономического значения, которые отсутствовали в союзных уставах (вернее, не были разрешены) и которые, дескать, необходимо было бы включить в уставы и добиться их утверждения.

Таковыми уставными агитационными вопросами были «О целях и задачах общества», «О договоре найма» и правовые вопросы, включаемые в порядок дня общих собраний под названием «О расширении и изменении устава». Ставя эти очень важные вопросы, мы знали, что «цели и задачи профессионального союза» и вопрос о «договоре найма» будут активно обсуждаться, а это имело большое агитационно-воспитательное значение.

На наши профсоюзные собрания приходил продавать «Правду» и «Вестник приказчика» молодой паренек Смоленской губернии Яша Паршенков, или «Яшка-газетчик», как мы его дружески называли. Малого роста, худощавый, с большими, недетски выразительными глазами, в большой форменной фуражке с надписью «Вечернее время», рваных ботинках и длинной не по росту спитой фланелевой шинели с зеленым воротником и зелеными обшлагами, он был неременным участником наших собраний, лекций и даже концертов. Обычно в эти дни Яшке поручалось побольше запастись «Правдой» и «Вестником» для продажи. Кажется, не было ни одного собрания, на котором не было бы Яшки со своей наполненной газетами сумкой.

Не обходилось дело и без комических инцидентов. На одном из собраний приказчиков-съестников на Серпуховской улице присутствовавший на собрании помощник пристава заметил Яшку с «Правдой» (номер был конфискован) и намеревался его задержать. Яшка, поняв, что ему грозит опасность, незаметно передал оставшиеся экземпляры «Правды» одному из товарищей и как ни в чем не бывало направился к выходу. Помощник пристава говорит, обращаясь к стоявшему у дверей околоточному, показывая на Яшку: «Обыскать». Околоточный извлекает из Яшкиной сумки несколько экземпляров «Вечернего времени».

Полицейские явно смущены. Выходящие с собрания товарищи громко издеваются над незадачливыми блюстителями порядка. Яшка в свою очередь обиженным голосом закричал: «Какое вы имели право меня обыскивать, я Суворину пожалуюсь. Из-за вас я не все газеты продал». Много времени потратил полицейский, чтобы уговорить Яшку, что он, дескать, ошибся, ему показалось, и благосклонно разрешает в будущем бывать на собраниях и продавать газету, а чтобы замять инцидент, помощник пристава покупает все не проданные Яшкой экземпляры «Вечернего времени».

Общие собрания наших союзов проходили активно и иногда даже бурно. Борьба с меньшевиками-ликвидаторами, приспособленцами, объединенцами или примиренцами и социал-революционерами в печати, на массовках, нелегальных рабочих собраниях отражалась и на ходе общих собраний, и на выборах правлений союзов. Дискутировать открыто по политическим вопросам при полицейском контроле было крайне затруднительно. Поэтому дискуссии и обсуждение острых идеологических вопросов велись в завуалированном виде, так называемым эзоповским языком. Если нужно было говорить о нашей большевистской партии, то говорилось об этом не прямо, а иносказательно. По конспиративным соображениям применялись такие выражения без упоминания слова «партия». Меньшевиков обычно называли ликвидаторами, приспособленцами, а иногда «цирюльниками», имея в виду то, что они своей деятельностью причесывают острые политические вопросы и сглаживают «острые углы» революционного рабочего движения. Социал-революционеров называли «народниками», а примиренцев — просто «боло-том».

В состав правлений союзов выбирались кандидаты, предложенные нашей большевистской группой. В составе правлений были члены и других партий — меньшевики и эсеры. Проходили они обычно по нашим спискам как «деловые» кандидатуры, они были в значительном меньшинстве и, как правило, поддерживали все наши мероприятия. Списки кандидатов в правления союзов опубликовывались заранее на страницах «Правды». Голосование было персональное, тайное. При выборах осуществлялась полная демократия. При обсуждении кандидатов в правление союза задавался вопрос: «Какого направления?» Так, И. И. Молвину, которого некоторые товарищи не знали, был задан вопрос: «Ка-

кого Вы направления, тов. Молвин?» — «Строго ортодоксального», — ответил он под одобрительное оживление присутствующих.

На собраниях в качестве корреспондентов присутствовали сотрудники «Правды» Георгий Шидловский, С. Кавтарадзе (Сапир), В. Молотов (В. Михайлов) и приказчик-мануфактурист А. В. Никитин (Никита Москвич), от меньшевистских газет — бывший член III Государственной думы Егоров, а также представитель от газеты народников. Корреспондентов бульварных газет мы старались на свои собрания не допускать, но им иногда это удавалось, особенно «Петроградскому листку».

На одном из собраний пристав арестовал за выступление двух приказчиков, членов партии Угланова и Колесова, что вызвало возмущение присутствующих. Когда полицейские повели их по Офицерской улице, случилось неожиданное происшествие: из ворот одного из домов внезапно выскочил наш «Яшка-газетчик» и бросился под ноги полицейским. Споткнувшись об «Яшку», они упали и выпустили из рук арестованных, которые, воспользовавшись происшедшей суматохой, моментально сбежали. Разошлись в разные стороны и другие наши товарищи. Исчез и «Яшка». Остались только обескураженные полицейские да толпа случайных любопытных.

Большая и неопенимая заслуга в деле организации и сплочения рабочего класса на революционной, марксистской основе принадлежит газете «Правда». В «Правду» мы обращались за советом буквально по всякому поводу и получали от ее сотрудников должный ответ. Вопросы организованного революционного сплочения торгового пролетариата, борьба с полицейским произволом и бесправием, купеческим самодурством и деятельность наших профсоюзов широко освещались на страницах газеты.

Константин Степанович Еремеев, Конкордия Николаевна Самойлова, Михаил Степанович Ольминский и наши товарищи-приказчики, обосновывая необходимость выпуска журнала «Вестник приказчика», говорили, что торговые служащие вследствие своей разобщенности и других причин экономического и правового значения в своем политическом развитии несколько отстали от основных групп рабочего класса. У торговых служащих есть и свои довольно важные политические цели и задачи: необходимо отвлечь приказчиков-середняков, имеющих еще связь с деревней, от народнического влияния и от влияния «кадетов» и других либерально-буржуазных партий.

Надо вести борьбу с полухозяйскими обществами взаимопомощи, которые, находясь под руководством своих хозяев, их управляющих и старших приказчиков, значительную часть торговых служащих держат под своим влиянием.

В связи с тем что при наличии в стране антирабочего законодательства и полицейского произвола для торговых служащих, как и для других групп рабочего класса, была исключена возможность создания своего все-русского профессионального центра, таким органом мог стать новый

журнал, который при надлежащем руководстве и помощи нашей партии мог объединить политические и экономические действия существовавших в стране профсоюзов торговых и промышленных служащих, искусственно разрозненных по узкоспециальным профессиям, и направить их на нужный путь развития.

Учитывая предстоящий 4-й Всероссийский съезд приказчиков в Москве, товарищи указывали, что журнал должен быть хорошо подготовлен к съезду, он должен в противовес либерально-буржуазным газетам и разным «внешнеполитическим» и «демократическим» журналам обществ взаимопомощи правдиво отобразить на своих страницах предсъездовскую подготовительную работу, кроме того, помещать сообщения об условиях труда и быта торговых служащих, рассматривать вопросы заработной платы, освещать работу самого съезда.

Основателями журнала и его идейными руководителями были передовые представители торговых служащих, получившие боевую закалку еще в нелегальных большевистских кружках в 1905—1907 гг. и в период суровой «столыпинской» реакции, приказчики Д. В. Антошкин, М. А. Сейфер, Яков Буров, Н. И. Кузнецов, Ф. К. Александров, Н. А. Угланов и др.

Позднее в редакционный коллектив входили Мгеладзе (Висанов), А. Алексеев (Л. Сосновский) и О. Г. Лифшиц; последние в разное время были секретарями редакции. Автор этих строк также входил в состав редакционного коллектива и принимал активное участие в издательской деятельности и распространении журнала.

Редактором журнала был утвержден Д. В. Антошкин. Авторитет Дмитрия Васильевича как руководителя профессионального движения, получившего боевое крещение еще в 1905 г., и как стойкого большевика-журналиста был достаточно высок, и выдвижение его редактором журнала получило всеобщее одобрение. Издателем журнала был беспартийный приказчик-суконщик В. В. Захаров, работавший продавцом у своего брата в Апраксином рынке. Он был издателем первых девяти номеров. Издателем остальных был рабочий-металлист, член КПСС с 1908 г. Алексей Филиппович Смирнов. Под непосредственным редактированием Антошкина вышло шесть номеров журнала.

Редакция журнала первоначально обосновалась в доме 59, квартира 15 по Литейному проспекту. Потом редакция переехала на Коломенскую улицу в дом 12, квартира 31, после этого — на Невский проспект, 69, кв. 5. Следующий адрес редакции: Гороховая, 54, кв. 9, далее — Средняя Подъяческая, 15/25, кв. 14, и последний адрес — квартира 117 в этом же доме. Следовательно, редакция рабочего журнала в результате причин от нее не зависящих пять раз меняла свои адреса. Эти «не зависящие» причины относились не только к нашему журналу, но и ко всей многострадальной рабочей печати. Правления профессиональных союзов находились в аналогичных условиях.

Боевой журнал марксистского направления явно пришелся не по

вкусу не только хозяевам-купцам, но и всех чинов и званий полицейским.

Началось «негласное» наблюдение «лиц в штатском» за редакцией и людьми, ее посещающими, а главное, началось систематическое выселение из снятых редакцией помещений.

Обычно помещение для редакции подыскивалось очень долго. Никто не хотел сдавать комнату какому-то журналу, хотя и приказничьему, дескать, «сдать-то сдам, а после хлопот не оберешься». Но все же находились смельчаки, которые после длительного обдумывания соглашались сдать комнату такому опасному съемщику. Недели две-три идет гладко. Хозяин, видимо, доволен жильцами. «Что ж, ребята, видно, хорошие, комнату занимают только по вечерам, ведут себя тихо, да и за комнату платят аккуратно, даже вперед». И вдруг ни с того ни с сего в одно прекрасное время хозяин заявляет: «Уж как хотите, а через три дня комнату освободите». «Что так, почему?» — спрашивают хозяина товарищи из редакции, как будто не зная, в чем дело. «Да знаете, себе понадобилась», — виновато говорит он и в конце концов сознается и доверительно сообщает, что сегодня вызывал его околоточный и велел нас обязательно выселить. «Уж вы не обижайтесь», — заканчивал квартирный хозяин. Делать нечего, надо уезжать, и уезжали в другую, заранее подысканную квартиру.

Нашим журналом стали «интересоваться». Надо было быть готовыми к результатам этого «интереса». Если шесть номеров журнала не были оштрафованы и редактор Антошкин не посажен в тюрьму, то это счастливая случайность. Послать на «отсидку» Антошкина или дожидаться применения к нему более сильных репрессий — это значит ослабить начатое дело, так как он был одним из энергичных работников по изданию журнала. У редакционной коллегии был один выход — найти другого «редактора», но редактора честного, недорогого и «чистого» с полицейской точки зрения. Выполнить эту задачу было поручено мне.

Чайную «Цветок», где мы, «веревочники», пили чай и проводили свободное время, посещал безработный приказчик-мануфактурпст Николай Васильевич Конев. Он, очевидно, очень нуждался, так как целые дни сидел в чайной за столиком, ничего не заказывая, чем вызывал неудовольствие даже такого добродушного буфетчика, каким был Владимир Елизарович, или просто «Елизарыч», как его называли посетители чайной. Этого Конева я и наметил кандидатом в «редакторы», по всем данным это был вполне порядочный человек, которому долгое время не удавалось найти работу. Объяснив Коневу его «права» и обязанности на новой работе и денежные условия за «редакторство», спросил его о согласии. Конев сразу согласился. Оформление нового редактора в Санкт-Петербургском градоначальстве прошло без заминки.

К трехлетней годовщине Международного дня рабочих седьмой номер «Вестника приказчика» вышел в новой обложке, с большим символическим рисунком мускулистого рабочего, изображавшего мощь рабо-

чего класса, рвущего цепи капитализма. В конце журнала стояла подпись редактора Н. В. Конева.

В последующие дни в столичных газетах в отделе «Хроника» было напечатано: «С.-Петербургским комитетом по делам печати наложен арест на № 7 журнала «Вестник приказчика» от 17 февраля 1913 г. за помещение в отделе «Женский день»: 1) редакционной статьи «Освобождение женщины», 2) статьи Н. Сибиряковой «Положение женщины в торговле и промышленности», 3) статьи гостинодворки — «К продавщицам» и 4) стихотворения (фельетон), посвященного русским работницам, Александра Поморского — «песни о Молохе» — а/ Город, б/ На фабрике, в/ Бал и г/ Женщине дорогу. Редактор журнала Н. В. Конев привлекается к судебной ответственности». Не избежал печальной редакторской участи и четвертый по счету редактор «Вестника» П. Я. Деметьев. За помещение в № 18 журнала статьи «Рабочий день торгово-промышленных служащих» он был привлечен к судебной ответственности за возбуждение одного класса населения против другого. Такова была судьба редакторов нашей страдалицы-печати, вложивших свою большую долю в дело организации рабочего класса. Журнал на протяжении своей двухлетней деятельности подчеркивал, что торговые служащие (или приказчики) — это часть рабочего класса и их путь идти в едином строю с рабочим классом на борьбу с царским самодержавием и торгово-промышленным капиталом.

Известные правдисты М. С. Ольминский, К. Н. Самойлова, К. С. Еремеев, К. А. Комаровский, Владимир Зарубин, Евсеев, приказчики Д. В. Антошкин, М. А. Сейфер, Яков Буров, Н. А. Угланов, А. В. Никитин, являясь сотрудниками журнала, помещали в нем ведущие статьи по политическим и общественным вопросам, отражающие боевую, руководящую роль нашей большевистской партии.

Печатались в «Вестнике» и боевые произведения пролетарских поэтов — Александра Поморского, Михаила Артамонова, А. Сергеева, Андрея Бывалого, приказчика-колбасника Александра Яшина и других, а также известного правдиста Ивана Воинова, поместившего в журнале стихотворение без заглавия. Вот выдержка из него:

Я хотел бы, чтоб люди, покинув вражду,
В общий гимн красоте голоса свои влили,
Я хотел бы, чтоб люди забыли нужду,
Чтоб о радостях пели и солнце любили...
Но ласкает ли солнце в ненастные дни?
А проклятья и стоны... изжиты ль они?

Воинов, находясь в тяжелых материальных условиях, с волчьим паспортом ссыльного, которому только иногда удавалось поудачнее поработать чернорабочим у паромоводчика Забелина за 25 копеек в день, не прерывал связей со своими друзьями и нашим журналом.

У меня сохранилось письмо-открытка от 27 февраля 1914 г., в котором он пишет: «Друг Алеша! Пожалуйста, пришли 30 экз. «Вестника приказчика» наложенным платежом, да, кстати, вложи 2 экз. журнала «Работница». Адрес старый: Дворцовая, 49.

С тов. приветом Иван Воинов».

Частым гостем на страницах «Вестника приказчика» был Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов), молодой поэт-самородок, начавший свою творческую деятельность на страницах «Звезды» и «Правды». Злободневные политические басни-фельетоны Д. Бедного пользовались большой популярностью среди читателей рабочей печати. Его произведения исполнялись на концертах и вечерах в рабочих клубах и культурно-просветительных обществах. Помещенные в «Вестнике» произведения Д. Бедного «Мудрецы», «Сон», «Подхалим и юла», «Благодарность», «Купец», «Сила», в которых он с убийственной силой и правдивостью высмеивал тупость, невежество и алчность купцов-самодуров, встречали полное одобрение широких масс. В этих произведениях поэт наводил жестокую критику на существовавшие в торговой среде патриархальные полукрепостнические порядки.

Д. Бедный в отличие от других поэтов часто писал свои фельетоны и басни на текущие злободневные темы по «заказам» профессиональных союзов и рабочих изданий. Он часто приходил за «темами» и в наш союз. Как-то раз при посещении нашей редакции в организационный период — перед выпуском первого номера журнала Д. Бедный явился свидетелем моей беседы как дежурного члена редакции с посетителями. Два молодых продавца-лабазника, из которых один повыше ростом, с жаром, перебивая друг друга, рассказывали, как их хозяин купец-лабазник Иванов с Воздвиженской улицы застал ребят в кладовой за чтением «Правды». Хозяин крепко ругался, кричал, что «Правда» мутит людей, а печатают ее вредные люди, вырвал газету, разорвал, а им дал по здоровой оплеухе и, уходя из кладовой, заявил, что он еще завтра с ними поговорит. «Что же, может быть, хозяин уволит вас с работы?» — спрашиваю я лабазников. «Не знаю, но Андрея не уволит, — показывая на меньшего, говорит его товарищ. — Он племянник». — «Ну и что же, что племянник, — вскочив со скамейки, с жаром проговорил Андрей. — Ты получил от хозяина одну оплеуху, а я по-родственному три, да хозяин еще моему отцу в деревню об этом напишет, а отец попросит его как своего «благодетеля» мне еще добавить. Да и тебя, Гриша, не уволит, теперь лабазников «без дела» мало гуляет. Жаль газету не дочитали», — огорченно проговорил Андрей.

«А может, хозяина привлечь к ответственности за «рукоприкладство?» — проговорил я, обращаясь уже к находившимся в редакции товарищам. «Не выйдет, нет свидетелей, молодцы же являются заинтересованной стороной, и их показания судом приняты во внимание не будут, да и судье интересы хозяев ближе, чем рабочих», — проговорило несколько голосов.

«Вот Вам, Ефим Алексеевич, и тема для фельетона», — посоветовал кто-то, обращаясь к сидевшему у дверей с блокнотом в руках Демьяну Бедному. «У вас, торгашей, тем много, хоть отбавляй, невежества и самодурства еще больше, и моих фельетонов будет недостаточно. Вам надо самим побольше мозгами шевелить, ну а этой «темой» воспользуюсь, вот еще с ребятами поговорю». «Да нам домой пора, нас хозяин в баню отпустил, а мы вместо бани сюда пришли, а поговорить и завтра можно», — ответили они. Но вскоре вернулись: «А мы вспомнили, что наши мочалки сухие, хозяйка обязательно полезет осматривать мочалки, чтобы удостовериться, что мы действительно были в бане». Намочив на кухне мочалки, ребята ушли.

Прошло несколько дней, и в № 1 журнала появилась басня Демьяна Бедного «Сон», в которой он косвенно воспроизвел указанный случай.

Многочисленные корреспонденции по различным вопросам из Москвы, Риги, Якутска, Вильно, Барнаула, Варшавы, Красноярска, Ярославля, Томска, Вологды, Орла, Нарвы, Харькова, Киева и других городов и местечек России показывают тесную связь торговых масс со своим журналом. Торговые служащие оказывали своему журналу и материальную помощь.

За все время существования «Вестника приказчика» было выпущено 20 номеров журнала. Последний, 20-й номер вышел 29 июня 1914 г. Подготовленный к выпуску 21-й номер не мог выйти вследствие запрещения деятельности журнала по случаю объявления империалистической войны. Закрыты были и профессиональные союзы.

Работа продолжалась в нелегальных условиях. Образовался ряд кружков, которые как бы продолжали деятельность закрытых профсоюзов, но вопросы, обсуждаемые в кружках, стали другие — политические. Велась борьба с оборонческими настроениями меньшевиков, шовинистическим угаром либеральной интеллигенции и некоторой части торговых служащих, с продажными «газетами-копейками» — «маленькими газетами».

Сознательные торговые работники с самого начала войны целиком поддерживали лозунг В. И. Ленина «За поражение царского правительства в империалистической войне» и «За превращение империалистической войны в войну гражданскую». «Война — войне» стало боевым призывом наших кружков. Политические и общеэкономические вопросы, обсуждаемые в кружках, как бы расширили стены кружковой работы, и в наши кружки стали вливаться рабочие других профессий, и, наоборот, наши приказчики входили в кружки рабочих по месту своей работы.

Ряд наших товарищей-приказчиков — А. В. Никитин, В. Г. Володин (Гребешков), И. И. Молвин, Д. И. Гразкин, Аня Углонова, А. В. Заколдеев, И. К. Савин, В. И. Зоф, Ф. П. Шепелин, К. М. Сенюшкин, С. А. Гусев и другие товарищи принимали участие в нелегальной работе городских районов Петрограда. Никитин под фамилией Васильева совместно с рабочим Тарасом Кондратьевым и другими товарищами ор-

ганизовали подпольную типографию, где печатали в больших количествах прокламации и листовки по заданию Петербургского комитета партии и распространяли их через кружки по фабрикам, заводам и предприятиям.

Никитину не суждено было дожить до Великой Октябрьской революции. Он умер 19 лет от роду в июле 1915 г. в доме предварительного заключения.

Нелегальная работа кружков постепенно расширялась. В кружки начали вливаться новые группы торговых работников и рабочих. Кружковые собрания в трактирах и чайных часто превращались в более широкие собрания, в которых участвовали и посетители этих трактиров и чайных. Например, чайная «Цветок» буквально превратилась в «дискуссионный клуб», где в течение всего дня шли дискуссии по текущим политическим вопросам, и нам почти не было надобности уходить в «кабинеты» и обсуждать там эти же вопросы отдельно от постоянных посетителей чайной.

Печальные вести с театра военных действий, слухи о государственных изменах и злоупотреблениях высших военных чиновников и бездарности некоторых генералов будоражили рабочую среду, и, несмотря на военную обстановку, революционное движение не только не уменьшилось, но приняло более широкие размеры.

С первых дней войны поднялись цены на продовольственные товары и предметы первой необходимости. Началась спекуляция товарами широкого потребления. Для борьбы с дороговизной в Петрограде начала организовываться рабочая потребительская кооперация. Образовался кооператив «Трудовой союз», отделения которого открылись во всех рабочих районах города, кооператив «Кузнец» — на Безбородкинском проспекте Выборгской стороны, кооператив «Освобождение» — на Балтийском заводе, где председателем был правдист официант В. С. Попов, и др.

Наша партия дала установку своим членам вступать в кооперативные общества и проводить там большевистскую линию. Торговые служащие в 1915 г. образовали кооператив «Торгово-промышленный служащий». Торговые работники, в основном профессионалисты, положительно отнеслись к новому обществу, вошли в его состав, тем самым заложили основу для юридического и фактического его существования. Кооператив «Торгово-промышленный служащий» стал местом продолжения деятельности закрытых наших профсоюзов и местом для наших партийных явок и встреч. Дела общества начали развиваться успешно, и вскоре было открыто несколько магазинов. В 1916 г. общество переименовало свое название и стало называться «Вперед».

Летом 1915 г. на одной из загородных массовок встал вопрос об организации профессионального союза торгово-промышленных служащих, который объединил бы всех работников прилавка и конторки. Для этой цели с большим трудом удалось получить разрешение на устройство

организационного собрания торговых работников Петрограда. Собрание состоялось в середине августа 1915 г. в зале Калашниковской хлебной биржи. На собрании присутствовало более тысячи человек. Настроение участников собрания было приподнятое, боевое. Выступило много ораторов. Полиции в зале заседания не было видно. Ораторы гневно говорили о политическом и правовом бесправии торговых служащих, призывали к немедленной организации единого профессионального союза. Некоторые ораторы говорили о ненужности войн вообще, а для русского народа — данной войны. Призывали к организованной борьбе с реакцией и абсолютизмом, а также капитализмом.

Выступавшие члены 4-й Государственной думы депутаты-меньшевики Хаустов, Чхенкели пытались сгладить боевые выступления некоторых товарищей, но встретили возражения у большинства участников собрания.

Выступая на этом собрании, я высказал глубокое сожаление, что среди нас нет наших товарищей — «пятерки» рабочих депутатов, посланных в далекую Сибирь, и пожелал скорейшего их возвращения в нашу среду. «Товарищи! Знаете, о ком я говорю?». «Знаем, знаем», — прогремел хор голосов под аплодисменты всего зала.

Собрание приняло резолюцию с требованием возвратить из ссылки рабочих-депутатов большевиков, избрало специальную комиссию, которой поручило разработать устав союза и подать его на утверждение. В комиссию были избраны: от конторщиков — Н. Никитин и А. Ф. Михельсон, от трактирщиков — А. С. Шигаревский и В. П. Резанов, от приказчиков-хозяйственников — я и П. А. Новожилов. Разработанный устав был подан на регистрацию, но в регистрации его было отказано.

Участвуя в великой революционной борьбе рабочего класса, торгово-промышленный пролетариат воспитал большое число преданных борцов за дело рабочего класса и нашей большевистской партии.

Н. П. Богданов. **О землячествах**

Вспоминается, что первые землячества в Петрограде возникли весной 1917 г. Вначале они объединяли рабочих какой-либо одной губернии. Инициативу проявили костромичи, тверяки, смоляне. За ними последовали другие губернии.

С первых дней возникновения землячества поставили своей целью объединить солдат-земляков, вовлекая их в братский союз рабочих и крестьян. Работа землячеств сразу же приобрела политический характер. Вскоре в состав землячеств помимо рабочих вовлекли солдат и матросов. Это были уроженцы одной волости, уезда, губернии, крепко связанные с деревней.

Сохранились короткие воспоминания питерского рабочего А. М. Ионов о его встрече с В. И. Лениным¹. Разговор, происходивший в конце июня 1917 г., шел о работе землячеств Петрограда.

В двухчасовой беседе Владимир Ильич прежде всего интересовался тем, как практически землячества связаны с деревней, что знают крестьяне о своих земляках, живущих в городе. В. И. Ленин живо интересовался бытом крестьян, состоянием сельского хозяйства в той или иной губернии. Он рассматривал политическую работу в войсках как средство укрепления боевого союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. Большевики терпеливо разъясняли крестьянам в солдатских шинелях сущность своей политической линии. Через многочисленных агитаторов, посылаемых землячествами в деревню и армию, мы сплачивали их вокруг большевистской партии, призывали солдат и крестьян брать решение аграрного вопроса в свои руки, подготавливали их к выступлению против помещиков.

Борьбу за солдатскую массу приходилось вести в труднейших условиях. Меньшевики и эсеры всячески мешали большевикам проникать в казармы. Преодолевая невероятные препятствия, мы находили пути, ведущие к солдатским массам, и добивались успехов.

Мне лично и товарищам из профсоюза строителей довелось выступать на собраниях и митингах солдат, которых военный округ посылал на многие оборонные стройки, чтобы заменить бастующих строителей.

От Центрального бюро землячеств постоянными агитаторами были наши представители профсоюза маляры Г. В. Хитров и А. А. Анохин. Благодаря такой непосредственной связи мы распространяли большевистскую литературу и осуществляли влияние на солдатскую массу.

Контрразведка, возглавляемая командующим военным округом генералом Половцевым, любыми, самыми грязными способами боролась с нашими агитаторами. Мне лично пришлось видеть это при жестоком подавлении стачки строителей у подрядчика Биргера. Половцев послал вооруженный отряд, приказав силой, «не считаясь с последствиями», удалить стачечников и их пикеты. Одним из распространенных приемов были выкрики: «Это немецкий шпион! На штык его!» Наступала зловещая тишина. В эти минуты надо было не терять самообладания и быстро ответить солдатам: «Я не шпион, а рабочий-маляр! Вот такие же рабочие скажут, что мы работали у строительного подрядчика Петрова. Я уроженец Калужской губернии, откуда уходят на заработки строительные рабочие». Такие «земляческие» слова действовали сильнее и вернее, чем сообщение о том, что являешься депутатом Петроградского Совета и т. п. Строители возгласами подтверждали сказанное, а солдаты после некоторого колебания успокаивались: «Говори, брат, говори!»

Мы приглашали их на наши земляческие и профсоюзные собрания.

¹ См. «Ленин в Октябре». М., 1957, стр. 133.

Так крепили наши связи с солдатскими массами, состоявшими в большинстве своем из крестьян. Они помогали нам проникать на собрания и митинги к ним в казармы, где большевики разъясняли основные политические вопросы, волнующие солдат.

Летом 1917 г. профсоюзам удалось добиться в ряде воинских частей поддержки стачечной борьбы рабочих. Например, полковой комитет Измайловского резервного полка выступил с воззванием к солдатам, в котором говорилось: «Полковой комитет... обращается к вам, товарищи солдаты, с категорическим требованием: немедленно прекратить все частные работы, которые производятся без согласия с товарищами рабочими, через профессиональные союзы, и впредь не допускать пользование нашей рабочей силы во вред интересам ваших братьев — рабочих»¹.

Огромное влияние имело для нашей работы среди солдат выступление В. И. Ленина на 1-м Всероссийском съезде крестьянских депутатов. Он изложил программу действий большевиков в деревне и среди солдатской массы, указал путь революционной борьбы за переход земли в руки трудового крестьянства. Эта речь сослужила хорошую службу нам, агитаторам. В своих выступлениях у солдат и среди крестьян мы опирались на ее тезисы. Результаты не преминули сказаться.

Делегатское собрание представителей партийных коллективов воинских частей Петрограда и окрестностей, состоявшееся 16 августа, признало необходимым войти в крестьянские революционные землячества и укрепить в них свое влияние.

Только через Петроградский Совет в середине октября было послано свыше 700 агитаторов в Тверскую, Ярославскую, Тульскую, Калужскую, Казанскую, Костромскую, Псковскую, Симбирскую и другие губернии, вплоть до Украины и Кавказа. Там, где побывал большевик-агитатор, там начинались организованные выступления крестьян. В сентябре — октябре их произошло около 2 тысяч. Народ переходил на сторону большевиков.

ЦК партии добивался, чтобы профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты помогали землячествам разоблачать клеветническую кампанию врагов. Мы приглашали делегации от воинских частей на заводы и фабрики для ознакомления с условиями жизни и работы предприятий. Делегаты с фронта, обследовавшие Путиловский завод, установили, что сокращение производства происходит «из-за нехватки материалов, неспособности буржуазии организовать производство».

Рабочие из своих скудных заработков выделяли средства на подарки, литературу, газеты и отправляли их фронтовикам, оказывали материальную помощь и на издание солдатской газеты.

Так ломались все преграды эсеро-меньшевистского Исполкома. Тысячи агитаторов были посланы во все концы страны. Помимо землячеств

¹ «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 294.

их посылали рабочие отдельных предприятий, солдатские организации, районные советы, профсоюзы. Агитаторы разоблачали контрреволюционную политику Временного правительства, предательство меньшевиков и эсеров, объясняли суть программ разных партий, разъясняли политику большевиков.

Проводились собрания, митинги, сходки и съезды Советов в деревнях, волостях и уездах. На них трудовое крестьянство призывалось к революционным действиям в решении земельного вопроса, к борьбе с помещиками и кулачеством. При помощи землячеств мы помогали создавать солдатские клубы при отдельных частях гарнизона. Профсоюз строителей при поддержке солдатского клуба «Правда» помог организовать политический клуб в Семеновском полку.

Агитаторы землячеств несли в солдатские массы лозунги большевистской партии, призывавшие к окончанию империалистической войны, передаче земли крестьянам и переходу всей власти к Советам. Они становились близкими и понятными широким солдатским массам. Все чаще и чаще на таких собраниях ораторы от соглашательских партий, заседавшие в батальонных и полковых комитетах, терпели провал и капитулировали перед революционно настроенными солдатами.

Большевистские коллективы возникали почти во всех запасных полках — Павловском, Преображенском, Егерском, Измайловском, Петроградском, Московском, Финляндском, Гренадерском и др. Многие воинские части становились большевистскими.

В июне 1917 г. В. И. Ленин много внимания уделял разработке крестьянского вопроса. Мне вспоминается, как перед своим выступлением на большевистской фракции профсоюзной конференции Владимир Ильич провел узкое совещание профсоюзных работников. Оно состоялось в редакции «Правды». Здесь присутствовали В. Шмидт, Н. Глебов-Авилов, Н. Ионов, Н. Анцелович, Н. Антипов, я и некоторые другие. Владимир Ильич расспрашивал нас о работе профессиональных союзов в землячествах, осылке агитаторов на фронт и в деревню, о том, какую помощь оказываем мы крестьянам, и т. д.

Свое выступление на конференции Владимир Ильич посвятил усилению политической и организаторской работы большевиков профессиональных союзов в массах, разоблачению предательской политики буржуазного Временного правительства и соглашательских партий меньшевиков и эсеров, а также вопросу завоевания на сторону партии солдат и крестьян.

Нас удивило тогда предложение В. И. Ленина об организации профессионального союза сельскохозяйственных рабочих. Он сказал, что эта задача вытекает из развития классовой борьбы в деревне, в которой рабочие должны поддержать батраков против помещиков и кулаков. Владимир Ильич призвал профессиональные союзы промышленных рабочих прийти на помощь сельскохозяйственным рабочим.

Рабочие фабрик и заводов организовали отчисление однодневного

заработка в фонд земляческих организаций, создание которых было усилено в связи с ленинским призывом помощи батракам.

Помню, как в беседе с нами он предложил профессиональным союзам прийти на помощь деревне в ремонте и изготовлении сельскохозяйственного инвентаря. В результате на Путиловском, Металлическом, Обуховском, «Новом Леснере», Кабельном, Ижорском и других заводах Петрограда начали изготавливать сельскохозяйственные орудия, собирать для деревни металлический лом, инструменты, гвозди.

На заводах создавались комиссии, которые следили за выпуском изделий для деревни. Петроградский Совет крестьянских депутатов выразил благодарность рабочим Балтийского завода, которые во внеурочное время делали сельскохозяйственные орудия и бесплатно передавали их трудовому крестьянству.

Меньшевики и эсеры с ненавистью отнеслись к этому патристическому почину рабочих, кричали, что на заводах нет железа даже для срочных заказов фронта и т. д. Каков же был их конфуз, когда на обширном собрании правлений и Совета профсоюзов 15 октября Н. К. Антипов выступил с разоблачением Временного правительства, которое, создав отдел снабжения деревни, держало без движения долгие месяцы большое количество железа.

В августе в Петрограде существовало 12 губернских землячеств, насчитывавших до 30 тысяч членов. Проводились десятки земляческих собраний. Меньшевики и эсеры пытались проникнуть в их руководящие бюро, но большевики в противовес соглашателям создавали свои фракции и добивались завоевания землячеств под свое влияние.

В конце августа в Петрограде было создано Центральное исполнительное бюро губернских землячеств. Руководящая роль в президиуме бюро принадлежала большевикам. Председателем Центрального бюро был избран А. М. Ионов, в его состав вошли большевики А. А. Анохин, И. Г. Гаврилов, С. С. Лобов, Г. В. Хитров и др.

Хитров — рабочий-маляр входил в состав Центрального бюро от профсоюза строителей. Он обеспечивал постоянную тесную связь землячеств с профсоюзом. На собрания, устраиваемые в цирке «Модерн», адмиралтейском манеже и других местах, мы всегда приглашали земляков-солдат. Им становились понятны наши интересы и цели борьбы с предпринимателями и Временным правительством.

В Т О Р О Й Г О Р О Д С К О Й Р А Й О Н

А. М. Гиндин. **Национализация частных банков**
(события 14 декабря)

Советская власть в середине ноября 1917 г. взяла в свои руки управление Государственным банком. 14 декабря была объявлена национализация частных банков в Петрограде. Декрет о национализации банков объявил банковское дело во всей стране государственной монополией.

Банковские заправилы и их прислужники из числа меньшевиков и эсеров — руководители Кредиттруда (профсоюзная организация служащих частных банков) — встретили в штыки декрет о национализации банков. Подготовка к национализации банков велась под руководством В. И. Ленина. По его заданию В. Р. Менжинский и М. А. Лурье (Ю. Ларин) готовили проект декрета о национализации банков. В. Д. Бонч-Бруевич, бывший управляющий делами Совнаркома, вспоминает, что уже в первых числах ноября «в одном из собеседований с Владимиром Ильичем выяснилось, что мы приближаемся к тому моменту, когда необходимо будет предпринять национализацию банков, хотя бы сначала в одном городе Петрограде».

Подготовка к национализации банков велась секретно. Бонч-Бруевич по заданию Ленина собирал все сведения о банках (их расположение, состав директоров и главных служащих, их адреса и т. д.).

В ответ на саботаж чиновников В. И. Ленин 5 ноября 1917 г. обратился с воззванием «К населению». В нем он писал: «Соппротивление капиталистов и высших служащих будет сломлено. Ни один человек не лишается нами имущества без особого государственного закона о национализации банков и синдикатов. Этот закон готовится».

Национализацию банков было решено провести в конце ноября 1917 г. Однако дело это несколько затянулось потому, что Советской власти пришлось выдержать довольно напряженную и длительную борь-

бу за овладение Государственным банком. Успех национализации акционерных банков мог быть обеспечен лишь после того, как Государственный банк был бы прочно завоеван большевиками. Только во второй половине ноября Советской власти удалось наконец полностью взять в свои руки управление Государственным банком.

И естественно, что, когда дело вплотную подошло к занятию частных банков и их национализации, большевистской партии и Совнаркому всю подготовку к этому пришлось проводить секретно. В противном случае банки, «готовясь» к национализации, приняли бы меры, чтобы запутать бухгалтерские книги, растащить банковские документы, увезти имеющееся золото и деньги из кладовых, опустошить сейфы, где буржуазия хранила свои ценности, и т. д.

Большевики не могли, по словам В. И. Ленина, поступать так, «как это порекомендовали бы, вероятно, сделать соглашатели: сначала подождать Учредительного собрания, может быть, потом выработать законопроект и внести его в Учредительное собрание и этим оповестить господ буржуа о нашем намерении, чтобы они могли найти лазейку, как им от этой неприятной вещи избавиться».

По плану, разработанному Лениным, нужно было в один день занять все частные банки вооруженной силой, после этого на заседании ВЦИК принять декрет об их национализации. В каждый банк должен быть назначен комиссар. В то время было намечено занять в Петрограде 28 акционерных банков и банкирских домов.

12 декабря состоялось секретное частное совещание Совнаркома. На нем присутствовало только несколько наркомов. Руководил совещанием В. И. Ленин. Обсуждался проект декрета о национализации банков. В. И. Ленин активно участвовал в его разработке и редактировании. На этом совещании возник вопрос о необходимости принять особый декрет о ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках. Одному из руководителей Госбанка было поручено подготовить к следующему дню (13 декабря) проект такого декрета.

Операция по национализации частных банков была назначена на 14 декабря. Накануне предполагалось собрать тех банковских служащих, которые в ней будут участвовать. В. И. Ленин тут же написал записку, в которой просил союз металлистов предоставить комнату в помещении союза для проведения такого собрания.

13 декабря днем состоялось совещание Совнаркома под руководством В. И. Ленина. На нем был рассмотрен проект декрета о ревизии стальных ящиков, происходил обмен мнениями по поводу инструкции о действиях комиссаров и руководителей отрядов при занятии банков. В. И. Ленин подписал восемь отпечатанных на машинке удостоверений комиссарам крупнейших банков, в которых места для фамилии, названия банка и числа остались незаполненными. Заполнить удостоверения и вручить их комиссарам вечером поручалось руководству Государственного банка.

Поздно вечером Владимир Ильич инструктировал руководителей отрядов о значении операции по занятию банков и о том, как нужно ее провести. Здесь же вручались и приказы за подписью Н. И. Подвойского, в которых указывалось, какой банк нужно занять, его адрес и как действовать после его занятия.

Комиссары получили удостоверения о назначении в различные частные банки, а также текст обращения от имени Советского правительства, который они должны были зачитать служащим банка в присутствии солдат или матросов, занявших банк.

Порядок проведения операции был следующий. Комиссары к восьми часам утра 14 декабря должны были прийти в указанную им комнату первого этажа в гостинице «Астория». Здесь у специальной дежурной им нужно было отметить о явке, а затем отправиться к назначенному банку и ждать появления отряда. Отряды обязаны были прибыть к банкам к 10 час. 15 мин. (после того, как уже все служащие будут на работе).

Комиссар вместе с отрядом должен войти в банк. Чтобы директора банков не могли поддерживать связь во время операции, по распоряжению из Смольного 14 декабря телефоны всех банков с десяти до четырнадцати часов дня были отключены.

Наступил день, о событиях которого В. И. Ленин сказал: «Мы поступили попросту: не боясь вызвать нареканий «образованных» людей или, вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали:— у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки. И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры».

* *
*

Слякотное зимнее утро, как обычно бывает в Петрограде в декабре. С Невы дует холодный ветер. Мокрые снежинки облепляют пальто и кепку. На кругу Знаменской площади мы вскакиваем на один из трамваев, нам нужно добраться к восьми часам в гостиницу «Астория». Сегодня, 14 декабря 1917 г., старший брат, разбудив меня, сказал: «Пойдем, будешь моим помощником». Он мне показал мандат за подписью В. И. Ленина о назначении его комиссаром Русско-английского банка. Я был горд и счастлив, что ему доверили такое ответственное поручение, да еще кто — сам Ленин. С радостью я пошел к нему в помощники, отказавшись от службы в страховом обществе.

Трамвай довез нас до Морской. Пять минут хода, и мы открываем массивную дверь «Астории». Дежурная (это была О. Е. Коган), отметив наш приход, тихонько просит направиться к месту операции. Времени еще достаточно, пошли пешком. По дороге брат объяснил порядок за-

хвата банка. Под колоннами Казанского собора хороший наблюдательный пункт. Красивое здание банка как раз напротив. Время подходит к десяти. У Казанского собора остановился отряд вооруженных солдат гвардии Финляндского резервного полка. Мы подходим к командиру. Брат предъявляет свой мандат. В 10 час. 15 мин. подходим к банку. Два сторожа, увидя десятки вооруженных людей, отступают. Быстро вбегаем по лестнице, и вот уже бойцы рассыпались: кто занял пост у кассы, кто у кладовой, кто у кабинета директора, кто в операционном зале, кто у выхода. Перепуганные служащие недоумевают. Командир отряда громко просит всех остаться на местах, сообщает, что назначенный в банк комиссар сейчас все объяснит.

Какой комиссар? Не признаем комиссаров! Возбужденные служащие вскакивают со своих мест. Солдаты успокаивают их.

Мы заходим в кабинет директора. За столом — член правления банка Г. О. Бененсон. Командир отряда обращается к нему:

— Я командир отряда, которому Советское правительство поручило занять ваш банк. Вот комиссар, который к вам назначен. Благоволите отдать распоряжение, чтобы ему были вручены ключи от кладовой и кассы. Их надо опечатать, о чем составить акт. Дайте распоряжение собрать служащих, и комиссар им скажет о причинах занятия банка.

У Бененсона половина лица темно-фиолетового цвета, какой бывает у обожженных. Он встает возмущенный.

— У нас иностранный банк. Вы не имеете права. Я сейчас позвоню куда следует.

Хватается за трубку телефона.

— Э черт, телефон не работает. Это же насилие. Вам попадет. Кладовщика нет, он еще не пришел.

— Будете сидеть здесь под арестом, пока не будет разыскан кладовщик. А если это затянется, отправим вас в тюрьму в Кронштадт.

Это действует на него отрезвляюще. Он вызывает каких-то лиц. Вскоре находятся ключи. В присутствии директора, кладовщика и кассира кладовая и касса опечатываются, составляется акт.

А в операционном зале шум и галдеж. Время около одиннадцати, когда начинаются операции с клиентами.

Комиссар взбирается на стул, пытается огласить обращение. Присутствующие злобными выкриками прерывают его. Ему все же удается объявить служащим, что завтра банк будет закрыт, а 16-го все приглашаются явиться на работу.

— Не придем, не подчинимся насилию, захватчики! — понеслось со всех концов зала.

Комиссар дает распоряжение выпустить служащих на улицу. Там уже собрались клиенты. Бойцы просят их разойтись. В банке остается караул.

Ленинское задание выполнено, но сколько еще придется поработать, чтобы пустить в ход на новых началах банковскую машину!

Матросские отряды заняли пять крупнейших банков: Волжско-Камский коммерческий, Лионский кредит, Петроградский международный коммерческий, Русско-Азиатский и Сибирский торговый.

В операции принимали участие и руководящие работники Наркомата финансов и Государственного банка.

В. Р. Менжинский, народный комиссар финансов, представил служащим Русского торгово-промышленного банка комиссара П. Ф. Островского. На его требование передать ключи от кладовой и кассы назначенному комиссару члены правления банка ответили отказом, заявив, что лица, у которых находятся ключи, отсутствуют. Тогда Менжинский распорядился отправить под конвоем членов правления в Госбанк и там ждать его прихода.

Для успешного проведения национализации банков необходимо было своевременно арестовать директоров и членов правлений банков. Что и было сделано 14 декабря. Адреса главных руководителей банков установили заранее. Латышские стрелки под руководством особых комиссаров уже в семь часов утра начали аресты. Уже к 9 часам арестованные директора были доставлены в Смольный. Среди них директор Русско-Азиатского банка Л. В. Сирвинт, члены правления (директор и вице-директор) Волжско-Камского коммерческого банка В. В. Виндельбант и В. Ф. Солюгуб, члены правления Азовско-Донского коммерческого банка Е. Д. Львов и Е. М. Эпштейн, Русского торгово-промышленного банка кн. Шаховский, Русского для внешней торговли банка Н. И. Капустин и др.

Азовско-Донской коммерческий банк был занят отрядом солдат гвардии Павловского резервного полка. Комиссаром сюда был назначен служащий Московского банка П. В. Карнаухов. Директор банка А. П. Розенштейн, напуганный утренними арестами, быстро согласился выполнить распоряжение комиссара. Кассы и кладовые банка были опечатаны, ключи переписаны и отправлены в Госбанк.

Комиссаром Петроградского международного коммерческого банка был назначен А. Ф. Зорин (служащий Центрального банка обществ взаимного кредита).

Отряд гвардии Волынского резервного полка под руководством большевика прапорщика Горбатенкова в точно назначенный час занял Петроградский учетный и ссудный банк. Сюда комиссаром был назначен П. М. Сидоров.

Отряды запасных частей заняли Московский промышленный банк (б. И. В. Юнкер и К^о) и Петроградский торговый.

Вместе с отрядами солдат Русский банк для внешней торговли занимал комиссар Н. А. Москалев, Московский купеческий банк — комиссар И. В. Иорш, Петроградский частный коммерческий банк — комиссар С. И. Минскер, Союзный банк — О. Е. Коган и т. д.

Такого рода банки занимались отрядами в 100—125 человек, остальные, некрупные банки и отделения крупных банков — отрядами в 10—

20 человек, состоящими главным образом из стрелков Латышского полка, охранявшего Смольный.

В большинстве случаев ключи от касс, сейфов были доставлены в Госбанк. Сложнее обстояло дело с получением ключей от внутренних дверей кладовых. Они хранились у особых артельщиков, которые соглашались их сдавать только после принятия от них по описи всего, что имеется в кладовой. Некоторые артельщики попрятались, и их трудно было найти.

Так или иначе банкирам к ценностям доступ был закрыт. Во всех банках после ухода служащих остались караулы для охраны. В Госбанке при отделе по ревизии банков 14 декабря был организован штаб отрядов по занятию и охране банков. Начальником этого штаба был назначен большевик прапорщик И. В. Куделько. При штабе имелась комната, где временно содержались различные саботажники из банков.

К трем-четырем часам дня операция по занятию банков была закончена. Матросы и солдаты охраняли в них ценности и богатства, которые уже стали народным достоянием. В Госбанк приводили последних банкиров, сопротивлявшихся в сдаче ключей, и они клали эти ключи на стол перед его управляющим В. В. Оболенским.

В. И. Ленин с самого утра до конца дня принимал сообщения о ходе национализации банков. К нему приезжали с докладами командиры отрядов, комиссары банков. По словам Бонч-Бруевича, «Владимир Ильич был очень доволен таким быстрым и четким исполнением директив правительства и долгое время выставлял как пример национализацию банков...».

Вечером в Госбанке под председательством Оболенского состоялось совещание комиссаров и части банковских служащих. Комиссары сообщали о проведенной операции в каждом банке. Затем обсуждался вопрос о том, какие мероприятия следует произвести в занятых банках, в частности, когда их открыть для клиентов, об отношении к служащим.

На совещании были созданы три комиссии: по разработке гарантий при выдаче денег с текущих счетов с тем, чтобы деньги шли на нужды трудящихся; по ликвидации мелких банковских контор и по реформе счетоводства в банках. Полные сил и энергии, воодушевленные успешно проведенной национализацией, комиссары готовились наладить работу банков на новых, социалистических началах.

Но банкиры и не думали сдаваться. Руководители Кредиттруда предложили банковским служащим объявить всеобщую забастовку и ни в коем случае без согласия банкиров не выходить на работу. В то же время сами банкиры избрали более гибкую тактику. Было вынесено решение подчиниться требованию о сдаче ключей; отправить делегацию для переговоров в Госбанк, чтобы установить пределы контроля над деятельностью банков; добиваться освобождения арестованных.

Поздно вечером делегация банкиров была принята В. Р. Менжинским и руководителями Госбанка.

Один из членов делегации, Вавельберг, заметил, что реформа банков невероятно серьезное дело и требует полного душевного спокойствия, а этого спокойствия не может быть, пока арестованные не освобождены. Другой, Ельяшевич, также заявил, что очень «сочувственно» относится к созданию новых реформ, но в первую очередь просит принять меры к освобождению арестованных.

Банкирам ответили, что руководители Госбанка не уполномочены решить вопрос по поводу арестованных, не посоветовавшись с народными комиссарами.

Пока банкиры в Госбанке пытались нащупать причину занятия банков, отыскать пути борьбы в новых условиях и вели елейные переговоры о возможности их участия «в новой реформе», руководители Кредиттруда твердо выполняли волю своих хозяев. Их шефы им дали ясную установку: не допускать массу служащих к работе в банках, причем банкиры обеспечивали выплату зарплаты за все время саботажа.

Вечером 14 декабря на пленарном заседании совета уполномоченных петроградской организации Кредиттруда после речей о «большевистском насилии», о «растоптанной демократии», о «развале хозяйства и дезорганизации кредита», которые наступят после занятия банков Советской властью, было принято решение объявить всеобщую забастовку служащих кредитных учреждений. Руководство ею поручено Центральному стачечному комитету. В обращении к служащим кредитных учреждений указывалось, что только Учредительное собрание может осуществить действительный контроль над банками и направить их деятельность на благо народа. Центральный стачечный комитет предупреждал служащих, чтобы до его указания на работу никто не являлся.

Буржуазия бросала в бой с большевиками, с проводимой ими в жизнь национализацией банков всех своих верных прислужников.

Большевикам-комиссарам предстояла нелегкая борьба, нужно было ликвидировать саботаж и довести до конца национализацию банков.

В Смольном в этот вечер, 14 декабря, собрались члены ВЦИК. Были подведены итоги проведенной операции, обсужден декрет о национализации банков. С горячей речью в защиту предлагаемого декрета выступил В. И. Ленин. Поздно ночью большинством голосов декреты «О национализации банков» и «О ревизии стальных ящиков в банках» были приняты.

Р. В. Иоффе. О партийной работе в районе

С раннего возраста я находилась в окружении брата, сестер и их друзей, принимавших активное участие в подготовке революции 1905 г. Я жадно прислушивалась к их рассуждениям о происходивших событи-

ях в общественной жизни, а с 1910 г. стала сама посещать революционные кружки. В 1910—1911 гг. я была гимназисткой частной гимназии Агаповой. У нас часто собирались товарищи, высланные в Псков как политически неблагонадежные. Сюда были высланы из города Осташкова рабочие Николай Иванов, Ваня Жеребцов с женой и Маруся Петрова. Они сразу же включились в работу кружка революционной молодежи.

Убежденными революционерами-большевиками были сестры Свердловы — Шура и Мария, которые вскоре были арестованы. Тогда же арестовали моего брата Арона и сестру Геню.

В нашем доме жил член большевистской партии с 1905 г. Михаил Ушарнов. Он организовал в Пскове большевистскую группу. В нее входили Ваня Жеребцов, Николай Иванов и Маруся Петрова. Собирались обычно у личного дворянина Александра Николаевича Наумова, высланного в Псков из Петергофа за революционную деятельность его сына Владимира Александровича. Сын в 1907 г. был повешен в Лисьем Носу как участник покушения на императора Николая II. Дети Наумова Вера, Маруся, Сергей и Григорий тоже входили в группу.

Товарищи вели агитационно-пропагандистскую работу среди некоторой части рабочих мелких предприятий и железнодорожников, а во время первой мировой войны среди солдат гарнизона Пскова. Собирали средства для помощи семьям арестованных.

В кружке были лица, разделявшие взгляды других партий. Но в основном работа кружка проходила под влиянием большевиков Ушарова Михаила и Свердлова Соломона.

Так постепенно складывались моя революционная большевистская направленность и мировоззрение. Меня тянуло на революционный путь, и потому, окончив семиклассную гимназию, я уехала в Петербург.

От студента Николая Рождественского, высланного в Псков, узнала, что в Петербурге имеются Высшие женские курсы. На этих курсах могли учиться лица без визы Охранного отделения, а потому большинство учащихся были политически неблагонадежные, сидевшие в тюрьмах и даже прибывшие из ссылки. Евреи могли сюда поступать без процентной нормы. Прогрессивная профессура не мешала студенчеству проводить собрания. При курсах Лесгафта была открыта воскресная школа на Торговой улице в доме 25а. Здесь занимались рабочие. Руководителями политических кружков был П. Ф. Куделли и Конкордия Самойлова.

В 1915 г. я поступила на курсы на общеобразовательное отделение. По рекомендации Псковской большевистской организации связалась с большевистской группой курсов Лесгафта, во главе которой находилась член партии с 1913 г. Рая Хабас. В группу входили студентки А. Н. Тихомирова, М. М. Сахьянова, А. Н. Федорова, М. К. Вальяно, Н. Соколова, Е. Самохвалова и др.

Наша инициативная большевистская группа во главе с Хабас была

связана с организационным комитетом студенчества, созданным на правах районного комитета Петербургским комитетом РСДРП(б). В организационный комитет входили представители от всех курсов.

Тогда, еще не будучи членом партии, но пользуясь полным доверием, я присутствовала на всех нелегальных собраниях группы, где обсуждались политические события. Участвуя в историческом кружке, мы знакомились с нелегальной литературой и прокламациями. Группа выполняла различные поручения партийной организации: проводила сбор средств для арестованных большевиков и их семей, распространяла нелегальную литературу и прокламации. Среди поручений партии было посещение арестованных для доставки им передач. Мне пришлось два раза выполнять такое задание. Под видом невесты я относила передачи в тюрьму «Кресты».

В 1915 г. мы распространяли билеты на концерт, весь сбор от которого должен был поступить в фонд помощи арестованным и ссыльным. На концерте, состоявшемся в Политехническом институте, М. Горький и Чириков читали свои произведения. Участниками и слушателями этого концерта было студенчество всех вузов.

В дни Февральской революции на наших курсах был создан революционный штаб. Здесь рабочим — участникам уличных боев выдавалось оружие. Оружие получалось через штаб Красной гвардии, находившийся на Офицерской улице, в доме 40. На курсах был организован санитарный пункт, где оказывалась медицинская помощь раненым. Здесь же был питательный пункт, где рабочие получали горячую пищу. Революционная молодежь курсов принимала активное участие в февральских событиях.

27 февраля мы присоединились к рабочим судостроительной верфи Галерного островка и Франко-Русского завода и направились на Большой проспект Васильевского острова выводить из казарм солдат. Демонстранты ворвались в ворота, обезоружили и арестовали офицеров. Солдаты с криками «Ура! Да здравствует революция!» присоединились к демонстрантам.

Помню, как в начале марта, в первые дни после победы революции вместе с Самохваловой, студенткой наших курсов, занимались уборкой помещения бывшего Коломенского полицейского участка, находившегося около Калинкина моста. Оно предназначалось для райкома партии 2-го Городского района.

В аудиториях наших курсов постоянно проходили митинги. Мне вспоминается один, на котором обсуждался вопрос о том, платить или не платить царские долги. Помню, как Маруся Вальяно, пламенный оратор, клеймила соглашателей — эсеров и меньшевиков и призывала к отказу платить царские долги. Ее выступление для меня явилось решающим моментом. Товарищи давно удивлялись, что я еще не вступила в ряды РСДРП(б), но я не считала себя достойной быть членом партии, так как еще не изучила «Капитал» Маркса. После горячей, пламенной

речи Вальяно я уже больше не могла оставаться беспартийной и 27 марта 1917 г. оформилась в члены РСДРП(б). С первых же дней пребывания в партии мне было поручено доставлять в киоск райкома партии политическую литературу из издательства «Прибой». Литературу и газеты мы распространяли по цехам Франко-Русского завода и судостроительной верфи (ныне Адмиралтейский завод). Спрос на литературу был велик, приходили и представители из воинских частей и флота, и не всегда удавалось в достаточной мере удовлетворять их потребности.

Меньшевики и эсеры пытались скупать газету «Правда», чтобы рабочие не имели возможности читать большевистскую печать. В ответ на это наши курсистки и актив рабочих заводов занялись распространением печати по заводам. Так как рабочие в большинстве были малограмотными, часто проводились читки газет и брошюр в обеденные перерывы.

Вскоре вместе с большевистками Сахьяновой, Тихомировой (Жельвис), Тарасовой я была направлена в качестве статистика в больничную кассу Путиловского завода. Здесь, общаясь с рабочими завода, мы имели возможность пропагандировать большевистские идеи.

В эти дни на улицах постоянно с утра до позднего вечера возникали митинги, где выступали наши пламенные ораторы Лисовский, Вальяно, Пахомов, Крутов. На заводах в цехах агитационную деятельность, разъяснение задач и тактики партии большевиков осуществляли рабочие-агитаторы Самсонович, Ляхин, Зуев, Жельвис, Войтик, Пушкин и др. Агитационную работу было нелегко проводить. Меньшевики и эсеры любыми способами старались дискредитировать большевиков, вносили смуту в рабочую среду. Наши товарищи всегда давали достойный отпор клеветникам. На мою долю выпало большое счастье быть в курсе событий, происходивших в районе. Мы старались не пропустить выступлений наших лучших ораторов, особенно выступления В. И. Ленина.

Мне пришлось слышать его на Адмиралтейском заводе 12 мая. Митинг был платным. Для распределения билетов была выделена специальная группа в составе Соколовской, Дановской, Тихомировой, Самохваловой, меня и др. Помнится, было распродано 20 тысяч билетов и очень много партийной литературы.

На митинг прибыли рабочие со всех районов. Все с нетерпением ждали В. И. Ленина. Владимир Ильич прибыл на завод точно в назначенное время. Его встретили заводские большевики. Речь Ленина оставила глубокое впечатление. В ней было много живого, острого юмора, вызывавшего искренний смех. Два часа прошли незаметно.

Задачи большевистской партии и пролетариата были изложены ясно и определенно.

Многие рабочие, ранее сочувствовавшие эсерам и меньшевикам, стали переходить на сторону большевиков.

Мощь рабочего класса, идущего за большевиками, показал незабываемый день 18 июня 1917 г.

Помню, к нашему райкому подошли колонны рабочих судостроительной верфи и Франко-Русского завода. К нам примкнула демонстрация Нарвского района — путиловцы.

Зная, что у меня сильный голос, член нашего райкома Шиткина подзвала меня и рабочего судоверфи Ивченко, обладателя баритона, и поручила нам запевать революционные песни.

Настроение у всех было прекрасное, приподнятое. Демонстранты несли плакаты с лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой войну!» День был теплый, солнечный. Среди демонстрантов мы распространяли газеты, брошюры. Многократные повсеместные митинги, доклады Ленина, Луначарского, Володарского, Лисовского, их яркие выступления оставляли неизгладимый след.

Бурно развивались политические события в Петрограде. Экономическая разруха в стране углублялась из-за нехватки топлива и саботажа капиталистов. Закрывались многие фабрики и заводы Петрограда или сокращалось их производство. Росла безработица. После провала наступления на фронте рабочие, беднейшее крестьянство, солдаты и матросы поняли, что Временному правительству нельзя больше доверять, так как оно отстаивает интересы буржуазии и помещиков и не защищает интересы рабочих и крестьян.

Под влиянием большевистской агитации сознательность рабочих росла, и они все больше убеждались, что надо свергнуть Временное правительство, и власть должна перейти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Во многих районах возникали стихийные демонстрации. 1—3 июля в Петрограде во дворце Кшесинской происходила общегородская конференция РСДРП(б), где обсуждались события, волнующие нашу партию. Меня взволновало выступление солдата Михаила Лашевича. В черной кожаной тужурке, с пулеметной лентой через плечо, с горящими черными глазами, он с трибуны сообщил делегатам о решении 1-го пулеметного полка выступить против Временного правительства и что он не в силах его удержать. Помню, как озадачило это сообщение делегатов конференции. В президиуме сидели Лацис, Свердлов и многие другие деятели нашей партии, которые внимательно слушали ораторов.

Глубоко в мою память врезался и образ Володарского, его страстная речь, в которой он выражал опасение, что если мы не поддержим революционный порыв пулеметчиков и других, то мы оттолкнем от себя рабочих и солдат и потеряем их доверие. Вопрос об отношении к выступлению в данный момент вызвал бурные дебаты.

Не имея возможности оставаться дольше на конференции, я вернулась в райком, где мы до позднего вечера ждали прибытия с конференции секретаря нашего райкома Харитонova, чтобы узнать окончательное решение конференции по данному вопросу.

Помещение райкома было переполнено рабочими судостроительной верфи и Франко-Русского завода. Многие рабочие обвиняли Пахомова,

вожака рабочих судостроительной верфи, в том, что он удерживает рабочих от выступлений. Еще ранее, до заседания общегородской конференции Пахомов вместе с Соколовским разъезжали по воинским частям и заводам, предостерегая рабочих и солдат от преждевременных выступлений против Временного правительства.

Помню, как на следующий день утром, 4 июля к зданию райкома стали подходить колонны демонстрантов (рабочие заводов и солдаты). Выступление рабочих было санкционировано Центральным Комитетом, который, отменив свое первоначальное решение не выступать, решил превратить выступление рабочих в мирную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!». Колонны демонстрантов, направлявшиеся к Таврическому дворцу, где находилось Временное правительство, на подходе к Сенной площади были обстреляны пулеметным огнем с каланчи церкви. Когда обстрел кончился, все товарищи, которые рассыпались по подворотням ближайших домов, снова соединились, дошли до Невского проспекта и вместе с демонстрантами из других районов направились к Таврическому дворцу. Мы разместились на заросшей травой территории дворца. Здесь уже шли бурные дебаты эсеров и меньшевиков с большевиками. Помню, с каким восторгом мы слушали выступление Володарского, который со свойственной ему страстностью и ораторским талантом разоблачал предательскую роль Церетели и Чернова. Настроение рабочих было мирное. Сидя на траве, кое-кто из рабочих принимался за вынутый из карманов нехитрый завтрак.

Мы двинулись обратно. В нескольких местах мирная демонстрация вновь подверглась обстрелу, были раненые и убитые.

Буквально на следующий день началось разоружение революционных воинских частей и рабочих, происходили обыски и аресты большевиков. Арестован был наш близкий друг Петр Дашкевич. П. А. Пахомов, предполагая возможность обыска, попросил меня спрятать оружие его и Яковлева, с которым он жил на одной квартире в Дерптском переулке. Получив от Пахомова два револьвера системы «Кольт», я спрятала оба револьвера на чердаке общежития, где я жила.

Настало тяжелое время. Была разгромлена редакция газеты «Правда». Был отдан приказ об аресте В. И. Ленина.

В эти суровые дни после июльских событий я работала в больничной кассе Путиловского завода. Вместе с Тарасовой и другими курсистками-лесгафтичками ежедневно по дороге на работу мы с трепетом прислушивались к выкрикиваемым газетчиками новым названиям газет. После разгрома редакции «Правды» газета неоднократно меняла свое название и выходила под другими. Скупая газеты, мы привозили их в больничную кассу, где распространяли среди рабочих.

После победы Октября я была на правах члена управы направлена райкомом партии в Казанско-Коломенскую управу, которая находилась на Мойке в доме 50. Там я заведовала культурно-просветительной работой и социальным обеспечением. В это время в нашем районе был

единственный детский дом на Никольской площади, дети здесь находились в ужасных условиях. Я была в управе среди махровых кадетов, ведавших другими участками работы, единственным представителем Совета рабочих и солдатских депутатов 2-го Городского района. Председателем управы был кадет Ревенко.

После нескольких месяцев работы в управе я была вызвана на прием к председателю Чрезвычайной Комиссии тов. Урицкому. Вызов меня очень беспокоил. Войдя в кабинет, я увидела Урицкого, сидящего за большим письменным столом. Он предложил мне сесть на стул, стоящий напротив. Волнение меня не оставляло, но потом, разговаривая с ним, я успокоилась. Урицкий, устремив на меня пронизательный взгляд, стал расспрашивать о том, какие вопросы мы разрешаем на заседаниях управы, каким участком ведаю я, а потом в заключение сказал: «А знаете ли Вы, кто с вами сидел рядом? Ведь ваш председатель Ревенко махровый контрреволюционер. Раскрыто злодеяние. Он и его сообщники готовили еврейский погром в районе».

Я ушла с тяжелым чувством, скоро узнала, что Ревенко расстрелян. К весне 1918 г. управы были ликвидированы, и всю работу по району стал проводить Совет рабочих и солдатских депутатов 2-го Городского района.

А. А. Дановская. **Воспоминания** ● **Боевой молодости**

Франко-Русский завод. Воспоминания о нем всегда вызывают у меня самые теплые чувства. Замечательный коллектив завода воспитал меня, 17-летнюю девушку, приехавшую из Литвы и впервые попавшую в большой, незнакомый город. Здесь я прошла свои «университеты» классовой и революционной борьбы, и здесь же в мае 1917 г. я стала членом большевистской партии.

Еще в 1917 г., сразу после Февральской революции, на заводе был создан совет старост, в который из каждого цеха входило по три человека. В этот совет была избрана и я. Помимо того меня включили в состав делегации, направляемой к администрации завода с требованием оплатить рабочим за 10 дней февраля, когда завод не работал в связи с революционными событиями, в которых рабочие нашего завода принимали самое активное участие.

Заместитель директора Вологдин принял нас, делегатов, весьма любезно. Он был просто неузнаваем: из гордого, грубого, вечно недовольного администратора он превратился в гостеприимного хозяина. Настояв на том, чтобы мы все сели, он стал говорить о перспективах завода, ● том, что принято решение во многом пойти навстречу рабочим и даже

озеленить заводской двор... Он стал также уверять нас, что у администрации завода никогда не существовало «черных списков», как на других заводах...

Тут я не выдержала:

— А как же арест четырнадцати рабочих нашего завода в тысяча девятьсот шестнадцатом году? — Глаза Вологодина загорелись ненавистью, но он сдержался и с улыбкой произнес:

— Ваши требования об оплате рабочим за десять дней будут удовлетворены.

Это была наша первая победа.

После свержения царизма был создан Петроградский Совет, избраны районные Советы. Председателем Коломенского районного Совета рабочие избрали большевика И. Я. Крутова. Крутов, член партии с 1904 г., был только что освобожден из пересыльной тюрьмы. Он весь отдался революционной работе. Своим энтузиазмом он заражал окружающих, а энергия его была неисчерпаема. Наш Коломенский Совет с первых и до последних дней своего существования был большевистским.

Представители мелкобуржуазных партий, меньшевики и эсеры стремились привлечь рабочих на свою сторону, но большевики завода давали им всегда решительный отпор. Выступления В. И. Ленина на заводах Петрограда, в частности на Адмиралтейском, оказали огромное влияние на настроение рабочих. Многие рабочие Франко-Русского завода участвовали в митинге на Адмиралтейском заводе. Здесь собралось около 20 тысяч рабочих. Мне посчастливилось находиться вблизи импровизированной трибуны, с которой горячо, страстно и убедительно выступал В. И. Ленин. Его речь о задачах пролетариата в революции глубоко запала в душу мне и многим моим товарищам. Она вселила в нас уверенность в свои силы, уверенность в окончательную победу пролетариата. С того исторического дня рабочие нашего завода прислушивались только к голосу большевиков, одобряли их политику и безоговорочно поддерживали ее.

Буржуазное правительство не могло смириться с победой рабочего класса и, преследуя свои империалистические цели, готовило контрреволюционный переворот.

В эти дни на заводе приступили к формированию Красной гвардии. Меня избрали секретарем заводского и районного штабов Красной гвардии. Незабываем революционный порыв, охвативший заводских красногвардейцев. Пожилые рабочие и молодежь старательно изучали оружие, безропотно, подчас голодные несли опасные дежурства. Неоднократно пьяные банды напали на наших красногвардейцев. В такие минуты на помощь всегда приходили матросы с «Авроры».

Крейсер «Аврора» ремонтировался на нашем заводе. Рабочие, и в особенности большевики, много беседовали с матросами, когда те приходили выполнять на станках завода некоторые работы, связанные с ремонтом. Матросы крепко подружились с рабочими и с большим внима-

нием слушали рассказы о выступлении Владимира Ильича, о революционной борьбе рабочего класса. Шли последние дни октября. Повсюду чувствовалась предгрозовая обстановка. Рабочие готовились к бою... Ждали лишь сигнала... И вот 24 октября мы, рабочие завода, провожали «Аврору», направлявшуюся к Николаевскому мосту. Судовой комитет на «Авроре» возглавлял Александр Викторович Бельшев.

По указанию В. И. Ленина и Военно-революционного комитета около 2 тысяч заводских красногвардейцев были направлены на штурм Зимнего. Владимир Ильич высоко ценил боеспособность адмиралтейцев. И наши рабочие, зная мнение Ильича, старались оправдать это доверие.

И вот — штурм Зимнего. Временное правительство арестовано. Керенский сбежал...

Победа Октябрьской революции принесла народу огромную радость: над нашей Родиной занималась заря новой жизни!

Но враги не смирились. Они искали всяческие пути, чтобы отнять у пролетариата завоевания Октября...

В один из февральских дней 1918 г. был созван пленум райсовета. А. А. Израилевич, председатель Совета 2-го Городского района, только что вернулся с заседания Петроградского Совета и доложил пленуму об огромной опасности, грозящей Петрограду, о черных тучах, нависших над молодой Советской республикой: на нашу территорию вторглись войска кайзеровской Германии...

Однажды среди ночи заговорили гудки всех фабрик и заводов Питера, призывавшие рабочих на защиту своей Отчизны. Тревога охватила всех... Ко мне постучал Сергей Матвеев, рабочий Франко-Русского завода, командир красногвардейского десятка, в который я входила.

Он коротко сказал: «Тоня! На фронт!»

Все мы собрались в штабе Красной гвардии 2-го Городского района. Здесь были С. Матвеев, И. Лотиш, С. Лотиш, А. Тихомирова, Д. Чашникова, Ф. Самсонович, В. Зуев и др. Нам выдали оружие, санитарные сумки и немного продовольствия. На грузовике нас доставили в Смольный. Он был переполнен вооруженными красногвардейцами. К нашей группе присоединились студенты-медики В. Торговец, М. Герц, А. Гальперин, И. Янковский.

Из Смольного нас направили в казармы для формирования и присоединили к отряду Серебрякова. Той же ночью мы были уже в поезде, который следовал по направлению к Пскову. Мне поручили возглавить санитарную службу, но у нас ничего не было — ни медикаментов, ни перевязочного материала, ни хирургических инструментов, не было и опытного врача. Однако нам повезло. На станции Торошино случайно мы в одном из вагонов обнаружили санитарное имущество. У нас оказалось теперь все необходимое для первой медицинской помощи.

К исполнению обязанностей врача приступила Мира Герц, а обязанности медицинских сестер выполняли красногвардейки. Таким образом был организован санитарный пункт на станции Торошино.

Рабочие красного Питера были главной силой, которая сначала остановила, а потом заставила немцев пойти на мирные переговоры с Советским правительством.

В дни боев под Псковом и Гдовом родилась Красная Армия. Красногвардейские отряды, участвовавшие в защите Республики Советов, составили ее первые подразделения.

Итак, по зову большевистской партии я подобно сотням своих сверстников-адмиралтейцев сменила свой токарный станок на боевую винтовку с тем, чтобы с оружием в руках защищать завоевания Октября. По многим фронтовым дорогам прошла беспокойная молодость моего поколения. Но где бы я ни была, что бы ни делала, в моей памяти всегда жил родной мой завод, давший мне путевку в жизнь.

И. С. Германов. **Воспоминания письмоносца**

С 1912 г. я работал почтальоном в 12-м почтово-телеграфном отделении в Петербурге. В 1914 г. по фабрикам и заводам прокатилась волна стачек и забастовок. Однако это мало коснулось почтовых работников. В то время не было среди нас политически грамотных организаторов.

Первое недовольство, которое мы высказали нашему начальству, носило чисто экономический характер. Заведующий командой почтальонов 12-го отделения Майтин приказал письмоносцам приобрести плащи, чтобы удобнее было разносить почту в дождливую погоду. Большинство приобрели плащи, а остальные из-за отсутствия денег плащей не купили. Майтин почтальонов, которые не купили плащей, в том числе и меня, не допустил к разноске почты. В знак солидарности все почтальоны не вышли на разноску почты. О событиях в 12-м отделении связи стало известно и в других отделениях, они поддержали наше выступление. Это было первое сопротивление начальству, которое показало нам, что только организованно можно добиться удовлетворения своих требований.

В 1915—1916 гг. при выемке писем из почтовых ящиков среди корреспонденции стали чаще попадаться листовки и прокламации. Рядовые почтальоны читали их, расклеивали на видных местах, подбрасывали в чайных.

Корреспонденция некоторых адресатов проверялась полицией. Зная об этом, почтальоны эти письма при сортировке прятали и доставляли их по назначению. Чиновник, контролирующий эту корреспонденцию, удивлялся, почему в эти адреса не поступают письма.

Февральскую революцию служащие 12-го отделения связи встретили неуверенно. Когда я впервые обратился к ним с призывом выступить совместно с рабочими, по этому поводу решили устроить собрание. Но некоторые почтальоны, опасаясь чиновников, попросили провести со-

брание не в помещении отделения, а на лестничной площадке. На этом собрании от 12-го отделения на общее собрание почтамта были выдвинуты делегатами я и Бакалов.

Профсоюзная организация почтово-телеграфных работников Петрограда возникла с первых дней Февральской революции. Первое собрание представителей всех почтово-телеграфных городских отделений Петрограда состоялось в начале марта 1917 г. На этом собрании стояли вопросы: текущий момент, организация местных комитетов и выборы постоянных делегатов в делегатский совет при Главном почтамте.

Доклад по текущему моменту сделал К. Я. Кадлубовский. Он осветил политическую обстановку тех дней, призвал к скорейшему объединению трудящихся в профсоюзы. После доклада был организован комитет почтово-телеграфных работников из семи человек. В него вошли Кадлубовский, Красильников, Смирнов, Рачковский, я и др. Все избранные были почтальоны. На собрание явилось несколько чиновников. Среди них пришлось провести большую организационную работу. Они не хотели объединяться в одном профсоюзе с младшими служащими-почтальонами, по этому вопросу было много дебатов. Враги революции распространяли слухи, будто объединение двух «противоречивых» организаций нанесет вред членам союза, и прежде всего низшим служащим.

К этому времени некоторые из нас стали членами РСДРП(б). Назрела необходимость объединения в партийную организацию, нужно было правильно распределить свои силы, привлекать на свою сторону сторонников большевиков и давать решительный отпор врагам.

В мае — июне 1917 г. был оформлен партийный коллектив при почтамте, в котором насчитывалось около 30 человек, председателем был избран Кадлубовский.

Для массовой политико-воспитательной работы был организован политический клуб в доме 17 по Почтамтской улице, избрано правление клуба, в него вошли Кутафьев, Ефретов, Смирнов, Арсеньев, я и др. Правление занималось организационной работой, выпустило воззвание «Ко всем работникам почтово-телеграфных ведомств», в котором почтово-телеграфные работники призывались к объединению в единый общий союз. В клубе организовывались доклады на разные политические темы, читались лекции. Докладчиками были представители Петербургского Комитета РСДРП(б) и 2-го Городского райкома партии. Организовывались экскурсии в Кронштадт, Шлиссельбургскую крепость и в другие места.

Собрания и митинги проводились также и в здании Главного почтамта, одно или два собрания прошли в манеже Кексгольмского полка. Собрания всегда бывали очень бурными. На одном из них, 26 июня 1917 г., присутствовало 5 тысяч человек и была принята резолюция, в которой были требования: выборность и сменяемость администрации;

увольнение служащих только по согласованию с организацией служащих соответствующего учреждения почтово-телеграфной сети; немедленная выдача задержанной заработной платы; прием на работу служащих, уволенных без согласия организации; отмена циркуляра администрации от 26 июня как нарушающего права служащих, сформулированного к тому же в оскорбительном и недопустимом тоне; удаление из почтамта целого ряда ненавистных нам администраторов; выдача пособия в размере полуторамесячного жалования.

На одном из собраний стоял вопрос о заработной плате. Министр почт и телеграфов меньшевик Церетели в помощь себе пригласил Керенского. Тот в своем выступлении стал плакаться, что от царя Временное правительство получило пустые сундуки и поэтому материальное положение не может быть улучшено. После Керенского выступил большевик Михаил Лашевич. Он раскрыл всю фальшь объяснений Керенского, указав, что царским министрам, ушедшим в отставку, Временное правительство находит средства, чтобы платить пенсию по 24 тысячи. Свое выступление Лашевич закончил под гром аплодисментов. После его выступления собрание не дало больше говорить Керенскому.

Наряду с большевиками среди почтовых работников проводили свою работу и эсеры. Так, эсерка Колосова в отделении при Главном почтамте организовала собрание. Широкая реклама возвещала, что на собрании будет выступать министр Временного правительства Чернов. На собрание приглашались эсеры и сочувствующие им, пришли на него и большевики. Чернов на собрание не явился, этим воспользовались большевики. Большевик Ефретов в своем выступлении осветил политическую обстановку тех дней. Выступление его прошло под аплодисменты. Колосова, возмущенная таким оборотом, ушла с собрания. Предложенная большевиками резолюция была принята единогласно. Часть эсеров и сочувствовавших им после этого собрания перешли на сторону большевиков.

Во время собраний мы всегда организовывали продажу политической литературы, которую доставали в издательстве «Прибой» или в одном из отделений «Прибоя».

Однажды пришлось доставать литературу на Кирочной улице, там я впервые встретил Надежду Константиновну Крупскую, она заинтересовалась тем, какую я беру литературу и для кого, и посоветовала распространять литературу не только среди членов партии, но и среди рабочих. А чтобы на это хватило средств, подсказала организовать продажу политической литературы при входе в Главный почтамт.

В 12-м почтово-телеграфном отделении было собрано 50 рублей в фонд газеты «Правда». В этот сбор все почтальоны отделения внесли свой посильный вклад.

18 июня работники почт и телеграфа приняли участие в демонстрации.

С 21 по 28 июня 1917 г. на Васильевском острове состоялась 3-я Все-

российская конференция профсоюзов, делегатом которой был и я. Большинство на этой конференции представляли меньшевики и эсеры, руководил меньшевик Гриневич.

На фракции большевиков выступил В. И. Ленин. Здесь я впервые так близко увидел Ильича.

В. И. Ленин в своем выступлении¹ доходчиво изложил и подробнейшим образом обосновал свои Апрельские тезисы и задачи профсоюзов. В яркой речи, полной вдохновения, захватывающей своей глубиной и убедительностью, были исчерпывающе раскрыты перспективы революции. В. И. Ленин осветил задачи пролетариата в данной революции, он говорил, что между большевиками и соглашателями-меньшевиками не может быть никакого единства, так как соглашатели стоят за продолжение империалистической бойни и за поддержку Временного правительства. Выступление Владимира Ильича было прослушано с глубочайшим вниманием и вселило в нас веру в победу нашего правого дела. Революционное настроение охватило широкие слои низших служащих почт. Особенно наглядно это проявилось после июльских событий 1917 г., в августе во время кампании по вербовке добровольцев в красногвардейский отряд на подавление контрреволюционного мятежа генерала Корнилова. Записывались в отряд преимущественно почтальоны и сторожа из караульной команды. Всего записалось 500 с лишним добровольцев. Но поскольку меньшевистский Совет рабочих и солдатских депутатов отказал в выдаче оружия добровольцам, нам не пришлось участвовать в боях против Корнилова.

Выборы в Совет рабочих и солдатских депутатов дали победу большевикам. В Совет прошли от почтамта и его отделений пять большевиков (Кадлубовский, Куликов, Паутов, Ефретов и я), два беспартийных, два эсера и один меньшевик-интернационалист.

Октябрьские события 1917 г. Вспоминаю, как 23—24 октября было назначено общее собрание коллектива большевиков Петроградского почтамта. Кадлубовский собрал партбюро и проинформировал нас о последних событиях и подготовке к восстанию. После краткого совещания мы объявили себя инициативной группой по борьбе с контрреволюцией на Петроградском почтамте. На заседании инициативной группы 26 октября было решено организовать Революционный комитет по охране Петроградского почтамта и его отделений. После заседания поступило предложение, чтобы протокол заседания инициативной группы передать комиссару Пестковскому, так как он ехал в Смольный для утверждения образовавшегося Революционного комитета.

Комиссар Пестковский, вернувшись из Смольного, вручил нам протокол, на обороте которого было написано: «Означенные в сем протоколе тт. Кадлубовский, Егоров, Куликов, Германов, Петров, Ефретов и Кутафьев состоят членами Революционного комитета по охране Петро-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 514—515.

градского почтамта и его отделений и как таковые утверждаются Военным отделом Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Председателем нашего Революционного комитета был избран Кадлубовский.

Охрану Главного почтамта первоначально несли по очереди. Нам удалось захватить гараж министерства почт и телеграфа, в котором было два автомобиля.

Настроение у нас было боевое, задорное, никто не падал духом. Помню, большевик Пестковский толковал нам отдельные места из «Капитала» К. Маркса, делился своими впечатлениями, рассказывал о том, как он с товарищами отбывал царскую ссылку.

Однажды я сопровождал его в Смольный, ночью мы отвозили туда большую почту депеш, распоряжений Керенского, задержанных нами на телеграфе. По дороге патрули не раз останавливали нас, проверяли пропуска. Приехали мы в Смольный, видим, красногвардейцы, кроме часовых, спят кто на столе, кто на полу. Депеши мы сдали дежурному. Прошло некоторое время, вдруг тревога, команда в ружье. Пулеметы, ружья, все было приведено в боевую готовность... Стало рассветать, нам дали пропуска, и мы с Пестковским поехали обратно. Нам рассказали, что юнкера артиллерийского училища прибыли на броневиках и пытались захватить телеграф, но эта авантюра была быстро ликвидирована.

К вечеру 25 октября в полном сборе мы были в штабе. При обстреле Зимнего дворца один снаряд попал в дом рядом с моей квартирой, где находилось трое моих детей и жена. Я очень беспокоился о них, но навестить их не удалось. На второй день, то есть 26 октября 1917 г., я попросил разрешения у председателя Революционного комитета Кадлубовского пойти домой и узнать о судьбе своей семьи. Время было напряженное, и Кадлубовский мне сказал: «Тов. Германов, а что в данное время тебе дороже — революция или семья?» Я подумал и ответил ему: «Ну ладно, подождем, все равно этой минутой дело не поправишь» — и отправился на пост охранять электростанцию при телеграфе.

За станцию мы больше всего боялись, ибо, если ее захватят, тогда остановится работа на телеграфе. Мне на помощь были присланы матросы-телеграфисты, прибывшие из Гельсингфорса. Телеграф установил связь со 2-м Городским районным комитетом партии, со Смольным.

Почтамт в эти дни почти не работал. Поэтому декреты Совнаркома о земле, о мире и воззвание к работникам связи, которое мы напечатали, пришлось нам самим рассылать.

Работа в Наркомате почт и телеграфа постепенно стала налаживаться, роль и авторитет партийных организаций большевиков быстро укреплялись. Комиссары, назначенные Советской властью, и революционные комитеты служащих стали хозяевами положения. Большинство работников связи под руководством большевистской партии пошли с рабочим классом.

На одном из делегатских Советов меня избрали комиссаром почтамта и его отделений. Мою кандидатуру на эту должность выдвинул коллектив большевиков почтамта. Приступив к исполнению своих обязанностей, я сразу же установил на почтамте и в его отделениях революционный порядок: был установлен распорядок рабочего дня, который строго выполнялся.

Весь конец 1917 и 1918 г. проходили в острой борьбе с меньшевистским руководством ЦК союза связи, который саботировал указания советских органов и отчаянно боролся против Советской власти и большевиков, призывая к таким же действиям и работников связи.

26 апреля в шесть часов открылся 1-й Всероссийский пролетарский съезд почтово-телеграфных работников. Я был делегатом съезда от Петрограда.

На съезд прибыло 284 делегата, из которых 266 — с правом решающего голоса и 18 — с правом совещательного. Делегаты разбились на политические фракции: большевиков — 58 человек, «сочувствующих» нам — 62, левых эсеров — 21 и сочувствующих им — 72, анархистов — 13 человек, анархо-синдикалистов — 11, остальные делегаты объединились в беспартийную профессиональную группу.

Открыл съезд председатель Временного революционного комитета на Петроградском почтамте и комиссар почт и телеграфа К. Я. Кадлуковский.

Съезд проходил в борьбе с меньшевиками и анархо-синдикалистами, и, хотя большевиков на съезде было меньшинство, в решении основных вопросов они победили. Так, по вопросу о дальнейшей борьбе, направленной к достижению целей Октябрьской революции, Всероссийский съезд решительно заявил о полной своей солидарности с массой городской и деревенской бедноты, установившей диктатуру посредством власти Советов, о полной поддержке органов этой власти — Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и готовности бороться до конца за цели пролетарской революции, за полное освобождение трудящихся от всякой эксплуатации. По этой резолюции по предложению фракции большевиков было проведено поименное голосование, в результате которого была принята резолюция большевиков.

На этом съезде было окончательно покончено с меньшевистским руководством ЦК союза работников связи.

Р О Ж Д Е С Т В Е Н С К И Й Р А Й О Н

**Е. М. Соловей. Большевики Рождественского района
в период подготовки Октября**

До Февральской революции в Рождественском районе не было самостоятельной партийной организации большевиков. Члены партии, проживавшие в пределах района, вели работу под руководством других подпольных райкомов города или непосредственно по заданиям Петербургского городского комитета партии.

Число членов партии в районе накануне Февральской революции едва ли превышало два десятка человек.

Значительную роль в большевистской подпольной работе в Петрограде в предреволюционные годы играли разного рода легальные организации и культурно-просветительные учреждения. На территории нашего района находились «Общество женской взаимопомощи», общество «Наука», «Калашниковская биржа». В этих учреждениях мы, большевики, выступали в роли организаторов лекций, концертов, спектаклей, эти мероприятия были одной из форм связи с рабочими массами и создавали удобное прикрытие для разнообразной партийной работы. Мы использовали также и детские библиотеки-читальни, открывавшиеся в рабочих районах по инициативе большевиков. В частности, много труда в это вложила член нашей Рождественской партийной организации В. М. Величина. Книги для библиотек собирались главным образом у лиц, сочувствовавших этому начинанию. Первая такая библиотека была открыта на Петроградской стороне. В такие детские библиотеки приходили рабочие и работницы — родители детей. Большую партийно-пропагандистскую работу мы вели среди солдат. Одной из форм этой деятельности была агитация среди больных и раненых солдат в лазаретах. Здесь нам помогали сестры милосердия. Дело в том, что во время войны организовывались курсы для сестер милосердия, и наши партий-

ные организации специально направляли членов партии на эти курсы. Я окончила такие курсы и до конца 1916 г. работала сестрой милосердия в одном из лазаретов в Царском Селе. Когда же начальство узнало о моей политической деятельности, меня сняли с работы. Я вернулась в Сибирский банк, в котором работала счетоводом.

Как и в других районах, рабочие Рожественского района вышли 24 февраля на демонстрацию с требованием: «Хлеба!», «Долой войну!» Колонны демонстрантов растянулись по всему Суворовскому проспекту, направляясь к центру, к Невскому проспекту. В первых рядах шли члены большевистской партии. После свержения самодержавия большевики Рожественского района вышли из подполья. Началась легальная массово-политическая, организационная и агитационная деятельность членов партии среди рабочих и солдат района.

Первое время опорным пунктом этой работы был клуб «Объединение», организованный по инициативе группы большевиков района в том помещении, где ранее находилось культурно-просветительное общество «Наука». Деятельность клуба паправлялась правлением. Вначале в состав правления входили кроме большевиков меньшевики и эсеры, но и тогда влияние большевистской части правления было преобладающим. Благодаря этому наши агитаторы располагали трибуной, с которой обращались к собравшимся в клубе рабочим, солдатам, учащейся молодежи и разъясняли им политику нашей партии. Здесь чаще всего выступали Л. С. Зеликсон и А. Е. Аксельрод, а с июня 1917 г. — В. Н. Мещеряков. Их ясные и доходчивые речи производили большое впечатление на слушателей. Активную и разнообразную работу в клубе вели Величкина, врач Вечеслов с женой, Судзиловская, Стеклова и др.

В марте ПК принял решение о создании самостоятельной партийной организации Рожественского района. Одно время в состав Рожественского района входила и Охта, а затем там была создана своя партийная организация, руководителем которой стал Е. П. Первухин. Так как партийная работа в районе все больше расширялась, парторганизация росла, встал вопрос о необходимости найти специальное помещение для районного комитета партии. Клуб «Объединение», которым мы пользовались, нас уже не удовлетворял: у нас не было постоянного рабочего места, что вынуждало партийцев собираться на ходу, где попало — в коридоре, в той или иной свободной комнате, в зрительном зале и т. п. Такая неустроенность не могла не отражаться на партийной работе, ограничивая ее размах и глубину.

В апреле нам удалось снять подвальное помещение на Большой Болотной улице в доме 13, раньше служившее складом для бочек с селедкой. Запах сельди еще долго держался в этом помещении, ставшем резиденцией райкома. Пол был земляной, в помещении было холодно и сыро даже летом. Но как бы то ни было, мы получили возможность повесить вывеску с надписью: «Рожественский районный комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)».

Острым был вопрос о средствах для покрытия расходов райкома. Как бы малы ни были эти расходы, но они были. Надо было не только платить за квартиру, но приобретать литературу, канцелярские принадлежности, оплачивать труд хотя бы одного постоянного сотрудника и т. д. Необходимо было найти средства, которые обеспечили бы нужды райкома на то время, пока надежную основу его бюджета не составят членские взносы и доход от реализации литературы.

Выход был найден. Мебель для райкома (столы, стулья и другой необходимый инвентарь) была доставлена самими партийцами. Одновременно удалось собрать около 500 рублей за счет добровольных взносов лиц, сочувствовавших большевикам. Эти деньги и составили ту материальную базу, опираясь на которую райком приступил к развертыванию своей деятельности.

На первом общем собрании членов партии в последних числах марта был избран первый состав райкома. В него вошли А. Е. Аксельрод, В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величина, А. П. Семенов, Д. М. Соловей и я. Несколько позже, с июня месяца в состав райкома включили В. Н. Мещерякова, а с июля — Н. А. и М. Н. Скрыпник.

Создание самостоятельной Рождественской районной организации благотворно сказалось на работе партийцев и вызвало рост их рядов в первую очередь за счет товарищей, проживавших или работавших на территории района, но до этого состоявших на учете в других районах города.

К началу апреля 1917 г. Рождественский райком РСДРП(б) закончил свое организационное оформление. У нас уже было свое помещение и «штат», состоящий из секретаря райкома И. Я. Златкина и его добровольных бесплатных помощников. Это были сыновья Г. И. Петровского — Петр 18 лет и Леонид 16 лет. С помощью этого «штата» райком ежедневно начинал работу рано утром и заканчивал ее поздно вечером.

Двери райкома были постоянно открыты для посетителей. Здесь распределялись газеты, брошюры и другая партийная литература по предприятиям, воинским частям и учреждениям района, здесь же принимались заявления от желающих вступить в ряды большевистской партии, выписывались партийные билеты, принимались партийные взносы, производилась розничная продажа газет, проводились беседы на темы дня, принималась информация от партийных ячеек и отдельных партийцев, велся учет доходов и расходов, выполнялись поручения районного комитета, его членов и т. д. и т. п. Здесь всегда былолюдно, заходили члены партии и беспартийные, сочувствовавшие большевикам солдаты и рабочие, пожилые и молодые, мужчины и женщины. Значительная часть посетителей особенно в первое время состояла из людей, не решивших для себя вопрос о том, какая партия достойна их поддержки; они шли к нам со своими сомнениями и вопросами, требуя от нас разъяснений и ответов.

3 апреля 1917 г. в Петроград из-за границы возвратился В. И. Ленин. Наш райком, как обычно, был открыт, поэтому, узнав о приезде Владимира Ильича, мы сразу же приняли все меры к широкому оповещению об этом трудящихся района. Так как почти все предприятия района и многие солдатские комитеты обязательно присылали своих представителей за газетами, то весть о возвращении Ильича на родину удалось очень быстро довести до сведения самых широких масс. В некоторые предприятия райком специально направил товарищей с информацией о приезде В. И. Ленина.

Во второй половине дня помещение райкома и клуба стало заполняться партийцами, сочувствующими и многими беспартийными. Вечером все собравшиеся построились и организованно, со знаменами и песнями направились на площадь Финляндского вокзала встречать Владимира Ильича. Все мы вместе с тысячами других людей, пришедших на эту площадь, с напряженным вниманием слушали историческую речь Владимира Ильича, произнесенную им в тот вечер с броневика. Его простые, доходчивые слова, призывавшие к социалистической революции, произвели на всех огромное впечатление. Эти слова, определив генеральную линию партии на весь период до Великой Октябрьской социалистической революции, были, конечно, положены в основу работы и большевиков Рождественского района.

В тот период, когда огромные массы народа потянулись к активной политической жизни, споры на политические темы происходили всюду на улицах, и главной темой всех дискуссий был так называемый текущий момент, включавший в себя все: международное положение, отношение к войне, обстановку на фронтах, вопрос о Временном правительстве, продовольственное положение, крестьянский вопрос и т. д. Рождественский райком считал своей главной задачей обеспечивать участие на всех собраниях и митингах членов нашей партии, которые должны были разъяснять массам политику большевиков и большевистское понимание текущего момента. Даже митинги на улицах, где небольшие группы людей собирались в «кучки» и яростно спорили о политике, не оставались без внимания райкома. Большую активность в этих «кучках» проявляла наша молодежь — Златкин, братья Петровские и др. Но особого накала наша работа достигла после приезда В. И. Ленина.

Известно, что в борьбе против ленинского курса на социалистическую революцию реакционные буржуазные партии не останавливались ни перед чем: они развернули позорную клеветническую кампанию против Владимира Ильича, объявив его немецким шпионом. Эту гнусную клевету кадеты распространяли при молчаливой поддержке меньшевиков и эсеров. По иронии судьбы штаб кадетской партии находился рядом с помещением нашего райкома партии. Особое внимание кадеты уделяли воинским частям, которые они рассчитывали натравить на большевиков как на партию немецких шпионов. Рождественскому районному комитету пришлось провести большую работу по разъяснению массам

политической подоплеки этой клеветы. Агитаторы райкома, в первую очередь Зеликсон, Семенов, Величкина, Линде, Войцеховский, Аксельрод, Мещеряков и другие, находились непрерывно в массах, разоблачая контрреволюционный заговор клеветников. Особенной неутомимостью отличался Л. С. Зеликсон, старый большевик и прекрасный агитатор. Райком направлял его преимущественно в солдатские аудитории, в которых он иногда выступал по нескольку раз в день.

Работа большевиков Рождественского района приносила свои плоды. Влияние партии росло, росла и ее численность. Особенно заметны были наши успехи на ниточной фабрике Штиглица и в трамвайном парке. Более медленно развивалась наша работа в воинских частях; в некоторых из них были уже небольшие группы партийцев и сочувствующих, но влияние эсеров и меньшевиков было еще очень велико. Солдатские комитеты все еще находились в их руках.

Первый серьезный экзамен Рождественская районная партийная организация держала 19—21 апреля, когда в стране разразился политический кризис, связанный с нотой Временного правительства правительствам стран Антанты. По всему Петрограду в знак протеста прокатилась бурная волна митингов, стачек и демонстраций. Рождественский районный комитет мобилизовал все силы для разъяснения рабочим, работникам, солдатам, домохозяйкам, служащим и учащимся империалистического смысла ноты Временного правительства. По призыву райкома трудящиеся района приняли участие в общегородской демонстрации 21 апреля. Колонна демонстрантов нашего района имела внушительный вид. Во главе колонны под красным бархатным знаменем райкома шли члены райкома. На подступах к Невскому проспекту наши колонны примкнули к демонстрантам 1-го Городского района. Тысячи людей оглашали Невский звуками «Интернационала», «Марсельезы» и других революционных песен. Но между Надеждинской улицей и Литейным проспектом на демонстрантов напала группа военных и штатских, стоявших вдоль тротуаров. Завязалась схватка. Первое нападение было отбито. Но вскоре последовало новое нападение, за ним еще и еще. В конце концов знамя нашего района было изорвано. Колонна продолжала свой путь, но уже без знамени.

Демонстрация 21 апреля показала, что большевистская организация района окрепла и становилась заметной политической силой. Однако влияние меньшевиков на фабрике Штиглица и эсеров в трамвайном парке окончательно еще не было сломлено. Им даже удалось провести через фабричный комитет решение, запрещающее приносить на фабрику большевистские газеты и брошюры, но в результате упорной борьбы это решение было отменено и большевистскому печатному слову был вновь открыт доступ на фабрику. Борьба за влияние на рабочие массы и солдат была очень напряженной. Нашим агитаторам приходилось иногда выступать, не сразу называя себя большевиками. (Одно время только таким путем можно было получить слово большевистскому агитатору.)

Только после того, как солдаты выражали согласие с точкой зрения выступавшего, он раскрывал свою партийную принадлежность и говорил о партии и ее политике и задачах.

Не желая расставаться со своим преобладающим положением, деятели соглашательских партий меньшевиков и эсеров не брезгали никакими средствами вплоть до прямого подстрекательства к избиению большевистских агитаторов. Так, однажды, когда М. Н. Скрыпник, Е. К. Кокшарова, я и еще некоторые товарищи выступали на собрании рабочих трамвайного парка, эсеры подговорили группу несознательных рабочих избить нас. Спасло нас от расправы лишь вмешательство других, более сознательных рабочих.

Но торжество эсеров и меньшевиков было недолговечным. Массы трудящихся, читая нашу литературу, слушая речи наших агитаторов, примеривая прочитанное и услышанное к своему повседневному опыту, постепенно убеждались в правоте ленинских идей, покидали лагерь соглашателей и переходили на сторону большевиков.

В 1917 г. мы впервые смогли открыто отпраздновать день Первого мая — день международной пролетарской солидарности. На первомайской демонстрации колонна Рожественского района была многочисленной. Трибуны нашего района, согласно опубликованному в «Правде» церемониалу, находились у Александринского театра, откуда после выступлений ораторов нашего района и проведения митингов мы направились на Марсово поле, где состоялся общегородской митинг, на котором выступил В. И. Ленин.

В период между событиями 21 апреля и очередным июньским кризисом Временного правительства партийная организация нашего района заметно выросла, численность членов партии перевалила за три сотни.

Райком регулярно проводил заседания комитета и общие собрания членов партии. Почти каждый день члены райкома и активисты, вернувшись с работы, приходили в райком, где делились информацией и намечали планы ближайших мероприятий. Укреплялись связи с воинскими частями, представители которых становились все более частыми гостями райкома, где получали газеты и другую литературу, договаривались о собраниях и митингах, о присылке в казармы агитаторов и т. п.

Все это ярко отразилось на успехе демонстрации 18 июня, прошедшей под большевистскими лозунгами.

Перед июньской демонстрацией по указанию В. И. Ленина во дворце Кшесинской собрались представители всех районных парторганизаций Петрограда. Я участвовала на этом совещании в качестве представителя Рожественского райкома. В. И. Ленин очень подробно расспрашивал о настроениях рабочих и солдат, о том, как часто наши агитаторы бывают на предприятиях и в казармах, сколько человек посещают райком в среднем в день, сколько принято в партию, как трудящиеся относятся к лозунгам большевистской партии и т. д.

После того как Владимир Ильич выслушал информации представителей райкомов, он предложил нам неоднократно побывать накануне демонстрации на каждом предприятии района, а в день демонстрации утром раньше всех явиться на сборные пункты и встречать демонстрантов.

Указания В. И. Ленина мы выполнили точно.

Когда мы рано утром пришли к райкому, где был сборный пункт, мы с радостью увидели, что поработали не напрасно: в колоннах предприятий и воинских частей не было ни одного лозунга с выражением доверия Временному правительству. Вся демонстрация пестрела большевистскими призывами: «Долой войну!», «Долой 10 министров-капиталистов!» «Вся власть Советам!»

Все попытки меньшевиков убедить рабочих снять большевистские лозунги и заменить их лозунгами поддержки Временного правительства не увенчались успехом.

Первомайская демонстрация оказала очень большое влияние на рабочие и солдатские массы. Начался усиленный приток в партию не только рабочих и солдат, но и представителей интеллигенции и даже офицерства.

Росла и Красная гвардия, к организации которой мы приступили сразу же после Февральской революции. Правда, с оружием было довольно плохо. Члену райкома Д. М. Соловей удалось приобрести через союз транспортных рабочих, организатором которого он являлся, небольшое количество оружия. Этот союз, вначале называвшийся профсоюзом ломовых и легковых извозчиков и каталей, в октябрьские дни играл большую роль, обеспечивая транспортом ВРК. Особенно активно работали в союзе товарищи Белов и Николаев. В Рождественском районе был организован также профессиональный союз автомобилистов и автомехаников, впоследствии объединившийся с союзом извозчиков. Объединенный союз был назван союзом транспортных рабочих. Заместителем председателя этого союза был Р. Х. Рыжук. Красной гвардией района руководил Корнилов, шофер по профессии, он же организовал обучение красногвардейцев стрельбе. В их ряды в первую очередь вступил наш молодежный актив.

Несмотря на то что районная партийная организация к июлю 1917 г. значительно выросла, ее райком по-прежнему помещался в подвале. Для проведения районных партийных собраний приходилось использовать помещение клуба.

Районный Совет рабочих и солдатских депутатов в то время состоял главным образом из меньшевиков и эсеров. Председателем Совета был эсер Барановский. Депутаты-большевики, среди которых была и я, упорно и последовательно отстаивали линию партии, активно используя в этих целях каждое собрание членов Совета.

Назревали июльские дни. Но предварительно мне хочется рассказать о большом митинге, состоявшемся в мае 1917 г. в помещении Морского

корпуса на Васильевском острове. Доклад о текущем моменте должен был делать В. И. Ленин. Рождественский райком принял меры к тому, чтобы обеспечить участие на митинге возможно большего числа рабочих своего района. Добиться этого в условиях разбросанности многих мелких и средних предприятий было нелегко. И здесь на помощь райкому пришла молодежь, которая привела с собой на митинг большую группу рабочих. Что касается рабочих крупных предприятий, то они прибывали, как правило, самостоятельно и организованно.

По дороге в трамвае, которым мы ехали на митинг, произошел такой случай. Один из ехавших стал громко повторять распространенную контрреволюционными партиями клевету по адресу Ленина, называя его немецким шпионом. Но пассажиры, среди которых преобладали рабочие, с жаром выступили в защиту Ильича и дали должный отпор клеветнику. Когда я, приехав на митинг, рассказывала товарищам об этом случае, я не заметила приблизившегося к нам Владимира Ильича. Вдруг кто-то потянул меня за рукав. Оглянувшись, я увидела Ильича. Он попросил, чтобы я подробно рассказала о происшедшем, о том, как вели себя рабочие, что они говорили, как они опровергали наветы клеветников. Нужно было видеть, как смеялся Владимир Ильич, слушая мой рассказ.

За несколько дней до начала июльских событий я по делам уехала в город Нарву. Там я узнала о том, что произошло в столице. Недолго думая я отправилась на вокзал и, забравшись в какой-то товарный поезд, поехала домой. 4 июля я была в Петрограде. Здесь мне стало известно, что помещение нашего райкома окружено бесчинствующими хулиганами, что ходить туда небезопасно. Утром 5 июля я все же пошла на Болотную улицу в наш райком, где встретилась с товарищами по комитету. В это время обязанности секретаря райкома исполняла Е. К. Кокшарова, сменившая призванного в армию Златкина.

Обменявшись мнениями и обсудив обстановку, мы решили просить ПК помочь нам подыскать другое помещение для районного комитета партии. Секретарь ПК Г. И. Бокий выслушал нас и сказал, что бессилен нам помочь. Но Я. М. Свердлов посоветовал нам обратиться к Б. И. Иванову, старому члену партии, возглавившему только что организовавшийся союз рабочих-пищевиков, штаб-квартира которого находится на территории Рождественского района. Так мы и сделали. Профсоюз рабочих-пищевиков действительно отвел нам одну комнату в своем помещении на 10-й Рождественской улице в доме 5 и разрешил проводить собрания в зале. Позднее мы получили у пищевиков еще одну комнату, где хранили оружие для Красной гвардии.

Одной из важных задач, вставших перед нами после июльских дней, было усиление пропаганды и агитации в войсках. Наш райком решил уделить особое внимание Кавалергардскому полку, полковой комитет которого состоял из офицеров, враждебно настроенных к большевикам. Проникнуть в полк было трудно. Нас, большевиков, туда попросту не

пускали. Выполняя решение райкома, я все же решила пройти в полк и, представившись беспартийной, предложить полковому комитету созвать общее собрание солдат, мотивируя это тем, что нельзя же все время держать их в неведении о том, что происходит в стране. Мы намеревались пригласить на это собрание представителей меньшевиков, эсеров и большевиков, чтобы солдаты сами разобрались в политике и программах этих партий. И вот я, а со мной еще один товарищ (фамилии его не помню) пошли в этот полк. Долго вели мы переговоры с представителями полкового комитета. Но в конце концов договорились, что такое собрание будет созвано и полковой комитет сам известит о нем все партии.

На собрание мы пришли в качестве «беспартийных» и раньше всех. Поэтому нам удалось выдвинуть председателем собрания Д. М. Соловей. С докладом от большевиков выступила А. М. Коллонтай, выступал также М. М. Лашевич, от меньшевиков — Чхеидзе, от эсеров — Чернов.

Офицеры шумно встретили Коллонтай. Посыпались иронические провокационные вопросы о том, сколько у нее было горничных, зашнуровававших ей ботинки, сколько других слуг ее обслуживало и т. п., рассчитывая таким образом восстановить солдат против оратора большевиков. Во время выступления реакционные офицеры организовали обструкцию, в зале был шум, крики, свист. Но ничего им не помогло. Блестящий доклад Коллонтай был встречен солдатами громкими аплодисментами.

Предметом ожесточенной борьбы между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами — с другой, были на этом собрании самые насущные и острые вопросы того времени. Мы говорили, что власть должна перейти к Советам, то есть к народу, а наши противники утверждали, что надо поддерживать Временное правительство. Мы выступили против войны, а они говорили — надо продолжать войну до победного конца. Они агитировали за наступление на фронте, мы выступали против продолжения войны. Мы требовали немедленной и безвозмездной передачи земли крестьянам, наши противники настаивали на том, чтобы передать земельный вопрос на рассмотрение Учредительного собрания, и т. д.

Против большевиков на этом собрании выступали Чхеидзе, Чернов, кое-кто из офицеров. В ответ на их речи солдаты энергично свистели. Перепалка в казарме, где происходило собрание, была большая. Злопыхательство Чхеидзе, Чернова и злобствующих офицеров свидетельствовало о том, что настроение большинства солдат склоняется в пользу большевиков. Как мы узнали позже, в Кавалергардском полку чуть ли не всю ночь солдаты не ложились спать: одни высказывались за большевиков, другие — против. Вскоре в райком стали целыми группами приходить солдаты записываться в партию. Эти люди помогли нам впоследствии получить оружие для Красной гвардии. Так мы овладели кре-

постью, в которую долго не могли проникнуть. После этого в районе стало легче работать.

13 августа по всему городу началась кампания по выборам депутатов в Петроградскую городскую думу. От нашего района большевики выдвинули кандидатами в депутаты членов партии Л. С. Зеликсона, Н. А. Скрыпник, А. Е. Аксельрода, А. П. Семенова, меня и др. Но в конце августа развернулась борьба против контрреволюционного заговора генерала Корнилова, временно отодвинувшая избирательную кампанию на второй план. К этому времени красногвардейский штаб нашего района получил некоторое добавочное количество оружия, что позволило ему начать военное обучение новых групп красногвардейцев. Оказавшееся между двух огней, правительство Керенского вынуждено было не препятствовать вооружению рабочих, сыгравших решающую роль в ликвидации корниловского мятежа. Активное участие в его подавлении принимали солдаты, красногвардейцы и рабочие Рождественского района.

После июльских дней и корниловского мятежа стало ясно, что нужно готовиться к вооруженному восстанию. Мы получили от Петербургского комитета партии ряд указаний о подготовке к вооруженному восстанию. От нас требовали, чтобы в райкоме всегда были дежурные, причем не только «райкомщики», но и красногвардейцы, чтобы мы расширили актив. Все указания ПК, которые передавали нам Г. И. Боккий, В. В. Шмидт и другие, а также указания Я. М. Свердлова мы в точности выполняли. Районная партийная организация в октябре 1917 г. насчитывала в своих рядах более 450 членов. В районе была создана «тройка» для подготовки к восстанию, в ее состав вошли Аксельрод, Бонч-Бруевич и я. Член райкома Д. М. Соловей был назначен комиссаром ВРК, участвовал в захвате телефонной станции, телеграфа и в штурме Зимнего дворца.

25 октября райкому поручили выделить людей для охраны дома, в котором жил Бонч-Бруевич (Херсонская ул., д. 5). Позже, когда было разрешено снять охрану, мы узнали, что в ту ночь Владимир Ильич ночевал в квартире Бонч-Бруевича. Там он писал декрет о земле. Охрану этого дома несли красногвардейцы нашего района.

Мы были тесно связаны со Смольным, где находились центральные органы партии, Петроградский Совет, ВРК и др. Все указания мы получали или от членов ВРК Подвойского, Свердлова, Урицкого, Гусева, или от представителей штаба Красной гвардии Павлова и Юренева.

В ночь на 28 октября мы получили задание выступить с отрядом под Гатчину против войск Керенского — Краснова. Я в этом штабе ведала политической частью, а Кокшарова руководила санитарной группой.

Утром следующего дня я была ранена, и меня отправили в город. Но уже через день я вновь приступила к работе. Вскоре я узнала, что на фабрике Штиглица состоялась первая женская конференция, которой

руководили А. М. Коллонтай, К. Н. Самойлова и К. И. Николаева. Большевистское влияние на этой фабрике уже настолько выросло, что фабриком без колебаний предоставил помещение для этой конференции.

В первые послеоктябрьские дни специально созданная ВРК комиссия, возглавляемая тов. Петерсом (в нее входила и я), проверяла в Смольном из комнаты в комнату, от стола к столу документы каждого, беседовала с ним, выясняла цель пребывания в Смольном и выполняемую им работу, после чего была введена система пропусков. Без пропуска никто в Смольный больше пройти не мог. Эта предосторожность была необходима, потому что в Смольном находились руководящие партийные организации, Совнарком, а также там жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Наш райком направил многих товарищей для работы в центральные советские учреждения. Например, А. Е. Аксельропа направили в Наркомфин, Н. П. Горбунова — в Совнарком, М. Н. Скрипник — в Смольный, Е. К. Кокшарову, меня и Д. М. Соловей — в Государственный банк, В. П. Тыдмана — в Наркомат труда, Цирлину — во ВЦИК.

Распоряжением за подписью В. И. Ленина и В. Р. Менжинского я была назначена комиссаром отдела заграничных операций в Государственный банк.

Хорошо помню, что, выслушав сообщение Я. М. Свердлова о моем назначении, я сказала: «Как же можно меня назначать комиссаром отдела заграничных операций? Я ничего в финансах не понимаю, плохо знаю языки. Как же я справлюсь с такой работой?» А он отвечает: «Голова есть на плечах?» — «Есть», — говорю. «Тогда справишься, а будут трудности, обращайся, поможем».

Так началась моя работа в Государственном банке. Меня, конечно, можно было в какой-то мере считать «банковским работником», ибо я действительно в течение нескольких лет работала счетоводом в Сибирском банке. Но до чего же велика была разница между счетоводом, не игравшим никакой роли в политике банка и ни за что фактически не отвечавшим, и комиссаром отдела заграничных операций Государственного банка только что родившегося государства рабочих и крестьян... Ох, до чего тяжелой показалась мне ноша, возложенная на мои плечи. Положение усугублялось тем, что весь старый госбанковский аппарат отказался сотрудничать с рабоче-крестьянской властью и встал на путь саботажа. На своих постах остались только младшие служащие: счетоводы, курьеры, сторожа и чины охраны.

Когда я пришла в первый раз в отдел, то увидела лишь множество нескороаемых шкафов да столы. Все было заперто. Книг не видно было никаких. Людей тоже не было. Я стояла и думала, с чего начинать? Пошла к Я. М. Свердлову и говорю: «Дайте матросов, чтобы привезти какого-нибудь специалиста из отдела, который хотя бы ящики открыл и рассказал бы кое-что». Он послал двух матросов, которые и в самом деле привели специалиста отдела заграничных операций. Нельзя сказать, что-

бы этот специалист ввел меня в курс дела, но он отдал нам ключи, помог открыть сейфы, ящики и т. д.

Через некоторое время вновь обратилась к Я. М. Свердлову. Как быть с иностранцами? Как себя вести? Они меня осаждают, требуют по чекам деньги. Яков Михайлович посоветовал мне позвонить Владимиру Ильичу, который скажет точно, что делать. Я позвонила. Владимир Ильич подумал и сказал: «Иностранцы не признают нашего комиссара по иностранным делам. Так вот пусть они идут к нему. Если он разрешит, вы будете выдавать им деньги». Я так и поступила.

Шло время. Мы постепенно стали набирать сотрудников. Кое-кто из саботировавших старых чиновников явился на работу и стал нам помогать. Вскоре в Госбанке был организован партийный коллектив. Не будучи специалистами по финансовому хозяйству, мы все же медленно, но верно овладевали техникой дела.

В это время разрабатывался проект национализации частных банков, еще остававшихся во владении их собственников. Согласно этому проекту, одновременно, в один день и час краснотвардейцы должны были занять входы и выходы во всех частных банках. Задача их состояла в том, чтобы деньги из банковских сейфов не могли быть унесены. И вот 14 декабря владельцы банков увидели, что всюду стоит советская охрана и что они окончательно и бесповоротно лишены возможности распоряжаться ценностями. Затем началось изъятие этих ценностей. Мне было поручено изъять их из сейфов Сибирского банка. Как показал учет конфискованных и национализированных средств, их там было немало.

Втягиваясь все более и более в порученную мне работу в банке (помещение которого находилось за пределами Рожественского райкома), я поневоле отходила от повседневной работы в районной партийной организации. Но одно из последних общих партийных собраний района, на котором я присутствовала, памятно мне по сей день. Было это в конце декабря 1917 г. Собрание было посвящено вопросу о непартийном поведении начальника районной Красной гвардии Корнилова. Как выяснилось, его отряд был направлен на ликвидацию погромов винных лавок и складов, спровоцированных разного рода контрреволюционными элементами. Корнилов, командуя отрядом, вместо борьбы с погромщиками сам к ним присоединился. Райком вынес на обсуждение общего собрания вопрос о пребывании Корнилова в партии. При этом помнили, что Корнилов — рабочий, шофер, много сделал для сколачивания краснотвардейского отряда в районе, мужественно сражавшегося под его командованием против войск Керенского — Краснова в Гатчине.

На собрании присутствовал в качестве представителя ПК Серго Орджоникидзе, который еще в дооктябрьские дни был прикреплен к нашему райкому, участвовал в его работе. Он внимательно слушал доклад председателя райкома о проступке Корнилова, выступление самого Корнилова, пытавшегося преуменьшить значение того, что он натворил, речи других участников собрания, из которых одни высказывались за исклю-

чение Корнилова из партии, другие — против, предлагая ограничиться суровым осуждением и выговором. Но вот слово было предоставлено тов. Серго. Он говорил просто, задушевно, как бы беседуя с товарищами, но все, что он говорил, было глубоко принципиально. Он прямо и предельно ясно выразил мысль о том, что Корнилов совершил не просто проступок, а преступление против политики партии и Советской власти. На нас смотрит весь народ, весь мир, говорил Серго, и наши поступки должны быть кристально чисты. О партии и власти в целом, говорил он, народ судит по поведению каждого отдельного члена партии. Корнилов скомпрометировал не только себя, он бросил тень на всю партию, на всю Советскую власть. И поэтому, каковы бы ни были его заслуги, мы не должны, не можем шадить его. Исключив Корнилова, мы покажем народу, как партия борется за чистоту своих рядов, народ это оценит, Советская власть приобретет новых сторонников и партия пополнится новыми достойными членами.

Речь Орджоникидзе убедила всех. Корнилов был единогласно исключен из партии. Его дальнейшее поведение показало, что это решение было правильным.

И. С. Кобозев. Группа особого назначения

Наступил вечер 25 октября 1917 г. Красногвардейская группа особого назначения, так называемые боевики-особисты, собралась в штабе Рождественского района, ожидая секретаря райкома Владимира Николаевича Мещерякова, который должен был передать нам очередное задание.

В помещении райкома, где расположился штаб Красной гвардии, проходила выдача оружия и отправление отрядов на боевые участки. На улице шумела толпа рабочих, недовольных тем, что не всех вооружают, лишают тем самым возможности участвовать в борьбе с контрреволюцией.

Мещеряков пригласил к себе в кабинет четырех особистов, в том числе и меня, и сообщил, что нашей группе дается ответственное задание. Нам предстояло нести секретную охрану некоторых жилых домов нашего района, наблюдать за всеми подозрительными людьми, могущими проникнуть в охраняемый район с целью организации провокаций, диверсий и шпионажа. В это время Рождественский район приобрел большое значение, так как на его территории находился Смольный — главный штаб восстания. Согласно директиве из Смольного, на партийное руководство нашего района была возложена большая ответственная задача по охране революционного порядка.

Из помещения райкома В. Д. Бонч-Бруевич и В. Н. Мещеряков вышли первыми. За ними шел начальник нашей группы А. П. Семенов, а

затем уже мы — Л. А. Николаев, А. П. Смирнов (из трамвайного парка), Никитин и я. Время близилось к восьми часам вечера.

Была холодная питерская осень. Дул северный, порывистый ветер. Небо хмурилось, тучи застилали небосклон серо-свинцовой пеленой. Улицы, по которым мы шли, были безлюдны, фонари не горели. Тишина была необычная, отчего становилось жутковато. Дома стояли темные, кое-где в окнах горел слабый свет. Подъезды и ворота были заперты, на многих висели замки.

На Херсонской улице у домов 9 и 11 был поставлен Семенов, а у дома 5, в котором жил Бонч-Бруевич, оказался мой участок охраны. Я занял удобное для наблюдения место в одном из найденных мной укрытий, расстегнул пальто, под которым висел на плече маузер.

Стою на углу Херсонской улицы, наблюдаю, слушаю. Внезапно тишину прервал лай, доносившийся с Охты. Потом послышались шаги, и я увидел мужчину высокого роста, одетого в зимнее пальто с поднятым воротником, в шапке-ушанке и в ботах. Дойдя до угла Херсонской улицы, мужчина остановился и стал вглядываться в темноту. Постояв немного, он пошел дальше крадущейся походкой, пересек перекресток, медленно зашагал по улице. Прошел дом 5, дом 7 и остановился, осматривая улицу. Находясь в своем укрытии, я наблюдал за этим человеком, который по всем признакам был шпиком. Он стоял некоторое время между домами 7 и 9, потом повернулся к перекрестку, задержался немного на нашей улице и направился к Александро-Невскому проспекту. Быстро добравшись до Семенова, я доложил ему о виденном. Семенов передал свой пост под мою охрану, а сам, взяв с собой члена группы Смирнова, отправился догонять шпика. Вскоре они взяли его под свое наблюдение. Об этом происшествии было донесено в штаб Мещерякову, он одобрил наши действия. Было усилено красногвардейское патрулирование улиц, смежных с нашими участками охраны. Я вновь начал обход своего участка, каждый раз возвращаясь к дому 5. Стояла напряженная тишина, было очевидно, что штурм Зимнего еще не начался.

Однако не прошло и часа, как раздались оружейные выстрелы, а через некоторое время послышалась и пулеметная перестрелка, сменившаяся вскоре сплошной пальбой. Иногда в звуки боя врывались оружейные выстрелы. Темное ночное небо отражало вспышки артиллерийской стрельбы, осветительных ракет. Пальба то усиливалась, то стихала. К двум часам ночи 26 октября она совсем прекратилась.

Было около трех часов ночи, когда пошел Мещеряков проверить положение на наших участках. Он сообщил о взятии Зимнего дворца.

К четырем часам утра со стороны Охты опять раздался лай собак. Очевидно, кто-то двигался с той стороны. Я занял свое место в укрытии. В мою сторону крадучись шел мужчина высокого роста. Остановившись у подъезда дома 5, он подергал ручку двери и медленно зашагал к дому 7. Выйдя из укрытия, я начал преследовать шпика. Несколько

часов назад этот тип уже прохаживался здесь, но тогда он был в шалке-ушанке, теперь же—в кепке. Увидев, что его преследуют, шпик стал уходить к участку, где был Семенов, который, поняв обстановку, дал сигнал своему соседу, тот сообщил другому товарищу.

При задержании шпик отстреливался и был ранен. В комендатуре Смольного было установлено, что пойман матерый сыщик, специалист по выявлению большевистских конспиративных квартир. Об этом мне сообщил Семенов, пришедший на мой пост по окончании этой операции.

Мои часы показывали 4 час. 50 мин. утра, когда от Суворовского проспекта на Херсонскую улицу выпла автомашина, остановившаяся у дома 7, напротив меня. Из машины вышел Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, к нему подошел Семенов, которого он о чем-то спросил и быстро направился к подъезду дома 5. К Бонч-Бруевичу подбежал и я. Увидев меня, Владимир Дмитриевич сказал: «С добрым утром! Съезд Советов закончил первое заседание. Я приехал домой с гостями. Здесь все благополучно?» — «Да, да, все в порядке», — ответил я.

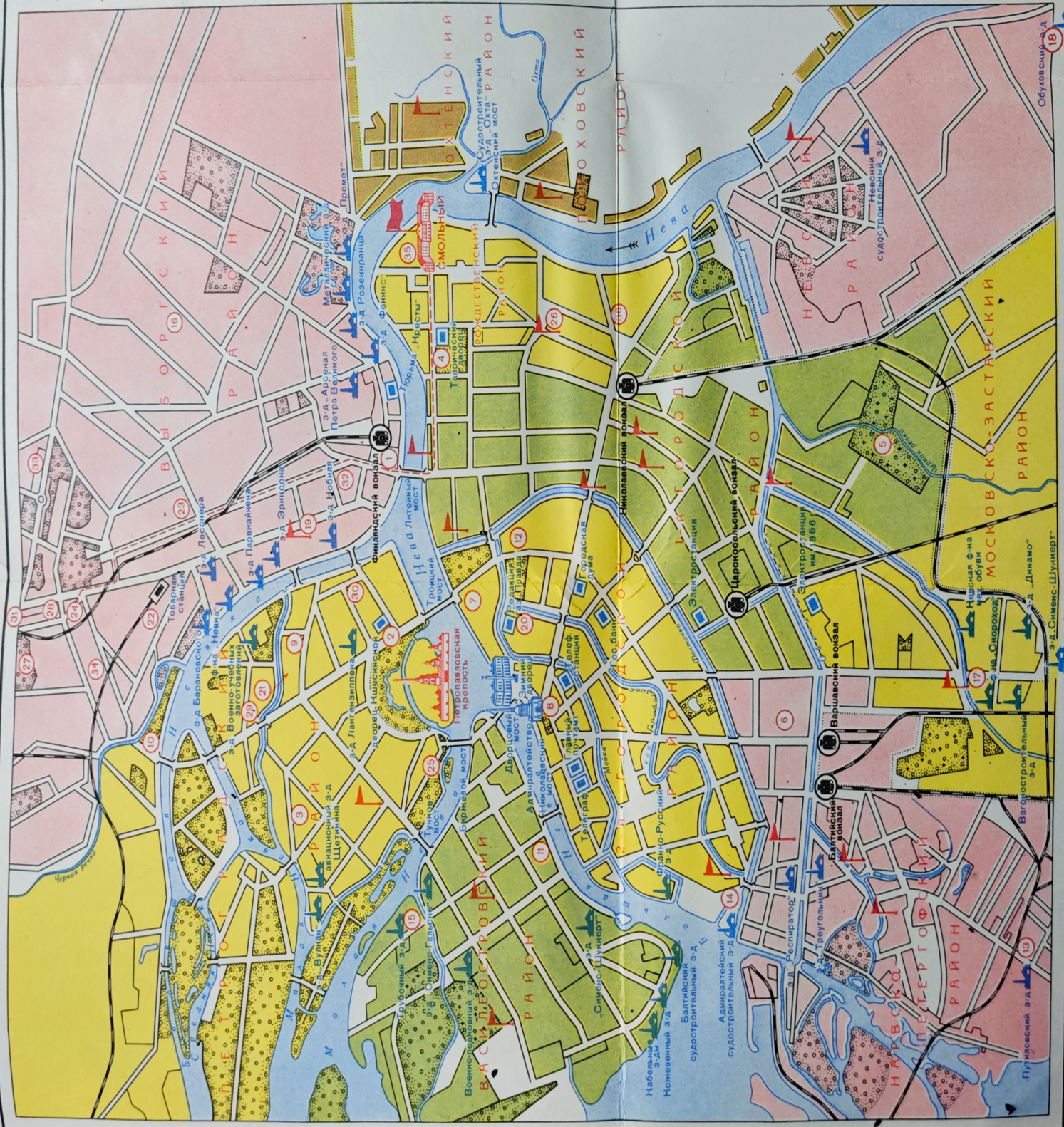
Подойдя к подъезду, Владимир Дмитриевич открыл дверь своим ключом и вошел в дом. Вскоре он вернулся и направился к автомобилю. Из машины вышли мужчина и женщина. Среднего роста человек и женщина шли рядом, ближе к стене дома, остальные сопровождали их, идя по краю тротуара. Бонч-Бруевич отворил дверь, пропустил мужчину и женщину и сопровождавших, последовал за ними и закрыл подъезд. На лестничной клетке мелькнул огонек и вскоре погас. Ни в доме 5, ни в других соседних домах света не было. Машина стояла с потушенными фарами, мотор глухо работал. Вскоре из подъезда вышли двое из числа прибывших — один высокий, другой — среднего роста. Они сели в автомобиль, который медленно проехал мимо меня и направился к Охте.

Лишь два человека видели автомашину и доставленных ею людей — Семенов и я. Мы сразу поняли, что с Бонч-Бруевичем были Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская, а их сопровождали Яков Михайлович Свердлов и Феликс Эдмундович Дзержинский, которые, убедившись в безопасности вождя революции, уехали на другую конспиративную квартиру в нашем районе.

Как выяснилось позже, шофером автомашины был матрос Балтийского флота Рябов.

Я и другие члены группы боевиков-особистов с большим усердием продолжали нести охрану квартиры В. Д. Бонч-Бруевича, в которой находились В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

КАРТА-СХЕМА «ПЛАН АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ ПЕТРОГРАДА В 1917 ГОДУ»

Центральный Комитет РСДРП (6)

Районные партийные комитеты и районные Советы.

Путь В.И. Ленина в Смольный вечером 24.X (6.XI)-1917г. из конспиративной квартиры М.В. Фофанова

Места пребывания и выступления В.И. Ленина за период с 3 (16) IV по 27 X (9 XI)-1917г. (по воспоминаниям)

- 1 Финляндский вокзал
- 2 Дворец Кшесинской
- 3 Квартира Елизаровых
- 4 Тауринский дворец
- 5 Волково кладбище
- 6 Измайловский полк
- 7 Марсово поле
- 8 Бюро печати ЦК большевистской партии
- 9 Актовый зал Женского медицинского института
- 10 Клуб "Искра"
- 11 Помещение Морского кадетского корпуса
- 12 Конференция "негражданцев"
- 13 Путиловский завод
- 14 Адмиралтейский судостроительный завод
- 15 Трубочный завод
- 16 Политехнический институт
- 17 Фабрика "Скорход"
- 18 Обуховский завод
- 19 Выборгский РК РСДРП (6)
- 20 Редакция газеты "Правда"
- 21 Квартира М.П. Сулимовой
- 22 — — — В.Н. Каюрова
- 23 Сторожка завода "Русский Рено"
- 24 Квартира М.В. Фофанова
- 25 — — — Н.Г. Попеласова
- 26 — — — С.Я. Апплизова
- 27 — — — Э.Г. Кальские
- 28 — — — Н.И. Кокко
- 29 — — — Г.К. Флаксерман (Н. Сузанова)
- 30 — — — Эяно Разва
- 31 — — — М.И. Калинин
- 32 Квартира Г.Э. Ялавы
- 33 Помещение Ленского-Удельнского районной думы
- 34 Квартира Д.А. Павлова
- 35 Смольная
- 36 Квартира В.Д. Вонч-Бруевича

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Краткие биографические сведения об авторах

Александров Михаил Петрович (1898—1969) — член КПСС с 1918 г. Рабочий. Член горкома Социалистического рабочего союза молодежи. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. Награжден орденами и медалями.

Александров Петр Петрович (1896—1965) — член КПСС с 1915 г. Рабочий Путиловского завода. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. Участник гражданской войны. С 1920 г. — на профсоюзной работе, с 1928 г. — на руководящей хозяйственной работе.

Александрова (Тарасова) Агриппина Лупановна (1901—1969) — член КПСС с 1924 г. С 1917 г. — член Социалистического рабочего союза молодежи. Работница завода «Лоренц». С 1919 по 1939 г. — на партийной и советской работе.

Алексеева Валентина Федоровна (р. 1891 г.) — член КПСС с 1914 г. Работала в студенческой организации при ЦК большевиков. В 1916 г. арестовывалась. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. После Февраля работала в бюро печати ЦК РСДРП(б), выполняла поручения ЦК партии. Была одним из секретарей VII Всероссийской конференции РСДРП(б). В период Октября работала в ЦК, организовала и заведовала отделом агитации и выдачи литературы на фронт и в деревню Петроградского ВРК. Затем работала на выборных профсоюзных должностях, а потом на партийной работе в МК ВКП(б). С 1936 г. — редактор историко-революционной редакции Партиздата при ЦК ВКП(б), а затем — на педагогической работе. Награждена орденом Ленина. Персональный пенсионер союзного значения.

Андреев Александр Андреевич (1896—1971) — член КПСС с 1915 г. Рабочий Сестрорецкого оружейного завода. Нелегально распространял большевистскую литературу. В конце 1916 г. вместе с другими сестрорецкими рабочими был арестован за участие в забастовке. Освобожден Февральской революцией. В составе делегации Сестрорецкой партийной организации 3 апреля 1917 г. встречал В. И. Ленина, возвращающегося из эмиграции, на станции Белоостров. А. А. Андреев оформлял пропуск и удостоверение личности на имя рабочего Сестрорецкого завода Константина Петровича Иванова, которое было передано В. И. Ленину во время его последнего подполья. В 1917 г. входил в Исполнительную комиссию партийной организации завода. Затем работал в партийных органах, советских и административно-хозяйственных учреждениях.

Андреев Иван Васильевич (р. 1889 г.) — член КПСС с 1919 г. Работал учени-

ком слесаря, затем токарем в Кронштадте. За участие в массовках отбывал тюремное заключение. С 1917 по 1919 г. — депутат и член Исполкома Кронштадтского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. С 1923 по 1956 г. — на руководящих хозяйственных должностях. Награжден орденами и медалями. Персональный пенсионер союзного значения.

Антонов Александр Александрович (1896—1965) — член КПСС с 1914 г. С 1913 г. работал электромонтером-механиком оптического цеха Обуховского завода. Член Невского районного комитета партии, в 1917 г. — член Петербургского комитета партии. В сентябре 1917 г. — председатель Исполкома Обуховского Совета Р и СД. В дни Октября — комиссар Петроградского ВРК на Обуховском заводе.

Бабицын Алексей Александрович (р. 1891 г.) — член КПСС с 1915 г. Родился в семье рабочего. Трудовую жизнь начал с 11 лет. С 1915 г. — слесарь завода «Новый Парвайнен» в Петерсграде. Был арестован, сидел в «Крестах». Освобожден Февральской революцией. Активный участник Октябрьской революции. В советское время — на руководящей партийной, профсоюзной и хозяйственной работе. Делегат XVI партийной конференции и XVI съезда партии. Награжден орденами и медалями. Персональный пенсионер союзного значения.

Балагуров Алексей Иванович (р. 1888 г.) — член КПСС с 1908 г. Член райкома РСДРП(б) 1-го Городского района Петербурга в 1909—1910 гг. Участник профессионального движения торгово-промышленных служащих. После Октября был на руководящей хозяйственной и профсоюзной работе. В 1931—1932 гг. работал в советском торгпредстве в Германии, затем в ЦКК—РКИ СССР. Награжден орденами и медалями. Персональный пенсионер.

Баснина Мария Ивановна (р. 1899 г.) — член КПСС с 1917 г. С 1916 г. — работница завода «Лоренц». Активная участница Октябрьской революции. Участвовала в штурме Зимнего. С 1918 г. до конца гражданской войны работала в органах ВЧК — ОГПУ. После демобилизации — на партийной и советской работе. Награждена медалями. Персональный пенсионер союзного значения.

Богданов Николай Петрович (р. 1896 г.) — член КПСС с 1914 г. Строительный рабочий. Участник рабочего движения в Москве и Петрограде. Один из организаторов Петроградского профсоюза строителей в 1917 г. В 1918—1928 гг. — секретарь, а затем — председатель ЦК Всероссийского профсоюза строителей. В 1917—1918 гг. был депутатом Петроградского Совета Р и СД. Член ВЦИК и ЦИК СССР с 1920 по 1931 г. Персональный пенсионер союзного значения.

Бобе Мила Юльевна (р. 1896 г.) — член КПСС с 1916 г. Работница. В 1915 г. арестовывалась. После освобождения работала в больничной кассе Путиловского завода. В 1917 году вновь арестована. Освобождена Февральской революцией. С марта 1918 г. — секретарь Омского комитета партии. С 1919 по 1922 г. принимала участие в восстановлении Советской власти в Омске и Новосибирске. Училась в Коммунистическом университете имени Свердлова. С 1925 по 1931 г. была председателем Контрольной комиссии Сокольнического райкома партии города Москвы. На XVI съезде ВКП(б) была избрана членом ЦКК—РКИ. В последующие годы занималась в Москве профсоюзной и библиотечной работой. Персональный пенсионер союзного значения.

Галадж Семен Кириллович (р. 1910 г.) — член КПСС с 1939 г. С 1936 г. по настоящее время — кинооператор киностудии «Мосфильм». Участник Великой Отечественной войны. Оператор документального кинофильма «В боях за Родину». Награжден орденами и медалями.

Германов Иван Степанович (р. 1887 г.) — член КПСС с 1917 г. Чернорабочий Обуховского завода, затем почтальон в Петербурге. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. После Октября — комиссар Петроградского почтамта. Организатор и начальник продотряда почтовых служащих в Саратовской губернии, чрезвычайный уполномоченный Тамбовского губпродкома. Участник Отечественной войны. Награжден орденами и медалями. Персональный пенсионер союзного значения.

Гиндин Арон Менделеевич (1895—1964) — член КПСС с 1918 г. В декабре 1917 г. участвовал в национализации частновладельческих банков, затем работал в банках Петрограда. Участник гражданской войны. Затем — на партийной работе в уездных комитетах партии Торопца и Великих Лук. Во время Великой Отечественной войны — политработник в осажденном Ленинграде, в Кронштадте и Таллине. После войны работал в пресс-бюро ТАСС.

Гундоров Александр Семенович (р. 1895 г.) — член КПСС с 1915 г. Рабочий Обуховского и других заводов Петрограда. Член Невского районного комитета РСДРП(б). Активный участник Февральской и Октябрьской революций. Участник гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны — начальник Военно-инженерной академии имени Куйбышева. Командовал 8-й и 6-й саперными армиями, одновременно был председателем Всеславянского комитета. Генерал-лейтенант в отставке. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, Красной Звезды и другими советскими и зарубежными орденами и медалями. В настоящее время — председатель Славянского комитета СССР.

Дановская-Спивак Антонина Антоновна (р. 1897 г.) — член КПСС с 1917 г. С девяти лет — нянька и батрачка, а с 1914 г. — токарь Франко-Русского завода в Петрограде. В Февральскую революцию — член заводского комитета, член Совета рабочих и солдатских депутатов 2-го Городского района. Красногвардеец и секретарь штаба Красной гвардии района. Политработник на Чехословацком, Восточном и Юго-Западном фронтах. После гражданской войны — на партийной и руководящей хозяйственной работе. Имеет правительственные награды. Персональный пенсионер союзного значения.

Зинченко-Островская Петронелия Филимоновна (1890—1970) — член КПСС с 1917 г. Член Кронштадтского Совета РС и МД. Член редколлегии газеты «Известия Кронштадтского Совета». После гражданской войны была на руководящей партийной работе.

Зубков Пимен Ильич (р. 1890 г.) — член КПСС с 1917 г. С 1914 г. — рабочий Ижорского завода. Член Колпинского районного комитета партии и районного Совета. С 1918 по 1929 г. — на партийной и советской работе. Закончил Институт инженеров путей сообщения, работал на транспорте и в оборонной промышленности. Персональный пенсионер союзного значения.

Иванов Борис Иванович (1887—1965) — член КПСС с 1906 г. За революционную деятельность подвергался неоднократно арестам. С 1912 г. — корреспондент газет «Звезда» и «Правда». В 1915 г. был выслан в Туруханский край, откуда его освободила Февральская революция. С мая 1917 г. он в Петрограде, избирается членом Петроградского Совета Р и СД. Активный участник Октябрьской революции. С 1918 г. — на руководящей хозяйственной и профсоюзной работе. Имеет много печатных работ на партийные, советские и профсоюзные темы. Член ВЦИК нескольких созывов. В 1962 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награжден многими правительственными наградами.

Иванов Иван Васильевич (р. 1893 г.) — член КПСС с 1917 г. Рабочий-токарь Путиловской судостроительной верфи. Член завкома верфи. Член правления союза металлистов Петергофского района. В 1918 г. — член Совета Р и СД Петрограда. В 1937 г. окончил институт имени Баумана, работал инженером-технологом. Персональный пенсионер союзного значения.

Ионов Николай Иванович (1894—1965) — член КПСС с 1913 г. Рабочий. В подполье работал в «Правде». Был членом 1-го Городского комитета партии и ПК РСДРП(б). В 1914 г. был арестован и выслан из Петрограда. После Февральской революции был секретарем и председателем ЦК союза швейников. После Октября — член Пленума ВЦСПС, член Экономического Совета РСФСР, член ЦИК и ВЦИК трех созывов. Работал редактором нескольких газет и журналов на периферии. Был делегатом с совещательным голосом XI съезда РКП(б) и XIV съезда ВКП(б). Несколько лет работал научным сотрудником Музея имени В. И. Ленина в Москве.

Иоффе Рахиль Вульфовна (р. 1896 г.) — член КПСС с 1917 г. Курсистка женских курсов Лесгафта. После Февральской революции работала в Путиловской больничной кассе, затем в системе народного образования. В 1930 г. окончила консерваторию и стала певицей, солисткой Ленинградского оперного театра имени С. М. Кирова. Во время Отечественной войны добровольно вступила в ряды Советской Армии, служила политруком в госпиталях Ленинграда и на фронте, затем вернулась на педагогическую работу в Ленинградскую консерваторию. Имеет правительственные награды.

Капранов Николай Павлович (р. 1889 г.) — член КПСС с 1917 г. С 1903 г. — чернорабочий, затем молотобоец, а потом рабочий Обуховского завода. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. Всю гражданскую войну был в Красной Армии, а после — на руководящей хозяйственной работе, затем снова вернулся в армию. Вышел в отставку в чине инженера-полковника. Персональный пенсионер.

Карманов Георгий Кириллович (р. 1897 г.) — член КПСС с 1916 г. С 1915 г. — рабочий на заводах Петрограда. Член районного комитета РСДРП(б) Петроградской стороны. Активный участник Февральской, Октябрьской революций и штурма Зимнего. Работал в органах ЧК, затем на хозяйственной работе до 1953 г. Имеет много правительственных наград. Вышел в отставку в звании полковника интендантской службы. Персональный пенсионер союзного значения.

Клевядо Александр Николаевич (1898—1969) — член КПСС с 1917 г. С 1912 г. — токарь на заводе «Сименс-Шуккерт». Активный участник Февральской, Октябрьской революций и гражданской войны. Затем — на партийной и хозяйственной работах. Во время Отечественной войны — в народном ополчении. С 1943 по 1962 г. — на преподавательской работе.

Кобозев Иван Семенович (р. 1893 г.) — член КПСС с 1917 г. Участник Февральской революции в Москве. С мая по октябрь 1917 г. — фотограф и кинооператор хроники событий Скобелевского просветительного комитета при Временном правительстве. Красногвардеец группы особого назначения при Рождественском штабе Красной гвардии. В ноябре 1917 г. с заданием Петроградского ВРК выехал в Москву. Участник гражданской войны. С конца 1921 г. — на руководящей административно-хозяйственной работе во Всероссийском фотокиноотделе Наркомпроса РСФСР. С 1928 г. — кинооператор. Участник Великой Отечественной войны. Персональный пенсионер союзного значения.

Крупский Владимир Теофилович (р. 1892 г.) — член КПСС с 1915 г. Студент Петроградского технологического института. В 1917 г. вел партийную работу в Московско-Заставском районе. Участник гражданской войны, затем на дипломатической и советской работе. Персональный пенсионер союзного значения.

Лурье Павел Абрамович (р. 1903 г.) — член КПСС с 1917 г. Учился в реальном училище. С марта 1917 г. выполнял различные поручения секретариата ЦК партии и редакции газеты «Правда». С конца 1917 по март 1918 г. — член Исполнительной комиссии и секретарь Василеостровского райкома Социалистического союза рабочих молодежи Петрограда. В 1918—1921 гг. служил в Красной Армии. В 1929 г. после окончания МВТУ имени Баумана работал инженером. Участник Великой Отечественной войны. Персональный пенсионер.

Михайлова-Лисенкова Елизавета Петровна (р. 1898 г.) — член КПСС с 1942 г. Работница завода Военно-врачебных изготавлений. Активная участница Октябрьской революции. Неоднократно избиралась в районный и городской Советы Петрограда и Ленинграда. Персональный пенсионер республиканского значения.

Овчаров Давид Моисеевич (р. 1909 г.). Член КПСС с 1940 г. Кандидат исторических наук, лектор Московского РК КПСС в Ленинграде. Работает над изучением материалов по истории революционного движения в Московском районе.

Палкин Александр Алексеевич (р. 1893 г.) — член КПСС с 1914 г. Рабочий Сестрорецкого оружейного завода. Распространял на заводе нелегальную литературу, участвовал в заводских забастовках. Незадолго до Февральской революции был арестован, освобожден Февральской революцией. В 1917 г. был членом Исполни-

тельной комиссии партийной организации Сестрорецкого оружейного завода. В годы гражданской войны сражался на фронтах против врагов Советской власти. В дальнейшем был на советской работе. Персональный пенсионер.

Пулисар Юлиан Васильевич (р. 1891 г.) — член КПСС с 1917 г. С 1915 г. — механик завода «Лоренц». Активный участник Февральской и Октябрьской революций. После Октября на ответственной советской работе. Персональный пенсионер союзного значения.

Семенов Дмитрий Андреевич (р. 1900 г.). Член КПСС с 1917 г. Рабочий завода «Лоренц». Красногвардеец, активный участник Февральской и Октябрьской революций. Тяжело ранен во время подавления восстания Владимирского юнкерского училища. В дальнейшем на хозяйственной работе. Награжден орденом Ленина и другими орденами и медалями. Персональный пенсионер союзного значения.

Смородкина Анна Фроловна (р. 1901 г.) — член КПСС с 1917 г. Активная участница Февральской и Октябрьской революций. Первые месяцы после Октября работала в Смольном в секретариате Совнаркома. Участница гражданской войны, по окончании которой ушла на учебу, затем была на партийной и советской работе. Персональный пенсионер союзного значения.

Соловей Евгения Марковна (р. 1887 г.) — член КПСС с 1905 г. В 1904 и в 1905 гг. арестовывалась. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. После Октября руководила иностранным отделом Государственного банка в Петрограде, председатель Рождественского РК партии, член Петроградского и Рождественского Совета Р и СД. Затем работала в женотделе ЦК ВКП(б). С 1927 г. — на руководящей хозяйственной работе, а с 1949 по 1955 г. — редактор дошкольной литературы. Награждена орденом Ленина и Трудового Красного Знамени. Персональный пенсионер союзного значения.

Тимофеев Михаил Михайлович (р. 1896 г.) — член КПСС с 1917 г. Красногвардеец. Активный участник Февральской и Октябрьской революций и штурм Зимнего, сражался под Пулковом и Гатчиной против Керенского. С 1919 по 1956 г. служил в Советской Армии, войсках МВД. Награжден двумя орденами Ленина и другими орденами и медалями. Вышел в отставку в чине генерал-майора.

Федоров Михаил Николаевич (1886—1940) — член КПСС с 1905 г. Участник революции 1905 г. В 1909—1910 гг. — член подпольного Выборгского районного комитета большевиков. Подвергался арестам и ссылкам. После Февральской революции — секретарь больничной кассы фабрики «Скороход», председатель Московско-Заставского РК партии. Депутат Петроградского Совета Р и СД. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. В дальнейшем на ответственной дипломатической и партийной работе.

Фофанова Маргарита Васильевна (р. 1883 г.) — член КПСС с 1917 г. Участница революционного движения с 1902 г. В 1903 г. арестовывалась и отбывала тюремное заключение. С конца 1904 г. вела революционную работу в Архангельске, Симферополе, Уфе, Петербурге и других городах. После Февральской революции — на партийной работе в Выборгском РК партии. Депутат Петроградского Совета Р и СД. В ее квартире во время последнего подполья жил В. И. Ленин. После Октября М. В. Фофанова работала в Наркомземе, была ректором Московского зоотехнического института и на других советских и хозяйственных работах. Награждена орденом Ленина. Персональный пенсионер союзного значения.

Ханин Лев Григорьевич (1882—1959) — член КПСС с 1901 г. Активный участник революции 1905 г. Студент Петербургского технологического института, вел подпольную партийную работу в районе Московской заставы. После Февральской революции — член Московско-Заставского РК РСДРП(б). В дни Октября — член ревкома этого района. После Октября — на ответственной советской и хозяйственной работе.

Церешко Владимир Адамович (р. 1893 г.) — член КПСС с 1917 г. С 1911 г. — рабочий, затем — матрос. Активный участник Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны. После Брестского мира — комиссар форта Ино Крон-

штадтской крепости. Затем — комиссар форта Красная Горка, комиссар Кронштадтской крепости, после был на руководящих военно-инженерных должностях. Награжден орденом Ленина и другими орденами и медалями. Вышел в отставку в чине полковника.

Янов Леонид Павлович (р. 1906 г.) — член КПСС с 1924 г. Рабочий-фрезеровщик Обуховского завода. Был на руководящей комсомольской, а затем партийной, советской и военной работе. Был секретарем Невского РК ВЛКСМ, делегат нескольких съездов комсомола, член ЦК и член бюро ЦК ВЛКСМ. Делегат XVI и XVII партийных съездов. Участник Великой Отечественной войны. Имеет правительственные награды.

Именной указатель¹

- Аболтынь Л. I 492, 493, 495, 496
Абрамов И. П. I 238, 252, 254, 260
Абрамсон Н. Б. (Экзекуиль) I 415, 442
Абузин В. I 561
Аванесов В. А. I 276
Авдеев I 120
Авдеев Е. П. II 190
Аверин I 474
Авилов Н. П. (Глебов) I 42, 469, 534, 536—539; II 284
Авилова М. А. I 374, 381, 385
Авксентьев Н. Д. I 137
Агаджанова Н. Ф. (Дубровская И. Д.) I 10, 81
Агапов I 335
Агеев М. I 394, 450
Адамович Е. Н. I 232, 264
Адашев С. В. II 186, 190, 207
Адлер Фридрих I 500
Аксельрод А. Е. I 547, 548, 554, 556, 559; II 314, 315, 317, 322, 323
Аксерио I 464
Акулов И. А. II 268
Алейников I 464, 474
Александров I 268
Александров I 281, 284, 288
Александров А. I 92
Александров А. I 216; II 69, 71
Александров И. И. I 83
Александров М. П. II 6, 241
Александров П. П. I 162; II 51, 53, 57, 61, 66
Александров Ф. К. II 275
Александрова А. Л. (Тарасова) II 6, 239
Алексеев I 79
Алексеев I 93, 94, 99, 100, 103, 106; II 43, 44
Алексеев II 203, 229
Алексеев I 381
Алексеев А. II 203
Алексеев А. (Л. Сосновский) II 275
Алексеев В. I 51, 362, 365, 366, 369
Алексеев В. П. I 159, 160, 162, 166, 171, 173, 213, 214, 216—218, 220—223, 283, 284, 288, 289; II 51, 53, 55, 62, 63, 66, 135
Алексеев П. А. I 67, 68, 81, 83, 84, 137
Алексеев С. А. I 207, 208

¹ В указатель не вошли лица, упоминаемые в тексте неполностью, без фамилий (только по имени и отчеству, по имени, прозвищу, псевдониму).

Римская цифра I перед страницами означает сборник, выпущенный под идентичным названием в 1967 г.; II — настоящий сборник.

- Алексеев Ф. II 137
Алексеева I 535
Алексеева В. Ф. I 292, 295, 374, 477; II 6, 79, 84, 86, 95, 97
Алексин В. Е. I 253; II 190, 203, 211
Алексинский Г. А. I 51, 137, 259
Алексяк I 535
Аллилуев П. С. I 428
Аллилуев С. Я. I 428, 464
Амосов А. I 491
Амосов А. С. I 467
Амосов П. Н. I 42, 491
Амфитеатров А. В. I 192
Ананьев И. I 73
Ананьев П. I 70
Ананьин II 164—166, 170, 171
Ангарский Н. С. I 39
Андреев I 281, 286; II 112
Андреев I 365
Андреев I 406
Андреев I 462
Андреев А. I 250
Андреев А. А. I 6, 8—10, 183, 466, 498, 499; II 6, 83
Андреев А. А. II 7, 185, 200, 262
Андреев Е. I 215
Андреев И. В. II 157
Андреев М. С. II 218
Андреев Н. I 213, 214, 216, 217, 219, 223, 224; II 62, 67
Андрианов Н. I 216
Андрианов Н. А. I 511
Андрюшко II 131
Аникейчик М. В. I 551
Анисимов I 268
Анисимов В. А. I 210
Анисимов Р. А. I 247
Анисимова-Слесарева А. Г. I 535
Аничкин II 269
Анохин I 386, 399
Анохин А. А. II 282, 285
Антипов Н. К. (Анатолий) I 10, 12, 42, 136, 392, 393, 443, 446—448, 450, 462, 467, 476; II 284, 285
Антонов А. А. I 2, 300, 304; II 119, 123, 127—132
Антонов-Овсеенко В. А. I 247, 269—271, 362; II 30, 94
Антонова I 430
Антошкин I 378
Антошкин Д. В. (Д. Тополь) I 467; II 268, 269, 275—277
Антюхин И. Ф. I 67, 68, 81, 83, 84, 108
Анцелович Н. М. I 374, 467; II 284
Ашреликова В. Ф. I 162, 178, 206
Арапов II 158
Арбузова А. Е. I 178, 228, 244
Аринсон I 403
Аркинников II 171, 172
Арманд И. II 257
Аросев А. Я. II 83
Арсеничев М. I 70, 72, 74, 76
Арсеньев I 532; II 305
Арский П. А. I 514
Артамонов II 164, 171, 172, 174, 175
Артамонов М. II 277
Артамонова В. I 162
Артемьев II 46
Артемьев П. I 561
Артюхин М. И. I 91
Артюхина А. В. I 293
Архинов А. И. I 161
Аршавский К. Г. (Левантовский) I 228, 250, 252, 280
Атамашкин С. I 445
Аузен А. (Тайга) I 183
Афанасьев А. И. I 159, 212, 216; II 6
Афанасьев А. М. II 265
Афанасьев Е. А. I 428
Афанасьев Е. Н. I 250
Афанасьев С. И. I 158, 160, 166, 184, 191, 213; II 53, 55, 58, 61, 63, 65, 66, 69
Африканов Н. II 134, 137
Аханов С. П. I 461, 462
Ашкенази И. С. I 120, 123; II 18, 19
Ащеулов В. Б. II 218
Бабицын А. А. (Едовин) I 8, 69, 91, 92, 107; II 6, 42
Бабкин I 264
Бабкин П. Ф. I 461, 462
Бабушкин II 61, 66, 71
Багдатыев С. Я. I 203, 385, 419; II 88, 90
Багдатыева Е. I 385
Бадаев А. Е. I 128, 140, 205, 395, 433, 464
Бажанов В. М. I 292; II 80, 82, 85
Байер В. II 190
Байков В. Я. I 237
Байшев I 14
Бакалов II 305
Бакеев I 108, 114
Баклайкин М. П. I 358
Балабанов А. II 264
Балагуров А. И. II 6, 267
Балевский А. I 394, 442
Балк I 313
Бальтрукевич А. М. I 447
Баньковский И. I 442
Баранов А. I 335, 354
Баранов А. П. I 70, 72, 74—76, 80

- Баранов Н. II 200
 Баранов-Сергеев Н. Н. I 420, 431
 Барановский II 319
 Барановский М. I 12
 Барановский Т. В. I 18, 19, 158, 160, 161, 168, 175, 192; II 63, 74
 Барбар Я. I 116, 120
 Баринов II 258
 Барский I 126, 132, 136
 Барсуков Д. Д. II 165
 Барташевич I 403
 Бартенев В. I 398, 402
 Барышев I 452, 457
 Барышев Н. В. I 42, 81, 85
 Бас I 534, 535, 538
 Банина М. И. I 395, 402, 403; II 232
 Баткин II 212
 Батунов I 264
 Батурий А. Г. II 271
 Батурия Н. Н. II 271
 Батурина К. С. I 499
 Бахарев Н. I 224
 Бедный Демьян (Придворов Е. А.) I 14, 294, 411; II 41, 104, 278, 279
 Беленький З. М. I 467
 Белешкая А. А. I 535
 Белецкий I 365
 Белов I 95
 Белов II 202
 Белов II 319
 Белова С. А. I 251
 Белоусов-Казачихин I 375, 400, 402
 Белоусов Е. С. I 70, 72, 73
 Белоусова К. I 535
 Белоцерковский Р. I 300, 304
 Бельшев А. В. II 303
 Беляев В. I 395
 Беляков II 122
 Бендер Я. I 442
 Бененсон Г. О. II 292
 Берг I 416, 428
 Бердашкевич I 378
 Берзин I 120
 Берзинь С. I 183
 Биккелис II 144, 155
 Биргер I 474; II 282
 Бирюков I 400
 Благонравов Г. И. I 405; II 41
 Блажевич I 541, 542
 Блейхман I 77
 Блок А. А. I 294
 Блохин К. Н. I 400
 Бобе М. Ю. (Кузнецова Е.) I 183, 188; II 75
 Бобков М. А. I 2, 8, 374, 394; II 2, 232
 Богачев II 204
 Богачев Г. I 303, 305, 307—309, 317, 318
 Богданов I 304
 Богданов II 201, 202
 Богданов А. II 220, 223
 Богданов А. I 18, 19, 160, 199; II 74
 Богданов И. I 378
 Богданов М. В. I 158, 160; II 55
 Богданов Н. П. I 412, 461, 462, 467; II 6, 281
 Богданов Я. Б. I 377, 378
 Богдасаров А. С. I 228, 234
 Боголепов С. I 294, 296
 Боголепова Т. I 293, 296
 Богородицкий I 232
 Богословская Н. А. I 556, 557
 Бодров А. М. II 57
 Бокий Г. И. I 10, 12, 190, 233, 243, 247, 292; II 81—85, 87, 88, 95, 109, 320, 322
 Болоболов Г. I 541
 Болтянский Г. М. I 564
 Большов М. I 452, 453
 Бонч-Бруевич II 174
 Бонч-Бруевич В. Д. I 195, 311, 547, 548, 562, 567, 568, 573; II 41, 42, 96—98, 289, 294, 315, 322, 325—327
 Бонч-Бруевич В. М. (Величкина) I 195, 547—550, 563; II 257, 313—315, 317
 Бонч-Бруевич Е. В. I 551
 Борисенко А. II 257
 Борисов I 184
 Борисов I 385
 Борисов I 512
 Борисов И. И. I 230, 233
 Боровский I 381
 Борухин А. И. I 81, 85, 88
 Бочагов С. В. I 253
 Брайант Луиза I 272
 Брегман Л. А. I 328, 352; II 143, 149, 162, 163, 166
 Бреслав Б. А. I 328, 352, 353
 Брешко-Брешковская Е. К. II 205
 Бродский С. М. I 69
 Бройдо Г. И. I 99, 100; II 193
 Брудерер А. А. I 405
 Бруно II 112
 Брусиловский I 132
 Брюхов И. Н. I 208, 210
 Бубнов II 45
 Бубнов А. С. I 60; II 30, 110
 Будаев II 250
 Буадалин С. I 378
 Буренков С. I 213; II 62
 Бурко М. I 106; II 257
 Бурмистров А. II 239, 240

- Бурмистров П. II 244
Буров Я. И. II 268, 269, 275, 277
Бурый И. I 561
Бутаков I 331, 334
Бутурлин Н. I 561
Бутусов Е. II 138
Буш I 420
Буш А. I 377, 378, 381; II 235
Бушуев И. II 63
Бушуев П. И. I 462, 463, 466, 476; II 218
Бывалый А. II 277
Быков I 357
Быков А. Н. I 381
Быков Н. I 400
Быстрова Л. М. II 84, 85
Быстрицкий В. А. (Вадим) II 268
Бьюкенен Д. I 45, 277
- Вавельберг II 295
Вавилов А. П. I 362, 370
Вайсман С. О. I 184
Ваксман Д. I 17
Вакханен О. I 203
Валиков А. Я. I 127, 128, 131
Вальтман Г. II 58
Вальяно М. К. I 490, 492, 498, 500; II 296—298
Вандервельде Э. I 45
Варшавский-Вишняк II 269
Васильев I 212
Васильев I 252
Васильев I 275
Васильев I 378; II 238
Васильев I 498
Васильев А. I 395, 403, 404
Васильев А. Е. I 111, 158, 160, 175, 185, 189, 190, 199, 203, 204; II 70, 215
Васильев В. I 92, 93
Васильев В. I 143, 144
Васильев Г. А. (Ленский) I 304; II 127, 132
Васильев И. В. II 185, 186, 188, 190, 203
Васильев М. I 143, 144
Васильева I 132
Васильева I 540, 541; II 238
Васильева А. I 395, 403
Васильева Е. К. II 187, 191
Васильева Л. I 179
Васильева М. I 92, 93
Васильева М. I 162
Васильева М. I 178
Васильева М. I 375, 395, 396, 402; II 232
Васильева М. А. I 183
Васильева П. I 319, 323
Васин II 62, 67
- Ваулин Н. II 133
Вевер Г. Я. I 230
Ведерников I 20
Вейнберг Г. Д. I 42, 68, 136
Вейншток И. Г. I 412
Величко I 109, 111, 113
Вербицкая I 385
Вересов I 357, 358, 362, 365
Верхарн Эмиль I 153
Веселов Д. I 360, 365
Веселовский Б. А. I 172
Вечеслов II 314
Вилисов М. С. I 166, 185
Вилова А. I 223
Вильгельм II I 21, 113
Вильямс Альберт Рис I 272, 296
Виндельбант В. В. II 293
Виницкий А. П. II 133, 135
Виноградов I 286
Виноградов I 480, 482
Виноградов В. П. I 3, 67, 68, 70, 73, 76, 80; II 2, 6
Виноградова I 163
Винокуров А. Н. (Вив, Врач) I 10, 84, 181, 436, 563
Винотовский М. I 70
Вирен С. Н. I 329—331, 334; II 157, 158
Вирзин И. I 403
Вишневецкий Н. П. I 261, 264—266
Вишняк I 527—529
Владимиров I 85
Владимиров Н. В. I 412, 418, 435
Владимирский А. I 240
Власов I 110
Власов I 400
Вознесенский И. Н. II 174—176
Воинов И. А. I 51, 260; II 270, 277
Войтик П. М. I 161, 183, 207, 490, 498, 500, 506—509, 513; II 80, 82, 83, 298
Войтинский В. С. I 236; II 105, 147
Войтович II 239
Войцеховский II 317
Войцеховский М. А. I 158, 168, 169, 201, 203; II 74
Волин Б. М. (Фрадкин) I 541
Волков I 569
Волков М. II 249
Волков Н. Г. II 251, 259, 260
Волкова И. А. I 253
Волленберг I 541
Волова Г. А. I 184, 490, 492, 500, 502
Вологдин II 301, 302
Володарский В. В. (Гольдштейн М. М.) I 10, 59, 77, 137, 141, 165, 166, 221,

- 237, 246, 381, 382, 421; II 45, 58,
117, 192, 205, 208, 299, 300
Володин I 114
Володин В. Г. (Гребешков) II 269,
271, 279
Володин Г. Я. I 115
Воробьев II 204
Воробьев С. I 90
Воробьева Е. II 257
Воровков I 536
Воронин I 252, 253
Воронцов П. I 464
Восков С. П. I 273; II 166
Воскресенский I 359; II 179
Выдрина М. Н. I 81
- Гаврилов I 378
Гаврилов I 541, 542
Гаврилов И. I 67
Гаврилов И. Г. II 285
Гаврилов И. И. I 366
Гаврилович I 132
Гагарина-Базарова М. I 555
Газа И. И. I 167, 175; II 65
Гайдебуров П. П. I 414; II 248, 256
Галанин П. I 109
Гальперин А. I 513; II 303
Гациха И. I 395
Гашинский II 155
Гвоздев II 235
Гвоздев К. А. I 30, 108—110, 112—114,
201, 466; II 54
Гейден I 329
Гендилев И. (Жуков Ф.) I 162; II 51
Гендерсон А. I 45
Генслер И. Я. I 213; II 55, 63, 69, 70
Герасимов Е. I 365, 369
Герасимов С. О. I 395
Герд Н. А. I 146
Германов И. С. I 490, 529, 530, 532,
540; II 304, 307, 308
Герр Е. М. I 223
Герц М. II 303
Герцев Л. П. I 461, 462
Гилис В. М. I 164; II 7
Гиль Д. II 33
Гилярова А. А. I 257; II 237
Гилярова Е. А. I 8, 255
Гиндин А. М. II 289
Гинзбург Л. I 223, 224
Глебов М. I 222
Глобачев I 312, 446
Говерова А. I 511
Голиков Д. А. I 377, 378, 381—383
Голицын I 26
Голов Д. Я. I 377
- Голованов И. Ф. I 158, 160, 166, 168;
II 55, 62
Голованов Н. II 220
Головешко И. А. I 365, 366, 369
Головин I 381
Головков I 270
Голубев I 270, 273
Голубев II 200
Голубев М. С. I 390
Гольц II 166
Гончаров I 303, 305
Гончарская С. С. I 412, 477; II 6
Горащенко I 252
Горбатенков II 293
Горбачев I 261, 264—266
Горбунов Н. П. II 41, 323
Гордиенко И. М. I 69
Горельников II 165
Горчаков I 391
Горшков I 452, 453, 457
Горшков Ф. А. I 328
Горький Максим (Пешков А. М.) I
14, 311, 312, 474; II 297
Горьков А. II 137
Горячев В. М. II 37, 43, 44, 46
Горячев М. II 133
Горячев П. I 491, 498
Гоц А. Р. I 51, 137, 337, 474; II 159
Гоц М. I 513
Гразкин Д. И. II 271, 279
Грамолин I 498, 499
Гранов В. II 220
Граф Т. И. I 377, 378, 381, 383, 384;
II 240
Грачев В. Ф. I 378, 386, 389
Грачев Н. В. II 80
Грачева-Малышева II 80
Гребнев I 420
Гредюшко С. I 330, 331
Греков II 69
Грибкин I 402
Грибов А. И. II 169, 175
Григорьев II 42
Григорьев Н. (Титыч) I 303, 305, 309,
310, 317—319, 321
Григорьев Н. И. I 393, 442
Григорьева I 319
Гринвальд I 541
Гриневиц I 467; II 307
Громов А. II 254
Громов В. I 330, 331, 334, 354; II 149
Груздаков Р. И. II 133
Груздев С. И. II 261
Грядинский Ф. П. II 166
Грязнов I 452, 454
Грязнов И. И. I 188

- Грязнова Н. I 395, 402
Губарев I 303
Губенко I 502
Гудков Л. I 224
Гудков Н. I 223; II 66
Гулевич II 238
Гулин I 270, 274
Гулин С. II 218
Гуляев II 204
Гундоров А. С. I 2, 8, 299—301, 308;
II 2, 6, 7, 115, 120, 124, 125, 127—
129
Гусаковский I 359, 368; II 181
Гусаров П. Ф. I 477
Гусев I 400
Гусев С. А. II 279
Гусев С. И. II 39, 40, 322
Гутовский I 131
Гучков А. И. I 44, 100, 113, 302, 320,
323, 400; II 191
- Давыдов В. II 58
Давыдова М. М. I 154
Далин Д. I 467; II 205
Далматов Д. И. I 261, 264—266
Дан Ф. И. I 44, 137, 361; II 120, 205
Данилин I 223
Данилов П. А. I 70, 72, 177, 199
Даниловский I 502
Дановская-Спивак А. А. I 490, 500,
501, 504, 506, 512—514; II 298, 301
Данько I 452
Дашкевич П. В. I 10, 257, 264, 573; II
300
Девис I 458, 459
Дегтярев I 428
Деева Е. Д. I 412, 430
Дейч Л. Г. I 417; II 117, 120
Дембо И. I 436
Дементьев В. И. I 564
Дементьев П. Я. II 277
Демидов II 243
Демидов Ф. А. I 385
Деникин А. И. I 54
Денисов I 387
Денисов II 131
Дешп I 300, 306
Дербышев Н. И. I 42, 466, 467, 474,
476
Дергачева Н. I 494, 495
Дешевой В. И. II 149
Дженшвалишвили Ш. I 457, 460
Джигорчик I 369
Джикая I 391
Дзарахохов Х. М. II 191, 214
Дземитрович В. I 395, 398
- Дзержинский Ф. Э. I 573; II 30, 97,
199, 237, 327
Дзюбан П. И. I 395, 398, 403
Дилле М. Я. I 183, 190
Дильгинштадт Ф. Н. I 377
Диманштейн М. I 152
Диманштейн С. М. (Максим) I 412,
429, 433
Дмитриев I 360, 366
Дмитриев Д. II 266
Дмитриев И. Н. I 415, 416, 424
Дмитриев К. I 394, 442
Дмитриева А. С. I 240
Дмитриева Е. II 244
Добрякова П. I 293
Доворецкий I 281
Дождев А. Н. I 514
Домбровская Е. II 191
Доссер З. Н. I 385, 389
Драбкина Е. Я. I 149
Дрязгов Г. М. I 288
Дубровинский И. Ф. II 263
Дулевский I 400
Дункен И. I 303, 305, 320; II 117
Дуппер I 541
Духонин Н. Н. I 275
Дыбенко П. Е. I 353; II 144, 182, 225
- Еберзенок I 502, 505
Евдокимов II 158
Евдокимова Е. А. II 248, 254
Евлиевская Ю. А. II 58
Евреинев I 438
Евсеев II 277
Евсеев Ф. З. I 426, 427, 452
Евстафьев-Андреев II 253
Егоров I 360, 363, 364
Егоров I 530, 532, 541; II 307
Егоров II 274
Егоров В. II 61, 65, 66, 69, 71
Егоров В. И. I 300, 304; II 120, 122,
125, 128, 132
Егоров Г. II 55
Егоров И. Г. I 12, 18, 19, 158, 160, 167,
168, 175, 183, 192, 202, 213, 221;
II 55, 62—65, 74
Егоров И. Е. I 239
Егоров И. Е. II 186, 188, 190, 199, 203,
224, 226
Егоров С. I 300, 301, 304, 305, 313, 324
Егорова А. А. I 395, 403; II 232, 233
Егорова В. I 206, 207
Егорова Е. I 555
Егорова Е. Н. (Женя) I 68, 76, 78, 80,
86—89, 133, 135, 141, 143, 153; II
17, 18, 22, 31, 37, 38, 43

- Егорова И. И. I 479, 482, 485
Еленовский I 387
Елисеев I 97
Елистратов В. Ф. I 386
Ельяшевич II 295
Емельянов Е. I 452, 453, 457, 459, 460
Емельянов Н. А. II 20, 266, 267
Епифанов В. I 498, 499
Ерасов Ф. I 360, 370
Еремеев Г. II 127
Еремеев К. С. I 270, 566; II 260, 261, 274, 277
Еремеев Ф. I 168
Еремин П. М. I 92, 93, 95, 97, 100, 101, 104—106; II 44
Ермаков II 158
Ерменев I 512
Ермолаев II 208
Ермолаев А. В. II 266
Ермоленко В. I 331; II 144
Ефимов I 400
Ефимов А. П. I 68, 81, 83, 85, 135, 143—145
Ефимов И. II 190
Ефимов Н. И. II 221, 223
Ефимов О. I 561
Ефрейтов I 507
Ефремов М. И. II 185, 218, 219, 249
Ефремов М. П. I 413, 428, 443
Ефретов Н. И. I 530, 534, 540; II 305—307
- Жалубовская Е. (Паркман) I 479
Жаров I 212
Жданович Е. Н. I 295, 490, 494, 495, 497
Жельвис А. Н. (Тихомирова) I 8, 183, 184, 489, 490, 492, 527; II 6, 296, 298, 303
Жельвис М. И. I 490, 499, 500, 502, 506, 507, 510; II 298
Желнерович И. Ф. I 467
Жемчужин Б. А. I 328, 331, 333
Жердев И. I 402, 403; II 238
Жеребцов И. II 296
Жеребцов И. Ф. II 166, 168, 171, 173, 174
Жеханов А. И. I 268—270, 275
Животов М. Н. I 42, 428
Жилинский II 36
Житков II 58
Жуков I 127, 128, 131
Жуков И. П. I 79, 81, 83, 85, 108, 111, 112
Жуков Н. I 36
- Забелин II 277
Загвоздкин И. А. I 348
Загребин I 79
Задвинский М. II 133, 138
Заикин II 251
Зайцев В. М. I 329—331, 352; II 141, 143
Заколдаев А. В. II 279
Залкинд И. I 262, 264; II 112
Залежский В. Н. (Владимир) I 10, 12, 26, 85, 94, 233, 329, 421; II 83, 88
Залуцкий П. А. I 10, 68
Замятин П. В. I 491
Занько Б. И. I 261, 264—266
Зарубаев II 173, 174
Зарубин В. II 277
Захаров II 63
Захаров В. II 137
Захаров В. В. II 275
Захаров М. I 375, 385, 398, 399, 402
Захаров П. I 393, 442
Захарова А. I 442
Заходский I 253
Звиргздынь А. II 191
Звиргздынь М. II 191
Звиргздынь О. Ю. II 187, 188, 190, 206
Зеликман М. Я. I 534, 536
Зеликсон Л. С. I 435, 556, 559, 560, 563; II 314, 317, 322
Земский Б. В. I 281; II 7
Зернов Д. I 219
Зибель И. Ш. I 412, 424
Зильберберг О. I 183
Зингер-Федорова А. Н. I 490, 492, 495, 527
Зиновьев А. I 217
Зиновьев Г. Е. (Радомысльский) I 59, 60, 177, 178, 249, 507; II 20, 27, 28
Зинченко Е. Ф. I 328, 331, 333; II 143
Зинченко-Островская П. Ф. I 328; II 6, 141
Златкин И. Я. I 2, 548, 551, 554, 555; II 2, 315, 316, 320
Златковский А. I 561
Зорин А. Ф. II 293
Зоф В. И. I 42; II 266, 267, 269, 279
Зубарев А. I 303; II 117, 131
Зубкин М. I 457, 460
Зубков II 112
Зубков II 236
Зубков П. И. I 362, 365, 366, 369; II 6, 179
Зубкова М. II 257
Зуев В. Г. I 490, 491, 498; II 298, 303
Зуев П. II 179, 180

- Иванов I 27
Иванов II 110
Иванов II 202, 251
Иванов I 304
Иванов I 436
Иванов II 278
Иванов А. I 160; II 58, 62, 67, 69
Иванов А. I 457
Иванов А. II 69
Иванов Б. И. I 2, 413, 420, 467, 563;
II 6, 8, 247, 320
Иванов В. I 72, 74
Иванов В. II 61, 66
Иванов В. II 126
Иванов Г. II 57
Иванов Г. И. I 352
Иванов Е. I 452, 461
Иванов И. В. II 61, 67, 69, 71
Иванов Н. II 296
Иванов Н. (Француз) I 442
Иванов Н. И. (Рыжий) I 377, 378, 385,
399, 401, 402
Иванов П. I 395, 403
Иванов П. I 561
Иванов Р. I 452, 453
Иванов С. I 373
Иванов С. I 377, 378
Иванов С. И. I 67, 81, 83, 85, 127, 131,
133, 134
Иванов-Михайлов М. С. (Иванов Ва-
силий Матвеевич) I 81, 228, 231
Иванова К. II 225
Иванова М. II 58
Иванова Н. I 207, 208
Иванова О. II 225
Иванс М. II 39
Ивченко П. I 506, 512; II 299
Игнатов Н. I 395, 403
Игумнова Е. I 442
Изотов II 269
Изотов Е. М. I 68
Израилевич А. А. I 503, 509; II 303
Ильин I 253
Ильин II 45
Ильин К. И. I 300, 304; II 120, 122,
124, 127, 128, 131, 134
Ильин Н. И. I 69, 108, 113, 114
Ильин Я. И. II 188
Ильина К. I 535
Ильина М. И. I 555, 556
Ильина О. И. I 551, 555, 556
Ильмер Э. I 183
Индертов I 452, 453
Ионов А. М. II 281, 285
Ионов И. II 94, 95, 110, 112
Ионов Н. И. I 413, 466, 467; II 7, 260,
284
Иорш И. В. II 293
Иосим М. М. II 187, 188, 190
Иоффе Р. В. I 490, 492, 498, 502; II
295
Исаева А. I 492, 506
Исаева Е. I 492
Истомин С. I 72
Иткина А. М. I 2, 8, 13, 157, 158, 175,
179, 221; II 6
Иткина Д. И. II 257
Кабанов I 264
Кабанов Г. И. I 386
Кабочкин I 253
Кавтарадзе С. (Сапир) II 274
Кадинова Р. I 498, 501
Кадлубовский К. Я. I 8, 490, 506, 507,
529—531, 533, 536, 538, 540; II 305,
307—309
Казакова М. Н. I 158, 162, 204, 208,
211
Казанов II 271
Казанцев А. А. I 373, 375
Калашников I 399
Каледин А. М. I 287
Калинин М. И. I 10, 12, 26, 58, 71, 81,
135, 236, 253, 433, 435, 464, 472;
II 27—30, 88, 244
Калинин Я. А. I 43; II 185, 186, 188,
190, 191, 196, 199, 203, 206, 224
Калинина Е. И. I 152
Кальске Э. Г. II 20, 21
Калянский И. I 511
Каменев Л. Б. (Розенфельд) I 33, 37—
39, 51, 59, 60, 177, 249, 419, 467,
507; II 19, 20, 27, 28, 90
Камермахер I 467
Камков II 193, 205
Канкин И. I 283; II 137
Капранов Н. П. I 304, 324; II 117, 125
Капс I 514
Капустин I 303
Капустин Н. И. II 293
Караев И. I 561
Карахан Л. М. I 13
Кармакулова I 535
Карманов Г. К. I 374, 378, 395, 398,
403; II 234, 235
Карнаухов П. В. II 293
Карп П. С. I 381
Карпов II 223
Карпов С. I 118
Карпова А. В. II 185
Каталла II 238

- Катен II 263
Качалов В. И. II 248
Качаровский А. С. (Славинский) II 185, 187, 188, 190, 199, 211, 219, 220, 222—225
Кашевская Е. И. I 8, 17, 159, 181, 183
Кашевский Г. И. I 158, 160, 183, 184, 189; II 55, 58
Каюров В. Н. I 81, 84, 85, 108, 111; II 17
Кенарский I 452
Керенский А. Ф. I 17, 28, 30, 31, 40, 44, 46, 51, 53, 60, 126, 135, 141, 142, 174, 176, 177, 246, 248, 249, 253—255, 257, 265, 272—274, 286, 321, 344, 345, 348, 349, 354, 370, 389, 391, 424, 426, 466, 470, 474, 501, 506, 507, 517, 520, 523, 560, 562, 564, 567; II 54, 92, 110, 120, 130, 150, 182, 213, 224, 225, 237, 303, 306, 308
Керстен В. П. I 405, 407
Кизас А. П. I 552
Кинг I 539
Киреев I 385
Кирилин I 20
Кириллов II 203
Кириллов В. II 256
Кириллов И. К. I 161
Кирюшкин П. И. I 159, 216; II 58, 62, 67
Киселев I 452, 457
Киселев А. С. II 83, 218
Киселев В. Г. I 428
Киселев И. И. I 168
Киселев И. Ф. I 394, 395
Киселев Ф. I 373
Кисель Н. С. II 125, 131
Клевядо А. Н. II 187, 216
Клементьев П. Н. I 281, 286, 290
Клим Д. П. I 261, 264—266
Клинов Я. I 116, 120
Клочков И. I 403—405
Клушанцев М. I 215
Клявс-Клявин А. Я. I 509
Кобозев И. С. I 8, 548, 563, 570; II 325
Коваленко Е. Г. I 228, 249
Коган II 52
Коган И. М. II 186, 188, 190, 192, 194, 195, 199, 203
Коган О. Е. II 291, 293
Коган П. С. I 15
Кодацкий И. Ф. I 68, 76, 78, 85, 127, 128, 131, 133, 135, 136; II 43
Козицкий Н. Г. I 228, 231, 232, 246, 279, 282
Козлов П. I 377, 390
Козлова I 110
Козлова М. II 225
Козлова П. I 183
Козловская Е. I 183
Козловская Я. I 551
Козловский И. II 249, 250, 253
Козловский И. А. I 415
Козловский М. В. I 18
Козырев Н. Н. I 499, 500, 502, 507, 509, 512—514
Кокко Н. И. I 68, 81, 85; II 25
Кокко Р. II 220
Кокорев А. I 398; II 233
Кокшарова Е. К. I 8, 547, 548, 563; II 6, 7, 318, 320, 322, 323
Колбин И. Н. I 328, 330, 331, 334, 352; II 153
Колесов II 274
Колесов А. П. I 418
Коллонтай А. М. I 41, 45, 178, 246, 275, 334, 361, 381, 392, 399, 405, 406, 418, 421, 445, 446, 480, 486, 531, 533, 563; II 104, 117, 156, 248, 257, 264, 321, 323
Колокольников П. Н. I 467
Коломин Г. Ф. II 190
Колосова II 306
Колчак А. В. I 54
Колышев II 57, 58
Кольцов М. Е. I 467
Комаров I 316
Комаров I 332
Комаров II 238
Комаров Н. П. I 12, 26, 68, 76, 78
Комарова I 535
Комарова А. I 303, 305, 317, 319
Комаровский К. А. II 277
Комиссаржевская В. Ф. II 248
Кондаков Д. Н. I 2, 8, 14, 41, 327, 328, 330, 331; II 6, 141, 143—145, 162, 163, 166, 171, 173
Кондратьев М. И. I 462
Кондратьев Т. К. (Тарас Пузыня) I 12, 68, 443, 445; II 218, 249, 253, 254, 279
Конев Н. В. II 276, 277
Конокотин Л. Ф. I 8, 413, 427, 451
Коняева Е. I 511
Конькова А. II 203, 206
Коняшин И. И. II 187, 189, 191, 192, 195, 199, 203, 211—213, 224, 226
Копанен С. I 403
Копьев I 195
Корзун II 180
Корнеев И. И. I 183

- Корнеев С. II 138
Корнеев С. С. I 166—168, 213, 221;
II 55, 58
Корнилов I 561; II 319, 324, 325
Корнилов II 259
Корнилов Л. Г. I 56, 88, 142, 173, 242,
243, 252, 262, 266, 349, 350, 367,
430, 454, 505, 523, 524, 531, 559;
II 37, 60, 109, 110, 122, 131, 195,
213, 222, 223, 241, 307, 322
Корнюшов I 457
Королев С. И. I 360, 362, 366, 369
Коростик I 366
Коротков I 501
Коротков Н. И. II 158
Корсак-Голубицкий А. А. I 424, 431,
433
Корчагин С. М. I 167, 175, 211, 212;
II 74
Коршунов К. Г. I 230, 231, 237, 246,
280
Косарев И. I 127, 131, 132
Косиор В. С. I 498, 499, 508
Косиор С. В. I 10, 158—160, 163, 170,
173, 175, 185, 207, 221; II 70, 74
Косов И. И. I 428
Костров Н. В. I 207, 208, 210
Костыгов I 452, 457
Костылева К. I 492
Косякин II 150
Котилова М. К. I 533, 536
Коцюбинский М. М. I 266
Коцюбинский Ю. М. I 261, 264—266;
II 187
Кочеров Е. I 491, 498, 499, 502
Кочеткова Л. I 223
Кочубей I 218; II 51
Кошаев К. I 403
Кошелев I 193
Кошелев I 280
Крайнев И. I 12, 67
Крамер Я. И. I 386, 389; II 235
Красавина А. С. I 535
Красильников II 305
Красин Л. Б. I 428
Краснов I 378
Краснов I 378, 381; II 225, 238
Краснов Е. А. I 490, 503
Краснов Н. I 465
Краснов П. Н. I 176, 177, 197, 246, 248,
249, 253, 274, 285, 389, 507; II 92, 182
Красс О. II 125
Красынь И. Р. I 166
Краут II 230
Кржижановский Г. М. I 428
Кривоносов К. М. I 69, 142, 147; II 45
Крисович I 378
Кронштадтский И. II 142
Кропив Е. I 183
Круглов I 452, 457
Крузе I 391
Крумович I 255
Крупская Н. К. (Ульянова) I 34, 41, 69,
88, 89, 124, 135, 146—151, 153, 154,
230, 241, 282, 283, 288, 289, 530—
531; II 15, 17—19, 22, 24, 30—33, 38,
83, 88, 89, 120, 239, 264, 306, 323, 327
Крупский В. Т. II 6, 185, 187
Крупский И. II 133
Крутов И. Я. I 491, 498, 503, 504, 506,
507; II 298, 302
Крушинский I 126, 136
Крыленко Н. В. I 264, 381; II 39
Крылов И. А. I 192
Крылов М. II 137
Крымов А. И. I 426; II 131, 214
Кубышкина Т. II 138
Кубяк Н. А. II 7, 262, 264—267
Куделии П. Ф. I 291; 486; II 58, 248,
257, 296
Куделько И. В. I 261, 263—266; II 294
Кудельский I 400
Кудрявкин Н. I 216, 224
Кудрявцев II 182
Кудрявцев С. I 72
Кудрявцева В. II 225
Кудряшев II 235
Кудряшов В. С. I 228, 232, 233
Кузнецов I 238
Кузнецов I 264, 268
Кузнецов Н. И. II 275
Кузнецов Ф. II 57, 58
Кузнецова II 136
Кузьмин I 520
Кузьмин А. П. I 498, 503
Кузьмин К. II 157
Кузьмичев I 275
Куйбышев В. В. I 207
Куканов II 153
Кулагин II 59
Кулаков I 120
Кулакова I 479
Кулешов М. II 185, 200, 204
Куликов I 529—531; II 307
Куликов II 46
Куликов В. II 200, 203
Куликов П. И. I 386
Куликович I 402
Кулиновский I 498
Кульчинкова В. I 407
Куман I 378
Кумченко Н. О. I 68

Кураев В. I 183
 Курзин I 541
 Куров Н. II 220
 Курсакин И. П. II 80
 Курятова Е. I 555
 Кустов А. II 125
 Кутафьев I 532, 540—541; II 305, 307
 Кутейников II 63
 Кучевский II 170, 171

Лабурэ II 34—36
 Лаврентьев А. II 190, 199, 203
 Лаврентьев А. Ф. I 398, 403
 Лаврентьев П. Ф. I 374, 375, 377, 381, 385, 398, 399, 402
 Лаврентьев С. А. II 186, 188, 190, 199, 224
 Лавринович II 238
 Лагутченко II 235
 Лазуркина Д. А. I 412, 419, 424, 431
 Ламанов А. Н. II 148, 152
 Ланганен I 403
 Лапина В. Н. I 8, 228, 290, 291, 295, 494—496
 Лапшин С. Л. I 8, 126—128, 131—133
 Ларин М. А. I 245
 Ларионов Г. I 223, 224
 Лацис М. Я. (Дядя) I 10, 68, 76—79, 86—89, 122, 123, 125, 133, 134, 137, 383; II 12, 15, 17, 28, 38, 39, 43, 45, 88, 299
 Лашевич М. М. I 59, 573; II 104, 106, 171, 172, 299, 306, 321
 Лебедев I 107
 Лебедев I 127, 132
 Лебедев II 44
 Лебедев I 330, 331; II 144, 152
 Лебедев I 400
 Лебедев I 491
 Лебедев И. I 116, 120
 Лебедев И. А. I 233
 Лебедев Н. И. I 467
 Лебедев-Полянский П. И. I 162, 166; II 58—60
 Лебедева А. II 191
 Левандовский С. I 402
 Левин И. I 180
 Левинсон А. II 268
 Левит Л. Ю. I 149, 151
 Левитас Е. Р. I 2, 8, 411, 412, 424; II 2, 6, 7
 Левицкая Т. И. I 250
 Левицкий П. I 506
 Легздинь Р. II 190
 Лемешев Ф. А. I 158, 161, 175, 183, 184, 213, 215; II 55, 66, 74

Ленин В. И. (Ульянов) I 5—9, 13—15, 20, 21, 27, 28, 30, 33—41, 45, 47—55, 57—59, 61—63, 77—80, 87—90, 108, 121, 123, 124, 126, 134, 135, 137, 141—150, 153, 160, 165, 169, 172—179, 190, 197, 202, 209, 212, 219, 220, 230, 231, 233, 235, 236, 238, 239, 242—244, 247—250, 255—257, 259—261, 269, 272, 273, 282, 285, 292, 295, 332—336, 338, 339, 342—344, 346—351, 353, 354, 361, 362, 365, 369, 379, 380, 401, 418, 419, 426, 431, 436, 439, 445, 463, 467, 470, 472—474, 476, 477, 491, 499, 500, 519, 521—524, 526, 536, 547, 549, 552, 561—563, 569; II 5, 6, 11—15, 17—25, 27—33, 38, 39, 41, 42, 47, 57, 70, 71, 73, 83, 87—91, 93, 94, 99, 105, 106, 108, 112, 115—117, 119—121, 123, 129, 130, 132, 133, 137, 141, 144, 147, 152, 154, 156, 158—161, 189, 190, 192—197, 200, 204—209, 215, 221, 222, 224, 225, 232, 237, 241, 242, 260, 263—268, 279, 281—284, 289—291, 294, 295, 298—300, 302, 303, 307, 316, 318—320, 322—324, 327
 Леонов А. П. I 228, 247, 250—254
 Леонов И. I 303, 305, 307—310, 317—319
 Леошко О. Д. I 161, 183; II 55
 Лепешкин А. II 133, 135, 137
 Лепсе И. И. I 374, 377, 378
 Леске Э. I 288, 289
 Лещенко Д. И. I 148, 150
 Лещинский П. I 300, 301, 304, 305, 310, 313, 314, 324; II 117
 Либер М. И. I 44, 51, 361; II 120
 Лиединь Г. Я. I 231, 237, 255, 262
 Лилина З. И. II 19
 Линде II 317
 Лисовский I 508; II 298, 299
 Литвинова Л. Г. I 208
 Литинская М. II 237
 Лифшиц О. Г. II 275
 Лихачева А. I 293, 296, 303
 Лихачева Л. II 238
 Личнов Е. II 220
 Личнова А. II 225
 Лишенков С. В. I 8, 191, 192, 194
 Лобанов А. II 46
 Лобов С. С. I 67, 68, 76, 81, 83, 85, 86, 134, 147; II 285
 Ловцов I 452
 Логинов И. I 215
 Логинов И. II 45
 Ложечников И. К. I 76, 142
 Лозовский С. А. I 473, 476

- Лопатко I 442
Лотиш И. Д. I 500, 506, 509; II 303
Лотиш С. Д. I 501, 511; II 303
Лотиш Я. Д. I 506, 509
Лоханков I 442
Лукомский I 303
Луначарский А. В. I 150, 176, 246, 287, 334, 343, 361, 381, 382, 399, 404, 405, 421; II 45, 110, 117, 156, 192, 208, 299
Лурье М. А. (Ю. Ларин) II 289
Лурье П. А. I 8, 229, 241, 278, 286, 288; II 6, 100
Лутовинов Ю. Х. I 12, 67, 71, 94; II 83
Лущик З. Н. I 292
Львов I 452
Львов Г. Е. I 29, 31, 322, 346, 521, 523; II 54, 118
Львов Е. Д. II 293
Любович А. М. I 328, 336, 337, 349, 532—534, 536; II 148, 162
Ляпин И. М. I 427
Ляпунов И. I 316
Ляхин Г. Е. I 491, 498; II 298

Маврин И. I 373
Маврин И. Ф. I 12, 67, 69, 108, 111, 113—115, 135
Магидов Б. О. I 208, 490, 498, 499
Майтин II 304
Макаров II 243
Макаров П. I 70, 73
Макеева А. И. I 479, 482
Маклаков В. А. I 309
Маклаков Г. I 168
Макрецов Л. II 157
Максименко I 571, 572
Максименко II 168, 170
Максимов В. I 207, 208
Малафеева В. I 479, 482
Малиновский Р. В. I 421
Мальков П. Д. II 41
Малыгин Н. Н. II 185, 186, 188, 190, 203
Малышев А. (Федоров) I 207
Малышев С. В. II 261
Малюшин П. I 561
Ман I 385
Мангул П. I 492, 493, 495
Маневич II 168
Маннергейм II 161, 166, 167
Мантейфель I 386
Мануильский I 457
Мануильский Д. З. (Безработный) I 13, 228, 233, 237, 246, 264, 273; II 110

Мануйлов Г. А. I 244, 268
Маркичев В. И. I 420
Марков С. II 192
Маркус С. Л. I 292
Марочкин Г. М. I 240
Мартов II 205
Мартынов II 205
Мартынов М. М. I 330, 331; II 144, 157
Марушко М. А. II 80
Марченко Е. Н. I 183, 190, 513; II 76
Масальский М. II 133
Масленников II 148
Масленников В. I 452—454
Маслов П. I 395
Матвеев II 125
Матвеев Н. II 46
Матвеев Н. Н. I 482
Матвеев С. II 303
Матвеев Ф. Н. I 2, 228, 231, 245—246, 250, 252, 262, 264, 274
Матросов Е. А. II 218—220, 226
Матросов И. II 190
Матросов И. С. II 133, 135
Матросова I 535
Матулевич I 378
Маширов А. И. (Самобытник) I 12, 443; II 187, 188, 190, 203, 249, 250, 255, 256
Мгеладзе (Висанов) II 275
Медведев И. (Рыжий) I 81, 83, 85
Медведев И. I 118
Медведев М. К. I 426, 452
Медведков А. II 117, 127—129
Межебовский I 541
Мейнвальд Ю. Я. I 386
Мексина Ц. И. I 484
Мельников I 367
Мемен Р. I 116—118
Менжинская Л. Р. I 10, 154, 412, 421, 424, 425, 430, 431, 433; II 248, 257
Менжинский В. Р. I 277; II 289, 293, 294, 323
Мехоношин К. А. I 269
Мешковский Н. П. (Гольденберг) I 533
Мещерский В. Е. I 161, 191, 192
Мещеряков В. Н. I 548, 558, 559, 561, 563—565; II 314, 315, 317, 325, 326
Миллер А. Р. I 432
Милюков П. Н. I 27, 28, 31, 43, 44, 113, 121, 196, 237, 261, 262, 322, 400, 516; II 71, 107, 108, 191
Милютин Н. А. II 186, 188, 190, 195, 196, 199, 200, 203, 213, 216, 218, 223
Милютин (Тайга) II 200
Минаев С. I 218, 219, 283; II 51
Минкин А. Е. I 10, 374, 381, 385, 399

- Минскер С. И. II 293
Миняев Е. II 190
Мирзоев I 422
Митин Ф. I 491, 498, 499, 505
Митина I 535
Митревич А. I 120
Митьковец П. И. I 69, 143, 144
Михайлов I 76
Михайлов I 224
Михайлов I 330
Михайлов I 377
Михайлов I 449, 494, 497
Михайлов А. II 137
Михайлов А. Д. I 462
Михайлов В. И. II 133, 134, 136
Михайлов Г. П. I 378, 385, 386, 400
Михайлов И. I 452, 453
Михайлов И. I 561
Михайлов Л. М. (Политикус) I 10, 31;
II 88
Михайлов М. I 452
Михайлов М. С. (Иванов) I 42
Михайлов П. I 465
Михайлов П. В. I 413, 427, 433, 438,
452—456, 459
Михайлов П. М. I 208
Михайлова Н. I 162, 206—208
Михайлова-Лисенкова Е. П. II 237
Михайловский I 98; II 43
Михельсон А. Ф. II 281
Мишин М. М. I 462, 463
Мовшович А. И. II 190, 211, 218, 219
Могильников (Таежный) I 106, 108, 111
Могучий II 200
Модзалевский I 564—572
Моисеев И. И. (Ершистый) I 12, 18, 19,
68, 81, 83, 85, 99; II 63
Моисеев М. II 235
Мокичева К. Г. I 492
Молвин И. И. II 273, 274, 279
Молодцов А. I 442
Молотов В. М. (Скрябин) I 10, 81, 85,
135; II 98, 274
Морозов Н. А. I 492
Москалев Н. А. II 293
Москвин И. М. (Приятель) I 12, 292;
II 79—85, 87, 249, 250
Москвица Н. М. I 295, 296
Мохов II 229
Мочалова-Белецкая А. С. I 535
Мудров И. I 299
Муленков Т. А. I 42
Мульгин П. Н. I 81
Муравкин И. I 243; II 110
Муранов М. К. I 128, 395
Мурашов Г. А. II 200
Мухин Н. I 92, 93, 95, 100—106
Муштаков А. I 72
Мюллер I 378
Нарчук В. Н. I 81, 83, 85, 135
Наумов А. Н. II 296
Наумов В. А. II 296
Наумов И. А. I 198, 202
Наумов И. К. I 42, 93, 99—104, 106;
II 38, 39, 43, 44, 46
Наумов П. I 447
Нахимсон С. М. (Михальчи, Павел,
Салин) I 10, 412, 419—424, 429,
431; II 248
Нахимсон Ф. М. I 421—423
Невельсон М. I 378
Невский I 381, 399
Невский В. И. I 10, 41, 55, 166, 175,
183, 184, 381; II 30, 74, 88, 92, 192,
198, 205, 248, 265
Невский З. (Захаров Ф. Л.) I 10, 300,
302—305, 307—309, 312, 320, 322;
II 130
Нейман I 373
Нейман II 272
Неклюдов Г. И. I 230, 232
Некрасов Н. М. I 462
Нем II 148
Немцов Н. М. I 42, 76
Нетупская Я. А. I 10, 412, 415, 416,
418, 419, 421, 430, 431
Нефедов Е. И. I 209
Нечаев I 108, 110
Никаноров-Гроздев Г. I 192, 201; II
69
Никитин II 44
Никитин II 325
Никитин А. В. (Никита Москвич) II
269, 274, 277, 279
Никитин А. Л. II 265
Никитин А. М. I 272
Никитин А. Н. II 174, 175
Никитин Д. В. I 386
Никитин И. И. I 76, 138
Никитин Н. II 281
Никитин П. I 143
Никифоров I 541
Никифоров II 51
Николаев I 127
Николаев I 197
Николаев В. Н. I 385, 388, 402
Николаев К. I 18, 19
Николаев Л. А. II 319, 325
Николаев Н. I 442
Николаев П. Н. I 232, 245, 255, 264

Николаева К. И. I 178, 179, 293, 417, 442, 531; II 218, 233, 257, 323

Николай II (Романов) I 27, 113, 197, 320, 339, 465, 516; II 127, 296

Нимвицкий Б. Н. I 8, 357, 366, 369; II 6

Новик-Кондратьева В. Р. (Вероника) I 477—480, 486; II 257

Новиков I 491

Новиков А. II 46

Новожилов П. А. II 281

Ногин В. П. I 177, 249

Норштейн С. I 168; II 55

Оболенский В. В. II 294

Образцов А. С. I 503

Обухов П. А. I 300, 304; II 121, 124, 127—131, 133

Оверченко I 210

Овсянников И. А. I 228, 232, 238, 252

Овчаренко II 200, 202

Огородников И. В. I 159, 161, 221

Огуреев I 378

Огурцов М. Ф. I 360

Одинцов Д. Я. I 462

Озол Я. (Черномор) I 83, 84

Ольминский М. С. (Александров М. С.) I 312; II 274, 277

Онетин II 148

Онуфриев А. П. I 304, 305; II 51, 127, 129

Онуфриев Е. П. I 300, 304, 308; II 51, 120

Орджоникидзе Г. К. (Серго) I 14, 169, 273, 426; II 73, 74, 324, 325

Орефьев Н. I 309, 317, 318, 320, 324

Орлов I 98, 99, 102; II 43, 46

Орлов I 378

Орлов В. А. I 183

Орлов И. I 207, 208

Орлов И. Ф. (Кирилл) I 12, 14, 32, 41, 67, 69, 71, 75, 80, 331, 334, 462; II 143

Осенков I 80

Осипов Г. II 199, 203

Осипов Г. И. I 92—94, 100, 105, 106

Осипов И. II 199, 203, 224

Осипова I 535

Осис М. I 183

Островский II 190

Островский П. Ф. II 293

Осьмова I 428, 431

Офицеров В. I 216

Павлов I 85

Павлов II 149, 322

Павлов А. I 330, 331, 334

Павлов В. Н. I 287

Павлов Д. А. I 83, 85; II 30

Павлов С. I 442

Павлова М. Г. I 85

Павлова О. II 272

Павлуновский И. П. II 185

Падерин А. Н. I 183

Палкин А. А. II 7, 262

Пальги О. И. (Мякки О.) I 392, 446

Пальчинский П. И. I 570

Панина II 248, 256

Панов И. II 55

Панов Т. Н. I 357, 360, 362, 365, 366, 369

Панова Ф. М. (Компалова Ф. М.) I 392, 393

Панюшкин I 491

Панюшкин II 152

Панюшкин В. Л. II 104

Парафеньюк О. У. I 535

Парвиайнен Л. П. II 20, 27

Паршенков Я. II 272—274

Пастернак В. I 191

Пастернак Е. I 223

Паташенков I 420

Паткина А. II 225

Патрин I 536

Паутов II 307

Пахомов I 32

Пахомов П. Л. I 490, 498, 499, 502—505; II 298—300

Пашкевич Ф. М. II 185, 186, 188, 190, 191, 200, 203

Певцов С. I 402

Пелихов С. Г. I 328, 333, 352; II 156

Пенкин И. Н. II 234

Первухин I 331, 336

Первухин Е. П. I 11; II 314

Перец I 503

Першин Н. П. I 511

Пестковский I 533; II 307, 308

Петерс Я. Х. I 276; II 323

Петерсон Э. И. (Гайслис) I 159, 184

Петриковский С. И. (Петренко) I 228, 233, 264

Петров I 100, 102, 104, 105

Петров I 276

Петров I 452, 453, 457

Петров I 464

Петров II 148

Петров II 282

Петров II 307

Петров В. II 46

Петров Г. I 395, 398, 400, 403, 404

Петров Г. П. I 386, 390

- Петров Г. Ф. I 229, 241, 278, 281, 284;
II 6
Петров Н. И. I 381, 391; II 234, 253
Петров Н. Н. I 400
Петров Ф. Н. I 2; II 2
Петрова А. I 219
Петрова М. II 296
Петрова П. I 183, 188; II 58, 76
Петровская А. Г. I 550
Петровская Д. Ф. I 550
Петровский II 131
Петровский Г. И. I 128, 186, 395, 450,
451, 464; II 315
Петровский Л. Г. I 550, 551; II 315,
316
Петровский П. Г. I 550, 551; II 315,
316
Петропавловский О. II 244
Петухов М. I 464
Пешехонов А. В. I 236
Пешкова Н. I 183
Пивань I 498
Пини I 405
Платонова А. II 46
Плеве И. I 561
Плетнев М. О. I 12, 81, 85, 89
Плеханов Г. В. I 47; II 105
Плотников I 126
Плотников А. И. I 432, 457
Плужников А. М. I 377, 378, 381, 400
Плюмме II 164
Плюто И. Б. I 229, 232
Подвойская Н. А. I 183, 186
Подвойский Н. И. I 11, 32, 175, 184,
185, 187, 189, 224, 257, 258, 264,
270, 277, 335, 342, 482, 556, 566;
II 20, 30, 32, 88, 94, 124, 189, 192,
198, 205, 291, 322
Пожаров Н. А. I 330, 331, 334
Позерн Б. П. I 366, 382
Покальнис I 539—542
Покорейнен О. П. II 238
Покровский I 286
Поликарпов И. А. I 116, 120, 121
Полковников П. I 570, 571
Половцев П. А. I 51, 263, 473, 474;
II 282
Полосатов I 120
Полунов I 127, 132
Полуян Я. В. I 501, 502
Поляков I 264
Поморский А. II 203, 256, 277
Поморский А. Н. II 187
Понкратов I 336
Попеляев I 332, 336, 337; II 159
Попков П. I 333
Попов I 378, 400
Попов I 438
Попов В. С. I 233; II 269, 280
Попова М. Б. I 154
Попова Ф. II 257
Портнова А. II 257
Поссе В. А. I 309
Потемкин Н. Н. I 300, 304; II 120,
122, 124, 125, 128, 131
Потехин I 334
Похвиснев I 530
Преображенская М. I 555
Преображенский II 235
Преображенский И. В. I 300—308, 312,
314, 316, 321, 322; II 117, 124, 127,
128, 133
Пржевальский I 79
Прокофьев А. II 133, 134
Пронин А. Ф. I 357—362, 365, 366, 369
Пропер II 150
Прохоров С. П. I 377, 378, 381, 385,
389, 400
Прохорова I 178
Прошьян П. П. I 361
Прудниченко I 394, 442
Пулина Н. I 479, 480
Пулисар Ю. В. II 229
Пушкин П. С. I 491, 498, 502; II 298
Пылаев Г. Н. I 69, 86, 147
Пылаев Е. II 107
Пылаева Е. I 287, 556, 557; II 107
Пятаков Г. Л. I 38
Пятницкий О. А. I 385
Равинский II 204
Радко-Дмитриев II 128
Радченко С. И. II 11
Разумов М. И. I 467, 468, 470
Ракитов I 497, 505, 512
Раппопорт С. Я. I 232
Раскольников Ф. Ф. (Ильин) I 336
Распутин Г. (Новых Г. Е.) I 302, 310,
448
Ратнер Б. А. I 2, 8, 13, 227, 228, 276;
II 6, 95, 112
Ратновский М. I 218, 223
Рахнасто II 168, 172
Рахья И. А. I 11, 58, 322, 378; II 27
Рахья Э. А. II 20, 22, 24, 25, 27, 30
Рачев I 264
Рачковский II 305
Ребров В. Ф. I 208
Ревенко II 301
Резанов В. П. II 281
Реймер Е. Г. I 183, 188; II 75
Ренц I 127

- Рспина Н. I 395, 402, 403; II 232
Репников П. II 55
Рид Джон I 165, 272, 565, 568
Рийв Г. II 188, 190
Родзянко М. В. I 28, 31, 320, 321, 466, 517; II 54, 106
Родионова А. И. I 250
Рождественский Н. II 296
Розенштейн А. П. II 293
Розенштейн М. Е. I 42, 203
Розовский С. З. (Фома) I 233
Романов II 44
Романов Б. I 127
Романов Д. В. I 18, 19, 161, 166, 167, 192, 213
Романов Д. К. I 127, 128, 131, 132
Романов М. I 272, 320, 321, 516
Родкан П. Э. I 386
Рошаль С. Г. (Доктор) I 12, 17, 19, 32, 41, 170, 183, 328, 331, 334, 337, 340, 344; II 141, 142, 149, 153
Рубинштейн Е. II 58
Рубинштейн М. I 191, 192
Рудин Ф. I 386
Рудник Я. М. I 8, 229, 244, 260, 268, 275
Ружковский-Сухарев П. I 375, 385, 398
Рузский I 111
Румянцев I 402
Румянцев И. П. I 70, 73
Русаков М. I 402
Рыбаков II 153
Рывкин О. Л. I 413, 418
Рыжук Р. X. II 319
Рыков А. И. I 38, 39, 177, 249; II 90
Рымалова М. А. I 490, 492, 501
Рытов I 541
Рябов II 327
Рябкова М. (Пчела) I 183
Рябушинский П. П. I 57
Рязанов Д. Б. I 245, 473
Ряжкин I 418

Савин И. К. II 279
Савин Н. А. I 551, 559
Савина I 428, 431
Савинков Б. В. I 191
Савинов I 92—94, 100, 106
Савич Е. I 281
Савоничев II 61, 66, 69, 71
Савченко М. Г. I 229, 246
Садков I 452, 453, 457
Садков А. А. I 442, 447, 450
Садофьев И. И. I 76, 77, 139, 142
Савевич I 541

Сажин I 264
Сажина I 120
Сальм II 99
Самозван Д. I 207, 208
Самойлов Ф. Н. I 128, 395
Самойлова К. Н. I 178, 291, 381, 399, 486; II 218, 233, 257, 261, 274, 277, 296, 323
Самородский II 270
Самохвалова Е. I 492, 495; II 296—298
Самошкин А. II 127
Самсонов В. С. II 219
Самсонович Ф. И. I 491, 498, 499, 502, 503, 509, 512; II 298
Самцов К. В. II 190, 203, 218, 221, 222
Самушенок I 404
Санталов А. I 395
Сарапаев И. С. I 494
Сарыгин С. I 466
Саулин Ф. Е. I 510
Сахаров I 257
Сахаров I 360
Сахаров А. I 442
Сахьянова М. М. I 183, 184, 188, 490, 492, 494—500; II 76, 296, 298
Свердлов С. II 296
Свердлов Я. М. I 7, 14, 41, 77, 123, 124, 126, 149, 174, 190, 211, 237, 245, 246, 265, 343, 347, 471, 521—523, 564, 566, 568, 573; II 30, 94, 97, 110, 267, 320—327
Свердлова А. II 296
Свердлова М. II 296
Свешников Н. Ф. I 8, 11, 68, 76, 81, 135; II 6
Свинкина I 120
Свиницкий I 230
Свирская С. В. I 17, 158, 183, 187
Севастьянов I 464
Седов I 381
Сейфер А. II 257
Сейфер М. А. II 272, 275, 277
Секретарова I 296
Селезнев П. А. I 386
Селицкий А. А. (Фома) I 67, 68; II 38
Семашко I 378
Семенов I 113
Семенов I 540
Семенов А. А. I 532
Семенов А. П. I 547—549, 559; II 315, 317, 322, 325—327
Семенов Б. А. II 271
Семенов В. I 452, 453, 457, 460
Семенов Д. А. II 265
Семенов Д. И. II 231, 253
Семенов П. А. II 265

- Семков С. I 262, 264
Семушкин Н. I 452
Сенюшкин К. М. II 269, 279
Сергеев I 131
Сергеев I 402
Сергеев I 457
Сергеев А. II 277
Сергеев А. Н. I 232, 245, 264
Сергеев Ф. С. I 386
Сергеева I 69
Серебров II 112
Серебряков I 513; II 303
Серов I 399
Серякова М. I 83
Сесицкий И. П. I 307—309
Сиверс II 128
Сидельский I 452, 453, 457, 459, 460
Сидоренко I 457
Сидоренко А. I 442, 445, 446
Сидоренко И. I 447
Сидоркин I 100
Сидоров I 541, 542
Сидоров П. М. II 293
Сидоров Ф. Е. I 163
Сийтам Е. I 17
Сильченко Т. I 116, 120
Симак С. И. I 477
Симановский I 76, 79
Симонов В. Н. II 137
Синицын II 126
Сирвинт Л. В. II 293
Ситковский I 503
Скарская Н. Ф. I 414; II 248, 256
Скачков А. И. I 202
Скобелев М. И. I 30, 236, 262, 281, 337, 466, 474, 483; II 54, 108, 159
Скориков II 258
Скоринко И. В. I 159, 216, 217, 219
Скороходов А. К. (Насторыч) I 81, 83, 84, 374, 375, 386, 388—390; II 234—236, 240
Скрипкина I 223
Скрыпник М. Н. I 182, 548, 558; II 41, 315, 318, 323
Скрыпник Н. А. (Георгий) I 7, 42, 433, 467, 548, 557, 559, 563; II 315, 322
Слабинский А. А. I 386
Сладков И. Д. I 14, 328, 329, 331, 354; II 141
Словатинская Т. А. II 100
Слущкая В. К. I 11, 41, 228, 230, 231, 236, 240, 241, 243—246, 248, 249, 252, 255—257, 262, 264, 274, 280—283, 361; II 94, 95, 108—112, 257, 263
Слущкий А. И. I 11, 166, 172, 246, 361, 381, 421; II 116, 128—131
Смекалова А. Н. I 208
Смелова О. М. I 184
Смидович С. II 257
Смилга И. Т. (Евгений) I 331, 334, 336, 349, 374
Смирнов I 110
Смирнов I 385
Смирнов I 387
Смирнов I 435
Смирнов I 461
Смирнов I 498
Смирнов I 558
Смирнов II 156
Смирнов II 203, 305
Смирнов А. I 373, 378, 381
Смирнов А. П. II 264, 325, 326
Смирнов А. Ф. II 275
Смирнов В. I 166
Смирнов И. I 203
Смирнов П. И. I 328, 331, 347, 352, 353
Смирнова I 535
Смирнова О. I 183
Смолин И. В. I 158, 161; II 55
Смолкин I 400
Смоляк М. Н. I 162, 208
Смородин П. И. I 283; II 239, 240, 242
Смородкина А. Ф. II 33
Собакин II 190, 203
Соболев I 77
Соболев I 378
Соболев С. М. I 229, 242, 280, 281, 283, 284, 286, 288, 290
Соколов В. II 66
Соколов Н. II 61, 66, 69
Соколов Н. Д. I 17, 18, 30
Соколов С. Н. II 162—164, 166
Соколова В. I 223
Соколова Н. I 492, 495, 511; II 296
Соколовская II 298
Соколовская С. И. (Елена) I 293, 296
Соколовский I 505, 507; II 300
Сокольский Е. Н. I 509
Солдаткин II 44, 46
Соллогуб В. Ф. II 293
Соловей Е. М. I 547—550, 559, 563; II 313
Соловей Д. М. I 547—549, 559, 563; II 315, 319, 321—323
Соловьев I 264
Соловьев I 310
Соловьев I 395
Соловьев I 503
Соловьев А. А. (Нелюдим) I 462
Соловьев А. II 61, 66, 69

- Соловьев В. I 215
Соловьев Ф. I 215
Соломатина I 535
Сорокин И. М. II 188, 206
Сорокин П. I 15; II 190, 192
Сорокин С. В. I 91—93, 96—103, 106; II 43
Соснин Ф. I 72
Сосновский А. I 140
Сотников К. В. I 413, 432
Спасков А. II 271
Спиридонов I 514
Спиридонова М. А. I 361; II 193, 205
Спургайтис II 238
Сталин И. В. (Джугашвили) I 14, 38, 557; II 19, 25, 27, 30
Сталь Л. Н. I 11, 41, 178, 179, 328; II 142, 146, 156, 257
Старк Л. Я. I 311, 312, 534, 536
Стасова Е. Д. I 2, 7, 123, 347, 412, 424, 440; II 88, 89, 94, 100, 103, 264, 235
Сташкевич Е. II 42
Стевенар I 511
Стеклова Т. I 549; II 314
Степанов I 331
Степанов В. И. I 464
Степанов Е. И. I 230
Степанов П. Н. I 159, 217, 219, 223, 224
Степанова А. I 207, 210
Степанова Е. I 207, 208
Степашин I 377, 378, 381
Стефанович I 127
Стефановский I 222
Стецкая О. А. I 2, 8, 145; II 2, 6, 7
Стецкий А. И. I 68, 76, 77, 88
Столыпин Г. А. I 302
Стопаков I 452, 453, 457
Стразден II 36, 37, 39
Страупе I 120
Стрельников И. Д. I 495, 496
Стриевская С. И. (Рабинович) I 8, 229, 290, 291, 293
Стронский I 331, 334
Струве П. Б. I 146
Стуков И. Н. I 11, 361—363
Стучка П. И. I 11
Субочь I 303
Суворин II 273
Суворов П. I 442
Суворов П. А. I 213, 215, 221; II 67, 70
Суворов С. I 317—319
Судаков П. И. I 76, 79
Судзиловская С. Н. I 549; II 314
Сулаков I 390; II 235
Сулимов С. Н. I 11
Сундуков И. Ф. I 17, 183, 184, 188
Сурин I 308
Суханов I 507
Суханов И. I 214, 215
Суханов Н. Н. I 30
Сухарев Г. I 561
Сухомлинов I 192
Сырцов I 378
Сысоев В. I 398
Тайми А. П. I 375
Тальберг П. Я. II 190
Тальте I 366
Тамбовцев II 148
Тамм Р. I 183
Тарасов А. II 133, 137, 269
Тарасов А. М. II 134
Тарасова Г. II 243, 297, 300
Тарасова Л. М. I 17, 158, 161, 183, 184, 492; II 55
Татаринцев I 366
Тверитина Т. I 492
Творогов В. А. II 266
Телятников П. М. I 312, 314; II 132, 133, 137, 138
Тенис К. Ю. I 510
Теплицкий М. И. I 273
Тепляков I 288
Тер-Арутюнянц М. К. I 261, 264—266
Терентьев С. А. I 491, 498, 499
Тимашев С. Ф. I 251—254
Тимофеев М. М. I 374; II 234, 235
Тиранов I 270
Тисман I 541
Титкович Е. I 206
Титов В. I 254
Титов М. I 373—375
Титов М. Н. I 374, 375, 378, 385, 398
Тиханов А. Я. (Макаров, Александр) I 8, 413, 441, 442, 447, 450, 462, 466, 494
Тихомиров I 428
Тихомиров I 498
Тихомирова II 238
Тихонов В. I 224
Тихонов М. I 219
Ткачева М. Я. I 8, 392, 393, 446
Ткачева П. Я. I 392
Тоен А. Н. I 149, 150, 152
Тойво (Пепин А. И) II 190, 203
Токарева А. Н. I 87, 103, 104, 106, 107
Токаренко А. И. I 148
Токаренко М. I 497
Толмачев Н. Г. (Василий) I 11, 12, 67, 71, 73, 75, 77, 113, 294, 447, 450; II 83, 88
Толмачева Т. Г. I 293

- Толоконцев I 362, 366, 369
Тома Альберт I 45
Томчак Н. II 191, 220, 225
Торговцев В. I 513; II 303
Торгулов Я. Н. I 563
Тоумайнен I 385, 400
Травников И. П. I 159, 161, 184
Трегер I 378
Треер I 98; II 43, 44
Трембицкий II 180
Трифонов А. П. II 163, 166, 169—171, 175, 176
Трифонов В. А. I 243; II 110, 112
Трифонов Е. А. I 287
Трофимов I 211
Трофимов I 453
Трофимова-Науман М. I 207
Троцкий (Бронштейн Л. Д.) I 473; II 25, 27, 173, 174
Трухневич В. II 243
Туган-Барановский II 203
Тулинг I 418
Туманов I 106, 193; II 64, 65
Тхоржевский Б. I 281, 286
Тыдман В. П. II 323
Тылочкин М. И. I 8, 373, 374, 398, 399, 401; II 6, 234
Тырков I 348
Тышкевич I 385
Тюлькин I 120
Тютиков И. I 214, 216—219, 223; II 51
Тюшин П. А. I 42, 412, 418, 419, 424, 425, 430
Тюшина I 430
Тяпин С. М. I 512
- Угланов Н. А. II 274, 275, 277
Угланова А. II 279
Украинцева Л. I 495
Ульман Г. Л. I 183; II 76
Ульянов А. II 55
Ульянов А. В. II 185, 188, 190, 192, 203, 206
Ульянова М. И. I 78, 86, 89; II 12, 24, 104
Ульянова-Елизарова А. И. I 291; II 12
Ульянцев Т. И. I 328, 329, 331, 332, 334, 336, 352, 354; II 141, 142, 151, 156
Урбанов Г. II 157
Урбанская С. А. I 494, 495
Урицкий М. С. I 13, 237, 393; II 30, 58, 110, 301, 322
Урюпин В. II 61, 62, 64, 66, 67, 69
Усов I 365, 369
Успенская II 150
Устинов I 480
- Устинов II 62, 67
Устинов А. I 215—217, 219, 222
Ухин Н. Т. I 116, 120, 121, 123
Ушаков I 482
Ушаров М. II 296
- Фаткин I 381, 400
Федин А. С. II 220
Федоров I 127, 128
Федоров I 224
Федоров I 423
Федоров II 269
Федоров И. (Архимед) II 249
Федоров Г. Ф. I 11, 42, 413, 466
Федоров И. I 444
Федоров М. I 395
Федоров М. Н. II 185, 186, 188, 190—192, 194, 195, 199, 200, 213, 218, 223, 224
Федорова I 485
Федорова А. Н. II 296
Федорова Е. II 58
Федорова К. I 303
Федотов II 171, 172
Федотова Н. С. I 479
Фенрих I 317, 318
Фенрих М. I 319
Фигель I 322
Филатов А. М. I 566
Филимонов С. I 303
Филиппов II 238
Филиппов А. А. I 109
Филоненко II 212
Флаксерман-Суханова Г. К. II 27, 123
Флеровский И. П. I, 41, 328, 334, 343, 349, 351, 474; II 141, 142, 150, 153
Фокин В. I 180; II 58
Фокин И. И. (Петр) I 70, 71, 73, 74, 76, 81, 85, 94
Фоменков И. Н. I 374, 405
Фомин I 381
Фомичева II 36
Фортунато I 182, 183
Форгунатова Т. А. I 153
Фофанова М. В. I 2, 69, 149, 150, 153; II 2, 6, 11, 22—24
Франк I 452
Франц-Иосиф I 113
Фролов I 104, 111
- Хабас Р. И. I 183, 184, 490, 492, 495—498; II 296
Хабалов С. С. I 24, 26, 129, 251; II 101
Хабимяги I 403
Хазан Д. М. (Сермус) I 17, 183
Халепский I 541, 542

- Халуева А. I 303
Хамелляйнен И. I 442, 447, 450
Хамелляйнен Н. I 116, 120
Ханин Л. Г. (Ильин) II 186, 188, 190, 192, 195, 203, 205
Харитонов М. М. I 11, 221, 490, 501—504, 507, 508, 531; II 299
Харитоновна II 192
Хаустов II 281
Хаустов Ф. П. I 423
Хватова А. И. (Сахарова) I 477, 479, 480, 486; II 257
Хверенд I 211
Хитров Г. В. II 282, 285
Хмара П. I 452
Ходакова С. Б. I 8, 69, 107
Холостов I 264, 267
Хомацкий А. I 107
Хохряков П. Д. I 334
Храмов В. И. I 386
Храповицкий Н. I 191
Хренов И. I 452, 453
Хрулев II 258
Хургин II 203
- Царев М. (Торский) II 253, 256
Цветков И. Г. I 442
Цветков-Просвещенский А. К. II 185
Цейтлин Я. II 243, 244
Целикова I 207
Ценов I 512
Церетели И. Г. I 40, 51, 124, 136, 170, 337, 365, 466, 474, 568; II 59, 105, 159, 300, 306
Церешко В. А. I 328; II 161, 162, 172
Цестатский I 540
Цирлина II 323
Цхакая М. Г. II 263
Цыганков II 157, 158
Цюрупа А. Д. II 41
- Часкин Н. И. I 386
Чашникова Д. I 501, 506; II 303
Чекалов Н. (Новиков) II 203
Чекмарев В. В. I 250; II 110
Черезов В. М. I 86
Черемухин II 244
Черкасов I 510, 540, 541
Черников М. А. I 328, 330, 331, 352; II 145
Чернов В. М. I 77, 137, 361; II 73, 120, 205, 300, 306, 321
Чернов Н. С. I 127, 128, 131, 132
Черномазов М. Е. I 71, 189; II 201
Чернышев Ф. Е. I 377
- Чернышева О. Ф. I 420, 428, 430; II 257
Чернявский П. (Борода) I 442, 447
Чертов Т. II 157
Чесноков II 132
Чечковский А. Я. I 244
Чижевская I 492
Чижев Г. Е. I 300, 304; II 120—122, 124, 127, 128, 130, 131, 133
Чикин Ф. I 395
Чикирисов А. И. I 127
Чириков II 297
Чичеров И. Е. I 86, 87
Чмут А. П. I 386
Чорбо В. I 306; II 123—127
Чубарь В. Я. I 42, 426, 427, 452, 456, 467, 476
Чугурин И. Д. I 12, 69, 75, 76, 81, 83—86; II 12, 43
Чудин I 70
Чудновский Г. И. I 245, 270, 271, 274; II 94, 95
Чудов М. I 442
Чхендзе Н. С. I 28, 30, 31, 40, 44, 49, 262, 321, 337, 349, 466; II 12, 54, 105, 106, 159, 321
Чхенкели А. И. I 301, 309; II 54, 281
- Шавырин I 378
Шагов Н. Р. I 128, 395
Шагун Е. М. I 477, 479, 485
Шалагинова Е. П. I 148, 420, 486
Шалфеев I 129
Шаманов Ф. II 188, 190
Шамлов I 131
Шамович II 243, 244
Шандалов А. Ф. I 262, 268, 272
Шаров I 512
Шатас В. I 395, 398
Шахназарова-Мелик Е. Г. I 494, 495
Шахов Н. К. II 188, 190, 199, 206, 216
Шаховский II 293
Шварц (Семен) II 174
Шварц II 205
Шверник Н. М. I 108
Швиляпа II 232
Шевцов П. Г. I 282, 283; II 240
Шейна П. Ф. I 490, 492, 495
Шелавин К. И. I 424, 429, 430
Шелянин I 378
Шемелев А. И. I 295, 493—495
Шепелин Ф. П. II 279
Шереметьев II 55
Шестаков В. I 373
Шестаков В. И. I 127
Шестобитов I 399

- Шехтер В. I 407
Шибанова П. П. I 378, 383, 384
Шибриков В. II 133
Шигаревский А. С. II 268, 281
Шидловский Г. I 135; II 274
Шилин I 79
Шилов I 534, 535
Шильман А. I 160, 161
Шиперович I 436
Шипова I 435
Шипулин Я. I 422
Широков Л. Н. II 265
Шиткина М. I 17, 498, 501, 502; II 299
Шиффер Р. I 70
Шишенин I 452
Шишкин Б. II 39
Шишкин С. Н. I 403; II 235
Шкашин Г. М. I 182, 183
Шлапаков Е. I 139
Шляпников А. Г. (Беленин) I 13, 83, 84; II 204
Шляхов II 250
Шмидт В. В. (Николай) I 11, 94, 462, 465, 467, 468, 470, 471, 476; II 284, 322
Шмидт И. В. II 133, 134, 136
Шойхес М. Э. (Дуня) I 334, 412, 420, 424
Шокалис I 480
Шотман А. В. II 22
Шпер I 535
Шпергазе I 107, 108, 114
Шперл I 378, 381
Шпицберг I 438
Штейн Я. М. II 186, 188, 190, 192, 199, 203, 209, 213, 214, 223, 224
Штомбко-Кандаурова В. В. I 535
Шубин П. I 191, 216, 217
Шувалов И. В. (Макар) I 229, 462; II 249, 254, 256
Шульга II 131
Шульгин В. В. I 320
Шульд I 387
Шуняков В. П. I 69, 143
Шурханов В. Е. I 14
Шурыгин Я. I 386
Шустов II 236
Шутко К. И. (Михаил) I 11, 12, 81, 83, 85, 135, 374, 447, 468
Щастный II 173, 174
Щеглов П. I 70, 73
Щенников С. I 442
Щербак I 572
Щербаков I 270
Щербакова А. I 394
Щербакова Е. I 392—394
Щербакова П. I 392—394
Щербачев I 195
Щетинцев В. М. I 390; II 234
Щипицын И. Д. I 378, 386
Эглит Р. Л. II 185, 203
Эйзеншмидт А. К. I 84
Эйзеншмидт С. Я. I 183; II 75
Эйзеншмидт Э. Я. I 183; II 75
Эйсмонт I 385
Энтин С. Л. I 334; II 156
Эпштейн Е. М. II 293
Эссен Э. Э. I 235, 264
Юдельсон I 400
Юденич Н. Н. I 254, 296
Юргенсон В. I 394; II 251—253, 259, 260
Юренев К. К. (Кротовский) I 13; II 85
Юренев П. П. I 573; II 322
Юрьев Н. С. I 462, 466, 476
Юшкевич I 541
Яблоновский-Спадаский I 536
Яблонский Л. I 428
Ягода Г. Г. I 482
Ягунова I 535
Якименко I 426, 452
Якобсон Ф. Н. I 291—293
Яковлев I 98; II 43, 47
Яковлев I 498
Яковлев I 534
Яковлев А. И. I 191, 192; II 55
Яковлев Е. Я. II 185, 187, 188, 190, 192, 203, 206
Яковлев И. II 265
Яковлев И. М. II 300
Яковлев П. I 561
Яковлева А. I 281
Якубович А. П. I 413, 428
Якум А. С. II 271
Якушев I 253
Ялава Г. Э. II 26, 27
Яникеев II 34—36
Янковский И. I 513; II 303
Янов Л. П. II 132
Янсон II 235
Янушкевич К. И. I 70, 73, 142
Ярославцев И. I 207
Ярцев I 270
Ярчук I 343; II 149
Яцыневич I 108
Яшин А. II 277

Указатель предприятий, учреждений и организаций¹

Предприятия:

Автомобильный завод см. «Русский Рено»

Адмиралтейский судостроительный завод I 489, 491, 498, 500, 501, 510—512; II 121, 297—300, 302

«Айваз Я. М.» — машиностроительный завод (им. Ф. Энгельса) I 12, 67, 82; II 15, 20, 549

Аксерпо бр. строительная контора I 461, 464

Алафузова обмундировочная мастерская II 261

Александровский механический завод, Главные вагонные мастерские Николаевской железной дороги (вагоноремонтный завод «Октябрьский» и тепловозостроительный завод) I 303, 309, 310, 312, 317—319, 412, 415, 428; II 116, 127, 132, 133

Альтшулера типография I 447—450, 493

«Анчар» — металлообрабатывающий завод I 160, 162; II 51, 52, 59, 60, 66

Арсенал I 25, 130, 140, 201; II 76, 101

Артель веревочников II 269

«Атлас» — механический, литейный и трубочный завод II 133

Балтийский судостроительный завод (им. Серго Орджоникидзе) I 231, 237, 242, 247, 248, 250, 255, 280, 281, 286, 288, 290; II 120, 280, 285

Барановского П. В. акц. об-во механических, гильзовых и трубочных заводов («Красная звезда») I 116, 117

Бекмана водочный завод I 512

Берда Ч. завод см. Франко-Русский машиностроительный завод

«Богатырь» — завод I 212

«Богданов А. Н. и К^о» — табачная фабрика I 415, 416, 426, 435, 436

Бойня II 210

«Борман Жорж» — шоколадно-конфетная фабрика I 489, 501

Вагоностроительный С.-Петербургский завод (им. И. Е. Егорова) I 43; II 185, 188, 191, 193—195, 197, 204—207, 212—214, 216, 219, 222

Варгуниных писчебумажная фабрика (имени М. М. Володарского) II 134

«Вестингауз» — акц. об-ва завод автоматических и воздушных тормозов I 413

Военно-врачебных заготовлений завод

¹ Современные названия предприятий даны в скобках.

- («Красногвардеец») I 377, 384; II 237, 238
Военно-подковный завод см. Петроградский военно-подковный завод
Воздухоплавательный завод I 377, 384, 388
Воронина А. И., Лютш и Чешер текстильная фабрика («Красный маяк») II 34
«Вулкан» — механический и чугунолитейный завод I 299, 301, 308, 388
Галерный островок см. Адмиралтейский судостроительный завод
«Гардести Р.» завод II 157
«Гейслер Н. К. и К^о» — электротехнический завод (им. А. И. Кулакова) I 373, 375, 376; II 243
«Гергарди К. В.» — акц. об-во бумагопрядильных мануфактур (завод изделий из пластмасс им. «Комсомольской правды») II 34
Гильзовый завод см. Патронный Петроградский завод
«Гот И.» — канатная фабрика I 400
Гребной порт I 281
«Громов и К^о» — лесопильный завод II 135
Гука фабрика см. Североткацкая мануфактура
«Данцигер» — красильная фабрика I 208, 209
«День» — типография газеты I 451
«Динамо» — металлообрабатывающий завод II 185, 191, 193, 194, 197, 203, 204, 217
«Дюфлон, Константинович и К^о» — электромеханический завод об-ва электромеханических сооружений («Электрик») I 375, 377; II 234, 238, 239
Зигеля механический завод см. «Пинтш Ю. и К^о»
Ижорский оружейный адмиралтейский и механический завод (им. А. А. Жданова) I 357, 359—365, 367—370; II 115, 120, 134, 179—182, 284
Иолка подковный завод I 232
Кабельный завод, «Севкабель» I 229, 243; II 107, 284
«Кан Фридрих» — картонажная фабрика I 376
Карточная фабрика I 302, 313, 316; II 133, 134
Каспари типография II 157
«Келлер» — винозавод II 226
«Керстен Е. П.» — трикотажная фабрика («Красное знамя») I 405, 406, 408; II 243, 244
«Киббель Т. Ф.» — литография I 388
«Кирхнер О. и К^о» — переплетная фабрика («Светоч») I 376, 388; II 239, 243
Кожевникова ткацкая и ватная фабрика («Большевичка») I 413, 425
«Колокол» — типография I 392, 443, 446
Комарова типография I 332
«Копейка» — типография I 546
«Кошпель Артур» — вагоностроительный и механический завод (вошел в состав завода «Электросила») I 43; II 185, 197, 204, 216, 217, 219
Копелева писчебумажная фабрика II 61
Кронштадтский порт II 141, 149, 151, 155, 157, 158, 161
«Лангензиппен Р. Л. и К^о» — механические и литейные заводы паропроводной арматуры и насосов («Знамя труда») I 163, 376, 377, 381, 387, 388
«Лаферм» — табачная фабрика (им. М. С. Урицкого) I 246, 251, 279, 281, 285, 286
«Ленэнерго» I 108
«Лесснер Г. А.» — акц. об-во машиностроительных заводов (им. Карла Маркса) I 81—83, 87—90, 99, 115, 117—119, 126, 288, 395; II 37, 39, 106, 284
«Лоренц К.» — телеграфный и телефонный завод I 375—377, 382, 385, 388, 394—396, 398, 399; II 229, 230, 232, 234, 235, 238
Максвеля ткацкая фабрика см. Спаско-Петровская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура
Маркуса типография I 281
Мастерские офицерской электротехнической школы I 375
Металлический С.-Петербургский завод (Ленинградский металлический завод им. XXII съезда партии) I 71—74, 76—80, 118, 129, 138—142, 472; II 126, 284
Металлический завод (в Колпино) см.

- Ижорский завод
Монетный двор I 549
- «Невка» см. Ниточная бумагопрядильная мануфактура
- Невская ниточная бумажная мануфактура б. Штиглица (прядильно-ниточный комбинат им. С. М. Кирова) I 550, 551, 554, 555, 561, 562; II 317, 322
- Невская фабрика механического изготовления обуви Петрова II 188, 191, 192, 194, 197
- Невский судостроительный и механический завод (им. В. И. Ленина) I 299, 301, 302, 307, 309, 310, 312, 313, 316, 319, 320, 322; II 118, 132, 133
- Ниточная бумагопрядильная мануфактура («Красная нить») I 551, 561
- «Нобель Л.» — машиностроительный завод «Русский дизель» I 107
- «Новая Бавария» — пивоваренный завод I 400
- Новая бумагопрядильная и ткацкая мануфактура (Прядильно-ткацкий комбинат им. П. Анисимова) I 413, 428
- Новое Адмиралтейство см. Адмиралтейский судостроительный завод
- «Новый Айваз» — машиностроительный завод см. «Айваз»
- «Новый Лесснер» см. «Лесснер Г. А.»
- «Новый Парвизайнен» см. Русское об-во для изготовления снарядов и военных припасов
- Обуховский сталелитейный завод («Большевик») I 299, 301—306, 308, 310—314, 316, 319, 324, 472; II 116, 118—134, 138, 284
- Оптико-механический завод Русского акц. об-ва оптического и механического производства I 551, 554; II 33—39, 42
- «Орбита» — типография I 394
- Орудийный Петроградский завод I 411, 426, 427, 451—457, 461; II 126
- «Осипов И. А. и К°» — кожевенный завод I 251
- «Оуф А. М.» — меднолитейный, котельный и механический завод I 554
- Охтинские пороховые заводы (Химический комбинат) II 15
- Паля К. Я. Александров-Невская мануфактура (Прядильно-ткацкий комбинат им. В. П. Ногина) I 303, 310, 425
- Парвизайнен см. Русское акц. об-во для изготовления снарядов и военных припасов
- Пароходный завод в Кронштадте I 330, 331; II 155, 157, 158, 161
- Патронный Петроградский завод I 130, 137, 411, 426, 451, 452, 455, 461
- «Пеклие» — красильная фабрика I 208, 209
- «Перун» — химический завод II 60
- Петроградский Вагоностроительный завод б. Речкина см. Вагоностроительный С.-Петербургский завод
- Петроградский военно-подковный завод (им. И. Е. Котлякова) I 229, 232, 242, 248, 251, 279, 281, 286; II 110, 111
- Печаткина писчебумажная фабрика (им. Горького) I 239, 246, 251
- «Пиншт Ю. и К°» — чугунолитейный завод (вошел в состав завода «Электросила») I 43; II 211, 217, 219
- Полюстрова завод I 139
- Порт Петра Первого II 149
- Поссея завод см. Петроградский военно-подковный завод
- Прачечные:
Виноградова I 480, 482
«Союза городов» I 481, 482, 484, 485
Ушакова I 482
Шокалица I 480
- «Проводник» — завод I 212
- «Промет» см. Трубочный завод
- Путиловская судостроительная верфь (завод им. А. А. Жданова) I 20, 186, 198, 204, 214—216; II 61—67, 69—74, 76
- Путиловский машиностроительный и металлургический завод (Кировский завод) I 15, 19, 20, 22, 30, 74, 96, 102, 157, 160, 164—170, 172, 173, 177, 180—187, 189—194, 198—204, 206, 209, 211, 213, 214, 216, 219, 266, 294, 306, 310, 314, 395, 462, 472, 492, 505; II 51—53, 55, 56, 60—67, 69, 70—74, 134, 137, 202, 215, 218, 283, 284, 299
- Радиотелеграфный завод I 255
- Рекса электроаккумуляторный завод II 217
- «Рено» см. «Русский Рено»
- Речкина (Ретшке) вагоностроительный завод см. Вагоностроительный С.-Петербургский завод

- Розенкранда меднопрокатный и трубочный завод («Красный Выборжец») I 77, 79, 127, 129, 134—136, 151, 152
- Российско-Американской резиновой мануфактуры акц. об-во I 208, 211
- «Русская воля» — типография I 381
- «Русский Рено» — автомобильный завод I 115, 116, 119—124, 126, 358, 554; II 17—19, 239
- Русско-Балтийский механический завод I 231, 234, 551
- Русского акц. об-ва для изготовления снарядов и военных припасов (б. «Парвийнен») минный и снарядный заводы I 91, 93, 94, 96—98, 101—106, 112, 143; II 43—45, 47, 108
- Русское акц. об-во соединенных механических заводов (б. «Новый» и «Старый Лесснер») см. «Лесснер Г. А.»
- Русское акц. об-во электрических районных станций II 265
- Рыкати́на В. И. литейно-механический завод I 388
- «Сан-Галли» — чугунолитейный и механический завод (им. 2-й пятилетки) I 413
- Северное об-во железных конструкций I 413
- Североткацкая фабрика (Всесоюзная ткацкая и красильная фабрика им. А. И. Желябова) I 238, 239
- Семенова И. А. машиностроительный завод («Линотип») I 388
- Семянниковский завод см. Невский судостроительный и машиностроительный завод
- Сестрорецкий оружейный завод (им. С. П. Воскова) I 88, 130, 263, 270, 366; II 166, 265, 267
- Сигарная фабрика I 129
- Сиднева пекарня II 252
- «Сименс и Гальске» — электротехнический завод (им. Н. Г. Козицкого) I 229, 232, 240, 241, 248, 256, 278, 281, 282, 286, 288; II 217
- «Сименс-Шуккерт» — электромеханический завод («Электросила» им. С. М. Кирова) I 43, 229, 231, 232, 248—250, 255, 271, 281, 482; II 110, 185, 191, 193, 195, 197, 203, 204, 216, 217, 219, 220—225
- «Скороход» — т-во механического производства обуви («Скороход» им. Якова Калинина) I 43; II 188, 189, 191—199, 202—205, 208, 210—213, 216, 221
- Соединенные механические заводы см. «Лесснер Г. А.»
- Спасско-Петровская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура (прядильно-ткацкий комбинат «Рабочий») I 303; II 133, 134
- «Старый Гук» см. Североткацкая фабрика
- «Старый Лесснер» см. «Лесснер Г. А.»
- «Старый Парвийнен» см. Русское акц. общество для изготовления снарядов
- Столярова Н. А. обувная фабрика («Пролетарская победа») II 205
- Таршилова фабрика II 34
- Тентелевский химический завод («Красный химик») I 162, 208
- «Торнтон» — т-во шерстяных изделий (им. Э. Тельмана) I 303; II 127, 133, 134
- Трамвайные парки:
- Василеостровский им. А. П. Леонова I 250—254
- Миусский I 254
- Московский им. И. И. Коняшкина I 250; II 189, 204, 205, 211, 212
- Петроградский им. К. Н. Блохина I 250; II 235
- Рождественский им. Смирнова I 547, 553, 558, 561; II 259, 317, 318, 325
- «Треугольник» — т-во резиновой Российско-Американской мануфактуры («Красный треугольник») I 160, 162, 168, 179, 204—212; II 53
- Трубочный завод акц. об-ва механических и трубочных заводов «Промет» I 118, 129, 140, 178, 232, 235—237, 239, 244, 246, 248, 251, 255, 256, 271, 285, 286, 472; II 84, 100, 107, 110
- «Труд» — типография I 78, 344, 551
- Тульский оружейный завод I 231
- Фарфоровый завод (им. Ломоносова) I 303, 313, 319; II 133, 134
- «Феникс» — машиностроительный завод (им. Я. М. Свердлова) I 106, 126—128, 131, 132, 134, 136—138, 140, 150
- Филиппова булочные I 413
- Франко-Русский машиностроительный,

механический и меднопрокатный завод I 32, 489, 492, 497, 498, 501, 503—506, 512—514; II 106, 254, 297—299, 301—303

Цементный завод II 237

Чешера фабрика см. Воронина, Лютиш и Чешера текстильная фабрика

Шлиссельбургский завод II 110

«Шредер К. М.» — фабрика музыкальных инструментов I 377, 387

Штиглица фабрика см. Невская ниточная бумажная мануфактура

Учреждения и организации

Академии:

Академия наук I 227

Академия художеств I 154, 227

Промышленная I 501

Банки:

Азовско-Донской коммерческий I 438, 489; II 293

Волжско-Камский коммерческий II 293

Государственный I 90, 269, 277, 364, 461, 489; II 260, 289, 290, 293—295, 323, 324

«Лионский кредит» II 293

Московский II 293

Московский купеческий II 293

Московский промышленный II 293

Петроградский международный коммерческий II 293

Петроградский торговый II 293

Петроградский учетный и ссудный II 293

Петроградский частный коммерческий II 293

Русский для внешней торговли II 293

Русский торгово-промышленный II 293

Русско-Азиатский коммерческий I 277, 489; II 293

Русско-Английский II 291

Сибирский торговый II 293, 314, 323, 324

Союзный II 293

Центральный банк обществ взаимного кредита II 293

Биржи:

«Щетинкин С. С.» см. Воздухоплавательный завод

Экспедиция заготовления государственных бумаг (Гознак) I 269

Электрическая станция «Общества электрического освещения 1886 г.» (I ГЭС) I 412, 428; II 263

«Эриксон Л. М. и К°» — телефонный и электромеханический завод («Красная заря») I 79, 82, 107—114, 116, 117, 374; II 39

Ярцевская мануфактура I 425

Биржа труда I 31, 467, 470

Биржа труда Московско-Заставского района II 189

Биржа труда строительных рабочих I 461

Калашниковская I 465; II 280, 313

Больницы:

Александровская I 205

Вейдемана I 252

Лечебница больничной кассы Московской заставы (им. И. И. Копышкина) II 202, 212

Надеждинская I 314

Обуховская I 205

Петропавловская II 232

Больничные кассы:

«Динамо» завода II 202

«Дюфлон» завода II 202

«Коппеля» завода II 200

«Лесснер» заводов I 71, 86; II 200

Московской заставы II 202

«Парвизайнен» завода I 144

Путиловского завода I 9, 16, 19, 170, 181—190, 492; II 53, 55, 56, 73, 75, 76, 200, 298, 300

Речкина завода II 200

«Сименс и Гальске» завода I 231, 232, 279

«Сименс-Шуккерт» завода II 202

«Скороход» фабрики I 20; II 185, 188, 195, 200, 202, 205, 213, 218

«Треугольник» завода I 160, 161, 207, 208

Центральная больничная касса I 507

«Эриксон» завода I 108

Бюро помощи репрессированным I 293; II 250

Временное правительство I 29—31, 33, 36, 37, 40, 43—48, 51—53, 56—58, 60, 61, 63, 78, 79, 88, 90, 120, 121, 123, 131, 133—137, 141, 153, 162, 169—172, 174, 183, 196, 201—204, 209, 221, 238, 239, 243, 245, 255, 256, 260—262, 264, 265, 268—270, 272, 285, 320, 322, 331, 332, 334—338, 342—346, 348—353, 359, 361, 363, 366, 368, 369, 378, 380, 382, 383, 390, 391, 398, 400, 416, 423, 424, 426, 428, 436, 454—456, 467, 470—473, 475, 476, 500, 502, 504, 516, 517, 521, 522, 526, 527, 530, 532, 542, 552, 555—557, 564, 567, 569, 571; II 15, 38, 46, 54, 59, 60, 72, 73, 75, 90, 106—110, 112, 118—121, 123, 124, 129—131, 134—137, 142—144, 147—150, 155, 156, 159—161, 188, 189, 191, 193—195, 199, 206—209, 212—215, 220—222, 232, 233, 240, 266, 267, 283—285, 299, 300, 303, 306, 307, 316—319, 321, 322

Всероссийский союз учителей I 153, 154

Главное объединение машиностроительных заводов I 427

Главные управления:

Главрезина I 212

Главэлектро II 107

Почт и телеграфа I 530

Центрорезина I 212

Государственное совещание I 503

Демократическое совещание II 110

Департамент полиции I 311

Думы:

Государственная I 17, 28, 53, 82, 95, 102, 128, 186, 192, 205, 216, 279, 292, 294, 301, 309, 313, 320, 321, 395, 425, 558, 559; II 53, 54, 60, 63, 101—104, 126, 152, 262, 270, 274, 281

Колпинская городская I 365, 368

Кронштадтская II 144

Петроградская городская I 202, 233, 234, 253, 425, 432, 433, 469, 489, 508, 534, 535, 559, 563; II 52, 203, 212, 224, 225, 322

Районные:

Алекса́ндро-Невская I 432

Василеостровская I 234

2-го Городского района I 498

Выборгская I 135, 145, 146, 149

Литейная I 422, 432

Московско-Заставская II 192

Нарвская I 202

Невская II 121, 130

Петроградской стороны I 381, 400, 401

Рождественская I 547, 549, 552, 553

Центральная городская см. Петроградская городская дума

Землячества:

Архангельское II 154

Владимирское II 154

Вологодское II 154

Вятское II 154

Костромское I 381; II 154

Латышское II 154

Литовское II 144, 154, 155

Петроградское II 154

Польское II 154, 155

Псковское II 154

Симбирское II 154

Смоленское II 154

Тверское (рабочих) II 281

Тверское (студентов) II 79

Украинское II 154, 155

Уфимское II 154

Центральное бюро землячеств II 282, 285

Эстонское II 154

Ярославское II 154

Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС II 8

Институт красной профессуры II 107

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС I 8

Интернационал II I 9, 21, 45

Комиссии:

Всесоюзная Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) II 237, 301

Контрольная комиссия фабрики Керстена I 406, 407

Конфликтная комиссия Совета Петроградской стороны I 388

Локаутная комиссия I 388

По национализации резиновой промышленности I 211

Следственная комиссия Временного правительства I 519; II 149, 160

Следственная комиссия райсовета

- Петроградской стороны II 235, 237
- Центральная следственная комиссия I 338
- Чрезвычайная комиссия Василеостровского райсовета I 250
- Чрезвычайная комиссия Военно-революционного комитета I 276
- Чрезвычайная комиссия 2-го Городского района I 512
- Чрезвычайная комиссия фабрики «Скороход» II 199, 216
- Комитеты:**
- Военно-промышленный I 16, 30, 95, 97—99, 112, 114, 302, 305, 307, 316, 357, 466; II 203
- Военно-революционные комитеты (ВРК):
- Ижорского завода II 124
- Колпина I 369, 370
- Кронштадтского исполкома II 161
- Луги I 555
- Нарвского района I 173, 211
- 1-го Городского района I 173, 211
- Петроградский I 7, 60, 63, 89, 90, 175, 176, 244, 247, 248, 253, 260, 266, 268—271, 273, 275, 276, 351—354, 369, 370, 390, 456, 460, 476, 508, 526, 527, 529, 532—535, 549, 557, 561, 573; II 30, 39, 40, 75, 82, 91, 95—97, 100, 112, 124, 125, 156, 161, 199, 215, 216, 303, 322, 323
- г. Старая Русса I 125, 126
- Заводские, местные, фабричные (завкомы, месткомы, фабкомы):
- «Анчар» I 171; II 60
- Балтийского завода I 237, 281
- Военно-подковного I 232
- Гейслера завода I 390
- Ижорского завода I 359, 360, 362, 366, 369; II 180, 181
- «Керстена» фабрики I 405—408; II 243
- «Кирхнера» фабрики II 240
- Кожевникова фабрики I 425
- Кронштадтского порта II 158
- «Лесснер» I 88
- «Лоренц» I 399, 402, 403; II 232, 234
- Министерства почт и телеграфа I 536
- Обуховского завода II 123, 124, 126, 128—130, 134, 182
- Объединенный завод мелких металлургических предприятий I 240
- Оптического завода II 36—39
- Орудийного завода I 455, 456, 461
- «Парвиаинен» I 147; II 42, 44—47
- Пароходного завода II 158
- Патронного завода I 147, 456, 461
- Прачечной «Союза городов» I 481, 484
- Прядильной фабрики «Невка» I 551, 561
- Путиловского завода I 160, 171, 176, 177, 182, 189, 198—204, 222; II 70, 71, 73—75, 215
- Путиловской верфи II 70, 71, 73—75
- «Розенкранц» I 147
- «Русский Рено» I 122, 123; II 17
- Русско-Балтийского завода I 231
- Североткацкой фабрики (б. Гук) I 238
- Сестрорецкого оружейного завода I 263, 273
- «Сименс и Гальске» I 232
- «Сименс-Шуккерт» II 222
- «Скороход» II 189, 194, 199, 204, 206, 211
- «Треугольник» I 180, 208, 209, 211, 212
- Трубного завода I 235, 236, 256, 472
- «Феникс» I 131—133
- Франко-Русского завода I 503, 504; II 302
- Штиглица фабрики II 317, 323
- Электростанции им. 1886 г. I 428
- Исполнительные комитеты:**
- Василеостровского Совета рабочих и солдатских депутатов II 108, 110
- Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжель) I 177, 249, 539
- 2-го Городского района Совета рабочих и солдатских депутатов I 509—512
- Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов I 154
- Ижорского завода I 359; II 124
- Колпинского Совета рабочих и солдатских депутатов I 359, 365, 369
- Кронштадтского порта II 158
- Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов I 332,

- 336—338, 340, 342, 343, 351—353;
II 142, 143, 149, 151, 155, 156,
158—164, 166
- Невско-Обуховского Совета рабочих
и солдатских депутатов II 122,
124, 125
- 1-го Городского района Совета ра-
бочих и солдатских депутатов
I 423, 424, 426, 430—432, 435,
436
- Петроградского Совета профсоюзов
I 476
- Петроградского Совета рабочих и
солдатских депутатов I 29, 30,
170, 203, 235, 337, 383, 388, 432,
466, 469, 470, 473, 474, 483, 516,
553; II 43, 54, 108, 151, 210, 236,
283, 308
- Петроградской стороны Совета ра-
бочих и солдатских депутатов
I 384, 387—389; II 240
- Профсоюза связи Петроградского
почтамта I 529—531
- Комитет движения I 331; II 158
- Комитет по борьбе с погромами I
548; II 236
- Комитет Совета старост I 142
- «Комитет спасения родины и ре-
волюции» I 63, 272, 391
- Межрайонный Петроградский коми-
тет II 84, 85
- Меньшевики Василеостровский
районный комитет I 240
- Объединенный комитет с.-д. фрак-
ций высших учебных заведений
(ОК) см. в разделе РСДРП(б)
- Организационный комитет по созы-
ву общестуденческого съезда I
291
- Рабочий комитет Нарвско-Петергоф-
ского района II 55, 56
- Революционные комитеты см. раз-
дел Красная гвардия. Штабы
- Санкт-Петербургский комитет по
делам печати II 277
- Стачечные комитеты:
- Аптечных работников I 430
- «Скороход» II 202
- Центральный стачечный комитет
служащих кредитных учрежде-
ний II 295
- «Эриксон» завода I 111
- Центральный комитет заводов и
портов Морского ведомства II 181
- Конференции:
- Всероссийская конференция почто-
во-телеграфных служащих I 540,
541
- Всероссийская конференция профес-
сиональных союзов I 472; II 284,
306, 307
- Конференция работниц I 178, 179;
II 322, 323
- Конференции РСДРП(б) см.
РСДРП(б)
- Петроградская конференция моло-
дежных рабочих организаций I
221, 222
- Петроградская конференция фаб-
рично-заводских комитетов I 41,
427, 471, 472; II 129
- Кооперативы:
- «Вперед» II 230
- «Грош» II 272
- Ижорского завода I 365
- Керстена фабрики I 407
- Колпинского общества потребителей
I 358, 366
- «Кузнец» II 280
- «Объединение» I 229
- «Освобождение» II 280
- «Польза» II 151
- Путиловского общества потреби-
телей I 214, 216; II 55
- «Торгово-промышленный служащий»
см. кооператив «Вперед»
- «Трудовой путь» II 53
- «Трудовой союз» II 280
- Красная Армия I 224, 499, 512, 514;
II 132, 165—167, 226, 242, 243, 304
- Красная гвардия:
- Адмиралтейского судостроительного
завода I 507; II 303
- «Анчар» завода II 61
- Балтийского завода I 242
- Василеостровского района I 232,
234, 235, 242, 243, 246—248, 267,
285; II 109, 110, 112
- Военно-подковного завода I 232
- 2-го Городского района I 501, 503,
505, 511, 512; II 302
- Выборгского района I 80, 89, 90, 137,
148, 153, 235, 285; II 31, 39
- «Динамо» завода II 224
- Ижорского завода I 360, 365—367,
370, 476
- «Керстена» фабрики I 407
- «Коппеля А.» завода II 224
- «Лесснер» завода I 153
- «Лоренц» завода I 403—405; II 230—
232

- Металлического завода I 80, 142
Московско-Заставского района I 41, 266; II 188, 189, 195, 197—199, 210, 211, 213—216, 224, 226
Нарвского I 168, 171, 173, 175, 180, 211; II 199, 224
Невского (Обуховского) I 323; II 121, 122, 124, 131, 137
Ниточной фабрики I 561
Обуховского завода II 224
Оптического завода II 37
Орудийного завода I 454—457
«Парвиайнен» завода I 143; II 46
Патронного завода I 455
1-го Городского района I 459, 461
Петроградской стороны I 389, 390, 403, 526; II 233, 235, 236—238
Печатников I 393
Почтовых работников II 307
Проволочно-гвоздильного завода I 244, 247
Прядильной фабрики I 561
Путиловского завода I 169, 201, 202, 204, 211; II 72, 74, 75, 199
Путиловской верфи II 74, 75
Речкина завода II 223, 224
Рождественского района I 554, 558, 559, 562, 563; II 319—322, 324, 325
«Розенкранца» завода I 152
«Русский Рено» завода I 120, 126
Сестрорецкого завода II 166
«Сименс-Шуккерт» завода II 220—226
«Скороход» фабрики II 196, 210, 223, 224, 226
Трамвайного парка Васильевского острова I 252, 253
Трамвайного парка Петроградской стороны II 235
«Треугольник» завода I 180, 210, 211
Трубочного завода I 232, 243, 244, 250, 255
«Феникс» завода I 132
Франко-Русского завода I 505, 507; II 303
Штабы Красной гвардии:
Главный штаб I 389, 390, 526; II 322
Васильевского острова революционный штаб (комитет) I 244—246, 248
2-го Городского района I 514; II 297, 302, 303, 308
Колпинский I 366, 367
Московско-Заставского района II 191, 195, 213—216, 223, 224
Невского района I 318, 319, 321, 323, 324
Отрядов по занятию и охране банков II 293
Петроградского почтамта I 531—533; II 307—309
Петроградской стороны I 389, 391; II 230, 231, 238
Рождественского района I 561, 564; 565; II 322, 325
Сестрорецка II 265—267
Союза связи I 542, 543
Красный Крест I 127, 132, 153, 265, 279, 293, 390, 403, 481, 492, 550; II 62, 80, 233, 237, 238, 248, 250, 252, 256
Культурно-просветительные учреждения и организации:
Библиотека им. Салтыкова-Щедрина I 491
Клубы:
Анархистов I 52
Василеостровского райсовета I 288, 506
«Дом просвещения» Нарвского района II 56
Завода Нобеля I 88, 89
Завода Речкина II 196, 205, 215, 221
«Знание — свет» II 126
«Искра» II 15
Латышских рабочих I 166
«Лайсве» («Свобода») II 144, 155
Нарвского района политический клуб I 166; II 56—58
Почтово-телеграфных работников I 530; II 305
«Промень» («Луч») II 155
«Просвита» («Просвещение») II 155
«Объединение» I 549; II 314, 316
«Правда» (солдатский клуб) I 261; II 284
Путиловский клуб см. Путиловский театр
Рабочей молодежи Выборгского района II 38, 39
Семеновского полка II 284
Социалистического союза рабочей молодежи II 198
«Спартак» II 243
«III Интернационал» I 420, 426, 429
Фабрики «Скороход» II 199, 206, 207, 234
Эсеры II 137

Курсы:

Агитаторские курсы на Васильевском острове I 240
Лесгафта рабочие вечерние курсы I 492; II 296

Музеи:

Горный I 251
Государственный исторический II 8
Ленинградский музей Великой Октябрьской социалистической революции II 8
Мемориальный музей Выборгской стороны II 30
Музей Революции СССР II 8
Русский I 91, 491
Эрмитаж I 491

Народные дома:

Алексеевский I 470
Нобеля II 247
Лиговский (дом гр. Паниной) I 414, 417, 425, 443, 462; II 247, 249, 250, 254—258
«Пролеткульт» I 288
Скобелевский просветительный комитет I 563—565, 571, 572

Театры:

Александринский I 491; II 318
Гайдебурова и Скарской (Лиговского народного дома) I 414; II 248, 256, 257
Драматический I 220
Мариинский I 294, 312, 491
МХАТ II 248
Комедии I 95
Комиссаржевской I 491
Михайловский I 491
Музыкальной драмы I 491
Путиловский I 195, 201; II 74, 75
Рабочий театр Васильевского острова I 287

Милиция:

Василеостровского района II 102, 107, 110
2-го Городского района I 503, 511, 512
Кронштадта I 336; II 150, 151, 159
«Лоренц» завода II 230
Московско-Заставского района II 189, 195, 226
Нарвско-Петергофского района II 55—57

Невского района II 121
Обуховского завода I 323; II 131
Петроградской стороны I 390
Путиловского завода II 71
«Скороход» фабрики II 194, 210
«Треугольник» завода I 210

Министерства:

Двора I 470
Здравоохранения I 436
Почт и телеграфа I 535—537, 539; II 308
Призрения I 459
Труда I 201, 281, 469, 483
Юстиции I 150

Молодежные организации:

Всероссийский Коммунистический Союз Молодежи I 290
Исполнительная комиссия Союза молодежи I 241
Исполнительный комитет Союза молодежи I 284, 289
Комитет Союза молодежи Невского района II 135
Конференции Социалистического союза рабочей молодежи I 284, 290; II 137, 241, 242
Петроградский комитет Союза рабочей молодежи I 222
Социалистический союз рабочей молодежи:
Васильевского острова I 229, 242, 281—290
Выборгского района I 147, 150; II 239
Завода «Сименс и Гальске» I 241, 282
Московско-Заставского района II 135, 191, 198
Нарвско-Петергофского района I 159, 218—224; II 51, 135
Невского (Обуховского) района II 133—138
Петроградской стороны I 382; II 239, 243, 244
Петрограда I 223, 286—290; II 107, 137, 138
ЦК РКСМ II 239, 243
Юношеская организация «Труд и свет» I 282—284; II 37, 134, 135, 191, 240, 241

Народные комиссариаты:

Здравоохранения I 436
Почт и телеграфа I 536, 537, 539; II 308

Продовольствия I 275, 511
Просвещения I 153, 154, 288
Путей сообщения II 125
Связи I 540
Социального обеспечения I 275
Труда II 323
Финансов II 293, 323

Общества:

Второе общество образования Нарвского района II 56, 57
Женской взаимопомощи II 313
Заводчиков и фабрикантов I 106, 132, 199, 209, 414, 428; II 44, 45, 69
«Знание» I 304
«Источник света и знания» I 254
«Наука» II 313, 314
Петербургское общество рабочих портняжного дела II 262
Пироговское общество врачей I 436
«Сампсониевское общество трезвости» I 78, 365
Старых большевиков (Ленинградское отделение) II 8
Отдел народного образования Выборгского района I 147, 150

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» I 425; II 11

Петроградская коммуна II 171, 173

Петроградское охранное отделение I 311, 312

Почтамт I 90, 350, 489, 529—532, 540; II 102, 305, 306, 308, 309

Почтово-телеграфное отделение 12-е II 304—306

Предпарламент II 110

«Приют православного братства» I 150

Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков (РСДРП (б)):

Бюро печати ЦК РСДРП(б) I 85, 89

Бюро ЦК РСДРП(б) см. Русское бюро ЦК

Военная комиссия ПК I 32

Военная организация при ЦК РСДРП(б) («Военка») I 244, 257, 261, 264, 266—268, 270, 329, 335, 455, 556, 557; II 87, 198

Военно-революционный центр ЦК РСДРП(б) II 30

Главный судовой коллектив РСДРП(б) I 329

Заграничный ЦК I 190

Исполнительные комиссии райкомов:

Василеостровского I 231, 246, 250

2-го Городского I 499

Выборгского I 82, 86

Московско-Заставского II 188

Нарвского I 19

1-го Городского I 416; II 250

Петербургского комитета I 6, 12, 14, 31, 32, 55, 60, 83, 163, 173, 230, 443, 447, 493; II 6, 17, 19, 83

Комитеты:

Безбородкинский подрайонный I 135

Брянский I 263, 265

Василеостровский районный I 59, 228—235, 237, 239—247, 249, 250, 252—257, 260, 262, 264, 274, 276, 280—282, 285, 286, 429; II 108—112

2-го Городского района I 184, 490, 497—514, 527, 530—532, 535; II 269, 297—300, 305, 308

Выборгский районный I 18, 25, 67, 68, 70—73, 75—79, 81—90, 92, 93, 106, 108, 111, 112, 122, 125—127, 129, 133—135, 137, 141, 143, 144, 148, 150, 153, 280, 383; II 12, 15—18, 25, 31, 37—39, 42, 43, 45, 46, 250

Гельсингфорсский I 333

Колпинский I 358, 360—364, 366, 369, 370; II 180—182

Кронштадтский I 172, 328, 331—335, 338—341, 343—354; II 142—148, 152—156, 158, 161—163, 175

Литейный районный I 455, 461

Московский I 174; II 22

Московского района (Московско-Заставский) I 7, 58, 59; II 185—190, 192—195, 198—200, 204—206, 209—213, 215, 216, 218, 224

Нарвский районный I 17—19, 157—161, 163, 164, 168, 169, 172, 173, 175, 177—180, 183, 185, 188—190, 198, 202, 207, 209—211, 215, 217, 219, 221, 224; II 58, 59, 61, 62, 66, 69, 70, 72, 76, 198

Невский районный I 300, 303, 304, 308, 313, 317, 323, 324; II 119, 122, 123, 127—131

Обуховский подрайонный II 119
Объединенный комитет с.-д. фрак-

ций высших учебных заведений (ОК) I 292, 293, 295; II 297
 1-го Городского района I 7, 412—419, 421, 424—426, 429—433, 437, 440, 444, 462, 463, 479; II 249, 250, 253, 269
 Петербургский (ПК) I 6, 7, 10, 11, 14, 16, 17, 19—26, 31—34, 40, 41, 46—50, 52, 55, 58—60, 63, 67, 71—73, 75, 83—89, 92—95, 97, 98, 100, 106, 109, 112, 113, 116, 124, 125, 135—137, 143, 161—163, 166, 167, 170, 173, 174, 177, 178, 183—186, 188—191, 195, 213, 215, 221, 227, 229—231, 233, 234, 244, 245, 247, 254, 280, 292, 294, 302—304, 307—311, 313, 314, 317, 324, 329, 331—334, 336, 343, 346, 362, 363, 369, 373, 375, 377—382, 385, 394, 399, 405, 416, 419, 425, 429, 431, 443—448, 450, 462, 465—467, 471, 476, 495, 498, 500, 501, 504, 507, 508, 532, 547, 549, 552, 554, 556, 557, 560, 561, 568; II 6, 17, 22, 24, 30, 38, 39, 59, 62, 64—68, 70, 73—75, 82, 83, 87—89, 91—96, 99, 105—107, 109, 111, 116, 122—124, 128, 130, 141—143, 161, 188, 189, 192, 197, 200—203, 205, 208, 209, 211, 219, 224, 250, 253, 260, 267, 269, 279, 297, 305, 313, 314, 320, 322, 324
 Петроградской стороны районный I 373, 374, 377—385, 399; II 240
 Рождественский районный I 7, 547—563; II 259, 314—325
 Сампсониевский подрайонный II 37
 Сестрорецкий II 7, 266, 267
 Финляндский I 59
 Центральный Комитет (ЦК) I 6, 7, 13, 25, 29, 31, 34, 41, 46—52, 57—61, 70, 79, 83, 86, 124, 125, 136, 137, 163, 169—171, 174, 175, 177, 178, 244, 245, 249, 255, 256, 258, 266, 329, 331, 333—335, 339, 343, 346—349, 351, 354, 361, 362, 382, 383, 399, 424, 425, 430, 440, 456, 466, 471, 472, 476, 507, 521, 550, 552, 557, 569; II 18, 20, 22, 27—30, 59, 60, 70, 74, 87—89, 91, 92, 94, 100, 105, 106, 109, 115, 116, 122—124, 131, 141—143, 160, 161, 192, 195, 197, 199, 201, 207, 209, 210, 212, 218, 222, 241, 253, 263, 267, 300

Контрольная комиссия райкома Петроградской стороны I 379
 Конференции:
 Апрельская VII I 35—40, 135, 160, 164, 229, 233, 235, 257, 292, 336, 361, 471; II 15, 47, 89—91, 106, 116, 191
 Всероссийская конференция военных большевистских организаций I 342
 Выборгской стороны партийная конференция I 81, 82
 Кинтальская I 81
 Колпинской организации РСДРП(б) II 181
 Московско-Заставского района партийная конференция II 189
 Петербургская общегородская II 63
 Петроградские:
 1-я (апрельская) I 36, 87, 164, 190, 229, 233, 241, 361, 419; II 116
 1-я Петроградская окружная губернская II 267
 2-я (июльская) I 10, 11, 169—171, 190, 203, 241, 264, 382, 558; II 193, 209, 299, 300
 3-я (октябрьская) I 169, 174, 175, 190, 244, 245, 369, 385, 559, 561; II 198
 Пражская II 51
 Циммервальдская I 81
 Экстренная партийная конференция I 178, 249
 Партколлективы (ячейки, парторганизации) РСДРП(б):
 Автоотдел ОТТО I 378, 381
 Адмиралтейского судостроительного завода I 502, 505
 «Айваз» завода I 67, 81
 «Анчар» завода I 162; II 52, 60
 Арматурного завода I 81
 Балтийского завода I 230, 237, 242
 Военно-врачебных заготовлений завода I 378, 381
 Высших женских Бестужевских курсов I 291, 292; II 80, 84, 85
 «Гейслера» завода I 373, 378, 381
 Горного института II 80
 Городского водопровода I 373
 Государственного банка II 324
 Государственной типографии I 378, 381
 Гребного порта I 230
 Гренадерского полка II 284

- «Грюн-Фавловский» завода I 378
«Динамо» завода II 190, 196
«Дюфлон» завода I 378, 381
Егерского полка II 284
Екатерингофской мануфактуры I 163
Ижорского завода I 357, 360, 361, 367; II 181
Измайловского полка II 284
Иолка завода I 232
Кабельного завода I 230, 233
Конфетной фабрики I 163
Костеобжигного завода I 163
«Лангензиппен» завода I 163, 378
Лесгафта курсов I 491, 492, 497; II 296
«Лесснер» заводов I 67, 81, 82, 86
Лиговского народного дома I 232, 441; II 249, 253, 255, 257
«Лоренц» завода I 375, 378, 381, 385, 395, 398, 399, 401, 402; II 230
«Мельцер» фабрики I 378, 381
Металлистов II 253
Металлического завода I 67, 70—74, 76, 80, 81, 138, 141
Монетного двора I 378, 381
Московского полка II 284
Народного комиссариата почт и телеграфа I 539
Николаевской железной дороги II 249
Нобеля завода I 81
Новой бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры I 428
Обуховского завода I 305; II 115, 119—121, 127, 128, 130, 131, 182
Оптического завода II 36, 37
Орудийного завода I 426, 427, 453—456
Павловского полка II 284
«Парвиайнен» заводов I 81, 91—95, 100, 106, 107, 143, 144; II 37, 43, 44, 46
Патронного завода I 426, 427
Пекарей Выборгского района II 250
Пекарей 1-го Городского района I 441; II 249
Петроградского полка II 284
Петроградского почтамта I 506, 530—532
Петропавловской крепости комендатуры I 378
Печаткина фабрики I 246; II 249, 254
Печатников 1-го Городского района I 441, 447; II 249
Портных II 249
Посселя завода I 230
Почтамта II 305, 307
Преображенского полка II 284
Проволочно-гвоздильного завода I 247
Путиловского завода I 17—19, 161, 162, 173, 189, 190, 213; II 52, 61—64, 66—70, 72
Путиловской верфи I 180, 215; II 61—64, 66, 67, 69, 70, 74
«Реню» завода I 116, 120, 123
Речкина завода II 190, 196, 211
«Розенкранца» завода I 67, 81
Североткацкой фабрики (б. Гук) I 238
Семянниковского завода I 310
Сестрорецкого завода II 166, 167
«Сименс и Гальске» I 239
«Сименс-Шуккерт» I 230; II 188, 190, 196, 211, 218—223
«Скороход» фабрики II 190, 196, 201, 202, 206, 211
180-го полка I 244, 261, 263, 265, 267, 268
Столярова обувной фабрики I 190
Строителей I 462—464
«Струк и Экваль» I 81
Тентелевского завода I 19, 162
Трамвайных парков:
Васильевского острова I 247, 254
Московской заставы II 190, 211
Петроградской стороны I 378, 381
«Треугольника» I 161, 162, 207
Трубочного завода I 230, 232, 239, 378
Тряпичной фабрики I 163
Университета I 233
«Феникс» завода I 67, 81, 127, 128, 131—135, 138
Фефелова завода I 378
Финляндского полка II 284
Франко-Русского завода I 491, 497, 498, 502, 505; II 302
Черниговского холодильника II 190
Швейников I 441
«Шредер» фабрики I 378
Щетинкина завода I 378, 381
Электростанции им. 1886 г. I 428
«Эрикссон» завода I 67, 81, 107, 109—114

- Русское бюро ЦК РСДРП(б) I 14, 21—23, 25, 83, 84, 449, 466; II 82, 83, 100, 265
- Следственная комиссия Петербургского комитета I 450
- Съезды:
- V съезд РСДРП II 263
- VI съезд РСДРП(б) I 13, 56, 57, 88, 171—174, 190, 221, 242, 243, 265, 284, 335, 346, 347, 349, 365, 366, 388, 426, 475, 503, 508, 557; II 22, 73, 130, 137, 153, 160, 195, 205, 212
- VIII съезд РКП(б) I 70
- X съезд РКП(б) I 508
- XVI съезд ВКП(б) I 126
- Типографии Петербургского комитета РСДРП(б):
- Новодеревенковская I 85, 446, 449
- Озерковская I 445, 446
- Охтинская II 253
- «Правды» I 51, 263, 474
- Школы партийные:
- Агитационно-пропагандистская школа Нарвского райкома I 156
- Партийная школа Васильевского острова I 240
- Школа агитаторов Колпинского комитета I 361
- Школа агитаторов Кронштадтского комитета I 334
- «Руководящий коллектив» I 442, 443, 446, 447, 451
- «Сампсониевское братство» I 145, 171
- «Свобода» партия I 400
- Санкт-Петербургское градоначальство I 442
- Сенат I 442, 489
- Синод I 489
- Советы:
- Военный Совет см. Военские части и учреждения
- Высший Военный Совет Республики см. Военские части и учреждения
- Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) I 212, 249, 427; II 240
- Государственный Совет I 53; II 60, 152
- Кронштадтская окружная конференция Советов I 369
- Межрайонное совещание Советов I 232, 234, 390, 558, 559; II 110, 235
- Совет народного хозяйства Василеостровского района I 249
- Совет Народных Комиссаров (СНК) I 63, 90, 126, 177, 212, 248, 274, 437, 440, 502, 507, 512, 536, 541, 548, 552, 558; II 39—42, 125, 137, 162, 169, 172, 218, 289, 290—292, 304, 308, 309, 323
- «Совет пяти» II 110
- Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов:
- Адмиралтейский I 502, 509
- Василеостровский райсовет I 232—235, 237, 239, 240, 242, 246, 249, 253, 262, 265, 276, 280, 282, 285—287; II 102, 103, 108, 109
- Всероссийский Совет крестьянских депутатов I 51
- 2-го Городского района I 497, 501—503, 505, 507, 509—512, 514, 531; II 301, 303, 307
- Выборгский райсовет I 84, 89, 90, 131, 135, 142, 147; II 45
- Елизаветградский Совет I 335
- Казанский Совет I 502, 509
- Коломенский райсовет г. Петрограда I 502—506, 509; II 302
- Колпинский Совет I 360, 365, 366, 368, 369; II 182
- Костромской Совет крестьянских депутатов II 145, 150
- Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов I 331, 332, 335—342, 344—346, 351, 353; II 142—156, 158—160, 162—165, 168, 169, 171, 174
- Лужский Совет II 214
- Московский Совет I 243, 350; II 20, 223
- Московско-Заставский райсовет I 52
- Нарвско-Петергофский райсовет I 167, 170, 176, 177, 199; II 55—57
- Невский (Обуховский) райсовет II 122, 127, 130, 131
- 1-го Городского района райсовет I 419—424, 428, 432, 437, 440, 456; II 258
- Петербургский Совет (1905 г.) I 72, 322, 491
- Петергофский Совет I 538
- Петроградский Совет I 8, 28—31, 33, 37, 41, 43, 44, 49, 50, 57, 61, 90, 131, 134, 137, 167, 178, 194, 207, 232, 243, 246, 247, 254, 262, 266, 270, 277, 320, 322, 323, 337, 343, 349, 350, 353, 360, 363—366,

- 370, 380, 386, 388, 405, 406, 408, 416, 418, 420, 425, 428, 432, 465, 466, 469, 470, 472, 474—476, 479—481, 483, 485, 502—504, 510, 516, 522, 551; II 12, 43—46, 53—55, 58, 59, 61, 69, 72, 74, 103—105, 107, 108, 110, 118, 122, 124, 125, 131, 143, 161, 182, 185, 192, 194, 196, 197, 199, 214, 223, 226, 259, 266, 282, 283, 285, 302, 303, 322
- Петроградской стороны Совет I 383, 384, 386—390; II 230, 233—237, 239
- Рождественский райсовет I 551, 554, 558—560; II 319
- Сестрорецкий Совет II 267
- Спасский райсовет I 502, 509
- Центральный Исполнительный Комитет Советов (ЦИК) I 50, 51, 137, 249, 256, 258—260, 263, 265, 266, 271, 541—548, 557, 558; II 59, 96, 109, 110, 152, 153, 210, 218, 244, 290, 295, 309, 323
- Черниговский Совет рабочих депутатов I 296
- Съезды Советов:**
- I Всероссийский съезд Советов I 47, 48, 235, 257, 362
- II Всероссийский съезд Советов I 7, 61—63, 90, 176, 247, 248, 266, 293, 353, 354, 536, 551, 552, 557, 567; II 30, 75, 92, 112, 125, 156, 327
- VII Всероссийский съезд Советов I 238; II 224
- I съезд Советов Северной области II 124, 131
- Советы старост на предприятиях:**
- Лангензипена I 387
- «Лоренц» I 401, 402
- «Парвизнен» заводов II 44
- Обуховского завода I 299, 300, 302, 303; II 126
- Путиловского завода I 199
- «Треугольник» I 207—210
- «Феникс» I 127, 128
- Франко-Русского завода II 301
- Советы фабрично-заводских комитетов:**
- Васильевского острова I 231, 250
- Петроградский II 267
- Центральный I 41, 42, 427, 557
- Страховой совет I 94, 182
- Союз владельцев прачечных заведений I 480, 483
- «Союз городов» I 422, 481, 482, 484
- «Союз Михаила архангела» I 414, 441, 479
- «Союз русского народа» I 414, 441
- Союз фабрикантов и заводчиков см. Общество заводчиков и фабрикантов
- Союз фабрикантов-текстильщиков I 406
- Союзы (профессиональные):**
- Автомобилистов и автомехаников II 319
- Архитектурно-строительный I 468
- Булочников I 430, 468; II 250, 254, 258
- Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС) I 208, 268, 468, 473—475
- Грузчиков I 558
- Деревообделочников I 161, 209, 430, 467, 468, 470
- Железнодорожников I 467
- Инженеров I 208
- Кожевников I 467, 470; II 269
- Картонажников I 468
- Кондитеров II 258, 259
- Конторских служащих II 268, 281
- Конторщиков фирмы «Треугольник» I 208, 211, 469
- Кочегаров I 209
- Мастеров I 208, 211
- Металлистов I 41, 52, 56, 135, 136, 160, 200, 208, 282, 402, 430, 467, 468, 470, 507, 561; II 69—71, 74, 75, 126, 218, 250, 259, 269, 290
- Пекарей II 254, 259
- Петроградский Совет профессиональных союзов I 41, 475
- Печатников I 441, 442, 468, 479; II 250
- Пищевиков I 467, 558, 561; II 258, 259, 320
- Поденщиков I 469
- Портных I 467, 477; II 250, 260
- Почтово-телеграфных работников II 305
- Почтово-телеграфных служащих I 178, 179, 468, 529—531, 536
- Почтово-телеграфных чиновников I 530
- Прачек I 447, 478—486
- Приказчиков - мануфактуристов II 267, 269—272

- Приказчиков-съестников II 267, 269—271, 273
 Приказчиков-хозяйственников II 267, 269—271, 281
 Работников городского хозяйства I 252, 253
 Рабочих мучных изделий II 252
 Связи I 529, 537, 543
 Сельскохозяйственных рабочих II 284
 Служащих «Зингер» I 469
 Служащих частных банков «Кредиттруд» II 289, 294, 295
 Строителей I 209, 430, 464—467, 469, 470, 474—476; II 282, 284, 285
 Табачников I 40, 561; II 259
 Текстильщиков I 430, 467, 470
 Торгово-промышленных служащих I 467; II 268, 269, 275, 280
 Торговых служащих трактирного промысла II 267, 270, 281
 Трамвайщиков I 250
 Транспортных рабочих II 319
 Учителей I 153
 Химиков I 208, 209
 Центральное бюро профсоюзов I 465, 467—473
 Центральный комитет профсоюза связи («Цекапочтель») I 530, 532, 535, 536, 539—543; II 309
 Церковных служащих I 469
 Швейников II 261
 Швейных работников «Игла» I 418, 424
 Шоферов I 502
 Электриков I 467
- Суды:
 Московская судебная палата II 263
 Народный суд Выборгского района I 437
 Народный суд 1-го Городского района I 437—440, 458
 Окружной суд I 414; II 98, 101
- Съезды:
 Партийные см. РСДРП(б)
 Почтово-телеграфных работников I 530, 539, 540, 542, 543; II 309
 Приказчиков II 275
 Работниц I 551
 Работниц и крестьянок Северной области I 555
 Советов см. Советы рабочих и солдатских депутатов
- Торгово-промышленных служащих I 421
- Телефонные и телеграфные станции:
 Московская телефонная станция I 535
 Петроградская центральная телеграфная станция I 138, 269, 489, 531—534, 572; II 308, 322
 Петроградская центральная телефонная станция I 90, 138, 269, 285, 489, 506, 507; II 216, 322
- Трибуналы:
 Верховный II 174
 Петроградский революционный I 233
- Украинская рада II 155
- Управления:
 Петроградское губернское жандармское I 295, 414, 479, 493
 Полицейское управление г. Торжок II 42
- Управы:
 Александро-Невская управа I 458
 Василеостровская районная II 110
 Выборгская продовольственная II 39
 Выборгская районная I 135, 146—150
 Казанско-Коломенская районная II 300, 301
 Лесново-Удельнинская районная II 29, 30
 Литейная районная I 458
 Московская районная I 458
 Нарвская продовольственная I 180
 Нарвская районная II 56
 Петроградская городская I 252, 253, 504
 Петроградская городская продовольственная I 469
 Петроградской стороны продовольственная I 389
 Сестрорецкая земская II 266
 Центральная городская управа см. Петроградская городская управа
- Учебные заведения:
 Гимназии:
 Агаповой частная гимназия II 296
 Кузнецовой прогимназия II 136
- Институты:

Горный I 227, 292, 503, 508; II 79—81, 83, 102
 Женский медицинский I 257, 378, 513; II 80, 237
 Политехнический II 14, 15, 297
 Психоневрологический I 552
 Путей сообщения II 171
 Сельскохозяйственный I 295, 493
 Технологический I 46, 75, 417, 430; II 210
 Консерватория I 491
 Курсы:
 Высшие женские Бестужевские курсы I 35, 234, 287, 291—296; II 79, 80, 102
 Высшие женские курсы Лохвицкой-Скалон I 415—417, 430, 431, 480, 494
 Женские политехнические курсы I 494
 Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования П. Ф. Лесгафта I 184, 292, 491, 492, 494, 495, 497, 499, 506, 513, 527; II 296, 297, 300
 Техникум (Александровский) I 427
 Университеты:
 Бернский I 421
 Лугутинский народный I 14, 145
 Петроградский I 227, 233, 234, 290; II 80, 102
 Шанявского II 267

Печать

Газеты:

«Биржевые ведомости» I 77, 214, 346, 441
 «Вестник приказчика» II 270, 272, 274—279
 «Вечернее время» I 77, 472; II 272, 273
 «Воля народа» II 149
 «Голос правды» I 332, 333, 335, 345, 346; II 142, 146, 148, 149
 «Голос солдата» I 263
 «Дело народа» I 399, 558
 «День» I 96, 224
 «Деревенская беднота» II 92
 «Единство» I 339
 «Живое слово» I 51, 259; II 247
 «Звезда» II 247, 260, 278
 «Известия ВЦИК» I 345
 «Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депу-

Училище:

Васильевское коммерческое II 100, 102, 111
 Выборгское коммерческое I 146
 Первое реальное II 111
 Генишевское театральное I 14, 15, 430; II 203

Школы:

Воскресная школа при курсах Лесгафта II 296
 Грамоты на заводе «Розенкранц» 151, 152
 Корниловская вечерняя I 301—304, 307—313, 317, 319, 320, 322
 Путиловского завода I 218
 Путиловской верфи I 218, 223
 Рабочая школа на Трубочном заводе II 84
 Рабочих-подростков завода «Нобель» I 149

Учредительное собрание I 43—45, 53, 133, 153, 179, 180, 220, 272, 296, 432, 433, 469, 470, 508, 566; II 92, 121, 143, 144, 151, 212, 290, 295, 321

Центральная счетная комиссия по выборам в Учредительное собрание I 433

Центральный комитет партии эсеров I 334

Части полицейские:

Александровская I 317; II 133
 Коломенская I, 31, 375, 498
 Новодеревенская I 393
 Суворовская I 191

татов» I 333, 344; II 148, 149, 151, 152, 173

«Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» I 31, 85, 195, 480, 547, 558; II 47, 102

«Коммунист» I 508

«Копейка» I 77, 82, 96

«Луч» II 247

«Маленькая газета» I 77, 283, 472

«На страже» II 109

«Новая жизнь» I 60, 124, 195, 264, 558; II 104

«Новое время» I 77, 214, 441; II 110

«Окопная правда» I 195, 197, 198, 265, 399, 423; II 115

«Петроградский листок» II 274

«Правда» I 32, 33, 40, 75, 77, 78, 86—88, 91, 121, 151, 152, 171, 183,

186, 191, 195, 208, 229, 234, 237, 242, 254, 255, 258, 260, 266, 281, 289, 303, 332, 344, 346, 362, 363, 377, 380, 385, 416, 421, 424, 463, 467, 471, 473, 474, 518, 519, 549, 551, 553, 563; II 7, 44, 46, 58, 61, 71, 103—109, 115, 121, 130, 134, 135, 159, 160, 194, 195, 197, 205, 208, 211, 221, 247, 249, 255, 256, 257, 260—262, 269, 270, 273, 274, 278, 284, 298, 300, 306, 318

«Пролетарий» II 109

«Пролетарский голос» I 13, 190, 295, 441, 444—447, 449, 450, 493, 495

«Пролетарское дело» I 346, 347, 350; II 142, 148, 160

«Рабочая газета» I 399; II 104

«Рабочий» I 266, 349; II 109, 195

«Рабочий и солдат» I 242, 265, 382, 388, 424, 558

«Рабочий путь» I 57, 270, 285, 553, 560; II 30, 31, 197

«Речь» I 77, 195, 214, 346, 441, 472

«Русская воля» I 77, 266, 472

«Русское слово» II 110

«Сельский вестник» II 103

«Современное слово» I 82

«Солдат» I 266, 267, 270

«Солдатская газета» I 78

«Солдатская правда» I 33, 256, 257, 259, 262, 275, 434, 549, 551, 556; II 87, 103, 106

«Социал-демократ» I 13, 19, 21, 75, 190, 295, 304, 373, 463; II 253

Журналы:

«Вестник портных» II 261

«Вестник Совета 1-го Городского района» I 432

«Вопросы страхования» I 16, 94,

«Исторический архив» II 197

«Коммунист» I 190

«Красная летопись» I 394

«Летопись» I 311, 312

«Наше слово» I 312

«Почтово-телеграфная трибуна» I 530, 531

«Пролетарий иглы» II 260

«Просвещение» II 252

«Работница» I 550, 551; II 37, 277

«Рабочий голос» I 444; II 249

«Строитель» I 474

«Юный пролетарий» I 222, 223, 290

Издательства:

«Девриена» II 31

«Знание» I 195

«Прибой» I 240, 255, 285, 347, 418; II 94, 104, 109, 112, 298, 306

Воинские части, организации и учреждения

Армии:

IX-я I 195, 196; II 128

XII-я I 422, 424, 431; II 128, 224

Арсеналы:

Кронверкский I 376, 389

Новый I 430

Сестрорецкий II 265

Артиллерийское управление I 107, 411, 426, 427, 451, 452, 455

Балтийский флот I 14, 41, 71, 117, 237, 244, 327, 329, 339, 350, 557, 560; II 104, 163, 173, 327

Батальоны:

Женский I 390, 569, 570

Огнемётно-химический I 391

5-й запасной I 333

Самокатный I 85

Сапёрный I 50, 481; II 174, 175

Бригады:

2-я гвардейская пехотная I 269

Особая бригада ВЦИК II 104

Бронедивизион I 30, 32, 85, 521, 566, 567; II 87

«Военка» см. РСДРП(б)

Военная организация Нарвско-Московского района II 198

Военное ведомство I 451

Военный комиссариат Василеостровский I 250

Военные округа:

Петроградский I 104, 106, 129, 180, 193, 251, 262, 263, 269, 273, 474; II 64, 169, 171

Ярославский I 422

Войско Донское I 569

2-я школа гардемарин I 146, 404

Главное военно-инженерное ведомство I 375

Дивизии:

«Дикая» I 426, 505, 523—525; II 191, 213, 214

Донская II 214

Таманская I 429

Дружины:

88-я I 244

90-я I 244

Комитеты:

Военно-морской комитет Кронштадтского порта II 174

Кронштадтский военный II 143

Корабли:

«Аврора» I 60, 253, 271, 390, 500, 505—507, 526; II 302, 303

«Азия» I 332

«Амур» I 353

«Гангут» I 311

«Диана» I 330

«Зарница» I 353; II 172

«Заря свободы» I 348, 352

«Николаев» I 332

«Океан» II 104

«Олег» II 172

«Прозорливый» I 353

«Прочный» I 353

«Республика» II 173

«Рында» I 332

«Рьяный» I 353

«Хопер» I 353

Корпуса:

Морской корпус I 40, 234, 235; II 115, 121, 320

1-й армейский I 571

3-й конный II 223

Курсы:

Вторые советские артиллерийские I 224

Первые советские пехотные Петроградские II 244

Петроградские военно-инженерные II 132

Морское ведомство II 179, 181, 182

Николаевская военная академия I 553

Отряды:

Партизанский им. ССРМ II 242

Учебно-артиллерийский I 353; II 143

Учебно-минный I 330

Полки:

1-й пехотный запасной I 257

1-й пулеметный I 48, 123, 169, 233, 255, 342, 343, 382; II 60, 205, 299

2-й пулеметный I 255

1-й социалистический пулеметный II 260

2-й артиллерийский II 143

2-й крепостной I 330

31-й Сибирский II 150

178-й пехотный I 125

180-й пехотный I 234, 237, 240, 244, 247, 251, 253, 260, 261, 263, 264, 266—268; II 107

181-й пехотный I 115, 118, 119, 311

Волынский I 26, 30; II 52, 101, 104, 293

Гренадерский I 130, 257, 269

Егерский I 266, 429; II 198

Измайловский I 26, 32, 202, 366, 367, 429; II 199, 215, 220, 224, 283

Кавалергардский II 320, 321

Кексгольмский I 273, 429, 489, 532, 533, 534; II 216, 305

Конногвардейский I 489

Кронштадтский артиллерийский I 353

Латышский II 171, 176, 293, 294

Литовский I 129, 130, 429; II 101, 104

Московский I 123, 130, 269; II 17

Павловский I 25, 50, 130, 202, 203, 269, 390, 489, 515—521, 526, 562; II 52, 74, 226, 293

Петроградский I 51; II 199, 215, 224

Преображенский I 26, 429, 547, 553; II 101, 104

Семеновский I 26, 216, 217, 266, 429; II 220

Финляндский I 130, 237, 240, 244, 247, 260—263, 268—277, 280; II 100, 107, 292

Ревком Финляндского полка I 274

Роты:

Запасная I 429

Кольская II 149

4-я рота Павловского полка I 514

4-я рота 1-го пулеметного полка I 122

Советы:

Военный совет Петроградского района II 174

Высший Военный Совет Республики II 174

Совет военных депутатов I 331

Училища военные:

Артиллерийское II 32, 308

Владимирское юнкерское I 267, 268, 272, 285, 391, 404, 405, 456; II 231—233, 235

Военно-инженерное I 331
Гардемаринов I 514
Кадетское морское I 404
Константиновское I 224, 285
Михайловское артиллерийское I
89, 134, 266, 456
Николаевское кавалерийское юн-
керское I 177; II 199, 216
Павловское юнкерское I 268, 391;
II 235, 238, 244

Форты:

Ино II 161—176
Красная Горка II 144, 161, 162, 169,
175, 176

Фронты:

Восточный I 501, 503, 508, 509
Западный I 571
Кавказский I 566
Калединский II 238

Псковский I 501, 503
Уральский II 107
Южный I 254, 566; II 107, 155, 234
Центробалт I 271, 353; II 144

Штабы:

Генштаб I 571
Главный морской штаб I 329
Главный штаб I 150, 489, 568; II
112
Крепости Кронштадт II 161, 163, 165
Обороны Петрограда II 259
Петроградского военного округа
I 383, 384, 556, 557, 571; II 233
Штаб восстания I 506, 507

Экипажи:

1-й Балтийский I 330
2-й Балтийский I 261, 273, 489, 505
2-й Гвардейский флотский II 53,
54

Указатель важнейших объектов, связанных с революционным движением в Петрограде

Адмиралтейство I 26, 315; II 180, 285

Вокзалы:

Варшавский I 175; II 199, 216, 224

Николаевский I 140, 316, 397, 430;
II 52, 68, 101, 179, 180

Приморский II 20, 21

Финляндский I 33, 34, 78, 118, 121,
129, 190, 209, 334, 418, 419; II 12—
14, 70, 105, 128, 133, 189, 204, 316

Ворота (Заставы):

Нарвские I 59, 170, 172, 218; II 55,
60, 67, 68, 76, 259

Невские II 134

Триумфальные I 45

Гостиницы:

«Астория» I 320, 506, 507, 514; II
199, 291

«Палермо» II 268

«Северная» II 179

«Хива» II 268, 270

Гостинный двор I 499, 505; II 157

Дача (местечко) Киновия-Уткина II
268

Дворцы и особняки:

Аничков I 398

Апраксиной II 99

Дурново I 136

Зимний I 60, 62, 90, 138, 175, 202,
211, 244, 245, 247, 253, 257, 269—
272, 285, 389, 390, 391, 456, 457,

503, 506, 507, 514, 517, 526, 527,
549, 552, 564, 566, 568—573; II 39,
94, 112, 131, 156, 199, 216, 224, 231,
233, 235, 241, 303, 308, 322, 326

Кшесинской I 6, 32, 34, 39, 50, 78, 79,
87, 123, 125, 134, 136, 163, 237,
257—261, 334, 343, 344, 363, 379,
382, 383, 399, 403, 404, 466, 471,
473, 504, 521, 551, 556; II 47, 70,
88, 89, 105, 107, 117, 209, 299, 318

Мариинский I 44, 262, 269; II 107

Смольный I 61, 62, 89, 90, 125, 126,
153, 175, 176, 178—190, 222, 247,
253, 269, 271, 272, 274, 285, 350,
369, 370, 404, 430, 431, 476, 508,
513, 526—528, 548, 552, 558, 561,
562, 564, 566—568, 573; II 30, 31,
39—42, 75, 91—100, 110, 112, 125,
131, 138, 182, 199, 225, 226, 235,
267, 291, 293—295, 303, 307, 308,
322, 323, 325, 327

Таврический I 26—29, 35, 49, 50,
61, 82, 123, 134, 141, 169, 170, 180,
203, 210, 216, 238, 256, 257, 295,
321, 344, 350, 453, 466, 471, 505,
516, 548, 555; II 53, 54, 60, 101,
103—108, 194, 210, 300

Юсупова I 463

Железные дороги:

Балтийская I 176; II 199, 215

Варшавская I 176; II 199, 215, 217

Николаевская I 429; II 124

- Финляндская I 150; II 21
- Кинотеатры:
- «Звездочка» I 480
- «Ренессанс» I 468
- Крепости:
- Кронштадтская I 327, 345
- Петропавловская I 26, 88, 258, 259, 271, 272, 370, 376, 389, 404, 405, 453, 514—516, 526, 557; II 41, 88, 112, 160, 224, 232
- Шлиссельбургская II 305
- Места конспиративных встреч:
- Безбородкинский проспект, д. 14/16 (кв. Абрамова) II 252, 254
- Безбородкинский проспект (кв. Данилова) I 72
- Болотная улица, д. 13/17 II 30
- Большой проспект Васильевского острова, д. 88 I 229
- Волковское кладбище I 464
- Выборгская сторона (кв. И. Ф. Антюхина) I 81, 84
- Выборгское шоссе, д. 14 (кв. Н. И. Кокко) II 25
- Выборгское шоссе, д. 106 (кв. М. И. Калинина) II 28
- Головинский переулок (кв. И. И. Александрова) I 83
- Деревня Волынкина (кв. Ф. Соловьева) I 215
- Лесное (кв. И. Орлова) I 67
- Лештуков переулок, д. 11 II 254
- Ломанский переулок, д. 46 (кв. Г. Э. Ялавы) II 26, 27
- Ломанский переулок, д. 4 (кв. В. П. Виноградова) I 69, 75
- Набережная реки Карповки, д. 25 (кв. Сулимовых) II 17, 18
- Набережная реки Карповки, д. 32 (кв. Г. К. Флаксерман-Сухановой) II 27
- Нарвский проспект (кв. Ведерникова) I 20
- Полюстровский проспект, д. 38 II 254
- Петергофское шоссе, д. 2 I 59, 172
- Преображенское кладбище I 443
- Ресторан «Ивановский» II 268, 269
- Сердобольская улица, д. 35 (кв. Д. А. Павлова) I 83; II 30
- Сердобольская улица, д. 1/92 (кв. М. В. Фофановой) II 19, 23, 24, 30—33
- Сердобольская улица (кв. Сергеевой) I 69
- Симбирская улица, д. 12/4 (кв. С. И. Радченко) II 11
- Суворовский проспект, д. 40
- Тихвинская улица, д. 11 (кв. В. П. Виноградова) I 72
- Трактир «Капернаум» II 249
- Трактир «Озеро Селитер» II 268—270
- Херсонская улица, д. 5 (кв. В. Д. Бонч-Бруевича) I 562; II 322, 326, 327
- Чайная «Кострома» I 462
- Чайная «Цвежок» II 268, 269, 276, 280
- Широкая улица, д. 48 I 144, 145; II 15
- Языков переулок, д. 2 (кв. В. Н. Каюрова) I 84, 85; II 17
- Ярославское шоссе, д. 11 (кв. Г. Э. Кальске) II 20, 21
- Мосты:
- Биржевой I 343
- Аничков II 68
- Дворцовый I 247, 376; II 108, 112
- Литейный I 129, 130, 140, 256, 452; II 106
- Николаевский I 237, 247, 376; II 303
- Сампсониевский I 34; II 31
- Троицкий I 256, 403, 514, 557; II 106, 233
- Набережные:
- Николаевская I 270
- Полюстровская I 74
- Университетская I 343
- Обводный канал I 206
- Площади:
- Дворцовая II 108, 191, 233
- Знаменская I 23, 25, 140, 315, 316, 397, 465; II 52, 101, 117, 179
- Исаакиевская I 44; II 108, 118, 191
- Казанская I 24, 25, 140, 251, 497; II 118
- Марсово поле I 47, 121, 134, 202, 218, 252, 281, 336, 393, 424, 470, 491, 514—516, 520, 526; II 54, 106, 121, 129, 191, 193, 222, 233, 318
- Михайловская I 252
- Покровская I 505
- Сенная I 170; II 300
- Театральная II 191
- Троицкая I 258
- Якорная I 41, 331, 334, 337, 343; II 144, 146, 147, 158
- Проспекты:
- Александровский I 376

Алекسانдро-Невский (Старо-Невский) I 317; II 179
Английский I 499
Безбородкинский I 74, 128, 129, 136, 139, 140
Большой Васильевского острова I 130, 237; II 102, 297
Большой Петроградской стороны I 376; II 243
Большой Сампсониевский I 85, 86, 88, 89, 118, 129, 148; II 15, 37
Вознесенский II 180
Екатерингофский I 17; II 53
Забалканский II 219
Загородный I 195; II 210
Каменноостровский I 376, 396; II 229
Кронверкский I 343, 376
Лесной I 103, 130
Литейный I 49, 51, 129, 344, 397, 453, 555; II 30, 106, 108, 117, 210, 317
Малый Васильевского острова I 244, 285
Нарвский II 55
Невский I 22—26, 49—51, 83, 84, 122, 129, 140, 210, 220, 238, 251, 315, 316, 349, 376, 396—398, 453, 497, 515, 555; II 52, 53, 60, 67, 68, 72, 101, 107, 108, 112, 117, 179, 180, 210, 229, 230, 232, 300, 314, 317
Петергофский II 55
Средний Васильевского острова II 101, 108
Суворовский I 251; II 314
Финляндский I 88
Шлиссельбургский II 127

Станции:

Белоостров II 266
Ино II 167, 169, 171, 172
Лахта II 265, 268
Полюстрово II 268
Разлив II 20, 21, 265, 267
Удельная I 84; II 20, 21

Тюрьмы:

Второго комендантского управления I 264—266
Дом предварительного заключения I 414, 428, 459, 461; II 280
Женская Выборгская тюрьма I 184, 293, 384, 495—497; II 75, 76
Инженерный замок I 223, 405
«Кресты» I 130, 131, 141, 161, 450, 451, 465; II 42, 53, 54, 295, 297

Литовский замок I 129, 206, 207; II 53
Новая женская тюрьма II 85
Орловский пенитенциарий I 429
Первого комендантского управления I 264—266
Петербургская женская тюрьма им. 300-летия дома Романовых см. Женская Выборгская тюрьма

Улицы, переулки:

Батенина I 118
Б. Гребецкая I 407
Б. Дворянская I 403
Б. Монетная I 376
Болдырев пер. I 373
Бронная I 494, 495, 497
Греческая I 397
Заставская II 219
Кавалергардская I 78
Карповка II 123
Кирочная I 314; II 30, 210, 306
Конюшина I 480
Лиговская I 315; II 52, 179, 180
Лицейская I 85
Миллионная I 526; II 233
Мойка I 86; II 108
Моховая I 461
Надеждинская II 210, 317
Нижегородская I 129, 140
Николаевская I 480; II 210
Павловская I 330
Пантелеймоновская I 344
Садовая I 50, 210, 238, 252; II 60, 72, 101, 117, 180
Сергиевская I 453
Серпуховская II 273
Симбирская I 129, 130; II 33
Спасская I 391
Суворовская I 450
Тимофеевская I 74, 79
Тихвинская I 136
Фонтанка II 180
Фурштатская I 347, 373; II 94
Цветочная II 207, 221
Церковная I 376
Школьная (Новая Деревня) I 392
Школьный пер. I 191
Шпалерная II 210

Цирки:

«Модерн» I 261, 381, 383, 389, 399, 466, 480; II 47, 117, 285
«Чинизели» I 512; II 117
Шоссе Петергофское I 176, 216, 220; II 67—69

Содержание

Предисловие	5
-----------------------	---

Выборгский район

<i>М. В. Фофанова.</i> В. И. Ленин на Выборгской стороне в 1917 г. (памятные места)	11
<i>А. Ф. Смородкина.</i> Рабочие-подростки с Оптического завода . . .	33
<i>А. А. Бабицын.</i> Первые шаги завкома «Нового Парвизай- нена»	42

Нарвско-Петергофский район

<u>П. П. Александров.</u> От Февраля к Октябрю	51
<i>И. В. Иванов.</i> На судостроительной верфи Путиловского завода	61
<i>М. Ю. Бобе.</i> Первые дни Февраля	75

Василеостровский район

<i>В. Ф. Алексеева.</i> От конспиративной работы в подполье до Смольного	79
<i>П. А. Лурье.</i> Листая дневник 1917 г.	100

Невский (Обуховский) район

<i>А. Г. Гундоров.</i> Борьба за массы	115
<u>А. А. Антонов.</u> Воспоминания комиссара ВРК Обуховского завода	119
<i>Н. П. Капранов.</i> Незабываемое	125
<i>Л. П. Янов.</i> Вместе с отцами	132

Кронштадт

<u>П. Ф. Зинченко-Островская.</u>	Кронштадт революционный . . .	141
<i>И. В. Андреев.</i>	Рабочие Кронштадта в 1917 г.	157
<i>В. А. Церешко.</i>	Взрыв форта Ино	161

Колпинский район

<i>П. И. Зубков.</i>	Рабочий комитет Ижорского завода в феврале — октябре 1917 г.	179
----------------------	---	-----

Московско-Заставский район

<i>В. Т. Крупский, Д. М. Овчаров.</i>	Большевистская организация Московской заставы в 1917 г.	185
<u>М. Н. Федоров.</u>	Из жизни Московско-Заставского райкома РСДРП(б) в 1915—1917 гг.	200
<u>Л. Г. Ханин.</u>	Пережитое	205
<u>А. Н. Клевядо.</u>	Московская застава в боях за Октябрь	216

Петроградская сторона

<i>Ю. В. Пулисар.</i>	Эпизоды февральских событий	229
<i>Д. И. Семенов.</i>	Последний очаг сопротивления	231
<i>М. И. Баснина.</i>	Молодежь в строю борцов за Великий Октябрь	232
<i>Г. К. Карманов, М. М. Тимофеев.</i>	Будни летучего отряда	234
<i>Е. П. Михайлова-Лисенкова.</i>	Девушки пролетарского Красного Креста	237
<u>А. Л. Александрова.</u>	Активисты молодежи Петроградской стороны	239
<u>М. П. Александров.</u>	Союз молодежи Петроградской стороны . .	241

Первый Городской район

<u>Б. И. Иванов.</u>	Нелегальная работа в Лиговском народном доме в 1914—1917 гг.	247
<u>Н. И. Ионов.</u>	О рабочей газете «Правда» (1912—1914 гг.) . . .	260
<u>А. А. Андреев,</u>	<i>А. А. Палкин.</i> Память сердца	262

<i>А. И. Балагуров.</i> Профессиональные союзы торговых служащих в 1912—1915 гг.	267
<i>Н. П. Богданов.</i> О землячествах	281

Второй Городской район

<u><i>А. М. Гиндин.</i></u> Национализация частных банков (события 14 де- кабря)	289
<i>Р. В. Иоффе.</i> О партийной работе в районе	295
<i>А. А. Дановская.</i> Воспоминания о боевой молодости	301
<i>И. С. Германов.</i> Воспоминания письмоносеца	304

Рождественский район

<i>Е. М. Соловей.</i> Большевики Рождественского района в период подготовки Октября	313
<i>И. С. Кобозев.</i> Группа особого назначения	325

Приложения

Краткие биографические сведения об авторах	331
Именной указатель	337
Указатель предприятий, учреждений и организаций	358
Указатель важнейших объектов, связанных с революционным дви- жением в Петрограде	378

В11 **В огне революционных боев.** (Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.). Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев. Ред. коллегия: Ф. Н. Петров (глав. ред.) и др. Отв. составители Е. Р. Левитас и О. А. Стецкая. М., «Мысль», 1971. 383 с. с илл. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Воспоминания большевиков — участников борьбы за победу Великого Октября воссоздают многие эпизоды героической борьбы за свержение царизма и власти Временного правительства. Авторы представляют читателю значительный материал о событиях, фактах и людях, участвовавших в революционном подполье, двух революциях 1917 г., первом периоде становления Советской власти. Многие страницы книги посвящены деятельности В. И. Ленина в Петрограде в 1917 г., уверенно направляющего партию на победу социалистической революции.

Книга тематически продолжает сборник воспоминаний большевиков-питерцев, выпущенный под тем же названием издательством «Мысль» в 1967 г.

1-6-4
134-71

ЗКП1—6+ЗКП1—7

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЕВ

(Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.)

Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев

Редакторы *Л. Н. Винокур, Г. И. Пылаева*

Младшие редакторы *С. С. Игнатова, В. М. Кузнецова*

Оформление художника *Г. М. Чеховского*

Художественные редакторы *А. А. Брантман, М. Н. Сергеева*

Технический редактор *С. П. Лебедева*

Корректор *Л. Ф. Кирилина*

Сдано в набор 5 апреля 1971 г. Подписано в печать 13 августа 1971 г. Формат бумаги 70×90^{1/16}. № 1. Усл. печатных л. 29,105 с вкл. Учетно-издательских листов 26,83 с вкл. Тираж 14 000 экз. А11927. Цена 1 р. 25 к. Заказ № 389.

Издательство «Мысль». Москва В-71, Ленинский проспект, 15. Типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Москва, Мало-Московская, 21.

1p. 25x.